

Виктор Сокирко и Лидия Ткаченко

Жизнь и поражения советского
инакомыслящего

Шабашки, дети и окружающий мир

Том VII

Москва, 2016

Оглавление

ПРЕДВАРЕНИЕ К ТОМУ 7	4
ШАБАШКА НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ, 1974 Г.	5
ХАБАРОВСКАЯ ШАБАШКА В ПИСЬМАХ С ТЕКСТАМИ СЦЕНАРИЯ ДИАФИЛЬМА «ХАБАРОВСК» («ДАЛЬНИЙ ВОСТОК»)	5
ОПЫТ ПЕЧОРСКОЙ ШАБАШКИ 1975 Г.	71
ШАБАШКА И ЭКОНОМИКА СТРАНЫ	71
СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «ПЕЧОРА-ОНЕГА»	82
ВТОРАЯ ПЕЧОРСКАЯ ШАБАШКА, 1976 Г.	91
КАСПИЙСКАЯ ШАБАШКА. 1979 Г.	154
ВИТИН ДНЕВНИК С ЗАЗЫВНЫМ ПИСЬМОМ И МОЙ «ОТЧЁТ» М.И.	154
СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «НАША ГАЛЯ. 1977 Г.»	178
О НЕУДАЧНЫХ ШАБАШКАХ 1982- 1983Г.	188
СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «ДУСТЛИК, 1982Г.»	235
СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «ШАБАШКА В НОВОМ УЗЕНЕ. 1983Г.»	240
РАЗНЫЕ СЦЕНАРИИ ДИАФИЛЬМОВ 70-Х	249
СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «НАШИ ВСТРЕЧИ СО СРЕДНЕЙ АЗИЕЙ»	249
СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «ТЯНЬ-ШАНЬ + ИССЫК-КУЛЬ»	286
СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «ОГНИ БАКУ»	307
СЦЕНАРИИ ДИАФИЛЬМОВ О ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ	327
АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ (БАКИНСКАЯ ЛЮБОВЬ)	327
ЛЕЗГИНЫ	351
АВАРЦЫ (ЧАБАНЬИ ГОРЫ). НАЧАЛО.	371
АВАРЦЫ (ХУНЗАХ, БОТЛИХ). ПРОДОЛЖЕНИЕ.	389
ЧЕЧЕНЦЫ-ИНГУШИ	404
СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «ЛЕНИНГРАД», В 4-Х ЧАСТЯХ, 1976 Г. ...	438
«ЛЕНИНГРАД. Ч.1. ПЕТРА ТВОРЕНЬЕ»	439
«ЛЕНИНГРАД, Ч.2. ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА»	456
«ЛЕНИНГРАД, Ч.3. НАРОДНАЯ ВОЛЯ»	472
«ЛЕНИНГРАД, Ч.4. БЫВШАЯ СТОЛИЦА»	487

Предварение к тому 7

В том 7, как и в тома 5и 6 составленной Витей подборки «Жизнь и поражения советского инакомыслящего», включены материалы нашего самого активного и напряжённого четвёртого десятка жизни. В 1974г. перед моими последними родами мы решились на вступление в жилищно-строительный кооператив (ЖСК), и как говорит наша старшая дочка: «Кто честно идёт своим путём, тому Бог помогает». А помогает он, как я успела осознать, усилиями добрых людей: мама моей подруги случайно увидела объявление (редкое тогда) о приглашение в ЖСК, а родные и знакомые собрали деньги на первый взнос (не ожидая от нас процентов). Кто как, а мы могли отдать долг лишь Витиными шабашными заработками. Так ожидаемый ребёнок (опытная акушерка нашла внутри меня и второго ребёночка на 3,1кг, а врачи не находили или почему-то умалчивали) позвал Витю на шабашную работу, работу вздох, до предела сил. И тело, и дух его справились, выдержали, окрепли. В нашей переписке, в диафильмах, в послешабашных итоговых оценках в едином потоке переплетаются наши семейные нити, детские голоса и заботы, отношения с подаренными судьбой людьми и размышления (Витины) о жизненных ценностях.

Витя потом пять раз отправлялся на шабашки, а в 1976 и в 1979гг., накопив много отгулов, мы ещё и реализовали свою туристскую страсть - нам удавалось пройти по невиданным ранее местам, увидеть их своими глазами и глазом фотоаппарата, проявить огромное количество фотоплёнок и записать диафильмы (**см. Приложения**).

В машинописный том были включены все диафильмы о наших детях, а в этот только про Галю. Так что Гале приходится держать всю смысловую нагрузку, заключающуюся в понятии «дети». Да и в жизни у неё, как средней из наших детей, на одной руке часто висели детки, звавшие её «вторая мама», а вторая рука присоединяла старшего брата к детскому сообществу.

Шабашка на Дальнем Востоке, 1974 г.

Хабаровская шабашка в письмах с текстами сценария диафильма «Хабаровск» («Дальний Восток»)

Д/ф «Д.В.»1-7. На Дальнем Востоке мы не были. Жадно слушая рассказы знакомых о далеком и потому заманчивом крае, мы откладывали свое путешествие на потом, когда подрастут дети, станут свободными деньги.

8. Ведь, чтобы добраться сюда, в предверие Великого Тихого океана, чтобы ощутить тяжелое душное дыхание его муссонных облаков, нужен самолет, непосильные деньги на билеты. И вот парадокс - Витя попал в Приморье в самое безденежное время, отправившись на заработки и полагая, что чем дальше от Москвы, тем дороже можно продать свой труд.

9. Вечером мы проводили его, а утром он уже купался со своими товарищами по бригаде в Амуре.

Письмо 8 июля в Москву ... Уже понедельник, а мы еще не работаем, и ясности нет никакой. Фронт работы, запланированный в Москве перепиской с леспромхозами, оказался дутым: нет материалов на строительство жилых домов, низкие расценки на строительстве административного корпуса, разворованы детали складских ангаров, которые предполагали монтировать. Картину нам Сережа нарисовал мрачную, хоть в Москву отправляйся. И только в пятницу вечером Сережа с Володей взяли подряд на бетонирование полов в корпусах птицефабрики, где-то здесь, в самом Хабаровске. Но договор еще не заключен, а пока он будет оформляться, уходит дорогое время, за собственный счет взятое, черт бы их побрал... Так что вышли мне, пожалуйста, крымские бумаги, займусь сценариями. Время проводим на

амурском пляже. Но сначала расскажу о полете и хабаровской жаре... Вот пока и все впечатления. Надеюсь, что в будущем их будет меньше, но зато больше дела и заработка. А пока один убыток...

Письмо в Хабаровск ... Ты не расстраивайся, если работы будет мало - делай диафильм. А деньги... у нас их никогда много не было. Значит, не судьба заработать. Я очень спокойно отнесусь к твоим пустым карманам. Просто не купим диван и кресла. И вообще, больше уже ничего покупать не будем, кроме мелочей, вроде краски...

Письмо в Москву 12 июля ... Сейчас вечер 9 июля. Мы отработали свой первый день, отработали неважно. Попробую рассказать подробнее.

Ничего вчера у меня с письмом не вышло - заснул. Сейчас уже вечер 10-го. Отработали уже два дня, и чувствую, что на диафильм меня не хватит. Так что бумаги не высылай.

Распорядок нашего дня: подъем в семь утра, завтрак в столовой, работа, обед, работа до девяти вечера, ужин и в двенадцатом часу - сон. Работа довольно тяжелая. Планирование земли в птичном корпусе перед бетонированием под горизонт. Представь любую нашу стройплощадку: кучи мусора, ямы, естественные уклоны почвы, а надо превратить ее в идеально ровную и горизонтальную плоскость. Набиваем колья с отметками уровня, срываем землю и перекидываем ее лопатами и тачками. Где завозим песок и землю, где, наоборот, вывозим из корпуса. Оказывается, эти птичники строили без предварительного выравнивания площади, и теперь вместо одного часа работы бульдозеру, приходится много дней надрываться десятку человек. И, наверное, за копейки. Обычное идиотство.

Много времени и сил уходит у нас на споры и обсуждение рацпредложений: возить ли землю и бетон вручную, или ломать стену птичника для прохода внутрь его трактора и машин, как именно возить и равнять и т.д. Все естественно: люди интеллигентные, заинтересованные, а

знаний и навыков конкретной работы нет, вот и идут споры, настоящая война предложений. Пока на кардинальное решение не идем и все делаем вручную.

Почему мы плохо работали первый день? Потому что ребята (не все) напились. Начали они еще в самолете. Продолжили в Хабаровске. Тот спирт, который был взят из Москвы для «деловых переговоров», и стал основным средством выпивки. В Москве установили «сухой закон», но уже 8-го вечером, после переселения в птичники (каждому выдали кровать, постель, ботинки, робу) выпили за начало по 100 г официально. А ночью, уже неофициально, примерно половина ребят (как ни странно, именно из Славиной, преподавательской компании) продолжила выпивку, но в гораздо большем масштабе. Ночью кого-то рвало. Утром один из студентов вообще не мог встать. Жаловались, что смесь спирта и какой-то самогонки - убийственная вещь.

Те же, кто не пил - все равно не могли уснуть. И тоже утром чувствовали себя разбитыми. Я один не пил даже официальную дозу спирта. Пошли они все к черту! Но это не помогло - не спал до пяти утра...

11 июля, десятый час вечера. Уже третий день пишу одно письмо. Даже стыдно... Так вот, на следующий день мы работали более организованно, правда, по самим консервативным вариантам, на осуществление радикальных предложений (ломать стены и т.д.) нет времени. Сегодня уже закладывали первые кубы бетона (пять машин), хотя и планировку земли не закончили (оказывается, так возможно).

А до обеда Сережа велел нам по просьбе прораба забросить на чердак птичника 200 тюков со стекловатой. Зря он поддался прорабу. Гнуснейшая была работа! Наглухо застегнутые, на солнце, в страшном поту, мы поднимали эти тюки. Вокруг - облако стеклянной пыли. Она вездесуща. Стеклянными иглами мы дышим, они проникают сквозь одежду, липнут к коже, вызывая зуд. Выдерживаем не более 15 минут такой работы, а потом - перекур, сбрасываем мокрую одежду и минут 10 блаженно отдыхаем. Но потом снова

приходится одевать одежду с застрявшими иглами - как будто одеваешь ежовую рубашку. Один Володя не снимал резиновый плащ, боясь соприкоснуться с ватой. Он ограничивался лишь тем, что опускал вниз рукава своего плаща, из которого частыми каплями стекали струйки пота... Мы поклялись, что больше никогда не возьмемся за эту вату, сколько бы за нее ни платили. До сих пор не можем отделаться от игл, застрявших в коже (мытьё не помогает). От тела они переходят на чистую одежду, так что я перепортил много чистых вещей. Ну да ничего, со временем все иголки в теле и одежде - переломаются, перемелются...

Фу, наконец-то сделал правильное решение - ушел из комнаты, где между ребятами идет затяжной треп и нельзя писать, ушел на улицу под фонарь. Но здесь другая досада: комары. Жрут. Комаров в Хабаровске вообще уйма, даже в городе - сказывается амурская пойма... Но я начинаю торопиться, черт возьми, даже простого письма третий день написать не могу. Надо как-то к комарам приспособиться... Вот и приспособился: забрался в контору, где за перегородкой храпит сторож. Здесь светло и комарья меньше, зато много мух, но они безвреднее. Кажется, проблема вечерних писем решена: буду забираться сюда. А пока - я полон решимости закончить это письмо любым способом. О работе рассказал, кажется, все. Теперь о еде. Здесь сложности. Сережа вроде настраивал нас на посещение столовой в полудне ходьбы от птичников. Нерациональность траты трех часов в день - очевидна (а когда идет бетон, то во время уйти всем на обед просто невозможно: ведь не бросишь привезенный бетон ждать - он застынет). Стихийно этот порядок уже ломается. Сначала я, а потом и другие стали закупать еду в магазине и перекусывать на работе. А сегодня Сережа сообщил, что в управлении ему обещали выдавать на бригаду дешевую курятину и яйца. Можно договориться о молоке. Оборудуем кухню. Так что кормежка станет своей и даже дешевой. Я успокоился. А то при посещении столовой у нас был страшно расточительный порядок: деньги общие, а каждый заказывает

себе, сколько хочет, от пуза. Экономия для каждого потеряла смысл... Признаюсь, что был даже горд, что первым отказался от этого, а вышло, что за мной от столовой отказались и другие...

В Хабаровске еще не был (только проезжал трамваем) и ничего не снимал. Жду первого банного дня. Ну, ничего, ведь я успел всласть покупаться в Амуре.

Письмо в Хабаровск 15 июля. Родной мой! Такое грустное твое письмо, что я чувствовала себя виноватой - зачем не отговаривала тебя ехать, а даже поощряла. Как Артемке лагерь, так тебе чужие люди ... наказание. Давай договоримся точно, что эта поездка будет единственной, а на следующий год мы, хоть и не на весь месяц, поедem на Север. Ну, их с деньгами. Я постараюсь быть очень экономной. Это будет нетрудно. Из крупных носильных вещей нам ничего не надо покупать. Тема и Галя - дети сознательные, лишнего не требуют, маленькому ничего покупать до года-полтора не нужно. Поэтому относись, я очень, очень тебя прошу, к работе, к ее производительности и ее оплате равнодушнее. Витенька, я тебя не буду заставлять делать переводы и никогда не напoмню, что денег мало. Хочу, чтоб ты поскорее вернулся и занялся тем, что тебе больше по душе. Мне особенно неловко, поскольку я как раз и занимаюсь тем, что мне по душе - шью, зашиваю дырки, немного читаю, слушаю музыку, радио. А сейчас и вовсе - варю клубничное варенье...

Витя, тебе нужно постирать свою одежду. И еще очень прошу: ешь как все. При такой физической работе ты с каши быстро ослабеешь. Наверное, это мало, чтобы ты работал исправно, надо, чтоб ты не вылезал из коллектива. Мне ли тебе говорить, что коллектив может озвереть и наброситься на выпирающего из него...

Письмо в Москву 15 июля ... Я сделал перерыв в письмах, как день отдыха. Уж ты меня прости. Сегодня понедельник, скоро полночь. Работали с 8 до 9.30 вечера. Умотался прилично. Земля и бетон.

Писем от тебя еще не получал. Может, и пришло письмо на хабаровский главпочтамт, но оторваться от работ на два-три часа, чтобы съездить туда, никак не решусь. Проситься надо. Но извернусь как-нибудь. Жду писем на Хабаровск-52. Это рядом...

Уже вторник, 10 часов вечера. Сегодня я как-то болезненно устал. Болит горло - видимо, из-за холодной воды, которую пил потным. При этом мелькала опасливая мысль - не заболеть бы, но вспомнил Алтай, как мы пили ледниковую воду Маашей потными из-за рюкзаков - и ничего страшного! А сейчас - черти что! Так что долго писать сегодня не буду, залягу пораньше спать.

Четверо наших уехали в леспромхоз - строить деревянные дома. Возможно, потом им в помощь поедут другие. Считается, что здешняя работа - малоденежная. Если заниматься только ею, то мы прогорим. Со всеми аккордами и коэффициентами пол одного птичника стоит 1400 руб., 4-х - 5600 р. (так записано в договоре) - это на 13 человек. Идет вторая неделя, а мы все еще возимся в первом корпусе. Правда, много времени идет на отладку технологии, оснастки, вибраторов, опалубки и пр. Дальше будет быстрее и легче. Но и меньше нас будет...

... И еще один день прошел. Сегодня начали в 7 утра, а кончили в 10 вечера. Такого еще не было. Утреннюю смену я проработал на бетонном узле близ железной дороги. Иначе нам грозили не дать бетон. Работают там местные. Двое возят тачками песок, двое - щебень, один - цемент. И все это в хорошем темпе, с небольшими перерывами, если самосвалы еще не подошли. А чаще они стоят в очереди. Пыль, скрежет, ад. И среди этих постоянных местных рабочих возит тачки и одна женщина - ловко, быстро, насыпая 200-кг тачку с верхом. Она украинка с Львовщины, работает здесь с 1954 года. Чувствуешь? Но она уже привыкла, семья держит. Зарботок - под 200 рублей, но все равно ветеранов здесь мало, люди держатся на этой каторге по два-три месяца всего лишь...

А в воскресенье с обеда у нас был объявлен банный день. Конечно же, я сразу поехал в город. Кто знает, выберусь ли еще раз. Был в краеведческом музее и прокатился на «Ракете» по Амуру вдоль города. Что такое Хабаровск?..

19. На привокзальной площади - памятник сталинского стиля - Ерофею Павловичу, в чью честь назван город.

20. Крепко, монументально стоит этот рыскливый и пройдошистый казак, некогда бесстрашно пробравшийся с сотней товарищей на богатейшую Амур-реку и присоединивший ее к владениям русского царя, начав на давнишнее в этих местах китайское влияние.

21. За то и памятник ему поставлен от руководящих потомков.

22. Сзади памятника начинается молодой, еще чахлый, Амурский бульвар и синее на горизонте добровольно присоединенный Амур.

23. Но Китай долго сопротивлялся этому «прогрессивному» присоединению и разорял редкие русские остроги и гнездовья.

24. Поэтому мир между двумя величайшими восточными империями был установлен по самой середине Амура. Так было долго - до середины прошлого века.

25. А вот взирает на Амур другой русский патриот - капитан Невельский, исследователь южной, правобережной части Амура и Приморья. По его следам пошли другие «исследователи» в русской военной форме, и дело закончилось тем, что губернатор Муравьев-Амурский 100 лет назад перевел из китайского в русское подданство и правобережье Амура, начиная с Усури и Хабаровска, тем самым присоединив к России еще полтора миллиона квадратных километров.

26. Эти-то полтора миллиона и собирается отнять у нас Мао Цзе-дун. На этой спорной для китайцев земле стоит и строит современные здания Хабаровск, который правильнее было бы назвать Невельским или, еще лучше, Муравьевском, если уж так необходимо помнить имена присоединителей.

27. Хабаровск - молодой город. При китайцах здесь не было ничего, при Муравьеве - военный пост при слиянии пограничных Усури и Амура. А в главный город края Хабаровск стал превращаться лишь в конце века с постройкой Великой Транссибирской железной дороги и моста через Амур.

28. Этот мост родил город.

29. Большой получился город, раскидистый. На десятки километров вдоль Амура и чуть меньше в сторону от него, по сопкам и распадкам.

30. Вытянутые к берегу сопки позволили создать сетку разноуровневых (по вершинам или впадинам сопок) поперечных прямых и продольных синусоидальных улиц, по которым вверх-вниз тарахтят трамваи и носятся машины.

31. Не видно ни одной церкви. Наверное, мало их было. Любителям старинной архитектуры делать здесь нечего.

32. Только на главной улице - проспекте Маркса - в густой зелени сохранились дореволюционные здания изломанных контуров. Старая, но симпатичная и самая популярная улица.

33. Начинается она официальным городским центром - площадью Ленина с крайкомом, филиалом ВППШ и парадными трибунами для краевых вождей,

34. а кончается на берегу Амура Комсомольской площадью - старым центром города с бывшим магистратом и парком. На площади - памятник партизанам, погибшим в 1922 году под Волочаевкой.

35. Битва под Волочаевкой решила судьбу не только города, но и всей независимой Дальневосточной республики. Помните закон, установленный Ключевским: «Пока в центральной России царит смута, на ее окраинах пышно распускается диковинная пена самостоятельных государств, но как только центр успокаивается, он втягивает в свои темные спокойные глубины всю эту пену, не оставляя ничего».

36-37. В стороне от площади - краеведческий музей, а в нем слабые, очень слабые запахи бывшей китайской (вернее, чжурчженской, или маньчжурской) культуры...

38. Станным диссонансом звучат они современному Хабаровску.
39. С набережной парка виден хорошо невысокий Хехцирский горный массив. За ним - уже Китай, который постоянно напоминает о себе радиопередачами к «русским братьям, временно проживающим в Приморье».
40. Но почему же временно? Ведь русские живут здесь уже сотню лет. Русские, которые называют себя чаще дальневосточниками, и не мыслят себе иной родины...
41. Беззаботный воскресный хабаровский пляж.
42. Плещутся дети в мутных амурских быстринах.
43. Редко люди с тревогой смотрят на Хехцир, привыкли к близости великого соседа. И только снующие катера Амурской военной флотилии порой наполняют их души тревогой.
44. Площадь у речного вокзала. Полиция охраняет от случайных контактов японских туристов в ожидании развлекательной прогулки по Амуру.
45. Вместе с японцами крутятся прикомандированные русские девушки и парни. Ну что ж! Молодежные запланированные контакты - тоже немаловажный фактор сближения с великой экономической державой Восходящего Солнца. Здесь, в 30 км от китайской границы, особенно волнует вопрос: «Кому она будет сочувствовать, нам, или тем?»
46. И вот «Ракета» в море, нет - в Амуре. Отходит назад Хабаровск,
47. разворачивается необъятная ширь.
48. Амур, Хуанхе, Янцзы - три желто-коричневые от ила великих широтных реки, сбрасывающих свои воды с Азиатского материка в Тихий океан. По климату и природе они близки, и по одной реке можно судить о двух остальных.
49. Грандиозен Амур, непредставим. Это не река, а особый мир, ведь за далеким берегом тянутся чересполосицей бесчисленные старицы, озера, рукава Амура.

50. И лишь встречающиеся изредка теплоходы нарушают амурову безлюдность, тревожа душу великими возможностями для свободной человеческой деятельности...

Письмо в Москву 19 июля. ...Сегодня мы закончили основные бетонные работы в первом птичнике, осталась доводка. В эти дни я грузил бетоном тачки, укладывал его в пол и вибрировал. Сегодня все ушли с работы с хорошим чувством: хоть и устали, но выполнили, что намечали себе с утра. Даже споры и недовольствия отошли на задний план...

Мечтаю получить от тебя письмо. Как только начнешь писать на Хабаровск-52, я смогу получать их регулярно. Жить будет интереснее. Хотя признаюсь - прошедшие две недели я просто не заметил, настолько они насыщены отупляющим тяжелым трудом. Наверное, так будет и дальше. Ты знаешь: бетон на лопате - тяжелая вещь. Я с ним устаю, потому что стараюсь нагрузить тачку быстрее. И не только потому, что легче работать со свежим, не застывшим бетоном (принцип: хочешь работать легче - работай быстрее, т.е. тяжелее). И не только потому, что хочу заслужить похвалу от ребят (это, конечно, существеннее). Но подспудно присутствует и злая мысль: заставить ребят работать быстрее, чтобы больше успеть сделать и больше заработать. Для чего же сюда ехали?

Но денег много мы не получим. Это ясно, хотя надежд ребята не потеряли. Когда будут сделаны договорные 4 птичника, нам обещают дать более денежную работу. А потому - быстрее, быстрее, чтобы освободить время. Время - деньги! Быстрее! Но не всем из ребят такая спешка нравится. Например, Славе и другим «преподавателям». И это меня злит. Злит и других. Именно с этим связано большинство трений в бригаде. Но уверен, все утрясется, а в Москве будет восприниматься со смехом, как обычно бывает после трудных походов. Тем более, что стараются, в общем, все. Но это будет в Москве. А пока я поддерживаю любые требования Сережи и его зама Саши к увеличению скорости работы.

Письмо в Хабаровск 21 июля. Здравствую, Витя! Нельзя так долго не писать. Ночи мои проходят в каком-то кошмаре. Я

часто вскакиваю от сильного звонка в дверь. Все мне кажется, что это от тебя телеграмма с бедой. Ты, наверное, сильно устаешь и тебе некогда писать. Но все же на одну страничку должно быть у тебя время. Мне совершенно необходимо знать, что ты жив, что ни камень не свалился на голову, ни бетон не засыпал, ни топор не упал. Будь у меня обязательные заботы, они б, наверное, отвлекли от таких мыслей. А я сейчас ими просто болею. Кончилось мое безоблачное состояние уже три дня назад, как только не пришло от тебя письмо. И я сейчас слабая и больная, и часто плачу...

...Пришла «Литературка» со статьей Радова, в которой на вопрос: «Покупать тарную дощечку у спекулянта или сгноить фрукты?», он отвечает: «Ссыпать их в свинные кормушки!» И так далее. Да, противно видеть мелкие и крупные спекуляции. Гораздо было бы приятнее купить по твердой цене и тогда, когда тебе нужно, и то, что нужно. Но пока нет «твердости», спекуляции неизбежны. Не пользоваться ими, проявлять чистоплюйство - значит, губить яблоки и заложенный в них труд. Но, если позволить спекулянтам все разворовывать, это тоже не приведет к повышению благосостояния. Значит, их надо останавливать?.. Или убыток от них мизерный по сравнению с убытком от плохого хозяйствования? Наверное, последнее правильное.

Эту «Литературку» я для тебя отложила. Но ты должен писать мне.

Письмо в Москву 21 июля. ... 9 часов вечера воскресенья. Но банного дня не было, потому что к понедельнику надо было готовить новый птичник к приему бетона, и мы не успевали. Сейчас все ребята ушли к «трубе» - за 1 км отсюда, в трассе теплоцентрали они открывают вентиль и моются почти горячей водой. Я же мылся в холодную здесь. Хочу лежать в одиночестве, без трепа, читать или писать тебе письмо... Вчера получил твое письмо на Хабаровск-52. Слава богу! Спасибо. Пиши, не ленись. Мне все интересно... Опять шум, пришли ребята, зовут на ужин...

Вот и новый вечер, 22 июля. Меняем постельное белье, хоть банного дня не было. Писать трудно, контора закрыта. Попробую все же уйти на улицу, вымазавшись «Дэтой». Комарье здесь все же жуткое, жить по вечерам не дает. И говорят, они не кончаются вплоть до осенних холодов. Под простынями спать невозможно - прокусывают насквозь. Спасает только толстое одеяло (но оно жаркое) или марлевый полог. Все эти дни стоит жара и духота. Сегодня, например, было 33° в тени. При работе пот с нас льет ручьями, так что при перекурах я сперва выжимаю трусы и лишь потом сажусь отдыхать. Обязательной принадлежностью нашей работы теперь стало ведро с чаем или питьевой, подкисленной водой. Пью непрерывно, хотя и знаю, что нельзя, что бронхит и кашель не прошли. Правда, чувствую в целом себя хорошо.

Работа тоже идет нормально. Сегодня уложили немного бетона (семь машин вместо 10-12), но зато закончили подготовку второго птичника под большой бетон. Нам повезло еще тем, что в субботу здесь работало около полусотни абитуриентов на комсомольском субботнике, мы ими только руководили и управляли. Этот бесплатный комсомольский труд пошел напрямую в копилку нашего шабашного труда (если прораб не обманет и не вычтет с нас эти работы).

Ребята в леспромхозе уже приступили к постройке двух домов за 5 тысяч рублей и просят еще двоих себе в помощь (на собрании решили, что пошлем позже). С нашими деньгами общий заработок бригады получается под 11 тысяч рублей «грязных» (с налогами и авансами), т.е. около 800 рублей на нос. Это тот минимум, на который я рассчитывал в Москве. Сейчас он уже оказывается почти максимумом возможного. Ну да увидим...

Ну, нет сил от комарья, снова иду в комнату. Там под толстым одеялом хоть и жарко, но есть спасение от их укусов. Да и темно стало. Звезды появились. И огни самолетов, идущих на посадку на ближнем аэродроме. Они все гудят, гудят...

Вчера я не успел закончить письмо, потому что ребята (Женя и Эдик) шили мне после ужина марлевый полог на кровать. Шили до полуночи, по разработанному ими рецепту: «Будешь спать, как человек». Действительно, комаров ночью я почти не чувствовал (правда, на всякий случай, еще и Дэтой мазался), но стало еще более душно. Ребятам я был очень благодарен, и даже стыдно было за то, что постоянно поддерживал Сережу в его упреках к ним за нарушение «сухого закона» (по вечерам они все же тайком выпивают) и за недостаточное старание. В последнем Сережа и Саша-зам не совсем правы: ребята стараются, но, возможно, если бы не пили и больше были бы настроены на выколачивание денег, то работа у них шла быстрее. Как бы то ни было, но про себя я думаю, что такие упреки (неважно, справедливы они или нет) обычно идут на пользу делу, вырабатывают злость к работе, рабочее остервенение, что позволит нам добиться большей степени самоэксплуатации («освенцимости», как выражается Женя), и, значит, больших денег. Поэтому я и поддерживаю Сережу. Однако вот вчера от нормальной человеческой помощи Жени и Эдика мне стало стыдно...

Письмо в Хабаровск 22 июля. ... Сегодня утром я послала тебе письмо. Жаловалась там много. А мне б не жаловаться, а тебе посочувствовать. Вот я и села писать снова. Осталось мне 16 дней до конца декрета...

Письмо в Хабаровск 23 июля. Здравствую, родной мой. Ну как же можно тебе не ответить, хотя утром уже отослала письмо...

Письмо в Москву 25 июля. ... Вчера был на почте, но писем от тебя нет. Не знаю, к хорошему это или к плохому...

У нас ничего нового - жара, духота, бетон, земля, колотьба, опалубки. Прораб установил душ около нашего жилья. Правда, только холодная вода. Очень приятно после работы охладиться, отмыться, но и опасно. У нас уже несколько ребят вслед за мной закашляли (я перестал).

Здесьнюю жару можно сравнить с украинской, но она много гуще. Можно сравнить с ташкентской: там жара даже больше,

но зато есть прохладные ночи, которые здесь напрочь отсутствуют. Когда после ужина мы ходим на соседнюю водокачку за питьевой водой на завтра, то прямо упиваемся там прохладой у резервуаров воды (20°) - становимся нормальными людьми. Но счастье быстротечно: приходит момент выхода наружу, как будто в душную баню, в парилку. Слово «парилка» у нас бытует и точно отражает суть этого климата. Пот катит градом сам по себе. Особенно, когда работаешь. И как только китайцы живут еще южнее и душнее?

Мы кончаем второй птичник. Но к субботе, наверное, не кончим, потому что бетон дают нам с перебоями. Вчера на бетонном узле давали зарплату. Результат: сегодня нам дали пять машин вместо 12-ти. Завтра, говорят, будет еще хуже...

В бригаде у нас обостряются разногласия. Сережа и его зам. Саша (аспирант, хороший конструктор и плотник, сильный, ловкий и самоуверенный парень, работает как зверь) недовольны остальными из-за малой их производительности, т.е. «преподавателями», главным образом. На одном из очередных вечерних разговоров Саша Григорьевич, «комиссар», так и сформулировал: «К сожалению, у нас выявился четкий раскол бригады на две группы: Сережа и его зам. Саша с одной стороны, остальные - с другой. И только Витя Сокирко и Гена умудряются ладить со всеми...» Упреки Сережи и Саши весьма обидны, но ведь положение наше, действительно, тревожное, и чтобы его исправить, надо и вправду выкладываться. Поэтому я, в общем, соглашаюсь с руководством, но стараюсь смягчать запальчивость Сережи и Саши-зама. Наверное, они слишком молоды, чтобы руководить такими взрослыми (старше их) людьми. Как могу, я стараюсь направить критику на деловую почву: «Мы приехали сюда по общему согласию за деньгами и поэтому обязаны сделать все, чтобы достигнуть цели. Кто от этого уклоняется - тот нарушает общий уговор, и подводит». Но у Сережи получается по-другому: «В Москве вы обещали не пить. Кто выпьет впредь без разрешения, не получит оплаты проезда в Хабаровск...» или еще хуже, когда принципиальный

разговор сводится к мелочным придиркам к конкретным людям - и не за упущения в работе, а, скажем, за примирительные фразы (например, к Славе). Такая линия невольно вызывает возражения. Поэтому мое личное положение достаточно сложно. Тем более что на работе часто и самому хочется побольше отдохнуть и посидеть с ребятами. Но если такому настрою поддаваться и размагничиваться, то мы прогорим, просто прогорим.

Поэтому я и поддерживаю Сережу и Сашу. Наверное, в сходном положении находится и Гена. Однако Сережа уверенно оперирует своим авторитетом бригадира и поддержкой четверых ребят, уехавших в леспромхоз. Это, конечно, сильный довод. Ведь четверка плотников наверняка заработает много больше нас. Как же мы будем делить деньги поровну, если будем знать, что не выбрали здесь всех возможных денег? Что не от нас, а лишь от обстоятельств зависела меньшая сумма заработка?

Кстати, разногласия у нас идут и по поводу просьбы четверки: нужно ли посылать им на помощь людей, и когда? Я считаю - обязательно надо посылать: мы договор здесь выполним обязательно, а в леспромхозе ребята могут его не выполнить и не получить аккордные 40% премии. Но решение пока не принимается: с одной стороны, резину тянет сам Сережа, потому что требуют плотника, т.е. Сашу-зама, чего он не хочет, чтобы не остаться в одиночестве, а с другой стороны, и «преподаватели» не спешат, потому что с отъездом двоих на бетоне работать станет еще тяжелее...

Сереже наедине я усиленно советую не лезть к «преподавателям» с конкретными приказами, пусть это делает их комиссар, Саша Григорьевич. Кстати, тоже очень работоспособный и старательный парень. Но иногда болеет. У меня создается впечатление, что от перенапряжения. Он как будто чувствует ответственность за свою компанию и старается личным трудом перекрыть все возможные недочеты. И против выпивок возражает... Но участвует в них сам - сложное это дело, руководить взрослыми людьми! Но, не в

пример Сереже, Саша Григорьевич с таким руководством вполне справляется. И с прорабом он находит общий язык. И я уверен, что хотя большой нужды в деньгах он лично не имеет, но будет стараться в работе до конца, просто чтобы выполнить взятые в Москве обязательства...

Письмо в Хабаровск 27 июля. ... Сегодня уже три недели, как ты уехал. Мои дни не проскакивают так стремительно, как у тебя, но все же идут, приближаясь к ожидаемому дню. Вчера я была у врача. Пожаловалась на боли живота, она сказала, что пора, и что головка уже низко. Но сколько это еще продлится?..

Письмо в Москву 29 июля. ... Получил от тебя письмо. То самое, где ты пишешь, что нет моих писем, и что снятся кошмары. Аж захлестнуло от жалости. Не выдумывай ничего плохого! Я здоров, живу нормально, вот только времени нет свободного. Еле-еле успеваю писать письма. Ребята надо мной смеются - я слишком много времени провожу за перепиской.

Сегодня вечер воскресенья. Мы работали весь день, равняли землю в третьем птичнике, но не успели подготовить его к бетону, так что завтра придется изворачиваться (машины возят бетон только с понедельника до пятницы). Ну да ладно об этом. Хотя все наши дела, и особенно взаимоотношения в бригаде - вещь достаточно сложная, но у меня нет сил и времени, чтобы хорошо их обдумать и описать тебе.

Главное, что напряженными стали мои отношения со Славой. Удивительно, правда? Но как мне не злиться на него, когда он рассуждает о том, что торопиться нам нельзя, что, прежде всего, надо делать качественно работу, что вообще-то деньги - это хорошо, но главное - это укрепить здоровье, отдохнуть и побыть в компании хороших людей. Ну, как мне к этому относиться, когда судьба всей шашки совершенно не известна и что положительный результат возможен лишь при самых максимальных усилиях? Да, он и в Москве говорил что-то в этом роде, но я не очень обращал на это внимание, потому что не мог и предположить, что такая «благородная» психология может стать влиятельной в бригаде шабашников.

Но оказалось, что ее придерживается почти вся компания «преподавателей». Силач Костя главной своей целью объявляет «спустить животик», Женя - «не надрываться», Саша Григорьич - укрепить добрые отношения с друзьями (и лишь сознание долга заставляет его требовать работу и с себя, и со своих друзей). И только Эдик, который постоянно пьет, и у которого несколько месяцев назад появился второй ребенок, приехал за деньгами и заявляет, что главное, о чем болит его голова - это как сделать все четыре птичника. По профессии Эдик - механик счетных машин, мастер «золотые руки» и ему по натуре невозможно делать работу в спешке и халтурно. В работе он медлителен. А поскольку быть в подпитии есть нормальное его состояние, то именно Эдик является одним из главных объектов критики Сережи и Саши-зама. На мой взгляд - незаслуженно.

И вообще их форма критики мне все меньше нравится. Какая-то она пристрастная, не в пользу делу. Вот сейчас она начинает оборачиваться против Славы. И как мне кажется, не из-за недостатков его работы, а из-за того, что Слава примкнул к компании Саши Григорьича безоговорочно, а раньше был очень близок к Сереже. И меня Сережа и его Саша-зам пытались убедить в том, что «Слава предал тебя». Представляешь, какая логика: если человек думает не так, как ты, то он тебя предал. Дичь какая-то. И говорят так убежденно, что возражать бесполезно. Прямо политиканство какое-то мелкое. Еще хуже, что я невольно в нем участвую. Меня, например, весьма резануло, когда мои возражения против позиции Славы, Сереже и Саше-заму в доверительном разговоре, были использованы при общем разговоре для резких нападков на Славу. После этого случая я стал гораздо осмотрительнее в разговорах с Сережей. Неизвестно, во что он обернет твои слова...А сейчас опишу наш первый полный выходной день...

56. Прошли еще две недели. Нет, мы не скучали в душевной полутьме птичников. Дни в работе проходили мгновенно.

57. *И только иногда, выбежав из корпуса на свежий воздух и приподняв голову, мы видели на горизонте сопки Хехцира с тянущимися на них туманами и замирали от вожделения. Вот бы нам туда! Он стал почти символом хабаровской недоступности.*
58. *Только в конце третьей недели бригада объявила свободной субботу, и каждый был волен идти куда угодно. Большинство уставших ребят осталось отдыхать на амурском пляже, но*
59. *трое: Слава*
60. *Саша и*
61. *я отправились в Хехцирский заповедник.*
62. *Доехали на автобусе до курортного местечка Бычиха, где сопки спускаются к самому Амуру, и пошли в лес, настоящий лес, по которому успели соскучиться.*
63. *Достаем штормовки - уже здесь начинают жрать комары.*
64. *В лесу ж поглубже они носились тучами, забивались нам в уши, глаза, в глотки. Дэты мы не взяли, забыли.*
65. *Исхлестывались венчиками до остервенения, и лишь при быстрой ходьбе могли немного обгонять своих мучителей. Потом прибавились стаи слепней, сотни на каждого.*
66. *Останавливаться было почти невозможно. И потому мы бежали. Бежали, обезумев. Но так как сразу повернуть назад было обидно, то свернули незаметно с намеченного пути и полезли на ближайшую невысокую сопку.*
67. *Скорей из этого заповедного болота. Лезли напрямик, через лианы, виноград, колючки,*
68. *широколиственный дендрарий. Плевать нам на экзотику! Быстрей до верхних скал, иначе сожрут.*
69. *Но вот - вид с вершины. Она лесистая и за деревьями не видно обещанных путеводителем амурских далей и свежеего ветра. А комаров - почти столько же. Постояли, почертыхались, взглянули на часы (уже 4) и повалили вниз.*
70. *Слава богу, не заплутали и к вечеру вернулись к станции Бычиха. Наелась Хехциром досыта, хоть и не видели почти ничего. Зато ужас перед дальневосточными комарами запомнится надолго...*

Письмо в Москву 1 августа. ... Отправил вчера тебе письмо, а сегодня сажусь за новое. Но ты не беспокойся за мое время: я пишу тебе просто так, без каких-либо стараний, лежа на койке, что придет в голову. Только изредка мажусь Дэтой от гудящего комарья.

Работа идет нормально. Мы ковыряемся в основном уже на третьем птичнике. Есть надежда, что до субботы его кончим и перейдем на четвертый. Хотя он очень сложный (перепад уровня земли в нем больше метра на сто метров длины), но все равно за две последующие недели его можно кончить. Тогда останется доводка и время для дорогих работ и помощи ребятам в Катэне.

Я уже вполне втянулся в хабаровский уклад, стараюсь много работать (это как-то и на других действует, и ломает настрой на отдых). Этому настрою я пытаюсь противостоять, но не зло. Поэтому отношения с коллективом у меня не злые. Тем более, что основные сведения о моем прошлом знают (даже расспрашивали) и как-то подчеркивали интерес и уважение.

Прочел ребятам твой пересказ статьи Радова в «Литературке», его фразу о том, что лучше скормить яблоки свиньям, чем воспользоваться тарой спекулянта. И сразу же разгорелся спор, поскольку я громогласно провозгласил, что спекулянты (торговцы, купцы) - очень полезные для общества люди, заслуживают поощрения, а не преследования. Сначала я встретил сплошное негодование, которого не ожидал в среде шабашников, т.е. людей, которые сами в какой-то мере нарушают традиции планового распределения трудовой силы (спекулируют своей рабочей силой). Сережа сразу и бескомпромиссно сказал: «Никогда и ни за что с тобой не соглашусь!» и как-то ненавидяще замкнулся в себе, не желая слышать возражения (меня это поразило). Но главным моим оппонентом стал Эдик, ругавший спекулянтов паразитами. Основной его обвинительный довод: спекулянтам надо платить дороже, чем в магазине, значит, они наживаются на нас и паразитируют. Все мои объяснения действия механизма

спроса и предложения на него не действовали, были безрезультатны. Зато были восприняты другими. Во всяком случае, Костя, Гена, Саши Григорьич сами подбрасывали мне примеры в оправдание и объяснение логики рынка: предложение товара по твердым ценам хорошо, но невозможно; лучше предложение спекулянта, чем полное отсутствие нужного товара (например, лекарства для больного ребенка)...

...Сейчас обед, 1 августа, я уезжаю на велосипеде на почту, поэтому срочно закругляю письмо. Прости за спешку...

Лиль, я сижу сейчас на почте, обалделый от Таниной телеграммы: «Витенька, поздравляю близнецами мальчик 51 см 3350 девочка 50 см 3100 все здоровы целую Таня». Я не могу не улыбаться от ее слов: «Все здоровы, все здоровы, все здоровы!» Какая ты молодец! И мальчик, и девочка...

Письмо Тани в Хабаровск 1 августа. Витенька, здравствуй! Я хожу по роддому таким гоголем, будто это я родила двойню, всем даю объяснения, рассказываю, какие великолепные дети.

Все идет хорошо, своим чередом. Лиля уже ходит, кормит, лицо такое спокойное, счастливое, просветленное. Насчет вещей, устройства, переезда домой ты не беспокойся. Все будет сделано в лучшем виде. Можешь спокойно обеспечивать кур жилплощадью. И кормить свою кровью комаров...

Записка Лили: «Родной мой! Шоковое состояние уже прошло? Ты уже отходишь и можешь представить себе, как мы вшестером будем жить дальше. А может, даже начинаешь радоваться? Или я хочу невозможного? - Когда ты на них хоть разочек посмотришь, ты точно начнешь радоваться. Парень суровый и строгий, а у девчушки такие пухленькие щечки, в которые все время хочется пихать палец... Очень хорошо, что двое. Проживем как-нибудь. Это подарок судьбы - двойняшки...

Из записки Лены: «Лилечка, а представляешь, как обрадуются наши друзья-профессора и будут рассказывать своим студентам: В Союзе так растет благосостояние

трудящихся, что семья простых инженеров может позволить себе купить 4-х комнатную квартиру с видом на реку и сразу двоих детей.

Письмо в Москву 4 августа. ...Как я жду твоего письма! Но его нет, да и не может пока быть. Ведь от 30 июля ты должна еще отойти, опомниться, чтобы вспомнить обо мне и написать письмо... Кто тебе носит передачи? Какой я здесь бессильный, ничем не могу поучаствовать, прямо места не нахожу...

...Кстати, по твоей вине у нас со Славой было веселье. Его Люда прислала письмо, где пишет, что 29 июля была у тебя и читала мои письма (надеюсь, что не все в них). А теперь упрекает Славу, что он не пишет подробно о наших тяжестях. Получилось, что я тебе жаловался, а Слава - молодец, бережет нервы жены. Ну и ладно. Я уверен, что моя откровенность тебе не вредила. Ведь на деле здесь совсем не плохо. Очень сытная и вкусная еда и тяжелая, но здоровая, в общем, работа. Духота сейчас спала и стали чаще идти дожди. Но, говорят, из-за этого могут быть перебои с подачей бетона (дороги плохие). В эту неделю нам давали мало бетона, поэтому не закончили третий птичник. Зато планируем землю в четвертом. Дело идет не так быстро, как хотелось бы, но идет. Сережа с общего согласия взял еще один подряд на бетонирование пятого птичника. За это ему обещали оплатить авиабилеты в Хабаровск и в Москву. Хорошо.

Вообще начальство стройки относится к нам все лучше (хотя прораб и недоволен, что четверо ребят исчезли из бригады). Я не расспрашиваю, но по некоторым разговорам понял, что ребята хотят заинтересовать прораба в нашей зарработке (долей, что ли), так что есть надежда, что он сделает все возможное, чтобы выписать нам максимально возможный объем работ - и основных, и дополнительных, которых тоже хватает. А недавно прораб получил новую квартиру и двое наших весь день помогали ему таскать вещи. Ко всему этому я отношусь с полным одобрением, потому что знаю: работа и заработок в наших условиях вещи связанные, но далеко не однозначно. И может, участие двух ребят в новоселье прораба

скажется на нашем общем заработке гораздо существеннее, чем бетонирование пятого птичника.

А теперь - главная новость! На вчерашнем бригадном собрании решили послать в помощь четверым ребятам в Катэне - пятого. Отправляют меня! Я этого очень хотел: посмотреть тайгу и горы, строить деревянные дома, а главное - сделать все, чтобы ребята вытянули эти дома и с ними - 5 тысяч. Мне кажется, что это можно будет сделать, если только сильно хотеть. А у меня, кажется, наибольшая жажда денег и соответствующий энтузиазм в работе. Наверное, поэтому и посылают... Как видишь, у ребят сложилось обо мне неплохое мнение. Но может и из-за двойняшек. Они все очень радовались за меня и поздравляли с твоей удачей!

Так вот, с понедельника-вторника я буду работать на новом месте и письма мне писать надо на поселок Катэн...

Письмо в Хабаровск 7 августа. ... Мы уже дома, живем вчетвером с Артемкой. Сегодня 7 августа и до твоего приезда осталось три недели. Вчера Артемка радостно отмечал первую неделю малышкой...

Пока я убеждала тебя в письме, что у меня все в полном порядке, температура поднялась до 38,8°, загорелась правая грудь, и я в страхе погнала Артемку в поликлинику. Но ты знаешь, как ему трудно делать взрослые и непривычные дела, тем более что врачей принято вызывать утром, а вечером, я думала, никто не захочет пойти. Поэтому я наказывала, чтобы он просил, пусть обязательно придут, учтут мое положение... Он вернулся, сказал, что придут. - «Когда?» - Молчит. У меня почти полная уверенность, что они просто отговорились от десятилетнего мальчишки и пенициллин мне никто не введет. И я реву, что у меня такой маленький помощник и ничего сделать не может. Он слышит и тоже ревет в своей комнате, а потом убегает опять и возвращается с ответом, что через час придут, и сам успокоен, и я успокаиваюсь и благодарю его. Но при этом он говорит, что он плохой сын, а я - что он просто несмелый мальчик. А вообще-то он очень старается. Вчера даже пеленки полоскал. Я обещала ему помочь выжать, но,

видно, к этому времени поднялась температура, и мне было тяжело вставать, и он сам отжал. Правда, силенок у него маловато. Ничего, подсушили на газу...

Письмо в Москву 7 августа. ... Я работаю в Катэне и ничего о тебе не знаю. Наверное, письмо от тебя лежит в Хабаровске, и только через несколько дней Слава перешлет его сюда...

Что такое Катэн? - Поселок в 400 человек, уже 40 лет считается отделением Хорского леспромхоза. Стоит на быстрой, каменистой и очень чистой (родниковой) реке Катэн, которая впадает в большую реку Хор, Хор впадает в Уссури, а та - в Амур. По Катэне ведут молевой сплав, в основном, громадных кедров, которых привозят сюда с натужным рычанием громадные японские лесовозы...

97. *Так называемая выборочная рубка, когда берут почти исключительно кедр - из-за его объема, плавучести, удобства, наносит уссурийской тайге громадный, непоправимый вред.*
98. *Об этой беде говорят здесь многие. Но безнадежно говорят: господин План диктует всем свои условия. Апатия к работе, которой болеем мы в городах, висит в этой глухомани, связанной с внешним миром лишь почтовым вертолетом да нерегулярными грузовыми машинами.*
99. *С делянок возят лес в Катэн с округи радиусом 60 км, используя могучие тягачи японской фирмы «Жацуги», и только их. Здесь они - символ и факт советско-японского сотрудничества. А расплата за японскую технику идет все тем же лесом. Его ведь не сажали, не растили, и потому, говорят, выгодно...*

Поселок - весь в котловине между невысокими, но крутыми лесистыми сопками. Выглядят они - как предгорья. Сходство с Домбайской поляной отмечают и ребята. Это сходство особенно поражает по утрам, когда утренний туман поднимается и облака ползут по сопкам, как в высоких горах. Только снежных вершин не хватает. Правда, вид грязного поселка с курами, свиньями, невымытыми ребятами и повсеместным матом (говорят, даже от школьниц) разрушает

впечатление райского курортного места. Комаров мало. Воздух чистый, душистые запахи каких-то трав...

... Сейчас послеобедье среды. Начался надоедливый, но упорный дождь. Работать под ним трудно, долго не выдержишь, поэтому мы пошли домой на переживание и досыпание...

... Что уже сделано? - фундамент и срубы до окон у обоих четырехквартирных домов. Кладем сруб дальше: подбираем брус, запиливаем его концы бензопилой, прокладываем паклю, устанавливаем, засверливаем и укрепляем нагилями (деревянными стержнями). И так брус за брусом. Работа, конечно, прекрасная: плотницкая, на свежем воздухе, результативная и не столь тяжелая, как на птичниках, хотя и кропотливая. Если так пойдет дальше, то я, наверное, начну толстеть. Просто стыдно перед хабаровскими, что сбежал от бетона. Но ведь мы, в самом деле, считали, что здесь запарка с работой и надо помогать, что здесь тяжелее и ответственней. Поэтому я был просто ошарашен, когда при первой же встрече катэновцы мне сказали, что и сами вполне управились бы со строительством двух домов, а двух в помощь просили для того, чтобы взяться за постройку третьего. «Но ведь вы сами писали иное?» - «Да, конечно, ну да ничего, твоя помощь здесь будет нужна... Уезжать тебе обратно нет смысла».

Что это? Или, действительно, описка в их письмах-требованиях, или набивание себе цены (вот мы просили у вас помощи, вы не помогли, нам пришлось работать сверх всякой меры, чтобы вытянуть договор и аккорд)? А еще, более вероятно, что ими неосознанно был принят курс на разделение: нам не помогали, мы сами справились и сами разделим заработанные деньги. А о том, что снять двоих с бетона трудно, они и сами знали... Но это только мои догадки, хотя о возможности отделения сами мне говорили. Конечно, мой приезд путает им карты: человеку, проработавшему большую часть сезона на бетоне, отделяться нет резона. И все же мне кажутся эти объяснения дикими. Ведь осталась уйма

работы. Ребята здесь проработали три недели, только три осталось. За полсрока на каждом доме сделаны только фундаменты и полсруба, а нужно еще: окончить сруб, настелить потолок, засыпать его опилками, поставить стропила, накрыть крышу шифером, сделать фронтоны, отливы, коньки. Внизу нужно копать и бетонировать погреба и фундаменты под печи, ставить лаги под полы и настилать их. К каждому крыльцу надо ставить две террасы с обшивкой, крышей, полами и крыльцом. Потом две летние кухни в виде небольших домиков с острыми крышами. Потом туалет на две кабины, мостовые и заборы... И при такой программе вести речь о третьем доме? - решительно не понимаю. Дай бог впятером с этими домами справиться.

В Москве я буду, наверное, только 30 августа, потому что у Сережи 29 августа - свадьба, и, наверное, до этого срока все будут работать. Правда, «преподаватели» рассчитывали улететь раньше. Мне тоже хотелось бы уехать раньше... Но нет серьезного повода. Может, ты его создашь? Только напиши...

Письмо в Катэн 9 августа. ... Хочется поделиться с тобой, как нам хорошо. Им пока хватает молока, и они в основном спят...

Из твоего Катэна, наверное, долго письма будут идти. Я сейчас представляю, как ты приедешь, войдешь счастливый, обнимешь меня и Темку, а потом пойдешь смотреть малышей. Им к этому времени будет уже 4 недели, а пока им 11 дней и они в 365 раз младше Артемки. Не забудь про его день рождения...

Письмо в Москву 10 августа. ... Вечер 9-го. После купания в холодном Катэне приятно залечь за письмо. Ребята рядом с моей койкой играют в преферанс, но это почти не мешает (в отличие от вечерних разговоров на общие темы в хабаровских птичниках).

Работа идет нормально. Занимаемся первым домом, сруб кончили и бьем потолки. Но времени осталось мало, ой, как мало. Только самоуверенность парней меня останавливает

от понукания. Ведь я - не специалист, и таких домов не строил, как они. Поэтому приходится держать себя очень скромно. «Понукание же примером», т.е. усиленной личной работой, здесь абсолютно неэффективно: работаем парами. Работы совершенно разные, несравнимые, требуют много времени на обдумывание. А в паре с Бобом я, естественно, играю роль подсобника и не могу задавать темп... Но хватит о Катэне. Лучше поговорим о тебе и маленьких...

... Я не окончил вчера, потому что выключили свет. Сегодня суббота и ребята еще не пришли из бани. Мне же в парилке долго делать нечего. Надеялся эти свободные полдня походить по лесу с фотоаппаратом, но продолжает лить гнусный осенний дождь. Непрерывно...

Напиши, заменяет ли меня Темка? Старается ли он? Ведь старший брат! Шутка ли, какая ответственность. Передай, что вспоминаю его часто...

Ну вот, пришли ребята. Теперь писать сложнее. Юра все время пробует свой голос - у него сильнейший бас, кажется. Стены нашей комнаты дрожат. Честное слово. Учится он в строительном институте, но, чувствую, с голосом связывает большие надежды. Только не желает говорить об этом раньше времени. В Хабаровске он почти не пел, а здесь его знает и слышит весь Катэн. Идем ли мы с работы, или даже сидим на доме - знаменитые арии следуют одна за другой. И только лучший друг его - Боб - выглядит равнодушным. Когда я призываю Боба восхититься вместе со мной Юриным пением, он отвечает: «Если бы этот паразит не прекращал при этом топором действовать, тогда бы, может, и стоило...».

Ну вот, кончаю, зовут готовить ужин, отказываться от водки будет трудно, но я пока держусь...

Письмо в Катэн 11 августа. ... Отправила утром тебе письмо, но не могу не писать снова, такое произошло событие! Звонок. Я открываю дверь. «Здравствуйте, Вы - Лидия Николаевна? Я от Виктора Владимировича». - Здравствуйте, проходите, пожалуйста». - «Скажите, нужно ли Вам что, коляска или еще

что?» - «Коляску я думаю купить в комиссионном, а пока укладываю ребятишек на балконе по очереди в старой коляске. Да есть у нас все...» - «Ну, тогда держите деньгами» - и протягивает мне 100 рублей. И такое облегчение на его лице, что не надо никуда больше идти. Я принимаю, благодарю, думая, что это часть твоей зарплаты. А он так стремится уйти, что отвергает все мои приглашения: «Посидите, расскажите» - «Нет, спешу» - «Чаю?» - «Нет», - детишек посмотрите». - Тоже «Нет», но тут же спохватывается, что это неприлично, идет их смотреть, говорит, что его жена тоже сделала дубль, и сначала было тяжело. Потом быстро уходит. И только перед его уходом я понимаю, что эти деньги были - подарок от твоей бригады, но не успеваю как следует поблагодарить. Пожалуйста, Витенька, сделай это за меня. Подумать только, такой большой подарок, и еще прислали человека обо мне позаботиться. Найди подходящую форму благодарности. Обязательно...

Письмо в Москву 14 августа... Наконец-то над Катэном проглянуло солнце, и почтовый вертолет доставил твое письмо от 7-го числа... Рассказ о том, как Тема дважды бегал в больницу, чуть ли не слезы у меня выжал. Все же он молодец! Передай ему, что я очень рад, что он преодолел себя, пошел второй раз в больницу и добился, чтобы врач пришла быстро...

... У меня все нормально. Пока. Последние дни шла непогода - постоянный морозящий дождь. Но ничего не поделаешь - выждать нельзя. Работали под дождем - мокрыми и холодными. Первый дом подвели под крышу, сделали каркасы веранд и кухню. Осталось их обшивать, стелить полы, шифер, цементировать погреба, заборы, тротуары, отмостку. Много еще дел, но нет строганной доски, шифера, половой доски. Ждать надо, когда привезут.

Сейчас работаем на втором доме. Сруб уже доложили почти под верх окон. Таскать под дождем скользкие бревна достаточно неприятно. И все время боишься сорваться. Высота приличная, а брус - узкий и мокрый. Я особенно мандражирую, потому что моей специализацией стало

засверливание уложенных брусьев друг с другом. Делается это просто: взбираешься с тяжелой дрелью на свободно лежащий на срубе брус и сверху начинаешь его протыкать сверлом. Иногда сверло не идет, останавливается, тогда приходится его раскачивать, ложиться на дрель всем телом и по-всякому изгаляться. Когда же сверло пройдет толщину свободного бруса, то перед тем, как врезаться в нижний, уже закрепленный в стене брус, оно трясется как в лихорадке. Тут необходимо хладнокровие и только сильнее нажимать, чтобы быстрее пройти опасную зону. Неприятно еще выводить сверло из просверленного отверстия назад. Тянешь, как морковку за хвост, изо всех сил, и в то же время боишься, как бы самому не упасть, когда сверло выдернется. Но я откровенно осторожничаю и не боюсь в этом признаваться, потому что давно уже усвоил: только тогда ничего с тобой не произойдет, если ты заранее боишься. А дело - делай!

Чувствую себя очень хорошо, вполне акклиматизированным. Только по ночам иногда болят кисти рук (еще в Хабаровске потянул на бетоне). Они у меня всегда были слабыми. Но днем - все нормально. Уверен, что до конца срока вытяну здоровым, только не уверен, что приеду рано...

Письмо в Катэн 15 августа. ... Вчера пришло наконец-то от тебя письмо, такое спокойное и обстоятельное.

Действительно, повезло, что удалось сменить место и вид работы. Но только я не хочу, чтобы ты сбежал со свадьбы. Совсем ненужная обида будет нанесена Сереже. Два дня из двух месяцев - это так мало. И ты не настраивайся на ранний отъезд. И вовсе мне не тяжело. Вот когда все соберутся, и я буду разрываться во все стороны, вот тогда мне, действительно, будет тяжело...

...Сегодня Артемка первый раз мыл пол в двух маленьких комнатах, где он живет. Не обошлось без слез. Почему ему так обидно? Сейчас мы с ним разобрались. Когда ему кажется, что заставляют делать чужую работу, он очень себя жалеет. Но потом, сделав ее несколько раз, привыкает к ней, считает своею, а себя больше не жалеет... Кашляет все эти

дни. На даче начал, а здесь никак не вылечу: не разрешаю полоскать пеленки, выходить на балкон, ставлю банки, горчичники, а все не впрок. Что-то нет у него здоровья на новой квартире. Сквозняков много и ветра...

Письмо в Москву 18 августа. ... Ребята ушли в кино и, зная, что я буду писать тебе, просили передавать детям привет. К нашей переписке они уже привыкли, лишь слегка подтрунивают, когда, получив одно письмо, я на следующий день спрашиваю про новое. Сами они писем практически не получают (одно-два за все время), хотя трое женаты, а у Боба - маленький сын. Выходит, что именно мы - ненормальные...

Но гораздо ревнивее относятся ребята к моим письмам в Хабаровск. Дело в том, что первый месяц они писали туда очень редко (кажется, всего два письма за месяц), что сильно всех нервировало в птичниках и даже возмущало. Когда я уезжал, то обещал, что буду регулярно сообщать о ходе катэновских дел, что и выполняю аккуратно. Но - явно против желания самих катэновцев, хотя каждое письмо я читаю вслух, как бы утверждая и согласовывая его содержание, и избегаю описывать теньевые моменты (недостаточно высокий темп работы, перерыв 7 августа на полдня из-за дождя, высокие траты в столовой - по три рубля в день на нос, эпизодическая выпивка и пр.). Однако не всегда и не все мне удается скрыть. Так, ребята писали, что дорога из Хабаровска в Катэн занимает не меньше двух суток, а я добрался за полдня (включая и оформление в Бичевой на работу).

Пишу я на имя Славы, хотя, по идее, следовало писать Сереже, как бригадиру. Но, зная, в каком антагонизме находится он с основной массой, я боюсь, что он просто не ставил бы в известность всех ребят о моих письмах, делал «политику». Слава же, конечно, будет читать вслух. Оправдываю эту практику непонятливостью своего почерка для всех, кроме привычного Славы. Совсем не хочу, чтобы в птичниках продолжались раздоры, и потому стараюсь не обращаться персонально, а лишь так: «Здравствуйте, ребята! У нас...»

В рассказах катэновцам обойти тему хабаровских разногласий я, конечно, не могу, но всячески подчеркиваю, что разногласия эти - временные, пока не наладилась работа и не выявилась перспектива твердого заработка, а упреки Сережи и Саши-зама - полезны, но часто безосновательны: хоть ребята выпивают, но за работу болеют, это видно... Забавно, что с этим выводом здесь не соглашаются: «Если пить, хорошо работать не будешь. Сергей прав...» Забавно, потому что водка (редко, правда) и здесь не под запретом. Забавно и странно, откуда такое предубеждение. Ведь в первую неделю, когда все работали в птичниках, именно Боб и Юра напивались сильнее всех. Боб даже пролежал первый день в беспамьятстве. А сейчас вдруг - такая святость!

Писем в Хабаровск я отправил уже немало, а в ответ не получил ни одного. Как отрезало. Этот удивительный факт дал повод ребятам еще настоятельнее советовать мне бросать одностороннюю переписку с Хабаровском. Но такие советы я не принимаю... Даже интересно, что ребята ведут себя со мной весьма осторожно и сдержанно, уважительно, не решаются прямо потребовать. А ведь Володю-бригадира задавили так, что он уже ни в чем им не возражает. И только вчера пришло из Хабаровска письмо Сергея (Володе), в котором он сообщает, что работа идет нормально, присылать в Катэн и отзываться они больше никого не будут, но что ребята из компании Саши Григорьича работают плохо: «Мы с Сашком выходим на работу в семь, а остальные тянутся...» и предлагал подумать о понижающих коэффициентах при разделе заработанных денег: «Конечно, будут недовольные, но такова жизнь...»

Очень не понравилось мне это письмо. Не понравилась и реакция на него ребят: «Плохо там, разброд в банде». Без обсуждений. Мои же слова о том, что, насколько я знаю работу всех хабаровских ребят до 5 августа, то никаких коэффициентов вводить не надо, - были встречены молчанием. Ну да ладно, все, в конце концов, утрясется и уладится при общей встрече. Абсолютно в этом убежден.

Вот видишь, какие тут страсти-мордасти. Работать нам осталось неделю с небольшим. Много уже сделано: фундаменты, срубы, потолки, каркасы террас, одна крыша, но много и осталось. А главное, возможны задержки из-за отсутствия строганной доски на полы и обшивку. Да и ребята как-то не торопятся... Но видно, и я устал нервничать, поэтому часто соглашаюсь с ними, надеясь, что «кривая вывезет». Погода у нас наладилась (тьфу-тьфу, не сглазить бы), дожди идут теплые, короткие и не частые. А вчера в субботу, вместо бани, я осуществил свое давнишнее желание: залез с фотоаппаратом в тайгу, на соседнюю сопку. Душа моя была удовлетворена...

121. *Предпоследний банный день. Обычный день, в обед даже дождь пошел, но я твердо надеюсь на солнечный вечер и готовлю фотоаппарат,*
122. *делая первые снимки на «трудовом объекте».*
123. *Вот она - катэновская бригада - молодые и уверенные в себе ребята. Работать с ними было очень, очень хорошо!*
124. *А теперь кусок хлеба в карман - и вперед! На Горелую сопку! Пусть в одиночку, так даже проще...*
125. *За два с лишним часа подъема добрался до вершины Горелой и был в полной мере вознагражден и солнцем, и видами гор.*
- 126-130. *Можете представить мою радость после хехцирской неудачи. Пленки я не жалел.*
131. *Внизу виден Катэн. С трудом различаю его извилины в лесистых берегах.*
132. *А рядом с ним - поселок, он стал мне почти родным.*
133. *Различаю свежий сруб дома, который мы строим, и даже чувство гордости охватывает меня: мой дом виден с Горелой.*
134. *...А дальше, дальше - до Тихого, уже близкого океана тянутся лесистые цепи Сихотэ-Алиня.*
135. *И, глядя на эти облака, с которых, наверное, можно увидеть и Великий океан, я, наконец-то, ощущаю, что пусть ненадолго, на несколько часов, но побывал на Дальнем Востоке...*

140. *Вот и все, что мы смогли показать Вам о Дальнем Востоке глазами шабашника. Я был там два месяца, но часы, проведенные с фотоаппаратом, наверное, можно уложить в сутки. Но и этого достаточно, чтобы убедиться: о красоте этой земли люди не врут.*

141. *До свидания, Приморье, до настоящей встречи!*

Неотправленное письмо в Катэн 18 августа. Родной мой!

Как бы мне хотелось, чтоб ты сейчас был здесь. Это все температура - за 12 дней, что я дома, третий вечер держится 38,5° и выше. Опять воспалилась грудь, опять в ней гнойные комки и меньше молока. «Она» сегодня сосет все время вторая, и ей мало. Что я могу сделать? - Я очень береглась. Я даже чаще вешала пеленки на кухне, чем на балконе. Но ведь нельзя их не прогуливать. Видно, и слабого ветра для меня достаточно... Это трудность, которую я не могла предвидеть, и мне сейчас плохо, а до тебя еще две недели. До чего же я не умею быть больной, я совсем расклеиваюсь. Мне ты бываешь очень нужен в такое время. А писание писем не помогает, мне не становится легче. Темка все кашляет и кашляет, безжалостно леплю ему горчичники, вливаю микстуру и таблетки - ну ни с места! Ну, какой из кашляющего помощник? - Бережешь его, а он сегодня встал утром и в тонкой рубашке после двух одеял вышел на ветреный балкон - смотреть, как забивают сваи. Ну что можно сделать? Закрыть балкон и забыть о его существовании? Артемкин кашель изводит меня совершенно...

Письмо в Катэн 18 августа. Родной мой! Наши ребяташки чувствуют себя хорошо. Все ими восхищаются и говорят, что на тебя похожи... До свидания, родной. Что не дописала - доскажу. Осталось 11 дней. Хоть бы вы во время все закончили...

Первое письмо из Хабаровска в Катэн 19 августа. Витя, привет тебе и всем парням! Вы, наверное, уже получили письмо Сергея с информацией о делах. Мы делаем 5-й птичник, но держит бетон. Вероятно, сможем окончить работу 26-27 августа. Местное начальство заинтересовано, чтобы мы

уложили максимум бетона. Завтра последний день работает и уезжает Саша Григорьич, нас остается 6 человек. Почти все здоровы. Нам нужно уложить еще примерно 40 машин. Сделаем! Билеты. Оформим через управление заявку... Окончательный расчет здесь 29 августа. Для выяснения всех финансовых вопросов в ближайшие день-два предстоит последние переговоры. После этого отправим вам подробную информацию. До встречи, Слава.

Привет, ребята! Сегодня у всей бригады настрой на писание. Очевидно, хорошая погода и благоприятная трудовая обстановка дали толчок к творчеству. Дела наши в основном нормальны. Для статистики: выписаны наряды на 8600 руб. за 5 птичников и за некоторые дополнительные работы думаем сорвать не менее 300-400 р. Потом натянем сетку в готовых птичниках на 600 руб. (как минимум). Есть еще определенные резервы, но раньше времени писать о них не имеет смысла. Мне представляется реальным выйти на рубеж 10.000 р. (опять же, как минимум). Прораб настроен благожелательно, но каждую сотню приходится выцарапывать. О хорошем отношении к нам многие говорят: от рабочих до начальника управления. Постараемся использовать и это.

В день строителя уважаемые бетонщики Сокирко и Григ получили индивидуальные премии по 15 рублей. Был митинг в коровнике. Стол с кумачовой скатертью, графин с водой, председатель завкома - все атрибуты праздника налицо. И под гром аплодисментов передовикам-бетонщикам вручены премии в конвертах (запечатанных). В роли Григ. выступал бородатый мужик в замызганном галифе и комиссарской куртке, в роли Сокирко - Слава, но от его интеллигентного вида (да простит Витя) ничегошеньки не осталось. За высокую производительность, качество, рационализаторство и прочие показатели наша бригада представлена к наградам (не правительственным, но именованным, в размере 200 руб.). Постараюсь завтра или послезавтра написать вам более подробное деловое письмо после окончательных переговоров с нач. управления. Всего вам доброго. Саша Григ.

Гена тоже горел желанием писать, но не хватило бумаги. В следующий раз напишет и просит упомянуть, что каждый день приставал к Сереже, чтобы написать вам письма. Большущий привет от всех нас.

Письмо в Москву 22 августа. Сегодня я получил твое письмо от 15-го. Шло оно, значит, 7 дней. Наверное, так же неспешно идут и мои. Даже жаль, что наша переписка кончается. Еще будут идти твои письма, а отвечать на них - уже нет смысла. Рушится установившийся порядок нашего диалога. Это письмо - последнее.

Сейчас вечер, я лежу в гостинице Бичевой - столицы Хорского леспромхоза. Уже второй день мы с Володей вдвоем ездим сюда из Катэна (65 км горной дороги с 4-мя небольшими перевалами - 5 часов в один конец) строгать катэновскую доску на бичевском станке. Это решение оказывается наиболее рациональным, чтобы успеть закончить стройку, полы и обшивку. Завтра отстрогаем последнюю партию, и я отвезу ее в Катэн. Володя по срочному вызову уезжает домой. Нас остается меньше. А ребята, как мне кажется, не очень беспокоятся (кроме Вити, который фактически выполняет бригадирские функции). Самонадеянность же Юры и Боба так и прет, хотя почти все их планы до сих не выполнялись. Есть у меня подозрение, что ребята специально тянут время, чтобы не кончить работу раньше 26 августа. Кончить работу раньше и приехать раньше в Хабаровск - значит, подвергнуть себя риску дополнительной работы в птичниках (об этом их и просил Сережа в письме). Но я не могу даже высказать эти подозрения, настолько они не доказательны. А по смыслу - все это очень грустно...

Второе, последнее письмо из Хабаровска в Катэн 21 августа. Витя, привет! Скоро конец здешней карьеры. Билеты: Я, Женя и Эдик летим 29-го. Остальные 30-го. Жду от тебя письмо в ближайшие дни и сразу начну действовать, если тебе надо выехать раньше 30-го. Дела: нас осталось 6. С бетоном перебоев нет. Вчера приняли 16 машин, сегодня, без Саши Григ. - 12. Мы вполне справляемся с бетоном. Но много

всяких доделок и дополнительных работ. Положение пока не критическое, но была надежда, что основную массу бетона уложим за несколько дней до отъезда, а не получается.

В остальном все по-старому: здоровье, настроение, питание и пр. Всем большой привет. Слава.

Письмо в Катэн 21 августа. Сегодня 21 августа, последнее письмо. Только 9 дней осталось, и ты поднимаешься (если повезет, то на лифте) на 9-й этаж, откроешь дверь своим ключом или позвонишь, и кончится разлука...

Хабаровская переписка на этом кончается, а про последующее мне придется рассказывать на память...

Конец августа. Сначала мы в Катэне планировали кончить работу в воскресенье, оставив пару дней на прием работы и сдачу инструмента. Еще один день был нужен для оформления расчета в леспромхозе, в Бичевой. А 29-го - свадьба у Сергея, которую никто из оставшихся ребят пропускать не намерен. Но даже в эти предельные сроки мы не уложились. Отменили банный день, работали даже в темноте, но и в понедельник 26-го дела были далеки от завершения.

Во вторник мы работали, каждый час ожидая приезда директора и прораба (по радию уже сообщали об их выезде). А еще не были забетонированы погреб и фундаменты террас, не покрыты шифером кухни, не настелены полы и пр. и пр. С тем, что мы не будем делать отмостку, тротуары и заборы - уже все молчаливо согласились. Однако оставлять не обшитыми каркасы кухонь и террас, или без полов и крыш - было недопустимо. Судьба аккорда висела на волоске.

Слава богу, начальство не приехало ни в понедельник, ни даже во вторник. Как будто чувствовали, что мы отчаянно опаздываем. В ответ на мой очень деликатный упрек ребятам в самонадеянности и самоуспокоенности раньше (когда я приехал, они заявляли, что и сами вполне справятся с двумя домами; а на деле мы даже впятером не успели), Боб и Юра, не моргнув глазом, заявили: «Конечно, справились бы. Просто, если бы тебя не было, другой настрой был бы...». Вот и возьми их за рубль двадцать! Выходит, от моего труда было

больше вреда, чем пользы. Сами не понимают, что говорят. Как дети, уговаривают себя, хотя ясно видно: если сначала и филонили немного, то теперь-то просто не успеваем, сил и времени не хватает...

Халтурили мы в эти дни много. До этого момента большой халтурности, т.е. некачественной работы, у нас не было, а по сравнению с местными полупьяными строителями мы были даже аккуратистами. Симпатизирующие нам катэновские жители, часто посещающие эти дома, примеривали их под жилье тому-то или той-то, а нам говорили: «Да что вы, ребята, так стараетесь? Все равно после вашего отъезда дом будет еще пять лет стоять без движения, пока не сгниет. Что, мы не знаем, что ли...»

Но в последние дни штурма мы сыпали в стены погребов обычный грунт вместо бетона, вместо строганной доски - какая придется, вместо петель - гвозди и тому подобное. Лишь бы обеспечить к приезду прораба товарный вид сдаваемой работы. Говоря словами Боба: «Чтоб было красиво!»

Прораб появился только в среду 28 августа, в обед, через полчаса, как мы кончили прибивать последние доски, укладывать последние листы шифера и оттаскивали от дома кучи обрезков в сторону.

Он появился - в самую точку. Директора с ним не было. И это хорошо. Ну что ж - наметанный глаз прораба сразу отметил недоделки: доски пола уложены, но не пришиты (якобы по просьбе местного начальства), нет перегородок на верандах, зияют щели в наспех проконопаченном срубе, не все закончено на фронтонах и пр. и пр. Не говоря уже о тротуарах и заборах, которые мы и не собирались делать, примирившись с потерей полтысячи рублей. И, тем не менее, прораб закрывает на это глаза, подписывает бумаги о том, что бригада выполнила записанные в договоре работы полностью и с отличным качеством (т.е. подписывает нашу 40%-ную аккордную премию), везет нас в этот же вечер к себе домой в Бичевую, и вместе с нами празднует окончание работы.

Почему прораб так действует? Конечно, не из-за восторга перед московскими ребятами. Наверное, закрытие работ по этим домам важно и ему самому... Он продолжал нас опекать и весь следующий день, когда мы томились в правлении леспромхоза в ожидании своей судьбы (будут деньги, или нет) и провожал вплоть до посадки в самолет на Хабаровск. Это говорило уже о личной приязни, о том, что ребята не зря мне намекали на близкие контакты, завязанные с прорабом еще в июле. Здесь они не прогадали...

На свадьбу Сережи в Хабаровске мы опоздали всего на полтора часа. О ней - особый рассказ. Скажу только об одном, поразившем меня тосте Сережи (единственном): «За крепкую дружбу, за полное взаимопонимание и чуткость в отношениях» - Это так контрастировало с его собственным стилем поведения и, особенно, с тем, что успел мне рассказать об августовской жизни в птичниках сидящий рядом Гена.

Гена выглядел очень удрученным, и, может, поэтому много пил. С моим отъездом он оставался единственным «нейтралом» в бригаде, пытавшимся примирить и сгладить все трения. Но безуспешно. Последней каплей оказалась покупка подарков из 200 наградных рублей, выделенных управлением. Официально каждый расписался в ведомости за полученные 25 руб., Сережа - за 35 руб., и остаток в 15 руб. записали на меня. Однако все деньги Серёжа получил по доверенности и самостоятельно перераспределил при покупке подарков (выдача памятными подарками - было условием прораба. Знал бы он, какая останется от этих подарков память!) Подарки были куплены и выданы. Стоимость их была крайне неравномерной. Но даже не это главное. Главное то, что «за плохую работу» Сережа лишил Женю и Славу этих премий. Сам! И все!

Нормальные (по стоимости) подарки были выданы лишь Саше-заму, Гене и Саше Григорьичу, которого в то время в Хабаровске уже не было (в Москве он отказался взять этот подарок и передал его Славе, как бы компенсируя Сережину несправедливость). Какая-то премия была выделена

для Эдика. Для моих двойняшек Сережа купил две симпатичные куклы «Иванушка и Аленушка». Правда, симпатичные. Но не в этом дело. Ведь главное - Сережа совершенно произвольно и самовольно, без выяснения мнения бригады, обделил Женю и Славу...

Рассказывая все это, Гена буквально изливал душу, жалуясь на Сергея. В будущем он порвет с ним всякие отношения... Слушая, я только удивлялся, почему он не сделал это сразу, а вот пришел к Сереже на свадьбу, и потому многое в его рассказе списывал просто на хмельное возбуждение. Только в Москве мне сказали, что у Гены были с Сережей какие-то особые отношения (тот должен был оформить его на работу или еще что-то), так что Гена не был свободен в своей позиции и нейтралитет его был вынужденным.

Улетел Гена на следующее утро один, раньше нас. Перед отлетом мы условились об общей позиции на будущем собрании-расчете (сам Гена завел об этом речь, сказав, что именно от наших голосов будет зависеть большинство на собрании), т.е. требование равного дележа. Взял мой адрес, обещал заехать в сентябре, но больше я его не видел, а ребятам-«преподавателям» он передал, косвенным образом, что на будущем собрании не будет выступать против Сережи и Саши-зама... Жизнь сложна, и в ней житейская необходимость иногда забывает самые сильные чувства...

Но тогда, на Сережиной свадьбе, в атмосфере праздничности, слышать все это мне было очень странно и непонятно. Совершенно инстинктивно я отделял сообщения Гены от доказанной истины. Допускал, что Гена все путает, и если я послушаю Сережу и Сашу-зама, то события, возможно, предстанут в другом свете. Так часто бывает, и потому я привык к осторожности в обвинениях. Рассчитывал еще на неоднократные беседы с Сережей и Сашей-замом и со всей бригадой в целом - как у меня на новоселье, куда я всех усиленно приглашал после Лилиного письма о визите Кости, так и на итоговом собрании. Конечно, Сережа, наверняка,

зарвался с подарками в своей запальчивости и раздражении. Но в Москве все уляжется и разберется.

В аэропорту нас ждала последняя неприятность: представитель Хорского леспромхоза, который должен был купить на четверых из Катэна билеты в Москву за безналичный расчет, неправильно оформил документы и не смог купить нам билеты. 400 с лишним рублей снова повисли в воздухе. Договорились, что летим за свои, а леспромхоз нам после присылки авиабилетов вышлет эти деньги в Москву. Но, как подсказывало мне предчувствие, денег этих мы так и не получили.

...Да, непростое дело - шабашка, сложные отношения взрослых людей, не говоря уже о самом тяжелом труде. Но все они измеряются в том количестве денег, которое каждый из нас получит после окончательной дележки и тем способом, которым он их получит... И все это - отходит на задний план, когда ты сидишь в самолете и с каждым часом приближаешься к своему дому. Особенно, когда дома такие изменения...

Однако в Москве мы не сразу разбежались, а из аэропорта сразу поехали домой к Саше-заму, где и состоялась предварительная дележка денег. Я очень торопился, наотрез отказался участвовать в выпивке, но осторожное предложение Сережи по дороге с аэропорта - «Езжай домой, а деньги передадим позже» - не принял. Уж очень важный разговор должен был состояться у Сережи и Саши с катэновскими ребятами, чтобы я отказался в нем участвовать.

Это была колоритная картина: шесть, в основном бородатых, мужиков сидят в маленькой комнатке, заперлись и считают кучи десятков и рублевок. К сожалению, не запомнил цифр, которые они проверяли и перепроверяли, но в целом, общие чистые деньги бригады после вычета авансов и налогов, составили около 11 тысяч рублей, т.е. около 900 рублей на человека, если учесть обещанные из Катэна деньги за дорогу четверым. В целом, это был неплохой итог, хоть и меньше, чем мы рассчитывали в Москве перед отлетом.

Ставится вопрос: будем ли оплачивать дни болезни или нет? Вспоминаем, что еще в Москве решали, что не будем, и, кажется, нет резона менять это решение. Значит, нет. Сергей достает свои записи и говорит, сколько времени кто не работал: болел, раньше уехал и пр. Подсчитывается общее количество рабочих дней и стоимость его: 17 руб. 65 коп. Теперь можно определять заработок каждого. Вот теперь наступает самое важное. Говорит Сергей: «Мы с Сашком считаем, что нужно установить коэффициенты: для Славы - 0,8 и для Жени - 0,7» Вот так! Все, рассказанное Геной, становится для меня полной реальностью. Но почему предлагаются меры только к двоим «преподавателям»? Ведь в июле больше всего упреков посвящалось Эдуарду, как «основному пьянице и разлагателю коллектива»? Разглядели его, что ли? Или троих наказывать слишком опасно, неполитично? А Сережа продолжает: «Думаю, что такого же мнения придерживаются Витя Сокирко и Гена. Володя перед отъездом звонил мне из аэропорта и тоже сказал, что во всем поддерживает позицию бригадира. Так что это мнение большинства...»

Почему-то вспомнился вчерашний пьяный разговор с Геной, его фраза: «А помнишь, Витя, как Сергей все убеждал тебя, что Слава тебе не друг, что он тебя предал? - Неспроста это». А сейчас Сережа прямо грозит, что «заставит Славу ценить деньги» (в отместку за ставшую знаменитой фразу: «Деньги для нас не самое главное»).

После Сережи наступает моя очередь говорить: «В июле я имел претензии к работе Жени, но к Славиной - нет. Он, может, неудачно теоретизировал, но это не повод для понижения заработка». Да и вообще в июле мы ко многим имели претензии (действительно, в ответ на упреки Сергея у «преподавателей» родились контр-упреки против работы самого Сережи. Об этом открыто говорил на вечерних беседах Саша Григорьич. Я и тогда, и теперь - против любых персональных обвинений, но надо признать, что против Сережи они были более обоснованными). Но сейчас надо

учитывать главное - что дело сделано, шашка окончена успешно. А воспитывать - нечего. Поэтому считаю, что никаких понижающих коэффициентов вводить нельзя. Не говоря уже о том, что решаться этот вопрос может только на общем собрании. Кстати, я подробно говорил с Геней по этим вопросам. Он очень удручен всей историей с подарками и считает, что Славу и Женю обделили незаслуженно, а также считает, что заработок надо делить поровну».

Неприятно поражен Саша-зам: «Если бы ты видел, как они работали в августе, сам плевался бы». - «Но что я могу сделать, если работал с вами только в июле».

Для Сережи, видимо, мое заявление не было такой уж неожиданностью, зато его сразило (неожиданно для меня) сообщение о позиции Гены. Опровергнуть он не может, и молчит. Теперь очередь за катэновскими ребятами. Вполне резонно их мнение формулирует Витя: «Мы в птичниках почти не работали, ничего сказать не можем, а если этот вопрос будет обсуждаться на собрании, то мы должны будем воздержаться. Если хотите, мы можем выделить внесенные нами деньги (их было около 3500 р. - как я потом считал, в расчете на 1 катэновский человеко-день было заработано даже чуть меньше, чем на птичниках - вот тебе и выгодный подряд!) и рассчитаемся между собой поровну. А вы делитесь, как хотите...»

Вот теперь обстановка становится совсем ясной. Сережа и Саша-зам - в практическом одиночестве (ссылка на принципиальную поддержку Володи неубедительна, да и фактически неверная, как потом выяснилось). Оценил ли это Сережа? Да, конечно. Он говорит: «Есть еще другое предложение, необходимое. Выделить премиальный фонд, который и распределить согласно заслугам каждого. Ввести поощрения...»

Лично для меня - здесь самый интересный момент, ибо я согласился с предложением Сергея, и тем самым как бы санкционировал все, что произошло после. Почему согласился?

Ну, во-первых, потому что находился в этой комнате в одиночестве, хотя в целом и представлял большинство. Однако убедить присутствующих в правоте равного дележа я не рассчитывал. В лучшем случае, решение вопроса отложили бы до собрания. Но так, собственно, и звучало мое согласие: «Да, поощрительный фонд можно образовать, а как его распределить, решим на собрании». Для меня самого это звучало как достижение разумного компромисса с Сережиной позицией, никого не ущемляющего. Но не только... Почему-то стыдно об этом вспоминать, но так было, не хочу скрывать. Сыграло свою роль и желание самому получить поощрение больше среднего. В своем праве я был уверен - по отзывам и самого Сережи с Сашком, и «преподавателей». За оценку «катэновских волков» поручиться было труднее, но все же упреков за работу мне там не было. Нет, это не было желание получить дополнительные деньги любым, даже бесчестным путем. Разумеется, все должно было определить собрание. Но я был уверен, что собрание даст мне не ниже среднего, и потому так легко согласился с предложением Сергея.

...Это была ошибка. А тогда дело вертелось быстро. Боб предложил насчитать каждому по 16 рублей за рабочий день, а оставшиеся 960 рублей распределить уже неровно на собрании: «Еще раз соберемся, окончательно переругаемся, и все закроем» - подытожил он. Так и сделали. Те, кто отработал полный срок, получили по 816 рублей, остальные деньги Сергей оставил до собрания...

Я описываю весь этот разговор много длиннее, чем он шел на самом деле: быстрый, неровный, напряженный... Получив свои деньги, я откланялся. Никто меня особенно не удерживал. Я думал, потому что знали, куда я тороплюсь...

Сентябрь. На следующее утро после моего приезда мы с Темкой отвезли Лилю и двойняшек в больницу. Никогда мне не было так страшно смотреть, как вчера вечером, когда Лиля кормила сына и не могла закрыть пораженную маститом грудь: распухшую от гноя, багрово-красную, сплошной безнадежный гигантский нарыв. Это ужасное зрелище до сих

пор вспоминается со страхом. Уже много дней у Лили держалась температура выше 38°, врач-хирург в поликлинике уже ничего не могла сделать и требовала госпитализации. Но Лиля ждала меня, продолжая про себя надеяться, что каким-либо чудом все образуется. Но день ото дня становилось хуже. Как было бы кстати, если бы я приехал раньше!

«А может, мне все же не ложиться на операцию? Ведь, наверное, не меньше трех дней продержат, а как же они без молока будут? - спрашивала Лиля, - может к знахарке поехать, мне адрес дали...» Но я уже не хотел слышать ни о какой знахарке. Раньше - может быть, но сейчас - уже поздно, надо спасаться, немедленная операция! Ведь именно из-за моей шабашки Лиля не смогла уберечься и довела свою болезнь до крайности.

Операцию ей сделали на следующий день, в воскресенье, выкачав пол-литра гноя («ужасный двусторонний мастит») и запретив даже появляться к ребятишкам на нижнем этаже. Выпустили же из больницы только через месяц, что считалось еще большой удачей.

Этот месяц мы жили с Темой вдвоем. В один из вечеров нас посетил Слава для обмена информацией. Оказывается, Сережа так и не выдал им деньги (если не считать выданные еще в Хабаровске 400 руб. аванса). И найти его невозможно. Славино возмущение было понятно: ему в сентябре надо отдавать долги, деньги заработаны, а находятся черти где!

Конечно, я рассказал, что было решено на сходке у Саши-зама. Не скрыл и Сережину позицию, но она не удивила Славу. Он был очень ожесточен: насколько благожелательно и восхищенно он характеризовал мне Сережу в июне, настолько же отрицательно и мрачно он описывал его работу и поведение сейчас. Мне казалось, что он явно перебарщивает, но история с подарками и коэффициентами была, действительно, безобразная, и Слава имел основания для раздражения. Я его успокаивал, говоря, что Сергею некуда податься. Будет итоговое собрание, на котором Сережа и

Саша-зам окажутся в одиночестве. Собрание сделает выводы. И уроки на будущее. Только надо провести его организованно. Для этого у Саши Григорьича есть все возможности. Слава согласился...

В следующий раз мы встретились с ним уже на его территории, в конце сентября. Он рассказал, что произошел окончательный раздел денег и передал мне мою долю - 4 рубля!

Вот как происходил этот дележ. Неделю назад появился в Москве Сережа и передал «преподавателям» их долю денег (816 р.-400р.). Что же касается выделенного премиального фонда в 960 р., то, пользуясь своим «правом бригадира» (?), он их распределил следующим образом: 1) себе и Володе выделил по 100 рублей за то, что они вылетели в Хабаровск на неделю раньше, как за рабочее время; 2) 200 руб. выделил, как подарок себе от бригады на свадьбу - по 15 рублей с человека; 3) остальные деньги распределил в виде премии: по 100 руб. - себе, Саше-заму и Вите-катэновцу, по 80 руб. Юре и Бобу, 50 руб. - Саше Григорьичу, по 25 руб. - Гене и мне, остальным - ничего. Собирать собрание Сережа считал нецелесообразным и бессмысленным. Еще бы! Разве могло собрание утвердить такую дележку: 400 рублей - бригадиру, остальные почти целиком - его приближенным?

Переговоры с Сережей повел Саша Григорьич, который, с одной стороны, был признанным лидером «преподавателей», а с другой стороны - имел полную возможность надавить на аспиранта своей кафедры Сережу по административным и прочим институтским каналам. Саша Григорьич отказался от предложенной ему премии и потребовал «передележа». Что было делать Сереже? - Если бы не было такой личной зависимости от института, то, наверное, просто игнорировал бы требование Саши Григорьича. Но в данной ситуации он ссылался лишь на то, что деньги уже розданы, «потрачены», изъять их обратно невозможно... Ну, а деньги, присвоенные им самим? - Да, конечно... Очень бы мне хотелось видеть, как Сережа отдает деньги, которые считал

уже своими, кровными. Первым делом Саша Григорьич заявил, что они, «преподаватели», на свадьбе у Сережи не были и в подарок ему участвовать не собирались. Пришлось Сереже отрывать соответствующую часть от 200 рублей подарка (15р.х5=75р.). Потом было заявлено, что неделю до нас Сережа и Володя не тачки с бетоном возили, поэтому оплатить можно только командировочные по 5 рублей в день и не больше. Пришлось Сереже и за себя, и за Володю еще отрывать по 70 рублей. Что касается самих премий, то здесь Саша Григорьич встал в тупик: принудить всех катэновцев к возвращению денег он не имел возможности. Так, прослышав про «переговоры», Саше Григорьичу звонил Саша-зам и заявил, что полученную им премию 100 р. он не вернет назад ни при каких условиях, потому что считает ее не премией, а оплатой более длительного рабочего дня (он с Сережей раньше начинал рабочий день, но, правда, и раньше его оканчивал). Поэтому Саша Григорьич удовлетворился только изъятием тех денег, которые Сережа еще не успел раздать: мне, Гене, себе. На этом и был достигнут «компромисс» с Сережей. Выцарапанные таким образом деньги распределили следующим образом: 1) 50 руб. выделили поварихе; 2) оплатили больничные дни, как рабочие; 3) оставшиеся деньги поделили поровну. Получилось по 4 рубля на нос, которые мне и передал Слава.

Наконец, последнее: запрос в Бичевую о невыданных деньгах на дорогу в Москву для четверки, Витя и Сережа так и не послали. И «преподаватели» с этим согласились, боясь скандала и возможной огласки в институте. Меня эта потеря особенно возмутила, поскольку в Хабаровске я, наверное, больше всех переживал, чтобы эти деньги не пропали и были нам выданы. А тут - даже не пытались их получить. В такой ситуации Сереже и К^о ничего не стоило получить эти деньги втихую и подвергнуть их сепаратному разделению на пятерых. После всего услышанного такой вариант казался мне вполне возможным.

Переварить все рассказанное было трудно. Слава глядел на меня снисходительно: «Вот, видишь, а ты нас не поддерживал...» Объясняться с ним в очередной раз я не имел сил. Только сказал, что считаю необходимым собрание. Сам же Слава считал, что собираться не имеет смысла: ругани будет много, а возможный выигрыш в деньгах - небольшой. Не стоит ломать копыя. А то, что Сережа и его компания одержала в конечном счете «победу», хотя на стороне «преподавателей» было и право, и большинство, и силы внешнего влияния, для Славы и Саши Григорьича, по-видимому, не было важным. В сравнении с предстоящими ссорами и... возможной оглаской.

Поэтому на следующий день я обратился к Саше Григорьичу с письмом следующего содержания: «Дорогой Саша! После фантастического рассказа Славы о действиях Сережи по распределению нашего заработка и о твоём с ним компромиссе, мне остается просить ясности и только ясности. К черту недомолвки!

Ты знаешь, что я поехал в Хабаровск только из-за денег и приложил все усилия, чтобы заставить себя и других больше работать и зарабатывать. Ты знаешь, что только из-за этого я поддерживал Сережу и любого в требованиях большей производительности и организованности в работе - с одной стороны, и уменьшения расходов на питание - с другой.

Как я понимал, с самого начала был молчаливо принят принцип равного распределения заработанных денег. Собственно, на этих принципах мы и пришли в бригаду. Можно ли сейчас изменить этот принцип? - Наверное, можно, если на то будет согласие и желание подавляющего большинства бригады. Да и то не совсем законно, потому что любой из нас мог бы и не прийти в бригаду, если бы знал заранее о такой форме оплаты. Тут есть элемент некоторого обмана. Но все же - можно, потому что ведь и отдельный человек может обмануть бригаду, работая из рук вон плохо, но при этом рассчитывая на одинаковые с остальными деньги.

Такие коллизии возможны. Однако почти единодушное мнение по такому вопросу всей бригады просто необходимо.

Что же получилось на деле? Собрания не было, а было лишь предложение Сережи и Саши-зама о дифференциации заработка. В большой спешке и походя оно обсуждалось только частью бригады 30 августа на квартире Сашка (было 6 человек, меньше половины состава)... Было принято предложение об образовании резервного фонда, который может быть распределен не поровну, а по усмотрению бригады, а по основным деньгам остался принцип равенства... Но то, что Сережа самовольно распорядился этим «фондом», абсолютно незаконно и противоречит даже договоренности 30 августа. Однако, Саша, столь же незаконен и твой компромисс с Сережей. Какое вы со Славой имеете право решать за всех? Почему мы должны отказаться от собрания и тем самым согласиться с ущемлением своих прав и с полной неразберихой в голове? Ясность должна быть внесена - и именно на собрании, которое сделает ясные выводы и, выражаясь высоким стилем, «восстановит справедливость».

Возможности для этого у тебя, Саша, есть. То, что ты отказываешься от Сережиной премии лично себе - очень благородно, но далеко не действенно. Ты страдаешь беззубостью добра, что способно привести к плохим результатам. Лучше не отказываться от своей премии, чтобы сохранить в чистоте совесть, а просто требовать справедливого решения. Справедливость же может быть установлена на собрании большинством голосов (конечно, - относительная справедливость, но, к сожалению, лучшей не бывает).

Нынешний твой компромисс с Сережей приводит к тому, что Сережа в основном добивается своих несправедливых целей и, мало того, совращает на этот путь других - Юру, Бориса, Сашку, демонстрируя им, что беззастенчивость в распределении денег приводит к материальным выигрышам, даже если и сопровождается некоторыми моральными

неудобствами. А самое главное - вселяет в нас на будущее глубокое недоверие к своим же товарищам по шабашке.

Пожалуйста, Саша, не думай, что я строю из себя очень порядочного и справедливого человека. Напротив, я слаб, как и многие. И вполне возможно, что если бы мне была выделена большая премия, я не возражал бы против этого слишком сильно. Но к большой подлости и несправедливости я, кажется, неспособен. Слава богу, решение Сережи позволяет мне легко примирить свои моральные и материальные интересы.

Теперь попытаюсь сформулировать свои пожелания, или требования, если хочешь: 1) Окончательный перерасчет должен быть произведен на общем собрании и им утвержден.

2) Поскольку в Хабаровске бригадирские функции во многом вел ты, хорошо знаешь объем работы и его цену, а в Катэне в аналогичном положении находился Витя, вы должны вместе аккуратно свести весь денежный баланс (заработок, аванс, дорога и пр.), проверить и подготовить исходные данные для быстрого расчета на собрании. Кстати, это необходимо еще и для того, чтобы приучать людей к аккуратности в обращении с деньгами. Я не хотел сперва говорить об этом, но следует привести пример: в Хабаровске мы покупали цветы на свадьбу Сережи - из общих денег, потом Боб и Витя уже в аэропорту покупали себе дорогие книги - как я потом понял, тоже из общих денег, т.е. фактически за счет бригады. Во всем этом следует разбираться. Надо, ибо только при точном счете денег возможно полное взаимодоверие в любом коллективе.

3) Обязательно должны быть получены деньги из Бичевой за проезд 4-х в Москву - 432 рубля. Все соображения о том, что это опасно, что возможен скандал в институте - ахинея. Возможен только отказ леспромхоза от высылки денег (но маловероятный). Поскольку теперь у нас поселилось недоверие друг к другу, попытка получения этих денег должна быть обязательно осуществлена до конца - хотя бы до получения официального отказа.

4) Об оплате больничных дней. До отъезда в Москве и 30 августа у Саши-зама никто не возражал против неоплачиваемости этих дней. Вы теперь решили по-другому: оплатить полностью. По совести говоря, мне кажутся справедливыми оба решения: никто не виноват в своей болезни, но с другой стороны и остальные в ней не виноваты. Наверное, истина в середине: оплата 50% или командировочные. По себе я знаю, что если б заранее было известно о полной оплате больничных дней, 1-2 дня своей болезни в Катэне не смог бы заставить себя выйти на работу, что, соответственно, повредило бы общим интересам. Но решать этот вопрос должно также только общее собрание.

5) В отношении оплаты качества работы. Мое предложение: поделить все деньги поровну, как это и подразумевалось с самого начала (по числу отработанных дней). Поскольку сейчас идет речь о принципе, то следует это равенство соблюсти педантично: записать нам четверым покупку цветов на свадьбу Сережи, Вите и Борису - покупку книг, как личные долги в общую кассу, а, с другой стороны - подарки управления также считать общим доходом. Все рассуждения о «нетрудовой сути этих подарков» и пр. - чепуха, на мой взгляд! Если равенство - то пусть будет полное.

Может особо встать вопрос о 100 руб., привезенных Костей моей жене в подарок двойняшкам от бригады. Так я расценивал это до сих пор. Я не знаю, насколько единодушным было это решение. Ребята из Катэна явно не могли высказывать свое мнение при его принятии. Так что и этот вопрос решен не чисто. Думаю, что тем, кто не был согласен с посылкою этих денег, я верну его долю. Также как это совершенно справедливо было сделано с подарком для Сережи.

б) Однако, если кто-нибудь будет настаивать на дифференциации заработка и собрание с этим согласится, то у меня будут следующие предложения:

а) Обычно бригадиру платят больше. И это справедливо и полезно. Однако Сережа в Хабаровске и Володя

в Катэне как бригадиры оказались явно не на высоте. В Москве мы рассчитывали на чистый кусок каждому - так нас ориентировал Сережа. Не получилось как раз из-за его неудачливости, недальновидности, нераспорядительности, а не из-за бригады. По совести, бригада сделала почти все, что было в ее силах для выработки максимума в условиях, выбранных Сережей. Создание склочной атмосферы в бригаде - также во многом вина Сережи. К Володе нельзя применить слово «вина», но с руководством ребят в Катэне он явно не справился. Фактическим бригадиром стал Витя. Поэтому о бригадирском поощрении Сереже и Володе не может быть и речи, а лишь об их личном трудовом вкладе. В этом плане я сам никаких претензий к ним не имею.

Премию же за бригадирство заслуживают Витя и ты.

б) Я против каких-либо дополнительных поощрений ребятам, работавшим в Катэне. Думаю, что мое мнение здесь должно быть весомым, поскольку только мне пришлось поработать в обоих местах. И жить, и работать в Катэне было явно легче. Кроме того, я убежден, что усилий для заработка было там потрачено меньше, чем в птичниках (ребята меньше нервничали - а это очень важно). Постоянная самоуспокоенность и хвастовство привели к тому, что в полном объеме работа в Катэне не была выполнена (из-за этого не досчитались 500 р. как минимум), а итоговая стоимость рабочего дня в Катэне оказалась меньше, чем в Хабаровске. А ведь подряд там был более выгодным, и бригада была бы вправе рассчитывать на получение больших денег. Так за что же их поощрять?

в) Я уже говорил Славе и не отказываюсь, что если вести речь о поощрении в оплате в зависимости от реального вклада каждого в общий заработок, то нужно рассматривать именно вклад в объем полученных бригадой денег, и только. В этом плане вклад бездетных ребят на 6% меньше, поскольку с них вычитали налог за бездетность. Не наше дело обсуждать справедливость этого налога. Он - факт, и бригада в этом не виновата. При нашей же форме расчета мы как будто

соглашаемся, что этот налог несправедлив, и за свой счет доплачиваем по 50 р. каждому из бездетных ребят. Такое решение возможно, но и оно должно быть четко обсуждено и подтверждено собранием бригады.

г) Что же касается тонких оценок реального вклада каждого, то сейчас я не рискую быть точным и выделить особо отличившихся. По разным критериям можно выделять разных людей: если по квалификации - то Сашу-зама и Эдика, если по силе - то Костю, если по старательности - то Гену и Володю, если по изобретательности, то Слава, например, выделял из всех Женю. Когда 30 августа я согласился с возможностью поощрительного, т.е. неравного распределения оставшихся 960 р. (+430 р. за дорогу), то подразумевал, что в целом каждому достанется по сотне с небольшой вариацией в десятки рублей - и по полному согласию бригады. И только так. Сейчас же, после произошедшего, мне кажется невозможным добиться единодушия по таким тонким оценкам и поэтому оставшиеся деньги (за исключением бригадирских) должны быть разделены поровну.

д) Собрание должно быть создано как можно быстрее, причем каждый должен придти с некоторой суммой денег, чтобы вернуть их тут же, если это окажется нужным после перерасчета.

На собрании надо выбрать председателя и провести его предельно четко.

Вот, кажется, и все. Прошу тебя, Саша, показать это письмо всем ребятам, которых увидишь, и считай его моим выступлением на этом форуме. А в том, что он должен состояться, я не сомневаюсь. Иначе ты останешься заодно с Сережей в сохранении его несправедливостей и потеряешь лицо.

Я изо всех сил старался и стараюсь сохранить о каждом доброе мнение. Думаю, что и Сережу смогу понять, хотя сейчас решительно не понимаю. Два месяца назад вы все сделали подарок моим двойняшкам. Я всех приглашаю к себе

на новоселье и их крестины. Это приглашение сегодня остается в силе. Вы просто обязаны к нам придти...

Октябрь. На новоселье к нам пришли только «преподаватели»... В общем, они были согласны, что собрание надо провести. Но было видно, что Саше Григорьичу, на которого должны были лечь основные хлопоты, очень не хотелось продолжать «эти дразги». Возможный выигрыш в рублях был несоизмерим с нервной энергией, которую предстояло потратить, чтобы заставить Сережу и его друзей придти на это собрание. Тем не менее, уговорились провести его 19 октября.

Но прошел и этот срок, прошел и следующий, и стало ясно, что собрание не состоится, а история хабаровской шабашки окончилась!

Уроки Хабаровской шабашки

Так Сережа и остался для меня непонятым. Каковы мотивы и причины его действий? Ни снисходительные объяснения «преподавателей»: «Мальчишество, глупость, жадность к деньгам, плохой характер...», ни самозапугивающие описания сталкивающихся с ним людей: «Мне страшно видеть его постоянно смеющиеся голубые глаза, его не сходящую с лица улыбку, как будто передо мной - живая маска, как будто - Фантомас...» - меня не удовлетворяют. Но попробуем разобраться.

Рассказывают, что в прошлогодней сахалинской шабашке (где он был рядовым членом бригады) Сережа скандалил из-за денег. Сам же он рассказывал об этом по-иному: «Вот мы были на Сахалине с Володей. Так остальные пили, а мы нет, поэтому привезли домой по полторы тысячи рублей, а пьяницы - наполовину меньше». Связав эти сообщения, можно понять, что такое огромное различие в итоговом заработке произошло не только из-за «пьянства этих», а и благодаря скандальным действиям самого Сережи... Наверное, оттуда Сережа увез не только деньги, но и опыт, как

их «делить скандалом», убежденность, что именно такая «деятельность» наиболее результативна в смысле получения личных денег. Возможно, что хабаровский опыт укрепит его на этом пути, и что выработанную тактику он применит еще не раз.

Когда в птичниках, еще в июле, мы обсуждали мрачные перспективы нашего заработка, меня удивило, когда он смело утверждал: «Да, мы должны вернуться с чистой тысячей в кармане, иначе - какой ты мужчина...» и убеждал меня, что у него есть еще в запасе резервы получения денег, о которых пока рано говорить вслух... Может быть, тогда он другое имел в виду, но сейчас видно, что именно «резервы склоки», действительно, обеспечили чистую тысячу не только ему самому, но и своим «твердым приверженцам» (816р. + 100р. премии + 25р. подарка+430р.за 5 авиабилеты из Бичевой). Так что тогдашние Сережины слова следовало понимать иносказательно: «Держись за меня, и вернешься к жене с тысячей в кармане».

Только теперь, после переоценки всего произошедшего, я стал понимать, что с самого начала Сережа вел линию на разделение бригады, на формирование верных ему людей в противовес сразу отделенных «преподавателей». С этим связано и его ожесточение против Славы, который до Хабаровска не входил в компанию Саши Григорьяча, был приглашен самим Сережей и, по идее, должен был за него держаться, а тут - «вероломно предал».

С этой же линией связано и усиленное обхаживание меня самого, безмерные похвалы моей работе («только на тебе и держится второй бетоноприемник») и признание в особой привязанности («я уже говорил Славе: как увидел твоего Витюшу, так сразу в него влюбился») и даже доверительные признания («у меня одна цель - разбить, разделить эту компанию пьяниц» - имелась в виду отправка одного из «преподавателей» в Катэн) и даже его активное согласие на подарок моим двойняшкам через Костю (не знаю, кому первому пришла в голову эта мысль, но в тогдашней ситуации

моего противостояния «преподавателям» для меня было естественным предполагать главную инициативу в этом за бригадиром, и, возможно, он это также учитывал).

За все это я должен быть ему благодарным. И я был благодарен и всячески подчеркивал свое уважение. Но по Сережиным понятиям из долга благодарности логически вытекает «долг личной верности» по принципу: «Враг моего друга - мой враг». А этого я даже не понял, не выполнил, значит, совершил «предательство»

По-видимому, той же тактики он придерживался с Геной и другими ребятами: похвалы и услуги, заманчивые обещания будущей денежной шабашки, а потом - и материальные подарки в ущерб другим. Последнее очень важно, ибо когда человек воспользуется чем-либо в ущерб другому, он лишается привычной моральной уверенности, и в попытках самооправдания неизбежно хватается за авторитет «бригадира», взявшего на себя грех ответственности. Так рождается фюрерство.

Иногда я пытаюсь представить себе продолжение дележки 30 августа в подробностях. Вот я вышел из квартиры Саша-зама. Что могли говорить оставшиеся обо мне в разговорах после выпивки? «Да, перекинулся все же Сокирко на сторону пьяниц («преподавателей»)»... вслед за своим дружком Славой... Старые связи сильнее правды... Вишь, чем Сережу пугать вздумал: «Как вы в институте встречаться будете?... Но ведь этим он и нас всех подвел страшно. А казался принципиальным. Еще и Гену распропагандировал... Ведь теперь на общем собрании «они» будут в большинстве и, ясное дело, премиальные деньги все на себя разделят...Вон, на Сережу уже в открытую катили бочку, что плохо работал... Мы эту шабашку организовали, вкалывали, как проклятые, сделали все за них, а эти гады заберут наши деньги себе на пропой, да еще посмеются над нами... Один выход: поделить премиальные деньги сразу, а они потом пусть прыгают, как хотят - правда ведь на нашей стороне! «Они» без нас все равно ничего не сделали бы, нуль без палочки... Володя нас

поддержит (не подтвердилось), с Геней надо поговорить как следует, чего он там Сокирко пожаловался... В крайнем случае и большинство обеспечим. Прорвемся, парни... Но лучше не рисковать общим собранием. Ведь у Сережи есть «право бригадира». Так всегда делается... Да, кстати, и эти деньги за 4 билета из Бичевой. Все согласны, что их приплюсуют к премиальному фонду? Сокирко тоже не возражал, так давайте и их разделим после получения по справедливости, между собой, без пьяниц... Да и вообще им говорить об этих деньгах не следует. Зачем гусей дразнить...»

Может, такого разговора и не было 30 августа. Может, его не было и позже, и даже между самыми близкими друзьями: Сережей и Сашей. Может, обсуждение столь резкой отчетливости Сережа не вел даже наедине с собой, а делал все интуитивно... И все же этот разговор очень правдоподобен.

Вообще говоря, вырисовывается логичная и стройная система в Сережиных поступках, система особой морали и принципов: разделять, властвовать, награждать верных, наказывать «предателей» (Славу, меня, Гену). В ней, собственно, нет ничего удивительного. Ею пользуются многие: от самого дна воровских шаек до самого верха политиканов всяческих диктатур. Удивительна только та смелость, с которой он использовал ее против «преподавателей», против Саши Григорьича, от которого в некоторой степени зависит по институтской работе. Наверное, тут срабатывает правильный инстинкт: подлости от интеллигента-преподавателя можно не опасаться, даже если ему сделают гадость - не захочет пачкаться, пройдет мимо (и эта интуиция блестяще оправдалась).

Удивительно было и то, что тактика привлечения «верных» и «наказания врагов» касалась только части бригады. Ни за кого из «преподавателей» Сережа не боролся (кроме Славы), сразу же записав их в пьяницы и негодные работники (в целях нейтрализации исключение было сделано только для Саши Григорьича). Но, возможно, что в этом тоже был неосознанный расчет. Возможно, что с самого начала

Сереже думал о понижающих коэффициентах для части людей, за счет которых можно повысить заработок (вернее сказать, доход) себе и своим «верным». Но...молчал до поры и выбирал «жертвы».

«Такова жизнь» - звучит в моих ушах Сережина фраза из письма в Катэн с открытым предложением о введении понижающих коэффициентов для компании Саши Григорьяча. «Такова жизнь» - остается повторить всем участникам нашей хабаровской коммуны-артели. Не она первая распалась с таким треском, не она последняя. Для меня она будет связана не только с противоречивым обликом Сережи (до сих пор, вспоминая его разговоры, доверительность, восторженный лепет про свою невесту, мне все вышеописанное кажется невозможной фантастикой, надуманным бредом), но и с Костей, пришедшим в августе к Лиле с бескорыстной и щедрой готовностью помочь от практически незнакомых нам людей;

- Не только со спорами, ссорами и обидами разноплановых людей, с матом и водкой, но и с человеческой взаимопомощью, благожелательностью друг к другу, интеллектуальным общением; не только с тяжким и грубым физическим трудом, иногда непроизводительным (и вправду, ведь было бы легче равнять и бетонировать полы в птичниках, если бы в их стенах были предусмотрительно оставлены проезды для техники), и иногда и халтурным по просьбе и выгоде начальства (экономия бетона на уменьшении толщины пола) или по спешке и необходимости (сдача домов в Катэне), - но и с сознанием значительности и важности этого труда. Мы делали работу в целом неплохо - лучше, качественнее и быстрее местных строителей. Мы знали, что птичники и дома в Катэне, действительно, нужны людям.

Эта общественная полезность нашего труда проявлялась и в оплате (престижность ее мы хорошо чувствовали) и в большом уважении к нам начальства и окружающих местных. А главное - давно я не ощущал такого удовольствия от равного энтузиазма к работе у всех, кто

работает с тобой рядом, от труда всех «за совесть». Только тот, кто работал в такой шабашке, где все заинтересованы в работе каждого, может сказать, что он испытал коммунистический труд «по способностям». Там каждый болел за дело, каждый спешит туда, где он больше всего нужен, каждый старается сделать максимум и был рад, видя, что товарищ ведет себя так же. Только тот, кто испытал это, знает, сколь большое он получил удовлетворение, не идущее ни в какое сравнение с нудностью и серостью обязательного труда, даже на субботниках, где копошатся не люди, а ленивые рабы, где все смотрят не за тем, чтобы работал по способностям и в полную силу, а наоборот - чтобы каждый работал поменьше и не выпендривался больше других (ибо - «зачем на них работать?»)

Я не был разочарован хабаровской шабашкой, хотя и не испытал от нее сильного восторга. Может, причина этого кроется во мне самом, постаревшем и потерявшем способности к юношеским иллюзиям и надеждам на близкий и абсолютно светлый коммунизм. Но, может, дело в форме: именно «шабашная», артельная форма коммуны с ориентацией на большие деньги, на точный взаиморасчет и взаимопомощь - наиболее устойчива и жизненна сегодня. Она вполне удовлетворяет, с одной стороны - потребности старшего поколения в коммунистическом дружеском общении в труде (Славино: «Деньги - не главное» как раз и выражают эту потребность), что редко осуществляется в обычных условиях нашего хозрасчетного, денежного общества, а с другой стороны - удовлетворяет потребности младшего (Сережиного) поколения в деньгах, позволяя им вписываться в традиционные для страны формы артельного коммунизма.

Конфликт же Сережи и его приятелей с «преподавателями» мне представляется конфликтом поколений: на смену коллективистскому, безденежному идеализму людей, воспитанных в старых комсомольских традициях, идет поколение Сережи и его друзей - расчетливых, жестких, беззастенчивых, индивидуалистических,

эксплуатирующих не только самих себя, но и любых «дураков» рядом - в рамках дозволенного. Если для «старших» деньги приемлемы лишь как дополнительное признание значимости их труда и «презренная проза жизненных средств», то для «молодых» деньги - этот главный измеритель ценностей - совсем не «пахнут». Для заработка все возможные средства хороши. Если для «старших» халтура в работе есть им самим неприятное, но иногда неизбежное зло, а в условиях бесхозяйственности зло, которого в принципе следует стыдиться и избегать (качественно работу надо делать не потому, что так надо заказчику, а потому, что «так велит совесть»), то у «молодых» халтура стала чуть ли не стилем работы. Главное для них - чтобы все выглядело «красиво», чтобы заказчик принял работу «на ура», а ее истинное качество - не важно. Это оправдывается тем, что в современных хозяйственных условиях заказчику, как правило, действительно «плевать на качество». «Молодые» как бы адекватно воспринимают истинные требования сегодняшнего «спроса на качество работы».

Наблюдая Серезиних ребят в Катэне, я учился их отношению к работе, их житейской мудрости, хоть и был старше их по возрасту. С громадным вниманием я слушал их самоуговоры друг друга «не тратить слишком много времени на качество «этого сарая», «относиться к жизни проще», их рассказы о порядках в плотничьих шабашках. Особенно увлекали повествования Боба о детстве, когда он, живя в очень обеспеченной семье, регулярно посещал московский Птичий рынок, чтобы путем обменов, купли-продажи утроить или удесятерить взятый дома рубль. От его рассказов веяло какой-то старинной, нэпмановской Москвой или еще чище - детством Каупервуда. Но ведь Боб - послевоенный парень, ведь именно он - моложе нас, именно он - «идет нам на смену».

Поэтому я не рискну в заключении сказать про «молодых», что они - хуже. Они просто созвучны другой, новой эпохе. А если считать, что новое - всегда лучше, то,

придерживаясь этой посылки теории прекрасного прогресса, именно «молодые» - лучше.

Нам, «старшим», к этой мысли следует привыкать, как к неизбежности. И к этим людям привыкать и не относиться к ним по старым, бескорыстным, ротозейским меркам. Ведь когда Вы придете на толкучку, и Вам всучат ненужный товар, Вы не будете ругать рыночные порядки, а только - самих себя! Так же внимательно держите себя и в шабашке, если работаете вместе с «молодыми». Если в будущем я поеду на летние заработки, то с самого начала и непременно буду требовать полной ясности и четкости в денежных расчетах, гарантий против обсчета. Имеющийся опыт подсказывает, что такая пунктуальность в денежных вопросах не вредит и нормальным приятельским отношениям, а только их охраняет. Но если такого фиксированного «мирного договора» нет, то не следует удивляться тому, что настороженные и благожелательные отношения с «молодыми» могут стать явной и определенной «войной». Войной, к которой наши «преподаватели» оказались неспособными. «Старшие» в этой войне не могут победить, потому что они не хотят «побеждать», пачкаться из-за каких-то денег, ценность которых для них весьма сомнительна или, по крайней мере, вторична.

До недавнего времени я сам, всеми потрохами, принадлежал к старшему, комсомольски воспитанному поколению. Кстати, признак критического умонастроения ни в коей мере не годится для различения этих типов людей: «преподаватели» в целом были гораздо резче в критике властей и глубже, чем «молодые», для которых общие проблемы и судьбы страны безразличны, а ошибки в хозяйствовании - лишь учитываются в практической деятельности для достижения личных целей. Первые - больше идеалисты, вторые - реалисты по преимуществу.

С потерей большинства иллюзий «старшего поколения» я как бы выпал из их круга. Однако, став «реалистом» в теории, я не могу стать им на практике. Стать «молодым волком» я не умею. И потому остаюсь как бы

посередине. В этом - объяснение моего летнего нейтралитета между Сережей и «преподавателями». И моей ошибки 30 августа.

Я часто возвращаюсь к этому вечеру. Что было бы, если бы я был другим, более близким к «преподавателям» к их бескорыстию? Если бы у меня не было мысли «про себя» о возможности неравного распределения денег в свою пользу (пусть даже по всеобщему согласию), то я стал бы настаивать только на равном и немедленном распределении. В тот момент я был очень авторитетен - за мной стояла поддержка Гены и пяти «преподавателей», т.е. большинства бригады, а катэновцы заявили о нейтралитете. Оставшись в одиночестве, Сережа с Сашком могли бы сдаться и согласиться на равную оплату.

Да, 30 августа можно было одержать победу, которую, правда, никто бы и не заметил...В этом самоанализе нет самоедства: я не жалею, что поступим тогда так, как мне свойственно, и вижу, что по другому и быть не могло. Был бы я другим, то, наверное, еще раньше разошелся бы с Сергеем и просто не был бы приглашен на дележку 30 августа (Сережа уже колебался в этом приглашении) и события развивались бы тем же манером. Но уроки я надеюсь запомнить. Они пригодятся мне в будущем, в предстоящих коммунах.

Письмо Люды Осмачко(Тарасенко). Витя! Удивительное было чувство, когда читала начало. Вспомнила наш институт. Тебя - героя-целинника на трибуне только что открытого Дома культуры. Наше восхищение. И твою необычность. Насколько же мы тогда были ... непонятливее, что ли. Целина, ее трудности, для нас с Лилей прошли через призму целинной любви. Для меня тогда остро стоял вопрос личности и коллектива. Самый большой «подвиг»: уход в виде протеста с очередной коллективной пьянки - в ночь, в лес. Ушла я далеко. В лесу легла на причудливо согнутую березу, лицом к черному небу. А ветер шумел березами отчаянно. И в душе тоже буря. Одна из самых лучших минут жизни.

... Видишь, на твои четкие суждения я выплескиваю опять эмоциями. Но сейчас, как прозрение - мысль, что «романтика молодых» нужна разгильдяям, нужна там, где не могут наладить четкой оплачиваемой работы. Хотя субботники последних лет - очень яркая тому иллюстрация.

О ребятах. Я, наверное, сразу почувствовала, чем все кончится. Сначала я в них путалась. А потом даже и перестала уточнять, кто есть кто. Лица были ясны и так. Многого знакомо и очень. Нового мало. Печально. Как постепенно рушится еще одно мое идеальное представление: мужчины - это высшие существа, благородные, сильные, великодушные, не способные не только на большую подлость, вроде поступка (или преступления) Сережи, но и на мелкие, вроде намеков катэновцев, что твоя работа им совсем и не помогла.

Но самое главное не то, что плохие, а то, что неплохие - бесхребетные. Какая к черту для таких может быть свобода или, не дай бог, «права человека»! Они этими правами так управят... Никто из них никогда не выдавливал из себя по капле раба. И только абсолютно жесткие условия перед поездкой, как ты пишешь потом, и устранение любой возможности самоуправства могут заставить их выполнить хотя бы условия поездки. Товарищеский уговор между мужчинами лопнул как мыльный пузырь!

... Меня уже давно пугает то шибко меркантильное поколение, которое грядет - «чему примеров тьму мы знаем». Пугает не потому, что оно может меня где-то прищемить, а потому, что оно создает моральный климат «все дозволено» и без мучений Ивана Карамазова. И от голубых глаз вашего Сережи, не замутненных угрызениями совести, как-то очень мертвецки веет Освенцимом. Мне - лично.

Откуда они пришли? Как получились? Мы же все всколыхнулись в 1956-ом! Мы так и останемся (я лично) людьми от «великого вздоха» - так я называю те годы. Жалею, что понимала тогда мало. И радуюсь, что была тогда молода и сразу начисто отбросила любовь к «корифею наук» и все еще

не впитавшиеся догмы того времени. Не понимала я, как страшно тяжело было моему отцу...

Ведь те, кто позже рос - тоже дышали этим вздохом! ...Я как-то не очень связывала очерствение молодежи с глобальными причинами. Искала корни в семье. Ведь она исчезает. Нельзя же назвать семьей сообщество 1 лица мужского пола, 1 лица женского пола и одного ребенка, сходящихся вечером за одним столом, чтобы устало погрызться, накричать на младшего? Парадокс существует. Те, кто воспитывался в детском саду, в теперешней школе, проявляют себя как высшие индивидуалисты... Я сейчас залезу в дебри. Это мой больной вопрос...

...А теперь твои слова о деньгах, как главном измерителе творчества, жизни - все это невозможно воспринимать... Стало быть, занятия культурой, искусством не имеют прямого отношения к современному экономическому росту? Стало быть, давай, давай, вкальвай «блага» на благо? Так вот откуда пошел твой Сережа. Обыкновенный фашизм. Все золото культуры, выстраданные нравственные ценности... им нет места. Шабаш! - получился-то «шабаш»... Нет, ты, наверное, просто издеваешься. Резюме твое чуть ли не слово в слово воспроизводит мои слова: «Раз провозгласили удовлетворение постоянно растущих потребностей, так чего уж теперь огород городить»...

Я - идеалистка. Я верю во все доброе в людях. И сколько бы ни получала пощечин - все равно верю. И еще верю: только «выдавливая из себя по капле раба» мы станем людьми, а, не удовлетворяя постоянно растущие... чистойшей воды идеализм.

Много чего еще хотела написать. Берегите ребятшек. За сим остаюсь ваша Л.

Из ответа Люде. История хабаровской шабашки очень удачно подтвердила твою концепцию возникновения фашизма от потребительства: Сережа в погоне за деньгами использует недозволенные приемы, встает на грань произвола и,

действительно, в зародыше содержит в себе что-то от фашизма. Но ты делаешь вывод вроде того: «Следовательно, погоня за деньгами, удовлетворением потребностей и есть начало фашизма». Не согласен я с этим в корне!

Сереза стал таким не на шабашках, а намного раньше, «с детства», как ты сама правильно замечаешь. Трагедия «дурно воспитанных» (а может, по-«детдомовски» воспитанных - ведь Сереза воспитывался в детдоме) заключается не в том, что они увлекаются потребительством и едут на шабашки, а в том, что они выросли без уважения к людям и себе, что включает в себя и уважение к закону, и экономическую честность, и правила всечеловеческой, а не групповой морали, т.е. они выросли как волчата.

Конфликт поколений, как мне представляется, и состоит в том, что старшие еще имеют идеалы и мораль, полученные в преображенной форме от прежней бессеребреннической эпохи, а молодые - еще не успели получить новой морали, присущей нашему новому, еще растущему «экономическому обществу». Время не успело еще выработать и утвердить эту новую мораль, поэтому молодые и живут в атмосфере нравственной вседозволенности.

Раньше мы жили под властью внешних идей и «великой цели», мы были ее добровольными слугами и подданными, а это связано с воспитанным презрением к деньгам. КГБ сурово и эффективно поддерживало это воспитание... Сейчас официальные ком. идеалы ушли, они замещены в сознании идеалами Блага - человечества, страны, окружающих людей, что позволяет людям, воспитанным в бессеребренничестве, сохранить нетронутыми свои привычки. Вот в чем дело: идеалы «великой цели» ушли - привычки остались!

Молодому поколению хуже: ему предстоит еще выработать новые идеалы на основе обобщения новой жизни, тех привычек, которые они могут получить на шабашке, в экономическом обществе свободных и независимых людей. Но не сразу, а лишь долгой муштрой и общественным

разбором своих действий и поступков, когда за честный труд - честно платят, а за попытки грабежа - «бьют по морде». Поэтому я и настаивал на проведении собрания. Однако наткнулся на равнодушие «старших». Понятное дело - кому-то эта новая «экономическая мораль» (мораль купцов и шабашников), правила четкости и честности в трудовых расчетах и потреблении - чужда и непонятна. Факт Серезинового грабежа представляется им в виде мелкого эпизода сомнительного в целом шабашного предприятия. Если бы они воспринимали шабашку не забавой или «грязным способом добывания презренных денег», а, напротив, достойным и важным делом, то, конечно, позаботились бы об ее защите. А если сама шабашка и Серезины способы добывания денег кажутся одним и тем же (разновидностями добывания презренных денег), то смысла в борьбе на итоговом собрании, конечно, не было.

И пока будут в жизни соприкасаться люди этих разных эпох, разных поколений, до тех пор для новых Серез, озабоченных нетрудовыми деньгами, будет силен соблазн эксплуатации «старых дураков». Но как только старые бессеребренники выведутся, Серезина тактика станет губительной: в среде самих «молодых» она получит отпор, станет невозможной. За шулерство бьют. И воспитают сами себя. Обязательно воспитают!

Свидетельством может служить хотя бы история капиталистической Европы, когда благородных и расточительных аристократов, которым деньги не были важны, сменили циничные и хищные авантюристы и жадные ростовщики, потом грубые и бессердечные, но честные предприниматели и мастеровые, а тех, в свою очередь, сменили цивилизованные бизнесмены, знающие цену порядочности и чести.

...Ты любишь чеховское выражение о «выдавливании из себя раба», и относишь его ко всем людям, особенно молодым, как требование. Думаю, что его следует обращать скорее к нам, старшим, привыкшим к рабству у официальной

идеологии, к страху перед ее защитниками. Молодые - родились не рабами (не все, конечно), а невоспитанными дикарями. Поэтому у них другая задача - укрощать свою необузданность, воспитывать порядочность. Конечно, возможны и промежуточные варианты, когда в одной сфере жизни человек еще раб (например, в идеологии), а в другой (например, экономике) - дикарь. Думаю, что встреченные мною молодые относятся скорее к такому сложному человеческому типу.

...Надеюсь, что я не зря все это говорю. Надеюсь, ты поверишь, что, оставаясь сердцем в дружбе и приязни со старшими, разумом, только разумом, я - с молодыми. И только желал бы им быстрее пережить стадию выработки новой морали и новых взглядов... Сложность «шабашки» как раз и заключается в моей собственной двойственности: я убежден в пользе наступающего «меркантилизма», но и интуитивно неприязненно отношусь к его конкретным представителям. Это одно из многих противоречий, с существованием которых приходится мириться, ибо преодолевать их - выше моих сил. Мне кажется, что сознание собственной непоследовательности и дает каждому чувство относительности своих принципов, а вместе с ним - терпимость и уважение к чуждым тебе убеждениям и вере.

...И, наконец, о том, с чего начинали... Для тебя фашизм - это итог равнодушия мещан, т.е. потребительства, т.е. материальной заинтересованности. Привожу эту цепочку «т.е.», нарочито утрируя. Точный же тезис нашей пропаганды заключается в определении фашизма, как «крайнего выражения наиболее реакционных тенденций современного капитализма».

Но ведь в действительности все иначе, если не наоборот! Ни в Америке, ни в Англии, ни в Дании или другой классической капиталистической стране не мог вырасти победоносный фашизм. Родиной фашизма - была отсталая и романтическая Италия, прусско-милитаристская и революционно-романтическая Германия, а его практическими

создателями - бывший социалист и романтик Муссолини, «рабочий национал-социалист» и романтик Гитлер. А вспомни еще имена Троцкого или Мао, и тебе станет ясным генезис не только фашизма, но и тоталитаризма вообще. Капитализм и потребительство здесь не при чем. Их вина разве только в малом сопротивлении, недостаточном внимании к своим собственным врагам. От усиленной работы и потребления результатов трудов своих фашизма не получится.

В основе фашизма-тоталитаризма лежит, прежде всего, романтическое презрение к обычному человеку, обывателю и мещанину, стремление переделать согласно своим абстрактным, внечеловеческим ценностям весь мир, все человеческое большинство. Фашизм-тоталитаризм - это убийца демократии (и политической, и экономической), это феодально-романтическая реакция против буржуазной демократии и, конечно же, к людям Серезинового типа фашизм не имеет близкого отношения.

Опыт печорской шабашки 1975 г.

Шабашка и экономика страны

Летом 75-го года нашим двойняшкам - Алеше и Ане не было и года. Поэтому Лиля вместе с ними и Темой сидела на даче, о туристском настоящем походе не могло быть и речи, а отпуск и дополнительные свободные дни («отгулы») были у меня накоплены. Поэтому я второй раз поехал за деньгами на шабашку.

В этот сезон я уже не был новичком, и не имел такой крайней нужды в деньгах, как в прошлом году (ведь с осени Лили должна была выйти на работу, а наша семья - вернуться на рельсы сбалансированного бюджета), и не стеснялся незнакомых людей (ядро печорской бригады - «преподаватели» - мне были знакомы с прошлого года), и не боялся за себя, что не выдержу темпа шабашной работы и попаду под упреки своих товарищей. Опыт хабаровской шабашки дал мне главное - спокойствие и уверенность. Отсюда - невнимание к деталям печорской работы (описывать их в письмах к Лиле было уже не интересно), появление и обсуждение тем «Шабашка как вид отдыха», «Шабашка и экономика страны» и т.д.

Явление шабашных работ поражает многих. В то время как на заводах и в институтах, по общему признанию, растут апатия и равнодушие к работе, откровенная скука или деятельное безделье, параллельно растут количество и активность самодеятельных шабашных бригад. Составленные из тех же самых «апатирующих» сотрудников институтов и пр., эти бригады едут в самые трудные места, и, работая по 1,5-2 смены изо всех сил, выкладываются на строительной или иной работе. Легко объяснить причины такого превращения людей из отлынивающих сотрудников в трудовых энтузиастов и «романтиков» - они в материальной заинтересованности

(главным образом). Труднее понять причины массового распространения этого вида труда на государственных стройках, несмотря на всю его «дикость» (независимость), несмотря на всю нелогичность, невписываемость столь неорганизованного, частного труда в социалистическую плановую систему.

Я немногого достиг в понимании этой шабашной неодолимости, до ясности в голове и завершенности в суждениях очень далеко, но чувство прощания с шабашной работой (в последний раз, последний раз) тянуло меня на этот разбор-воспоминания. Начал их я еще в поезде «Воркута-Москва», а кончить надеюсь сейчас.

... Не все из нас работали полные семь недель, но официально бригада состояла из 14 человек. Мы поставили новое здание лесопильного цеха и подлили бетонный фундамент под бревенчатый сруб «кузнечно-сварочного цеха». Были еще и другие объекты, за которые мы не успели даже взяться: здание гаража из шлакобетона, бетонный фундамент двухэтажного дома, сварной мост через местный ручей. В отличие от хабаровских птичников, где было сделано больше, чем в начале намечалось, здесь мы сделали меньше, а денег получили намного больше. Я это воспринял как один из парадоксов сегодняшней шабашки...

У нашего печорского начальства - главного инженера пристани и ремонтной базы, была цель - как можно полнее использовать выделенные на капитальный ремонт производственных помещений деньги. Их можно было освоить строительством чего угодно, ибо на обоснование производственной необходимости строительства, например, жилых домов или переходных мостов, высшее печорское начальство смотрело весьма снисходительно. На почве таких «плохо лежащих капитальных денег» и возникает обычно связь взаимовыгодных интересов местного начальства и диких шабашных бригад: начальству надо освоить запланированные капитальные деньги и отчитаться в успешном выполнении пятилетних планов капитального строительства и

капитального ремонта, а шабашникам надо как можно больше заработать. Так дикий трудовой энтузиазм сочетается со всемерной начальственной поддержкой. И получаются неплохие результаты.

Это естественное сотрудничество иногда становится и корыстным. Я имею в виду практику включения прорабов или иного начальства в число членов бригады при разделе денег (своеобразная сделщина). Эту практику можно определять как и взяточничество, но правильнее - как плату за риск, поскольку начальство, переплачивая шабашникам зарплату сверх обычного уровня, допуская ненормированный труд и т.д. - тем самым нарушает множество инструкций и постановлений, рискуя получить выговоры или даже денежные начеты на собственный оклад (допустим, за перерасход фонда зарплаты).

Я не был так близок к руководству бригады, чтобы влезать во все тонкости его взаимоотношений с местным начальством, поэтому не знаю, насколько бескорыстными они были в нашем конкретном случае. Сам же я наблюдал практику единовременных или постоянных выплат со стороны бригады - местным механизаторам, фактическим владельцам строительной техники - автомашин, бульдозеров, трелевочников, кранов и т.д.

Конечно, механизаторы получали за свою работу на наших объектах законную основную и дополнительную (сверхурочную) зарплату. И, тем не менее, прямые выплаты со стороны бригады - деньгами или градусами - оказывались гораздо эффективнее и надежнее. Шабашным бригадирам, озабоченным обеспечением фронта работ, это свойство местных работяг хорошо известно.

Не могу сказать, что такое корыстное сотрудничество наблюдается на всех шабашках. В Хабаровске у нас этого не было, а на Печоре мы столкнулись чуть ли не с прямым саботажем трактористов, когда они, выполняя по распоряжениям начальства работы для нас, постоянно ломали машины и останавливались на срочный ремонт, или

отказывались от сверхурочных работ. По-видимому, практика работы в прошлые летние сезоны с нашими предшественниками научила местных такой тактике. Наше «недопонимание» было преодолено и работа «закипела». Нечего и говорить, что такая форма расчетов необходима при использовании чужой техники и механизаторов (иного ведомства, например, совхоза). Прямые же выплаты позволили нам работать бесперебойно даже в выходные дни, когда никто не работал, и использовать любую из мыслимой в этих условиях технику. Все материальные и технические ресурсы могли быть мобилизованы для нашей стройки в случае необходимости. И это, конечно, не могло не отозваться на успешном ходе строительства. Конечно, «прямые выплаты» тоже не всесильны. Некоторые механизаторы отказывались работать с нами в воскресенье даже при таких условиях. Или напивались до такой степени, что, действительно, ломали технику и тормозили дело. Но в целом это было исключением. Что-то похожее можно сказать и о людях внутри бригады.

Так уж получалось, что общее дело (хорошая шабашка) слаживалось именно там, где сходились люди одной преобладающей цели - заработать побольше денег. Там же, где преобладали другие интересы (например, престижа, поддержания хороших отношений, выпивок), дело явно страдало и замедлялось.

И не удивительно: ведь ускоренное и качественное строительство до конца (до «шабаша»), которое ведет коллектив почти незнакомых раньше людей, возможно лишь при условии, что всем этим разным людям изначально присуща одна и та же цель, стремление (говоря языком оптимальщиков - целевая функция), которая отождествляется с окончанием строительства и направляет к нему все способности каждого человека. Во все времена деньги были универсальным средством перевода огромного разнообразия человеческих желаний и целей в одномерную, прямолинейную, как стрела, производственную функцию, средством производственной мобилизации людей.

И наши советские шабашки - не исключение. Если же среди членов бригады попадутся люди, которым, например, соображения коммунистической нравственности не позволяют покупать труд механизаторов, ловчить со стройматериалами, особенно дефицитными; или если среди местного начальства найдутся люди, которым будет важнее, чтобы «дикая бригада» не получила больше, чем принято в этой местности; или если в самой бригаде соображения дружбы, личных взаимоотношений или отдыха встанут выше соображений заработка, производительности и связанной с этим придирчивой требовательности друг к другу, то все начинает идти вперекос: напряжение на работе быстро снижается, техника ломается, материалы не подвозятся, все начинают чувствовать общую усталость, жажду отвлечься и быстрее уехать домой. Начатая шабашка в таких условиях обычно прогорает или сводится к минимуму.

Конечно, многое зависит и от благоприятных стечений обстоятельств - наличия больших капитальных денег у начальства, организационного таланта бригадира, приличного здоровья и профессиональных строительных навыков у рядовых членов бригады. Но, как правило, у людей, нуждающихся в большом заработке, есть и воля к быстрому обучению рабочим приемам, к преодолению своей болезненности или стеснительности в организационных делах. Я намеренно утрирую, намеренно жестко

закрываю: повышенная страсть к заработку - главное условие успеха шабашки... Подавляющему большинству моих знакомых, в том числе и коллег-шабашников, такой вывод неприемлем (например, Славе с его тезисом «деньги - для нас не главное»). И хотя личный опыт приводит шабашников к большому согласию с этим тезисом - я это заметил по «преподавателям» на Печоре - но не всегда и не до конца.

«Страсть к наживе, рвачество, собственность, капитализм» - мы воспитаны на отвращении к этим терминам, отвращении инстинктивном, без причин и оснований. В наших, почти детских, представлениях деньги - это

воплощенное Зло, «Желтый Дьявол» Горького, Буржуин из гайдаровой сказки, символ духовной ущербности. Но я уже повторяюсь... Мне стало даже трудно заставлять себя снова и снова говорить: «Да не надо, люди, бояться» этих предрассудков, не верьте огульным обвинениям одного из самых древних и полезных человеческих изобретений - Всеобщего Измерителя труда людей и природы.

Правда, приводя все человеческие свойства и дела к одному измерителю, надо понимать, что деньги влияют на людей, воспитывают их, поощряя полезные для производства черты и устраняя вредные. Хорошо это или плохо? Все зависит от точки зрения: если технический и экономический прогресс считается главным в современной истории, то воспитывающая роль денег, материальной заинтересованности признается прогрессивным и «естественным» развитием человеческой психологии, при иной (традиционной) точке зрения такое влияние денег объявляется опасной деформацией человеческой личности. При этом процесс экономического измерения человеческих качеств деньгами трактуется как реальное уплощение человека, примитивизм, оболванивание, перевод в «одномерного человека» (термин Макрузе). Эта точка зрения очень живуча и с каждой новой эпохой принимает все новые и новые формы: от аристократической критики буржуазной нови до самоновейших теорий «новых левых». Но каждое из этих теоретических новообразований последовательно опровергается жизнью. Люди индустриальной, денежной эпохи ничуть не глупее и не примитивнее жителей патриархальных деревень и усадеб. Человек, преследующий одну цель («одну, но пламенную страсть») зачастую много глубже, развитее, интереснее многоцелевых, разбрасывающихся и потому поверхностных людей. Как правило, он ориентирован на овладение внешним миром и достигает в своем деле подлинного развития всех способностей в отличие от многоцелевых людей, ориентированных в основном на общение с другими людьми,

на подражательство им и их целям («нормативный» тип поведения)...

Но это все - смутная теория. А на практике я встречался лишь с одним существенным типом отклонений от денежной целевой функции и от вызванного ею шабашного принципа «вкалывай на полную катушку и думай только о работе» - выпивки! Все прочие отклонения вроде мечтаний об охоте и рыбалке, о танцах и прогулках (танцы-шманцы-обжиманцы) или слишком хороших отношений по значению далеко отступали от выпивок.

Как известно, в стройотрядах и шабашных бригадах обычным является сухой закон. Лишь раз в неделю, в укороченный банный день допускается небольшая выпивка с тем, чтобы на следующий день работа продолжалась по заведенному ритму. Все понятно.

Однако и в Хабаровске, и на Печоре, особенно моя бригада, от этого принципа отступала. Если в Хабаровске отступления и вызванные ими потери рабочего времени и производительности были незначительными, то на Печоре это было серьезным явлением.

В Хабаровске столкнулись две компании: беззастенчивых и трезвых «молодых», а с другой стороны - альтруистических, но выпивающих «преподавателей». Антагонизм в бригаде и возможность попреков заставляли пьющую компанию сдерживаться, пить украдкой и мало. На Печоре же, на «собственной шабашке», они были хозяевами положения и пили, сколько хотели. Мягкие увещания и даже ругань нашего бригадира действовали очень мало и на очень короткий срок. И лишь прирожденный «комиссарский» талант Саши Григорьича удерживал бригаду на шабашном пути. Но не всегда.

Пили почти каждый день, особенно в начале сезона, когда еще был жив 20-литровый бак с пшеничным спиртом, взятый из Москвы для «праздников и ЧП». Потом дружно распили бочку закупленного в местном ОРСе чешского пива, потом НЗ и бутылки, отложенные бригадиром для

«представительства» и расплаты с местными механизаторами... Когда все было выпито, перешли на закупки в долг в местном водочном магазине, несмотря на то, что бригадир не выдавал на эти цели авансовые деньги, ссылаясь на «железный уговор» в Москве: пить немного и только спиртное, взятое из Москвы.

Обычно пили поздним вечером, после работы, в ужин перед сном. Начинали по 50 или 100 г, оживлялись, затевали громкие разговоры-споры, добавляли еще, разговоры еще более оживлялись и т.д. - до середины ночи или даже до утра. О чем жарко спорили? - Чаще всего о работе: как работать быстрее, лучше, эффективнее!

Конечно, все эти ночные совещания и дебаты были бесплодными, если не считать потраченных сил и сна. На следующий день спорщики вставали не выспавшимися и разбитыми, заранее уставшими. А несколько раз напивались и наговаривались до того, что вовсе не выходили на работу. Правда, следовавшее после таких «срывов» всеобщее покаянное настроение исправляло положение, на несколько дней пьянки стихали. Так что для меня остался неразрешенным вопрос: что лучше, пить постоянно или изредка. В целом, конечно, оба ответа не хороши.

Но интересно, что пьянки и сниженная производительность почти не сказались на успешности

печорской шабашки в денежном смысле. Мне кажется интересным этот парадоксальный факт: на Печоре бригада больше пила, меньше сделала, но больше получила. Конечно, действовала разность условий (разные коэффициенты, разное начальство, разные бригадиры и т.д.), но мне интересно не сравнение местных условий, а сравнение возможных результатов в одних и тех же, допустим, печорских условиях.

Кроме выполненных объектов, нам предлагали взяться за мост и фундамент жилого дома. Даже в середине сезона мы были уверены, что осилим и эти объекты. Однако не выдюжили, отказались. Уверен - если бы ребята не пили, а работали более шустро и ожесточенно, то конечно, осилили

бы и их. Примерная стоимость работы на них известна. И, казалось бы, легко рассчитать тот денежный ущерб, который мы сами потерпели от собственной пьянки и неорганизованности. Но нет... Нельзя забывать и другого: составление сметы, нарядов на выполненную нами работу находится в руках местного начальства. И в его интересах закрыть нам побольше объема освоенных капитальных денег и, следовательно, больше заплатить. Если при этом мы оказываемся и «хорошими ребятами», то это начальственное желание укрепляется, переходит из голого производственного интереса в живую реальность. А что такое «хорошие ребята»? - это компанейские, умеющие пить и шутить люди, не выжиги и не пройдохи (но и не олухи, конечно), свои в доску. А чем руководствуется местное начальство при определении размера заработка «хороших ребят»? - Конечно же, своим опытом, уровнем заработка предыдущих шабашников, сложившимися в данной местности приличиями. И если бригада завоевывает звание «хорошие ребята», то начальство, при его свободе обращения с деньгами, обеспечит им заработок не хуже предыдущего. С другой стороны, сильно завышать заработок шабашников - своих механизаторов обидеть, как бы они сами в шабашники не подались.

Так и получается, что главное для сегодняшних шабашников - не только произвести максимум полезных дел, но и завоевать личное расположение начальства и местного общества. А это почти невозможно без совместных «праздников» и некоторой простодушной покорности начальственной воле... Слишком рационалистичные и жадные до работы шабашники в нынешних условиях (подчеркиваю - в нынешних) непонятны современному начальству и способны вызвать у него антипатию. Что и определяет окончательный денежный результат. Так и оказывается, что деньги у нас пока не являются точным измерителем труда и его результатов, что на их количество влияют такие факторы, как душевный настрой начальства или количество распитого с ним зелья.

Даже в шабашке - этой новейшей свободной форме труда - довлеет дух старого устройства, отклоняющий усилия людей от наиболее экономичного, т.е. оптимального образа действий.

Такое положение не вечно. Если начальство будет все больше походить на действительно заинтересованных хозяев, а не на пьяных временщиков, то в большом почете у них будут трезвые, холодные (не душевные), рационалистичные шабашники, и меньше - пьяные рубахи-парни. Рост же количества шабашных бригад и конкуренция между ними предоставит умнеющему начальству нужных ему работников. С другой стороны - сузятся и возможности большого («бешеного») заработка за короткий срок, ибо такие заработки предоставляет обычно именно начальство старого типа.

Будущее шабашки, на мой взгляд, - это «большой объем работ за меньшие деньги», утрата романтического ореола, превращение в обычный вид сезонных работ. Выпивки, конечно же, на шабашках (как, впрочем, и везде) уменьшатся. Но такой прогноз может осуществиться лишь при условии общего улучшения хозяйственных дел в стране, развитии экономической реформы, укрепления стимулов деятельности самого начальства - превращения нынешних директоров и прорабов в предприимчивых людей.

Если же хозяйственная жизнь в целом получит иное, обратное направление (например, не к ленинскому НЭПу, а к «сталинским пятилеткам»), то у шабашников замаячат совсем иные перспективы. Денежного успеха смогут добиваться менее рациональные и производительные бригады, и чем дальше, тем больше их успехи будут расцениваться государством как вид преступления, сравниваться с видом воровства у государства без существенной отдачи. Будут усиливаться административные и прочие кары и запреты на шабашный вид работы. А поскольку экономическая нужда в шабашниках исчезнуть не может, то для спасения строительства в трудных районах и обеспечения их раб. силой придется расширить исправительно-трудовые лагеря,

увеличивать контингент их постояльцев за счет увеличения строгости судебных приговоров за разные преступления, в том числе и за шабашные работы... В общем, все пойдет по накатанному пути.

Все логично, но мне, оптимисту, кажется маловероятным. Эта логика уже прокатилась железным колесом по стране в недавние «славные» годы и не верится, что может повториться на памяти одного поколения. Я верю в разум наших людей, в экономическую реформу, в прогресс и пр. и пр. В том числе - и в перспективы трезвых шабашек. Я верю в уменьшение романтичности шабашных работ, в уменьшение их денежности, увеличение их трудности, т.е. в потерю ими почти всех привлекательных черт и красот, что тянут сегодня многих интеллигентов (вроде моих коллег по шабашке - «преподавателей», да, признаться, и меня самого). Я верю в будущих шабашников, на положении обычных сезонников, и не верю в себя и «преподавателей» как будущих шабашников.

Опыт двух сезонов меня убедил: с пьющими «преподавателями» приятно работать вместе, поскольку они не сухари, могут отвлечься и отдохнуть, войти в твое положение и протянуть руку помощи. Мало того - с ними выгодно сегодня работать, поскольку современное начальство у нас - такого же типа. Душевно и материально - мне с этими людьми и благодарен я им за прием в свой круг, за терпеливость, с которой они выносили существование в своей среде трезвого и холодного чужеродного элемента.

Мне близки и понятны их метания, их поиски в шабашке - отдыха и развлечения от надоевшей городской интеллигентской жизни. Понятно, что шабашка для них - это временный уход в особый, мужской мир. Мир «мужиков с топорами» - сильных, умелых, добычливых, матерящихся, пьющих, нравящихся женщинам и себе. И хоть сам другой, но сердцем я их понимаю. Однако разумом стою на ином: будущие шабашки - не за ними. Будущее - за их

антагонистами. Расчетливыми, трезвыми и... мало зарабатывающими.

Сценарий диафильма «Печора-Онега»

1. 1975 год

2. Шабашка и

3. Поход

4. Печора и Онега

5. 75-м годом заканчиваются Витины поездки на шабашные работы - одного, без меня. И этот диафильм можно считать прощанием с уникальной для нас темой.

А почему, собственно, надо прощаться с этим видом отпуска? Ну, если бы все шабашки были сходны по тяжести с хабаровской 74-года, то и для нас ответ не стоил бы труда

6. Однако типичная шабашка другая. Вы ее сейчас сами увидите, и сами озадачитесь вопросом: «Почему интересная и денежная шабашка хуже трудного и расточительного туризма?»

7. Река Печора

8. Пристань с поселком в 400 человек.

9. Здесь швартуются на ремонт много кораблей Печорского речного пароходства.

10. На берегу тихого залива - стоят ремонтные мастерские - механические, сварочные и пр. Наша бригада отремонтировала здание кузницы, а главное - строила новый лесопильный цех.

11. Вот что было здесь в начале - куча земли

12. и 10 гавриков на ней.

13-19. И вот что стало через полтора месяца (кадры последовательно показывают этапы возведения здания попеременно с показом отдельных работ - бетонных, плотницких, сварочных, погрузочных, земляных и пр.)

20. Мы работали без выходных, по 12 часов как минимум,

21. Конечно, уставали, особенно если в наряде была земля, бетон, погрузка - ломовая работа.

22. Но это была все же - хорошая, желанная усталость. Ведь мы приехали сюда по доброй воле и делали нужное дело.
23. А вокруг нашей площадки - только подними глаза - простиралась без края печорская тайга.
24. Красотища!
25. И часто, на перекурах у нас возникал спор.
26. Ребята говорили мне: «Ну что может дать твой туризм? Природу? Грибы и ягоды? Купанье?»
27. Светлые северные ночи?
28. Чувство удовлетворения от преодоленной усталости. От тяжелых нагрузок? - Здесь это все есть».
29. Я не знал, что им отвечать, и в письмах домой стыдился сообщать, как мне хорошо на шашаке.
30. Ни в один отпуск я так много, так часто и самозабвенно не купался.
31. У меня было достаточно свободных вечеров после бани, чтобы с фотоаппаратом побродить по окрестностям нашего поселка, зайти в
32. старообрядческую деревню.
33. Деревня наполовину пуста, но, говорят, еще живы староверы и ездят к ним ученые - собиратели древностей.
34. Как жаль, что я не умею заходить в избы и заговаривать просто с их обитателями - живыми хранителями допетровских, дониконовских еще традиций.
35. Кто знает, когда возникла эта деревня. Может, она - старое поселение туземцев - коми, а может, основана еще новгородцами - первыми колонизаторами края, почитавших Печору, а вслед за ней и Югру, т.е. Зауральскую Северную Сибирь, своей изначальной вотчиной.
36. Культура новгородцев, почти исключительно деревянная и берестяная, целиком погибла в этих краях.
- 37-38. И о ней можно только вспоминать в виду русского креста над большой холодной рекой.
39. Однако солнце садится все ниже, времени у меня немного
40. и я опускаюсь вниз, к Печоре, чтобы успеть побаниться в прозрачном холоде ее воды

41. и посидеть у вечерней реки, глаза на ее трудовую жизнь.
42. Каждую эту свободную и совершенно свою, единственную минуту покоя над закатной Печорой оцущая
43. как великое счастье, изо всех сил стараясь попрочней ее запомнить.
44. Еще одно яркое воспоминание, способное, уверен, у каждого вызвать зависть: наш воскресный день на деревенском сенокосе
45. К сожалению, плохо проявленные пленки не передают сочного многоцветья:
46. белых рубах на фоне зеленых северных трав,
47. яркости ромашек и берез на темной зелени елей.
48. Ну, какой туризм может дать столь близкое соприкосновение с этой извечной народной праздничной страдой?
49. Лев Толстой знал это и потому, наверное, брался сам за плуг и косу и вставал в ряд с мужиками.
- И сегодняшние кандидаты и доценты берутся за грабли, вот как Саша-комиссар на этом слайде.
50. Монументальный портрет Саши-комиссара: идейный руководитель, а вернее, идеолог нашей шабашки, со своей изоциренной диалектической речью, соединяющей в каждой фразе и «Да», и «Нет» - он прекрасно управлялся со всей нашей бригадой, а она, естественно, - с ним.
51. Спросят его, бывало: «Саш, а можно сегодня принять спиртянского не в очередь?» - Он отвечает мгновенно и без раздумий, как будто даже независимо: «Нельзя, конечно, по стакану, не больше!»
52. За то и любил его народ до обожания.
53. А вот портрет другого интеллигента. Он у нас был борцом за качественную, неспешную и потому - быструю работу, а вечером - за немедленную вытывку и этим самым - за полный порядок.
54. Вот Эдик оглядывается, еще раз негодующе поминает бригадира: «Мы, мол, не дети, и пьем на свои!» и
55. принимает свою законную долю «зеленого змия»,

56. Потом, раздобрев, становится мягким, ласковым и даже разговорчивым.

57. Может, с точки зрения некоторых моралистов, пили наши ребята слишком много. Для шабашных бригад это, мол, нетипично.

58. Но, во всяком случае, ребята с неожиданно выявившимся здесь пристрастием к зеленому змию и мату оказались весьма сродни печорскому быту, прекрасно вписывались в поселковый пейзаж.

59. Немедленно завязавшиеся контакты и знакомства с местными людьми сразу же сделали их своими в домах и клубах.

60. И снова меня спрашивают: «Разве туризм может так тесно сблизить тебя с иным миром?»

61. И опять я вынужден был соглашаться.

62. Возвращаясь с работы в общежитие и привычно отмечая по дороге оригинальные черты местной жизни,

63. вроде этих детей, копошащихся недалеко от очереди за водкой,

64. или красоту полуночного северного неба,

65. мне думалось: «Сколько раз мы с Лилей бывали вот в таких северных деревнях и поселках, мимолетными туристами,

66. а вот сейчас я взаправду живу здесь, пусть временным, но нужным, своим человеком, жителем.

67. Да, в споре о преимуществах шабашки перед туризмом я терпел полное поражение и сдавался почти сразу.

68. Но хоть хорошо было на печорской шабашке, но на будущий сезон, я, наверное, уже не поеду. Трудно найти этому оправдание.

69. Как будто судьба уготовила нам с Лилей летний туризм в правило, в привычку. И поздно, невозможно перестраивать себя на иное.

70. Я не верил, но даже в этом году Лиле удалось выбраться из дома на неделю. Однако она не поехала проветриться ко мне на Печору, а наоборот, отозвала меня в поход на Онегу,

несмотря на всё неудобство моего отъезда перед штурмовым концом работ.

71. Показав шабашную Печору и, не скрывая всех достоинств такого рода отпуска, мы покажем теперь туристскую Онегу, верхнее Онежье-Каргополье с его дорогами, лесными озерами и старыми церквями, надеясь из сравнения выудить понимание.

72. Два дня Витя добирался до Каргополя, где мы с Темой его ждали. Четыре дня длился поход и два дня - мы возвращались домой.

73. И всего-то! Но впечатлений набралось на 4 пленки, больше, чем за 1,5 месяца шабашики.

74. В такой насыщенности путевого образа жизни - одна из главных прелестей и плюсов туризма.

75. С погодой нам повезло. Только в первое утро, в Ошевенске, что в 50-ти км от Каргополя, сеял дождичек.

76. В Ошевенском монастыре мы были впервые. Но все здесь казалось очень знакомым. Вот так же в дождик ходили мы по мокрым стенам с

77. уцелевшими башнями можайского монастыря, полуразрушенным кельям Иосифо-Волоколамского, касались церковных стен

78. Соловецкого, Кирилловского, Михаил-Архангельского...

79. За 10 лет наших походов многое стало знакомым и привычным. И хотя этот поход по новым местам края, где мы один раз были, стал как бы возвращением-припоминанием давнишнего и дорогого впечатления.

80. От монастыря видна вдалеке деревянная Богоявленская церковь,

81. А вот она вблизи.

82. Через километр длинной деревни стоит часовня. С тех пор, как 8 лет назад я увидела деревянные церкви, не переставала мечтать о новой встрече с ними. Именно здесь, на севере, на их исконных местах, в окружении мощно растущих деревьев, рядом с серыми от дождей домами.

83. *Есть какая-то невыразимая сладость в том, чтобы погрузиться около них и, скользнув взглядом по шатру, вдруг оторваться в небо.*

84. *Потом был дремучий лес, ночевка в палатке и длинный долгий переход по «худой», как нам сказали, дороге - до Макарьевского скита.*

85. *Для нас эта дорога была нетрудной, скорее приятной. Для Темы же полный день был событием,*

86. *а сто с лишним километров за весь поход, думаю, станут незабываемыми. Мы боялись, что Теме будет трудно. Но он шел впереди нас совсем неплохо.*

87. *Как способ приобщения детей к природе, к истории, ко всему богатству земли народа, туризм, конечно, не заменим ни дачей, ни шабашкой. Вот только мало мы ходим вместе с детьми...*

88. *Тема очень хотел взять домой эту резную деталь иконостаса, как сувенир. Но Лиля была против: «И так церкви люди разрушают и грабят, да еще мы будем разбирать». - «Но, мама, ведь она все равно тут пропадет в куче мусора...» - «Все равно не бери. Пока пропадет, другие посмотрят...»*

89. *А кругом - тишь озера и былая жизнь. Церковная решетка уже не отделяет молящихся от окружающего мира. Разрушены двери и ограды, никого не держат. Но оказалось, что вместе с ними была разрушена и вся внешняя жизнь. Вместе с церковью покинули люди и весь этот озерный край, оставив пустынные дома для приезжающих рыбаков,*

90. *да заросли малины*

91-93. *(виды Макарьевских озер)*

94. *К вечеру мы прошли 19 км до Лекимоозера и на его роскошном берегу остановились.*

95-98. *Песчаное, мелкое, чистое, рыбное озеро. В можжевеликовых и сосновых зарослях. Там было очень здорово отдыхать после пешего перехода и всей суммы дневных впечатлений.*

99. На следующий день мы шли по старому почтовому тракту на Кенозеро

100-105. по водоразделу между Онегой и Онежским озером

106. А вечером было Порженское с древней и очень красивой церковью на погосте, окруженном мощной бревенчатой оградой.

107. Мы долго здесь крутились, Темке надоело и хотелось уйти. А мы не могли толком объяснить, зачем мы тут торчим.

108. С недавних, совсем недавних пор я стал понимать, зачем люди ходят на кладбища. Почему им надо это делать. Не только потому, что все люди смертны и лишь на кладбище, пожалуй, лучше всего думать о себе, людях, о своих детях и предках, о вечном.

109. Нет, дело не только в тишине и размышлениях. Нам, атеистам, недоступна церковь с ее сложнейшей психотерапией,

110. но заменить ее мы можем, пусть неполно, посещая кладбища или исторические памятники, что, в сущности, одно и то же. Здесь действует не разум, а интуиция и чувство, создавая настрой высокий, или, как раньше говорили - умиленность.

111. Не знаю, как точнее выразиться. Но надеюсь, что Вы меня поймете.

112. Тихая радость от встречи с предками в их вещах и строениях - первый толчок к пробуждению чувства родной истории и ответственности. После уж разум поможет связать прошлое с настоящим и увидеть в нем будущее.

113. Нельзя недооценивать это следствие походов.

114. Шабашка вся нацелена на современность. Она дает человеку перемещение лишь в географическом плане и снова швыряет его в нашу настоящую жизнь с ее заботами, проблемами, страстями, которыми он кипит весь зимний сезон.

115. Туризм же меняет обстановку кардинально. Он вырывает человека напрочь из города и помещает его -

116. или среди девственной природы на положении дикаря-охотника,

117. или, как нас на Онеге - в иные времена, к далеким предкам. И если человек как следует почувствует вкус и тягу к истории и миру, он, видно, останется бродягой до гроба.

118-125, 126. Четвертый день мы мало ходили и весь провели на Кенозере, в излюбленном художниками крае: купались, катались на единственном пассажирском теплоходе на озере, глаза с борта на разнообразные кенийские деревни и деревянные часовни...

127. Вечером этого дня мы сделали последнюю 12-км экскурсию к Филипповской шатровой церкви

128-130, 131-133. Как и другие северные красавицы, она охраняется государством, но разрушается от равнодушия властей. Я говорю - властей, потому что сами люди не равнодушны к ней. Разговаривая с молодыми шоферами, для встречи с ней сделавших крюк, и с пожилыми отхожими мужиками, возвращающимися в родную Филипповскую на выходные дни, мы ощущали и уважение, и гордость, и любовь. И было ясно: дай возможность местным и пришлым людям собрать деньги, они б выполнили свой долг перед предками, прибрали бы и ухаживали свою церковь-память

134. на радость и умиленность себе и всем бесчисленным детям детей своих...

135. Вот и весь наш поход. Еще один день мы плыли

136. по Кенозеру до Першлахты, оттуда автобусом мимо

137. Кенийского монастыря

138. до знакомого Конева, из которого 8 лет назад отправились вдвоем на байдарке вниз по Онеге, а маленький Тема оставался дома.

139. А теперь мы катим вдоль Онеги автобусом и выросший, серьезный Тема сидит вместе с нами.

140. Вечером и ночью была железная дорога,

141-148. а утром - Вологда. Ну не странно ли: в этом городе мы были раньше один раз, а встречаемся с ним, как со старым другом. Здесь, в Вологде, мы радуемся Софийскому

собору, освобожденному от реставрационных лесов, с головой окунаемся в мир его фресок, печалимся, что другим церквям еще долго ждать возрождения. И даже не сердимся на то, что нас, как и в прошлый раз, не пустили в Прилуцкий монастырь, и мы снова ограничиваемся лишь подсматриванием памятников через стенные амбразуры и разглядываем их с предмостных земляных укреплений.

149. (кадр улыбающейся Лили у прилуцких стен) «Ну, скажите теперь - почему Лиля так счастлива?» ...Этим кадром я хотел бы закончить диафильм. Но боюсь, что Вы не сможете быть объективными и сделаете заключение только в пользу туризма.

150. А мне хотелось бы избежать односторонности

151. Конечно, случайность, что с суровой и рабочей Печорой у меня связался длинный шабашный сезон,

152. а с древней, поэтической Онегой - короткий туристский отдых, и все же я не могу отвязаться от онегинско-печорских сравнений.

153. Может, и правда, на смену туристской и раздумчивой Онеге идет

154. шабашно-деятельная Печора? Неужели и здесь будет брать верх излюбленный мною экономизм?

155. Вряд ли... В мире всему есть место. Вы только вспомните, что из века в век, рядом и не тесня друг друга, текут Онега и Печора в один и тот же вечный Ледовитый океан.

Вторая печорская шабашка, 1976 г.

В этом году мне не надо было ехать на шабашку. Во-первых, все наши долги были выплачены. На сберкнижке даже остались деньги от прошлой шабашки. Лиля уже зарабатывала свои полставки, а осенью, в крайнем случае, можно было отдать маленьких в ясли для полной ставки. Во-вторых, мы так долго говорили с Лилей о повторении своего путешествия в Среднюю Азию в 10-летний юбилей, что уже не могли от него отказаться. Начатая работа по своду диафильмов и дневников в связное целое требовала завершения всех обязательных планов.

Однако оказалось, что мне жаль отказываться и от очередного приглашения на Печору. То неожиданное уважение, которое оказали моей работе компаньоны, оценив ее коэффициентом 1,2; общий успех (полтора куска за полный сезон на каждого, а лишние деньги нам совсем не помешали б); но главное - интерес к продолжению начавшейся в Хабаровске шабашкиной коммуне - властно потянули меня к новой поездке. И хоть обещал я себе твердо: походы, а не шабашки, но в этот раз идеальным показалось извернуться и успеть и на шабашку съездить, и в поход сходить.

В конце концов, так и устроилось. В июне меня послали на обычную подшефную работу в совхоз, где ожидала необычная удача: удалось устроиться на две рабочие смены сразу (ночью на скотном дворе, днем - в полевой бригаде с переработкой), так что за две полных, без выходных, недели, я выработал 19 отгульных дней. Почти второй отпуск. Главная удача состояла в том, что партком института признал эти отгулы законными, хоть и выразил свое недовольство. Думаю, что такое с ним больше не повторится. Отпуск и накопленные теперь и раньше отгулы позволили мне отдать шабашке 1,5 месяца и три недели - среднеазиатскому походу.

Всех неполносрочных членов бригады наш командир просил приехать позже, чтобы остаться на последние,

завершающие и обычно самые трудные дни. Как и прошлые разы, бригада по преподавательскому обычаю выехала в первую субботу июля, мы же, 6 человек - двумя неделями позже. Кроме меня и участника хабаровской эпопеи Славы, никто еще не был в этой бригаде. Остальные - родственник Пети-командира, товарищ Славы по прежней работе и двое моих товарищей: Володя - по туристскому прошлому, Вадик - из околориссидентской среды.

Много новеньких было уже и на Печоре, конечно, опасное дело - расширение бригады новыми людьми, но с другой стороны, я рад за своих товарищей. За Вадима с его тремя детьми, неработающей женой и 180-рублевой зарплатой я просил своих компаньонов уже давно. Сильный, компанейский, альпинист, участник многих шабашек, умница, он, конечно, не мог не оправдать моих горячих рекомендаций. Просил я настойчиво, полагая, что под влиянием прошлогоднего денежного успеха многие знакомые ребята потянутся сюда же, так что шансов пробиться в бригаду именно моему кандидату не так уж и много. Поэтому о другом кандидате - Володе С. я уже и не упоминал.

Однако перед самым отъездом пришла от уже работавшей на Печоре бригады телеграмма: «Работы много, можете приглашать своих». Ну, и слава богу!

Настроение в воркутинском поезде у меня было вполне благодушным. Место, куда едем, известно; деньги - верные, да и обойтись без них, в крайнем случае, можно. Конечно, много новеньких, но вера в Петины организаторские способности снимает эти опасения. Перспективы кажутся блестящими.

В отличие от первых двух шабашек, когда я не думал заранее о переписке, как способе ведения дневника, на этот раз мои письма намеренно были подробными и обстоятельными. Повредило ли это их искренности - не знаю. Во всяком случае сейчас, через год почти, я довожу задуманное дело до конца: перепечатаваю из моих и Лилиных писем куски на тему «шабашка и семья».

И еще одно предварительное объяснение.

Немалую часть переписки занимает описание наших отношений с Вадимом. После этой шабашки они почти прекратились, и потому можно говорить о них с большим спокойствием. К сожалению, говорить приходится: уж больно тесно они связаны с главной темой. Мой рассказ, понятно, будет субъективным. Но если я вздумаю исправлять письма и убирать личную пристрастность, то еще больше искажу истину.

Ранее, в трудные минуты, Вадим оказывал мне очень значительные услуги советами и до сих пор я благодарен ему за поддержку. Потом мы подружились семьями, но, как часто бывает, слишком тесное сближение привело к быстрому охлаждению. Впрочем, чрезмерно горячие наши споры нельзя ставить в счет дружеским отношениям.

Гораздо большим испытаниям мы подвергли эту дружбу летом 1976 года, когда обе наши семьи сошлись на даче моего отца. Лиле приходилось 2-3 раза в неделю уезжать в Москву, оставляя Тему и маленьких на Таню с ее семейством. Вот еще один повод для нашей благодарности. А чем мы могли бы отблагодарить? - Только тем же... Но Тане поездки в Москву были не нужны...

А потом меня послали на 10 дней в ленинградскую командировку. Давно задуманное и желанное знакомство с петровской столицей из мечтания становилось вдруг и неожиданно реальностью: судьба даровала летнее время и деньги для столь нужного в запланированной цепи ленинградского диафильма. Дело было только за вторым автором. Но как уехать в Ленинград Лиле? С детьми, или оставив их на Таню? (Тему мы хотели взять с собой: он давно мечтал об «Авроре» и раздвижных мостах, да и нельзя было 13-летнего парня оставлять все лето на даче).

И опять мы не могли ничего предложить взамен, кроме аналогичного отпуска для Тани... Много было у нас разговоров, разных вариантов, с участием других членов семей, много было толков и выяснений отношений, при

которых катастрофически вытлаивала сама искренняя основа этих отношений, прежде чем мы все же уехали втроем, оставив своих двухгодовалых Алешу-Аню на Танино попечение. Нам нечего было говорить в свое оправдание, кроме внутреннего ощущения необходимости этой поездки. Не будь на даче Вадимого семейства, мы взяли бы маленьких с собой. Но было бы с ними в Ленинграде очень трудно, да и им было бы с нами нелегко. Но при сложившейся обстановке нам просто не разрешили бы брать их в столь «безумную авантюру», неявно отстаивая лишь отмену Либиной поездки... Нет, я и сейчас не раскаиваюсь в жесткости тогдашней линии, хотя сознавал и тогда, что этим, наверно, гублю всю дружбу. Однако здесь «мягкость» не спасает. Подспудно жила лишь небольшая надежда: вернемся, может, все образуется и утрясется. Будем следовать самим себе.

В Ленинграде за 8 дней мы облазили почти все, что нас волновало, не исключая основных окрестностей. В ходьбе смертельно уставали, но диафильмы слайдами и собственной памятью мы обеспечили. Дождливая вначале погода сменилась ярким солнцем, как будто судьба взялась помогать нам, эгоистам. Все хорошо, все очень хорошо.

Однако, домой вернувшись, мы узнали, что Вадим перевез семью обратно в Москву, дождавшись, конечно, смены. Конечно, конечно же, чинно-благородно, без всяких особых причин и объяснений, просто от общей усталости (московское лето в том году и впрямь было мерзко-дождливым). Однако все у нас поплыло вкось. Ну что ж... придется плыть теперь самим.

Письмо с поезда. 17 июля. ... Подъезжаем к Ухте. Ехать хорошо. Володя едет пока без билета, не успел купить (проводница знает), так что в купе нас пятеро. Оказывается, Слава и не пытался достать самолетные билеты, решив, что поездом проще. Но в итоге мы потеряем один рабочий день (20-30 руб.), черт бы его драл. Вдобавок взяли постели: мне приходится подчиняться. Зато Вадик блаженствует, особенно за чаем. Цапаемся с ним по израильскому вопросу. Много

разговоров на экономические темы. Еды много - снабдили нас крепко.

В пятницу вечером я успел заехать к Вадиму, ужинал у них, видел всю семью и спрашивал о причинах отъезда. Таня говорит, что ей ужасно жалко было Алешу, он плакал при их отъезде и даже звал ее «мама». И Таня, и Е.П. говорят, что они просто устали и уехали бы даже без инцидента с Ленинградом. Знакомство наших семей должно оставаться. Думаю, что тебе следует проявлять инициативу. Хороший повод - привозить свежую клубнику - «для детей». Ведь мы им очень обязаны Ленинградом. Правда, Ли, это будем хорошо... (Дальше идет обсуждение среднеазиатского маршрута...)

Письмо с Печоры. 19 июля. ...Сейчас послеобеденное время, и я только начну свой первый рабочий отчет, продолжу вечером. Сажу на своей кровати у стены школьного физкультурного зала, прямо под баскетбольным щитом. По сторонам - еще 20 кроватей. Расположились здесь мы с размахом. В актовом зале - наша столовая, еще в трех небольших комнатах - кабинет бригадира, комната поварих (Фаины и Ларисы) и комната тракториста и крановщика из районного стройуправления, работающих на нас. Подстать этому приволью - обильная и роскошная еда из мясной тушенки и т.п.

Прибыли мы «Зарей» вчерашним вечером, в 4 часа. Устроились очень быстро, но вместо работы Петя нас заставил пойтись и «ознакомиться» с объектами:

1) наша прошлогодняя лесопилка стала уже второстепенной стройкой. Ее сейчас кроют железом Иванов с товарищами;

2) гараж для местных механизаторов практически еще не начат;

3) двухэтажный многоквартирный дом - основная стройка. До нас здесь был сложен только первый этаж до половины окон на столбиках. За две недели ребята подвели под него бетонный внешний фундамент и готовили брус на стены. Занято большинство;

4) достройка каменной столовой, начатой еще в позапрошлом году белорусскими шабашниками. Типично городское здание с огромными проемами для витринных окон, плоская крыша из бетонных плит. Ее хотят довести почти до рабочего состояния. А ты знаешь, как это трудно: множества внутренних кирпичных стен, переделки и исправления чужих грехов, отделки и тонких работ: водопроводной, отопительной, сантехники и пр. и пр. У самого Пети при разговоре о столовой появляется в голосе какая-то неуверенность и замутненность. Как он объявил, на ней должны работать Костя (бугром), Иванов, Игорь Рыжий, я и еще один новый парень. Хозяин объекта - СМУ из района, которое дало нам трактор и 10-т автомобильный кран. Петя их использует сейчас главным образом на других объектах и для разгрузки стройматериалов на печорском берегу. За две недели на этой столовой почти ничего не сделано: нет еще материалов, бульдозер не починен и многого не хватает. Правда, Петя в разговоре с нами не скрывает, что столовая для нас нужна лишь как повод использовать районную технику, приличных же денег нам от этого хозяина получить не удастся. Политика его понятна, но мне самому грустно будет работать там, где так мало зависит от твоих личных усилий.

Неудачным был и первый день: сломался трактор, и весь дневной план работы вылетел в трубу. После обеда Петр предложил неожиданно еще один объект работы: ремонт полов в поселковом детском саду. Об этом ремонте мы слышали еще в прошлом году, но завалены были тогда другой работой по уши. А теперь - народу у нас чуть не в 2 раза больше. А за этот ремонт предлагают очень хорошие деньги... К вечеру мы уже работали в детском саду. Заведующая торопила нас и просила быстрее сорвать старые доски. Видно было, что ей с трудом удалось уговорить начальство на этот ремонт и потому не терпелось втянуть нас в фактическую работу. Нужно заменить прогнивший черный пол и наполнитель. («Полы зимой ледяные и дети простужаются»). Вскрыли мы одну комнату, и вместо опилок или цементной

стяжки обнаружили в качества наполнителя простой песок. Понятно, что зимой он собирает в себя воду и гноит даже основные балки. Замены тут требует многое... Вскороности пришло поселковое начальство и оказалось очень недовольно нашим началом: все подряд срывать не надо, доски снимать надо очень аккуратно («половой доски другой у нас нет, и не будет») - хотя своя лесопилка работает) и вообще...

Интересная ситуация: уступая требованиям детсада, начальство идет на ремонт, но хотело бы, чтобы он был выполнен проще и формальней (не тратить материалы, людей и т.д.) и готово дать хорошие деньги за халтуру. Еще никогда не вызывала у меня столь выгодная халтура столь сильных моральных неудобств. Хорошие деньги - и здоровье детей... Интересно, какая линия в конце концов победит.

Вот пока и все. Володя и Вадим работают на дому, по работе я с ними не контактирую. Может, это и неплохо.

Погода очень хорошая, жарко. Дважды купался в Печоре. Вода прохладная, но очень приятная. А заплывы на печорских закатах, так просто радостны. Правда, комар жрет немилосердно. Однако лучше комар вечером, чем плохая погода днем. Так что я вполне терпим к комарам...

Прости за почерк, кончаю в полусне. Спокойной ночи.

Письмо из Москвы, отправленное 22 июля. 19.7. ... У нас целый день тихий дождь, сильный тоже принимался несколько раз. Аня даже выучила «синий дож». Мы сидим сейчас за круглым столом. Аня временами ожесточенно чертит, бурно проявляет какие-то неясные агрессивные чувства. Алеша, как всегда, благодушен, но листочка своего не отдает. Глядя на меня, говорит: «Мои». Я подтверждаю.

Заснули. Я тоже хочу спать. Удивительное дело, у меня почему-то нет потребности писать тебе. Привыкла к твоим отъездам без писем: командировки, колхоз? Или устаю?

Сегодня закутила 3 банки клубники. Рвала даже чуть красную, а то под таким дождем все погниет, детки запикивают ее в рот двумя руками, приходится ограничивать.

20.7. Анюня проснулась раньше шести, и теперь, веселая, прыгает по дивану и всячески проказничает. А я продолжу.

В субботу Тема все же неплохо справился с малышами (не считая неубранных мокрых постелей). Утром за молоком на хутор пошел он. Теперь я буду стараться ездить на работу не в молочные дни. Отец со мной разговаривает немного, почти не поднимает глаз - Ленинград. Т.П. уверяет, что пересердится.

День оказался солнечным и додержался таким до конца. Утром, гуляя, дошли до очень хорошей лужи. Вытащить из нее мне не удалось, я ушла за поворот, надеясь, что соскучатся. Вернувшись, застала их босыми, а Аня пристраивалась искупать попку. В последний миг Алеша бросил в воду Анины сапоги. Пришлось идти домой босиком.

Что еще сегодня? Тема привез велосипедом 19 кг сахара. Ягоды в этом году будет мало. Черная смородина сильно осыпалась, клубника гниет, не вызревая. Так что остаются красная смородина и крыжовник. Ну, тем легче мне. Отец снял 7 рамок меда. Мало в этом году... Все... Завтра допишу, а в четверг отправлю. Нужно будет в 5 утра выйти. До работы заеду домой, помоюсь и почту возьму. Не получается у меня с ходьбой на станцию без автобуса. Очень спать хочу по утрам, а вечером надо спешить.

Утро 22.7. Не пришел автобус 5.24. и я еду на следующей электричке, дома успею только взять почту. За квартиру буду платить в субботу. Вчера опять был солнечный день. По грибы я сбегала, но их еще мало. Все же на ужин была картошка с грибами. Закрутила 8 л варенья. Крышки кончаются. Надо бы позвонить отцу на работу. Очень не хочется. Солнце бьет мне в глаза. В такую погоду легко мне оставлять деток на Тему. Алеша вчера много скандалил: то штаны не так надевались, то «тап» не лез, то мама уходила, то маме не хотелось «покатать». Они знают, что качели сделал папа, и первые дни все время поминали: «Папа, папа», особенно Аня.

Кончаю письмо. Буду писать заявку.

Так и есть: письма от тебя нет. Я почему-то надеялась, что ты еще в поезде напишешь. И грустно мне стало в чисто убранных тобой комнатах. Ты пиши, пожалуйста.

Письма с Печоры. 22 июля. ...Но я уже забыл, о чем писал прошлый раз. Наверное, для связного рассказа нужно отчитываться каждый вечер, но сил немного, и книжку Вадима хочется дочитать (Бем-Боверк «Капитал и прибыль» - начал читать в поезде).

О наших «объектах» я тебе уже писал. Но изменения в их перечне идут быстро. Появился детский сад, а от столовой Петя, возможно, откажется (если не придут все материалы и техника). Однако два дня я работал именно на ней: краном снимали потолочные плиты (они были неправильно уложены нашими предшественниками, и попутно сломали плохо сложенные кирпичные центральные колонны; потом готовили растворный узел для кирпичной кладки. Но мутно у меня на душе, что вся эта возня может оказаться зряшной.

Зато Петя заключил договор с местным ОРСом (фирма «Продовольствие») на разгрузку приходящих барж. Вчера и сегодня мы уже разгрузили одну - больше тысячи мешков по 70 кг крупы в каждом (80 т). Подниматься в гору с мешком довольно тяжело. Идешь медленно, как на перевал. Тело потом болит. Но поскольку ребята часто устраивают перекуры, то очень приятно в это время купаться... Работа, конечно, тупая и тяжелая, зато твердые деньги. А при нашем положении, когда народа много, а развернутый фронт работы лишь на одном объекте (жилой дом), любая твердая массовая работа - спасение. Петя прав. Изворачиваться в этом году ему придется много больше прошлогоднего. Еще бы - с такой бригадой.

Наше положение теперь уже не кажется мне слишком розовым - именно потому, что среди ребят распространено удивительное благодушие. Только Петя да Женя как-то беспокоятся и переживают. Прошлогодний заработок создает уверенность, что в этом году будет не хуже. А ведь может

оказаться совсем не так - ведь сделано пока очень мало. К благодущию располагает и хорошая погода, плюс обильная еда и ежедневная выпивка. Уверен, что в этом году еда окажется много дороже, хотя мы и не ходим совсем в столовую. Что касается выпивки, то теперь она проходит очень спокойно, без всяких терзаний совести вечером выпивают свои полстакана, чуть погудят - и спать. Никто уже и не заикается о сухом законе и повышенной производительности. Как будто река, наконец-то, прорвала прошлогоднюю плотину и успокоилась в своем естественном русле.

Ну, все. Жду известий, как вы справляетесь с маленькими. Как Теме живется и работается? Иногда мне кажется, что ему не очень сладко, а потом думаю - но ведь и нам тоже... Пиши, Ли.

Письмо из Москвы. 26 июля. ...Проехали Одинцово. Сегодня успела на электричку 5.41. Вот бы всегда на нее успевать! Сперва прочитала «Литературку», потом написала последний вариант формулы изобретения. Осталось время - пишу тебе...

Вчера был очень деловой, четкий день до приезда в 5 ч. отца и Т.П. После завтрака тщательная уборка кухни и дома, двойная стирка, поливка огурцов (освободила от воды бочку, куда, как я и догадывалась, дети складывали обувь свою и деда), купание Ани-Алешки и обед в час. После обеда собирала ягоду и полола оставленные грядки клубники. Сбегала только искупаться и опять ягода до боли в спине. Оставалось только ее помыть, перебрать и сварить, как встали ребятишки и приехали Т.П. и отец. Т.П. захотела с моей консультацией сделать вареники, а Темка не смог увести на прогулку детей, и начались мои дерганья между тазом с клубникой, варениками и детьми. Кончилось тем, что я раскричалась, и Темка увез-таки их на велосипеде.

Вот и все, что я вчера успела дописать. Главное ощущение этих дней: неприветливость отца. Ни слова в воскресенье. Неприятная обстановка. Еще меня поразило, что он не проявил никаких попыток помочь нам, когда обнаружил,

что из-за плохой прокладки последний баллон газа вытек в воздух (а может, Тема плохо привернул кран). Обед вчера разогревала на костре и закоптила всю посуду. А вечером с трудом разожгли на кухне большую печь. Все же сделала ужин и сварила варенье, но там до сих пор жарко. Изнурительная суматоха весь вечер. А потом я вспомнила про электрическую плитку, и стало мне обидно, что отец даже не предложил ее нам. Темка зашел к ним в комнату и взял. Хотя разогревать будет на чем. Буду топить печку только раз, а собранную клубнику просто ставить в холодильник. Да половину еще отвезу Тане. На этой неделе я работаю в понедельник, среду и субботу.

Вот при такой обстановке послезавтра у отца день рождения. Надо было бы мне вчера с ним объясниться. Обычно это делаешь ты, я не привыкла первой. Но тут как-то вроде виноваты - упустили газ. Перед работой заеду в Военторг, может, чего куплю в подарок.

Спасибо за письмо. Его я читала четырежды: себе, Люде (Слава прислал коротенькое, из которого мне запомнилось: «комарики покусывают»), Тане (Вадим не написал еще), Теме с папой.

Сейчас я пишу охотно, но и новостей больше нет. У тебя их гораздо больше. Я, когда приезжаю в Москву, начинаю по тебе скучать. Ребятишки, видно, тоже скучают, потому что часто говорят «папа». Когда катаются на качелях, то непрерывно твердят: «Папа качели делал». Тема после того, как пробудет день с малышами, на другой день совсем почти не помогает, клубнику не собирает, отец тоже. Он ее даже, по моему, не ест. Так что крутиться мне приходится. Ну, вроде бы это в пользу должно мне пойти.

Кончаю. Сделайте пол в детском саду теплым! Приветы всем, кто меня знает!

Письмо из Москвы. 28 июля. ...Вчера Тема был в Москве и привез от тебя письмо, поэтому сегодня я заезжать домой не буду, а развезу клубнику и варенье по знакомым. Все у нас хорошо. Вчера развозили газ, и я купила 2 баллона. И, кстати,

в том баллоне еще был газ (есть и сейчас), просто, когда они меняли прокладку, то его перекрыли, а Темка, с его склонностью преувеличивать, заявил, что газа почти нет. Когда же я включила плиту и увидела, что газ не идет, то решила, что «почти» уже окончилось. Так что зря я на отца обижалась.

Тема вчера ездил в Москву, чтобы купить ему подарок. Купил непонятную мне штуку под названием «культиватор». Я все-таки приложу к ней носки. В пятницу надо спечь пирог. Яблок вот нет.

Мы, как представили тебя, идущего в гору с 70-кг мешком, причем раз 100, решили, что деньги, которые ты привезешь, будем очень экономить... Мы сейчас тратим, в основном, на сахар, молоко, вот баллоны вчера по 8 рублей, Темины расходы: подарок, книжки для школы, дорога.

Люда и Таня ахают над вашими мешками. Не надорвитесь, молим вас. Вы нам нужны здоровые. Пусть без денег...

Ты читай книжку, а нам пиши очень коротко, но обязательно. Можешь на открытках. Работаю я кругом интенсивно. На работе мне осталось сделать 3 первичных заявки и 3 возражения на август. Решения я, правда, пишу в основном в электричке. Вот сейчас закончила, и осталось время тебе писать. На даче тоже пишу порой, но там больше варенье. Вчера еще закутила 11 литров. Это ведь надо собрать и перебрать...

Посмотрела твою книжку по Казахстану. Ты хочешь на барханы, надеюсь, не на «поющий»?.. Вот и все. «Беговая». Бегу.

Письмо с Печоры. 29 июля. Ли, я виноват в задержке письма. Дай бог, чтобы почта ее скомпенсировала. Дело в том, что в понедельник 26.7 я сильно ушибся и никак не мог понять, смогу ли скоро выйти на работу или придется уезжать в Москву. Сейчас все определилось, и я снова могу писать тебе обычную формулу: «жив-здоров».

Но расскажу все по порядку. В тот день пошла вторая неделя моей работы - и очень дурной, бестолковой работы. Поскольку бульдозерист никак не может отремонтировать свою развалюху, площадка под гараж не спланирована (там сильный уклон) и работа на нем не начинается. На столовой Петина политика тоже никак не определится (будем мы там работать по-настоящему или нет). Поэтому мы и шастали с объекта на объект. За неделю я два раза побывал в детском саду, три раза - на гараже (готовил опалубку на будущее), один день - латал шифером крышу школы, а в промежутках - на столовой:- то разгрузка материалов, то слом сделанного раньше - грустные операции...

Продолжаю вечером, в 11-м часу, а кончу, наверное, только завтра, в банный день. Ну, так вот. В понедельник Петя мне и еще троим велел идти на столовую разгружать кирпич, т.е. на узаконенное полубезделье, потому что пока трактор загружает с баржи свои сани, тянет их к нам, а после нашей разгрузки снова ползет к пристани, проходит много свободного времени. Предвидя это, я даже взял с собой книжку, чтоб без зазрения совести читать ее в ожидании трактора.

Читал я ее, а на душе было очень муторно. Ведь это же шабашка, где общей работе отдаются все силы и время! Ведь я привык к этому ощущению практической коммуны, ценю, радуюсь этому чувству. А сейчас сам его подрываю - читаю вот книжку. И я побежал на дом помогать, благо, он рядом. Там приняли меня в работу легко: схватился за хорошо знакомую еще по хабаровскому Катэну операцию - сверлить брус перед укладкой в стену. Но только я пристроился, затарахтел приближающийся с пристани трактор, и я побежал на разгрузку кирпича. Кончили складирование, снова пошел на дом. «Чурочки» (так зовут ребят на доме) попросили меня сложить в ящик с земли железные стержни («нагилями» скрепляется брус в стене) и поднять к ним, на второй этаж. Нашел ящик, начал собирать и еле уместил все железки в одну тару. Конечно, надо было не пыжиться, а носить наверх

понемногу, но я спешил и хотел стащить этот тяжеленный ящик наверх зараз, без перегрузки. Попросил помочь Вадика. Потасили вдвоем по мосткам наверх. Я пячусь задом вперед, а Вадик пыхтит сзади и тихо мне шепчет: «И все же ты псих». Это еще больше подхлестывает, и я тяну прежнее: «Ничего, ничего, сейчас донесем»...

Перед этим у нас с Вадиком уже были полушутливые-полусерьезные (как и вообще все наши перепалки) разговоры о моем «галатынстве». По Вадиковой терминологии украинское жаргонное слово «галатын» означает нахрапистый, здоровый и дурной мужик, берущий не умом и умением, а силой и халтурностью. То, что я принадлежу к типу «галатына», для Вадика ясно и со мной не обсуждается. Но здесь он открыл еще и мой крайний индивидуализм: «Ты в своих поступках не считаешься с людьми и невольно вытягиваешь их в аналогичное «галатынство». Вся беда в том, что такое «нехристианство и эгоизм» (во куда хватил!) сочетается с иными хорошими качествами и поэтому путают людей. «Если ты хочешь быть честным, то нужно заранее предупреждать людей об опасности общения с тобой!» - Правда, последние тирады он говорил мне уже после случая с этим ящиком железа.

Как всегда, я не успеваю в разговоре четко сформулировать свои возражения, скорее это я сделаю в таком вот письме. Наверное, потому что Вадику и не хотелось выслушивать эти возражения. Но, конечно, его правота лишь относительна: я никогда не заставляю людей работать сверх силы. Я только не желаю самому скрывать максимум своих возможностей. Конечно, это тоже невольный вызов окружающим («выпендривание») и многим не нравится. Приходится мобилизовывать все резервы своей уступчивости, мягкости и скромности, чтобы погасить это естественное общественное недовольство. В этом Вадик прав. Он не понимает только, что именно в шашке, этой капиталистической коммуне, такая черта (способность раскрыть максимум своих сил наперекор воспитанной в нас

коллективистской заторможенности) при сохранении внутреннего мира в бригаде, без перехода недовольства на личности - очень и очень нужна! Что в таком микроклимате - главный залог высокой продуктивности бригады. Именно поэтому в прошлом году меня так высоко, в конце концов, оценили ребята.

Ведь дело было не в моей личной работоспособности, а в том, что я провоцировал их на максимум самораскрытия - и при внутреннем мире. Вадиму это предстоит еще понять, но пока он не склонен слушать, и я смог протолкнуть в его сознание лишь одну свою фразу: «Раз ты занялся анализом моего общественного облика, то бери его в комплексе и попытайся понять, почему бригада ко мне столь хорошо относится». - Может, и разберется...

Ну вот, пячусь я по этому гнущемуся помосту и слышу за спиной хруст, оглядываюсь: брусочек, на котором лежал верхний край нашего помоста, отрывается от стены, выворачивая гвозди. Испуганно сообщаю Вадиму: «Ах, черт, гвозди выдираются», а сам оглядываюсь уже основательно, по инерции продолжая подъем. Ну, и отступаюсь... в пустоту. Нога на помосте, голова идет вниз. Высота невелика - метра два с половиной, но падаю очень неудачно. Хорошо, что успел подогнуть голову и упал на левое плечо, потом на спину. Через долю секунды рядом падает ящик с железом и теряет свою форму. Тут же вскакиваю и ощущаю себя: «Все в порядке, только плечо сильно ушиб, а поясницу просто поцарапал». Пытаюсь собрать свое железо снова, но руки ватные и я, как оглушенный. С помоста спускается испуганный Вадик и говорит: «Не трогай, не трогай, я все сам соберу, все сделаю. Тебе полежать надо и спину промыть, вся в крови». По инерции я вроде не соглашаюсь, а потом все же соображаю: «Дело плохо: спина в крови, ребята могут увидеть», уславливаюсь, чтобы Вадик ничего не говорил ребятам, одеваю куртку и иду домой. Слава богу, никто моего позорного падения не видел. Вадик молчал и только вечером показывал желающим место моего падения.

Фаина и Лариса промыли перекисью водорода спину, забинтовали, и я поплелся на разгрузку кирпича. Поясница болела слабо, но зато плохо поднималась левая рука. Управлялся в основном правой. На доме я уже не появлялся. Довыпендривался. Слава богу, разгрузка скоро кончилась, и Костя мне предложил сваривать арматурные сетки для фундаментов новых столбов в столовой. Это дело было по мне: сварка, квалифицированная работа, не требующая больших усилий. Этим я и занимался конец дня и начало следующего. Правда, к вечеру шоковая восторженность стала у меня проходить, а вместо нее пришла подавленность и физическая слабость. Еле двигался, тем более что здесь у нас стоит жара и духота.

На следующий день я был еще слабее и еле двигался. Но занимался сваркой. Угнетала неопределенность будущего и страхи: сколько я еще прокантуюсь с этим плечом? А если там трещина или скрытый перелом, и я буду полуинвалидом месяц с лишним? Тогда надо уезжать, и чем раньше, тем лучше для бригады и правильной. Но ужасно обидно уезжать, ничего не сделав и не заработав. Сколько было в Москве усилий и сборов! - И такой дурацкий конец! Далее начал продумывать, что, если поеду домой, то появлюсь на даче не сразу (все равно однорукому с детьми управляться трудно, а дома работы навалом).

В первый же вечер Вадим мне настоятельно советовал ехать в районную больницу и сделать рентген. «Надо действовать» - настаивал он. Очень не люблю я какие-то действия для себя, гораздо больше полагаюсь на течение времени, чтоб в организме все зажило само собой. Ну, а вдруг у меня, действительно, трещина в кости и придется сидеть на шее бригады целый месяц?

Петя пытался меня удержать, сказав, что я могу отлеживаться сколько надо, чтобы быстрее вернуться в форму, а надежды на рентген в районе очень мало (летние отпуска). Но Вадик возражал очень убедительно, и оказался прав: рентген, действительно, работал. Вечером во вторник местная

фельдшерица выписала мне направление, а утром в среду я отчалил на «Заре» в райцентр.

В районной больнице порядки и очереди московские, только народ еще злее. Оно и понятно: представь себе, как бы я взвился, если б врач назначил мне еще один приход через день. А народ здесь больше приезжий и ценящий свое время (врачи тоже ценят свое время). Но мне повезло: за день успел попасть на прием, сделать снимок и получить заключение: переломов и вывихов нет, но возможны разрывы и потянутости связок плеча. Слава богу!

Сразу стало легче от определенности. Конечно, неделю придется заниматься облегченной работой, но и только. Уезжать не надо. А главное, я успею войти в полную форму к Тянь-Шаню. Зато прибавилось осторожности. Такие уроки не забываются. И вдобавок надеюсь, что местная медицина оформит мне бюллетень хотя бы на неделю, и я сохраню на будущее часть отгулов.

...Вчерашний день я работал на доме, сегодня же - на гараже занимался сваркой и резкой металла. Здесь уже развернулись работы, готова площадка и бетонные основания под металлические столбы, дела много, и я буду вполне нужным. А выздоровление мое идет довольно быстро: повязки я уже не ношу, в кровати поворачиваюсь более успешно, левая рука (не плечо) действует неплохо и стеснения в груди прекратились. Слабость почти прошла, особенно после бани и мощной пропарки, которую мне устроил Костя. После его массажа я выползал в предбанник едва живой, зато на койке теперь мне очень хорошо.

Что же касается наших общих дел, то работа на всех объектах, наконец-то определилась. Если через несколько дней на гараже и столовой прояснится технология, можно будет гнать объемы. Хуже, как я поглядел, дело обстоит на доме. Там 7 человек работают на бруске почти две недели, а отлаженной технологии и оптимального разделения труда еще не появилось. И до сих пор много споров и неразберихи. Уверен, что через некоторое время бригада будет с ними

разбираться. Собрались, в основном, новички, кроме Славы (но он новичок в дереве) и Эдуарда. Нет авторитетного старшего.

Это же отмечает и Вадим: «Нет человека, который бы смотрел вперед и определял, что и как надо сделать сейчас, а что потом». Я спросил его: «А взялся бы ты за руководство?», и получил ответ: «За расстановку людей - да, а за технологию - нет, а тут, к сожалению, надо определять все вместе». Он прав, конечно. Я тоже в руководители никогда не лезу. И другие тоже. Удивительно, что мы здесь все образованные в общем люди, чуть ли не высшей квалификации, но в новом, главное, самостоятельном деле, оказываемся способными лишь на простую, черную работу. Исключений немного: Петя, Саша Григорьевич (кстати, мне здесь сказали, что он вообще теперь не приедет, а жаль!).

На доме Вадик работает очень старательно, хотя довольно часто влезает в споры со своим напарником Эриком, молодым и самоуверенным бородачом интеллигентного вида. С другой стороны, его деловые способности уже заметны. Так, он стал ответственным по оформлению нарядов по разгрузочным работам с ОРСом (правда, эти работы Петя теперь свертывает)... В общем, его положение в бригаде мне кажется удовлетворительным.

Положение же Володи просто хорошее. Это и понятно - ведь с ним нет никаких сложностей, всегда силен и светится дружелюбием. Сейчас его поставили в пару с Ивановым на детский сад, причем последний был очень обижен, что у него забрали привычного напарника Рыжего (кажется, после обеда они неофициально распивали бутылку красного). Петя по секрету мне объяснил свою хитрость: «Володька очень хорошо работает, как зверь, и не пьет (кстати, в бригаде на сегодня уже три официально не пьющих члена: Володя, Вадим и я, и, конечно, две женщины) и этим будет держать Иванова в рамках». Оправдается этот расчет или нет, а для меня очень важна положительная оценка Володи.

Только ты не очень распространяй эти оценки среди Тань. А то через жен они докатятся сюда и будет нехорошо («открытых оценок членов бригады во время работы допускать нельзя» - это важное правило бригады еще с прошлого года). Я еще почему беспокоюсь: Слава получил от Люды письмо, где его снова упрекали за слишком розовые сообщения и передали твою не очень лестную оценку Вадима. Ну, зачем Славе (который, кстати, плохо переносит Вадима) выслушивать это? Пожалуйста, не допускай больше этих вещей. Иначе мне будет плохо и придется не писать про эти вещи.

Кончается банный день, а вместе с ним надо окончить и это длинное письмо. Ребята после поддачи сильно бухтят. С трудом отключаюсь.

Сегодня я получил твое второе письмо, не успев даже ответить на первое. Первое меня радовало: ты все же справлялась, а отцовская неприязнь казалась преходящей пасмурью, а вот второе письмо меня тревожит сильнее.

Что же делать с отцом? - Я просто не знаю. Написать ему письмо с объяснениями - он ничего не поймет. Если и разговор почти не помогает, то что сделают строки без ответа? Как его убедить, что в нашей семейной линии, которая ему не нравится, виноват больше я, его сын. А генетика велит ему виноватить исключительно тебя. Грозить разрывом отношений - совсем глупо и все осложнит, ничего не разрешив. Ведь на деле все наши отношения - нерушимы. Наверное, нет иного выхода, кроме выживания, по крайней мере, до осени. Самое правильное для тебя было бы спокойное принятие недоброжелательства. Ведь внуки ему не безразличны. Случай с баллоном газа прискорбен, но нужно же выходить из положения. Самое правильное - занять у соседей: идти и у всех спрашивать. Это неприятно, но надо было делать самим. Наверное, соседей расспросить мог даже Тема, только его надо очень просить! Я это уже раньше понял. Он сейчас уже становится независимым.

Ведь кроме внешней самостоятельности нашей семьи, внутри ее существует еще и будущая независимость от нас детей. Ведь на деле, наши дети - не наши. Они наши по рождению, но, поскольку становятся личностями, то тянутся за самостоятельностью и овладевают ею. Даже мы оба имеем независимость друг от друга, ты это знаешь, только с годами она слабеет и заменяется крепнущей связью, а вот независимость от нас детей быстро увеличивается. Что же, Тема сейчас испытывает массу влияний, и среди них - вредной жалости к нему, бедному. Непонятно, как он с ними разберется, и каков будет его окончательный вывод. Единственный выход для тебя, моя хорошая, это вкалывать на даче, до потери дыхания, при нем - и ставить его перед необходимостью заниматься с детьми в твое отсутствие. Не унижай себя частыми требованиями в свои дни: если у него есть добрые чувства, сам возьмется помогать, видя твои мучения. Главное, чтобы сам, по доброй воле, не жалея самого себя и не прислушиваясь к жалельщикам. Можно просить, жаловаться, даже плакать, но не надо требовать и приказывать. Это так, Ли, иначе мы потеряем сына, и совсем быстро. Тема - взрослый человек, это очевидно. Передай ему, что если он хочет, то может писать мне отдельно, я буду особо ему отвечать.

Кстати, Вадим высказал одно замечание в Темин адрес: «Хороший мальчик, но слишком много думает об экономии. Для его возраста - это ужасно!» - Какие смешные опасения, правда? Вообще наши разговоры с Вадимом все более изживают себя...

Но мне уже давно пора кончать. Со стыдом перечитываю твои письма: тебе там много труднее, чем мне, но не буду тебя уговаривать работать меньше. Нет, так и надо. В этом наше лицо, независимость, жизнь. Пиши, жду твоих писем...

Письмо из Москвы. 31 июля. ...Электричка 5.24. везет меня в Москву. Со мной две банки нового варенья и желание тебе писать. Две недели, как ты уехал, а я все чаще про тебя думаю,

вспоминаю. Аня часто спрашивает: «Папа, де?» Из трех слов «папа уехал далеко» говорит два: «папа уехал» и «папа далеко». Алешик тоже пытается повторять. Вот им уже и два года. Скоро выйдут из своего розового возраста. Алеша начал выход с того, что ушел в путешествие в канун своего дня рождения.

Они были у Семена Ивановича. Аня вернулась и пыталась мне что-то сказать про Алешу. Но я не вслушалась - дел много. Тема сказал, что перед этим они почти целый день провели у С.И., значит, им там интересно. А Алешик пошел было домой, потом передумал и направился к калитке, открыл ее и ушел: до конца улицы, через лесок, через поляну и застрял в болоте, где Тема его и нашел, сидящего, скулящего, мокрого до нитки. Я теперь калитку свою держу закрытой, и насмотреться на Алешика не могу. С ним, наверное, всегда будет беспокойно. Не даст уснуть сильным чувствам.

Вчера уже отошла от потрясения, пироги спекла. Дедушка привез им в подарок два летних костюмчика и печенье. А мы подарили ему культиватор и носки. Разговаривал с нами, хоть и застенчиво, но разговаривал. Потом разговор перешел на Темкин самолет. Ему нужен эмалит для пропитки обшивки. ... Да, еще Темкина фраза: «Самолет сделал, скучно стало». Когда я попыталась его скуку развеять делами (сбором ягоды), у него сразу заболела голова. Его активное сопротивление сбору ягоды меня что-то раздражает. Вчера Тема пожелал Алеше, чтобы он был лучше, чем он. И хоть я сказала: «А разве можно быть лучше?», Тема понимающе посмотрел на меня и произнес: «Шутишь».

... В этот раз не было автобуса, и я из Дорохова пошла пешком. По пути подбросила машина, так что я опоздала минут на 15. Они меня встречали. Очень весело с ними перекликаться. А потом поднять подбежавшего человечка. Аня успевает первой. Она сейчас вообще все время крутится около меня, и все то количество «мама», которое они раньше не говорили, выдают сейчас.

Больше нечего писать. В детском саду нормальный пол делают?

Не пришло от тебя поздравления ни папе, ни малышам. Грустно... Но ты все равно хороший.

Письмо с Печоры. 4 августа. ...Я уже почти здоров, только немного беспокоит стеснение в груди. Наверное, это внутренний ушиб рядом с легкими и надо ждать, когда он рассосется. Левая рука действует уже уверенно. Сегодня я даже носил носилки с раствором и копал землю. Раньше мешала боль. И, наконец, ощутимо спала опухоль на спине. Сегодня вечером я в первый раз после того дня купался в Печоре - прекрасные ощущения возвращения к жизни и чистоты.

А вчера волевым усилием дочитал книжку Вадима (какой долгий и непосильный труд - читать здесь серьезные книги: физическая работа по 12 часов отупляет) и теперь полностью свободен для писем. Я разложил на кровати твои четыре письма и уже от этого получаю удовольствие. Ты, наверное, простила, что не поздравил Вас с 28 и 30 июля. Честно говоря, я даже забыл об этих датах в своей свистопляске. Да и нет еще привычки. Еще ни разу я не был дома в это время, чтобы запомнить.

Очень я радовался твоему четвертому письму: что газ ты сама купила и что успеваешь везде, как многостаночник, и бодрости не теряешь в этой круговерти. Так и надо. Ей-богу, горжусь... А Тема? - Что ж, пусть Тема сам соображает, принимать наш образ жизни, или образ жизни «жалельщиков». Ли, если при этом крутяже и независимости, мы ухитримся еще и быть счастливыми, то он примет нашу сторону. Я уверен, что поездка в Ленинград ему тоже пошла на пользу.

Читал про путешествие Алешика, мне тоже стало страшно. А сколько времени его искали? И как смог Тема его найти? - По звуку, что ли? И отразилось ли это путешествие на Алешике? Боится ли он теперь уходить один из дома? Жаль, если такое потрясение запугает его.

Про детский сад. Там сейчас работают только двое: Иванов и Володя. Ты знаешь, что Иванов всегда гордится качеством своей работы. К сожалению, его сильно ограничивают: заставляют пользоваться лишь старыми досками, оставлять частично землю на черном полу, ремонт вести лишь частично, в указанных начальством пределах. Однако попытки Пети подогнать Иванова и вынудить быстрее окончить работу натываются на стойкое сопротивление: Иванов не спешит и делает работу качественно. Слава богу, что сам я не работаю на детском саду и могу не переживать.

Хуже дело на столовой: нас то ставят на кладку кирпича (при слухах о прибытии строительного начальства), то отправляют помогать на дом. Но я окончательно усвоил: столовая может оказаться совершенно бросовым, даровым объектом, за который нам ничего не заплатят. Оказывается, до сих пор на работе в этой стройорганизации оформлен один Петя, который не может решиться оформить там и нас, поскольку мы записаны у поселкового начальства. Снять нас с этой поселковой записи - будет трудно оформлять хорошие деньги за дом, гараж и сад. Оформить в двух местах - подсудное дело. И Петя то решается на это (жалко работы), то не решается. И нас этим путает. Единственно ощутимая корысть наша в этой столовой - трактор и автомобильный кран на поселковых объектах. Но как дорога цена этой техники: почти ежедневная работа не меньше 4-х человек. И сколько мы уже переделали на этой столовой! Вот парадокс: шабашники работают бесплатно на стройорганизацию, чтобы тайком, во внеурочное время, по личной договоренности с трактористом и крановщиком использовать технику на аккордных объектах! Чего только не случается у нас. Но меня такое положение просто убивает: ибо на столовой не важны объем выполненной работы и ее скорость - важно «вести работу», «присутствовать на объекте» и выполнять распоряжения начальства (а оно появляется довольно часто).

Шабашка этого года мне даже и не кажется шабашкой, а представляется просто извращением шабашного духа: надо

не работать, а делать вид, что работаешь. Как на службе, как будто при социализме.

Единственная надежда, что или Петя все же решится, и оформит договор в районе, или он возьмет от крана все необходимое и снимет нас со столовой окончательно, а до тех пор моей душе спокойствия не будет.

Очень медленно идет работа на доме. Вспоминая аналогичную работу в Катэне, я воочию убеждаюсь, насколько там ребята работали быстрее и слаженней. Они, конечно, тогда много хвастались и обещали себе много больше возможного, но все же основные обязательства выполнили и за очень короткий срок. Быстро и слаженно поворачивались. Здесь же прошел уже месяц, а 7 человек уложили всего 8 венцов дома (осталось еще 14, а потом потолки, крыша и все прочее).

Но, странное дело, до конфликтов еще дело не доходило. Петя завел в этом году порядок ежедневных совещаний лишь со старшими объектов, а остальные в этих обсуждениях не участвуют (я тоже), поэтому в сравнении с прошлым годом не чувствуется какой-то общности накала, единой заинтересованности. Мы стали не «компаньонами совместного предприятия», а почти обычными мало думающими работниками. Неужели увеличение состава бригады так радикально меняет ее дух. И до чего же это грустно...

Письмо из Москвы. 4 августа. Пишу в Дорохове. Жду телефонных переговоров с Москвою о больничных делах. Так сложно все это устроить, но без этого в горы не пойдешь...

Идет дождь. Небо безнадежное. Автобус не пришел в 5.24. Лучше б я поспала эти полчаса. Так трудно было встать. Сейчас еду на прием. Везу две 2-х литровые банки клубники врачу и сестре. Говорят, надо коробку конфет как минимум, но некогда мне искать конфеты, да и кошелек я потеряла с 15 рублями. Досада до сих пор не проходит.

Вчера Темка со мной поссорился. Он захотел съесть всю клубнику, что я собрала. А я сказала, что ешь только ту,

что сам соберешь. Раньше он пшикал, но шел собирать. А тут она кончается и мелкая стала. Он собирает, раздражается. А тут еще я не соглашаюсь отдать свою и собираюсь ее отвезить. Не даю сыночку наестся. В ответ на мой второй отказ он вспылил, погнал меня с клубники и даже стукнул взад коленом (докладываю, как судье), а потом вообще бросил собирать, забрался наверх, закрылся и кричал, что он мне помогать ни сегодня, ни завтра не будет. А ведь в сарае он был занят корабликом, а совсем не моими делами, и совсем не за что мне было давать ему клубнику. Может, он вспоминает, что вчера долго крутил смородину, но ведь и в прошлом году он ее крутил... В общем, и понятна, и непонятна его вспышка.

Вечером мне пришлось идти с малышами за молоком, поскольку утром рано надо в Москву. Туда дошли более-менее, хоть Алеша и постанывал. Но на обратном пути с полдороги Алеша отказался идти. И вот ситуация: Алеша на одной руке, бидон с 5 л - в другой, а Аня требует руку, за бидон или палец держаться не хочет. Приходится и Алешу, и бидон брать в одну руку. Но долго так я не выдерживаю, опускаю на землю, выслушиваю рев, снова беру, пытаюсь уговорить Аню взяться за бидон и т.д. В таком кошмаре прошли до половины последней дорожки, а когда увидели какую-то машину, то все тихо пошли пешком, и одной руки на двоих хватило.

Вернулись поздно, я лихорадочно готовлю ужин, переодеваю мокрых (дождь начался с вечера), убираю, ублажаю, а Темка, съев собранную им клубнику, хнычет, что ему мало. Предлагаю доесть ту, что осталась от деток. Капризы: «Что там есть». Извел. Пытаюсь продолжать с ним приветливый тон. Нету сил. Сдержанно отвечаю, что напишу тебе и замолкаю. Вот так мы живем. Солнышко, что было все эти дни, делало нашу жизнь не такой мрачной, как я пишу. Но все же я хорошо понимаю, как полезно уезжать на работу, я разряжаюсь там, успокаиваюсь...

...Это очень страшно, когда не приходят от тебя письма. Ну, зачем ты так. Масса времени у меня уходит на то,

чтобы убеждать себя, что с тобой ничего не случилось. Опять же, домой еду специально, жду радости - твоего письма, и как ужасно без него.

А визит мой к врачам оказался неудачным. И на работе, как назло, санитарный день во всех службах. Что-то я нервничаю. Не успеваю, сколько хотела бы. Ну да ладно. Главное, нет от тебя известия, что ты жив-здоров.

Когда неудачи идут косяком, я вспоминаю стих Овсея Дриза:

«Этот день был очень грустный./Начался он с огорченья:
Утонула ложка в банке/Земляничного варенья.
В полдень новые ботинки,/Что чудесно так скрипели,
Вымокли в глубокой луже /И бормочут еле-еле».(Дальше не помню точно)

Когда он вечером выглянул из-под одеяла,
"В небе звездочку увидел, /А она тотчас упала».

На сегодня: дождь, автобус, нет письма, неудачный визит, закрыты службы... - все не от меня зависит, не я виновата.

До свидания. Не уезжай больше надолго.

Письмо с Печоры. 5 августа. Прошел еще один рабочий день, и мне хочется продолжить разговор с тобой. Ты прочла казахстанскую книжку... Но неужели мы все же доберемся до Средней Азии. Я довольно сильно устаю на работе и, кажется, горы будут мне не по силам. Однако разумом я понимаю, что это лишь временная слабость, что до Средней Азии мы доберемся обязательно...

Сегодня утром Петя объявил об изменениях в составе групп: меня и напарника со столовой сняли и поставили на дом зашивать досками потолки (я долго отстаивал свой, вернее, еще катэновский вариант этой работы, как наиболее простой и быстрый и едва пробил его с помощью Кости). На столовой оставили только Костю и с ним ...Вадика. Сильно удивился я этому известию, хотя сам Вадим все принял спокойно. Из последующих расспросов старшего по дому

понял, что Вадиму «было тяжело контактировать с ребятами» и он сам запросился на другой объект.

С самим Вадиком я еще не разговаривал. Ведь отношения наши сильно осложнились. Московская традиция дружеского покусывания здесь развилась еще больше. Все неохотнее я отвечаю на эти споры-подкалывания, и все чаще он обращается за поддержкой к остальным ребятам. Все это, конечно, милые шутки, но здесь психика меняется, и все это сильно раздражает. Несколько раз мне приходилось почти всерьез огрызаться (правда, все в рамках). И ребята на эти шутки-споры не идут. Я всегда ставил себе в заслугу, что могу посмеяться над собой и принять спокойно чужие шутки. Со стороны ребят смех надо мной всегда был добрым и случайным, а Вадиковы шутки уж очень длительны. Поэтому мы стали разговаривать совсем мало. Только иногда он подходит и говорит примерно следующее: «А твои палестницы опять такую-то гадость сделали»... Где уж в таком общении говорить о действительно важных вещах?

...Ну вот, все же расспросил Вадима. Он говорит, что дело на дому движется плохо, медленно, удовлетворения нет, возникает раздражение. Последней каплей стала его одна крупная ошибка в работе, вызвавшая резкую отповедь со стороны Славы и других. Ну, и решил перевестись. Первым днем на столовой он доволен: приготовление раствора и подноска кирпича. Однако я немного знаю Костю, его буйный характер, и с беспокойством смотрю на перспективы этого сотрудничества: неспроста, обдуманно попросился Вадик. Но я-то знаю, как на столовой хреново, и рад уйти от этой бессмыслицы. Почему же его это удовлетворяет?

Моя работа с Сашей-напарником довольно утомительна (доски приходится пришивать снизу вверх), но благодарна. Колоти молотком, и ровные потолки появляются на глазах, 2-3 комнаты в день мы зашиваем. Однако к концу дня я довольно сильно выдыхаюсь (может, раньше такого не было?) Саша, правда, выдыхается тоже...

Уже проходит третья неделя, а я еще ни разу не вытащил фотоаппарат: то работа не налаживалась, то после падения очухаться не мог. А теперь сил не хватает, да и мыслей нет: что и кого снимать. Ведь Печору мне теперь снимать неинтересно, и фотоаппарат я брал, чтобы снимать ребят на работе. Но не могу начинать съемки, не поняв, для чего они будут нужны, для какого диафильма. Может, сделать диафильм на портретах, типа кратких шабашных биографий? А какой будет связывающая мысль?.. Но нет, даже письмо к тебе не помогает рождению этой мысли. Так, наверное, ничего у меня не выйдет с таким диафильмом.

...Первый час ночи и очень хочется спать, поэтому я только допишу страницу. Сегодня я еще раз выходил на Печору. К вечеру собрались тучи, и я испугался, что погода испортится, а мои купания кончатся. Дай бог, чтобы этого не случилось. Вода сейчас необыкновенно теплая, ласковая, прозрачная, очень вкусная и журчит-журчит за спиной. Даже старожилы удивляются столь теплomu лету. Курорт, да и только.

Однако, сил мало. Наверное, завтра я сделаю перерыв в купании и письмах. Давно хотелось поприусловствовать на Петиных вечерних советах. То, что Петя творит политику теперь келейно, в узком кругу, без компаньонов, отключает последних от сознания «своего дела». А с другой стороны, даже обсуждение - страшно утомляет. Я это знаю по прошлому году...

Письмо из Москвы. 7 августа. ...Что у нас? Все такой же деятельный Алеша, которому надо что-то передвигать, переливать (вчера помогал С.И. носить дрова), придумал игру в поезд. Он теперь ездит в Волгоград к Гале или в Москву к Коле. Аня на той же доске елозит, пачкая колготки, и едет к папе на Печору. На улицу мы их почти не выпускаем, только вечером «галять» ходим. Тогда они мечутся от одной кучи песка к другой, от машины к машине. Тема два дня подряд играет с соседским Мишей. Я прямо-таки удовлетворена, что есть у него детское общение, а то ведь как плохо без друзей,

не напираяю на дела и игры с маленькими и отпускаю его. Теперь Миша с Антошей часто бывают в нашем дворе. Антоша больше с малышами, так что и я имею выгоду...

В пятницу повезли с Темкой сдавать бутылки. Темка поставил ящик на багажник, а я пешком приятно так прошла. За сам ящик деньги не дали и подозрительно расспрашивали, откуда мы его взяли. Хитрый Тема, чтобы не расстраиваться, договорился со мной, что если ящик оплатят, то эти деньги пойдут в счет потерянных 15 рублей. Поэтому он ушел от магазина счастливый, что свои 2.40 получил, а то, что я ничего не получила, так то же я. На обратном пути искупалась, и теперь вся простуженная. Только б не разболеться...

Страшно. Вдруг не будет и сегодня от тебя письма...

Письмо пришло. С 31-го по 6-е летело оно. Лучше посылай поездом. Как все мои дела суетно выглядят рядом с твоим потрясением. И нет моих рук рядом... А ушибы болят годами, ноют. Наш поход будет только для ног.

Тебе не нужно меняться. Ты должен и дальше жить на полную катушку. Кому не нравится, пусть отходят. Мои же отношения и разговоры с Вадимом уже давно изжили себя.

О Теме. В первое воскресенье после приезда я стала вслух выражать удовольствие, что, наконец, ощущается лето: и жарко, и клубника на столе, и вареники, а Тема добавил в сторону деда, покрывая мою забывчивость: «и мед». Он не мог допустить, чтобы главная «добыча» деда была б не замечена. Сколько таких случаев его чуткости, свидетельств сложности его мира, ранимости... Ну и пусть живет таким, пусть ощущает боль других. Только б не получал от нее удовольствие. Вот про его отношения с Галей я, порой, так и думаю; зато какая нежность к малышам. В отношениях Тема-Галя меня ведь всегда беспокоит Темка. Галя выскользнет из этой неприязни, может, более вредной, заносчивой и ленивой, но без особого ущерба для психики. А вот Тема... Может, все идет по Фрейду, и он научится со временем обуздывать свои «естественные склонности»? Другие дети тоже дерутся...

Письмо с Печоры. 8 августа. ...Вчерашний вечер, когда я планировал выспаться, не получился. Петя устроил собрание, на котором, наконец-то, всплыла и тема медленной работы на доме: если укладка бруса не будет ускорена в 2 раза, то дом подведен под крышу не будет, и с деньгами для всей бригады будет плохо (как выразился Иванов: по червонцу в день на нос). Споры пошли за полночь: какая нужна специализация людей, какой старший на объекте...Самое главное, конечно, что нет на доме шабашного руководителя. А где его взять? И как его вырастить? Я не знаю, да и не вхожу в число постоянно работающих на дому. Правда, сейчас мы обшиваем потолки первого этажа, но это не основная операция.

Личное мое положение сложное: кладка бруса - самое узкое место, но проситься туда сейчас не могу, потому что после травмы не уверен за свои силы. К вечеру сильно устаю, и боль в груди еще не проходит... Видно, сделал я ошибку, не попросившись на дом с самого начала (ведь у меня же был и катэновский опыт). Но не хотелось тогда отказывать Косте (с ним сейчас свои сложности), да и Петина политика не была ясна. В общем, не разобрался...

Еще прошел один, уже воскресный день. 8 августа - «День строителя» -наибольший праздник в бригаде и, как мне кажется, во всем поселке. Все местные сегодня нас поздравляет.

Работа шла лишь до 2-х часов дня - я снова на столовой. С утра Костя мне объявил: «Пока ты колотил потолки, здесь Вадим получил квалификацию каменщика, так что будешь сегодня у нас подсобником». Отвечаю: «Хорошо». Но внутри мысль: «Неспроста сказал мне это Костя. Сложный он человек, самолюбивый. И от этой небольшой отрицательной струнки в отличном в целом человеке возникают всяческие сложности в отношениях...»

Когда я только оправлялся от падения и думал о длительной «квалифицированной работе» (без больших усилий), то обратился к Косте с просьбой поставить меня на кладку кирпича (дело мне немного знакомое по совхозу, а

руку набить я быстро смогу), но он не откликнулся: предпочел оставить меня подсобником, хотя именно в этом качестве я был тогда мало полезным (например, носилки с раствором ему приходилось таскать самому). Почему? - Престиж.

Когда Костя добился перевода Игоря Рыжего к себе на столовую, то в качестве компенсации он поставил его на престижную работу. Теперь тот выкладывает колонны и постоянно хвастает, что это работа каменщика высшей квалификации, и счастлив этим. Игорь - хороший и молодой еще парень (единственный у нас студент-вечерник, которого в нужные моменты Петя представляет в качестве официального командира нашего «студенческого отряда»), хотя, конечно, нахал и хвастун, но в душе - добрый, незлобивый. И, конечно, мои переживания на столовой больше были связаны с Костей, которому, видно, хотелось иметь близ себя не равноправных компаньонов, а восхищающихся им «соратников». Наверное, пост главного инженера все же подпортил его характер. Я же в роль «верного соратника» плохо умещаюсь, потому лучше меня держать на положении простой ломовой лошади...

Втайне я даже сформулировал правило: «За квалифицированную работу обычно берутся нахалы, которые просто отбирают у более совестливых права на нее, а потом, набив руку, упрочивают свое монопольное положение в качестве незаменимых «специалистов». Так рождается малоприятный тип высокомерного «рабочего-мастера». Обычно квалифицированная работа легче и почетнее другой, и в шабашке, где каждый берется за наиболее полезное для общего успеха дело, она достается наиболее эгоистическим (не коммунистическим) людям. Так мне кажется, так я себя утешаю...

Что же касается Вадика, то сам он тут, конечно, ни при чем, да и не пришлось мне быть у него подсобником. Петя разрешил вернуться с дома Рыжему, и пришлось нам с Вадиком подсобничать в этот день вдвоём. Так и закончился этот рабочий день в подноске кирпича и раствора.

А потом была баня, небольшая постирушка. Вечером, вместо банкета, я собрался-таки в лес по голубику, набрал трехлитровый бидон. Сегодня собирал для общества, в следующий же раз хочу собрать для себя, привезти домой голубичного варенья (Фаина варит).

Пришел я уже к окончанию торжества, но вкусной еды было еще навалом. Ребята, понятное дело, «теплые», но ведут себя прилично, а многие даже сразу ушли спать. Ведь завтра снова рабочий день.

Я все обдумываю вариант перехода на укладку бруса в доме. Самое тревожное у нас место. Себя я чувствую уже совсем неплохо. Ведь обидно будет не закончить дом и прогореть с деньгами.

Вот и все мои новости, вернее, «отсутствие плохих новостей». Вадим доволен работой у Кости. И это можно понять: Костя любит быстро-быстро поработать (в основном, сам), а потом «перекурить», отдохнуть. А Вадим - прекрасный рассказчик и спорщик. В общем-то, ни у Вадима, ни у Кости нет, на мой взгляд, шабашного настроения. И не только у них... Впрочем, хотя Вадик осложнил свои отношения с частью бригады (на собрании он даже в открытую упрекал Славу в медлительности), но с «чурочниками» он прекрасно ладит и положение его прочное.

Но я уже совсем заболтался, да и спать хочется. Кончаю.

Письмо с Печоры. 10 августа. ...Здесь погода портится, третий день после обеда идет дождь. А сегодня к вечеру мы все вымокли на «ударной» работе: таскали стенные плиты (алюминий+шифер) на гараж. 8, а потом 10 человек под сильным ливнем и в грязи мерным шагом и с чертыханиями таскали эти тяжеленные плиты. Как только вымокли, всем стало все равно, и потому перетаскали все. Надо было бы монтировать, но из-за дождя сварочные работы опасны и пришлось их отложить на завтра. Несли их мы очень осторожно, потому что при большом весе шифер легко ломается, да и не приспособлены они для ручной

транспортировки. Эти плиты изготовлены для монтажа северных легко монтируемых домов (наверное, по американским образцам) и принадлежат к строго фондируемым материалам, но Пете они достались, кажется, за какую-то сотню какому-то кладовщику какого-то печорского склада. Ведь сооружаемый нами гараж принадлежит к типу непланируемых, почти незаконныхстроек (деньги - за счет какого-то жилого дома, материала - с воздуха, люди - шабашники).

В общем, мы могли бы гордиться своим подвигом в ливень, если бы не скепсис «гаражников», которые и сами сделали бы эту работу краном, но на день позже... Подспудно же в этой геройской операция лежит желание Кости утереть «гаражникам» нос и показать им, как «надо работать».

Но не об этом мне хочется сейчас с тобой разговаривать. Не могу не думать о твоём грустном-грустном письме от 4 августа. Особенно страшно мне стало от известий о твоей возможной болезни. Страшно, если ты будешь болеть долго и безнадежно - сколько примеров! Жизнь наша резко изменится, и не в лучшую сторону. Но так этого не хочется. Ведь нам еще нет сорока лет, не дошли еще до срока «акме» - полного расцвета. Я сознаю, что нам придется менять скоро свою жизнь. Мне кажется, что этот 10-й туристский и диафильмовский год у нас какой-то завершающий, последний, больше не будет напряженных отпусков - будет более спокойный, семейный отдых. Я сам мало верю этим словам, но есть и логика в таких планах. Только бы выдержать нам этот последний год, тьянь-шаньский маршрут, год с маленькими вне сада, год зависимости от Темы и Гали, год внутренних конфликтов и недовольства.

И снова голова возвращается к твоему письму. Меня буквально трясло от гнева на «жалельщиков», которые внушили Темке чувство жалости к себе и капризность: «Ах, он несчастный, затурканный мальчик, его непосильно загружают изверги-родители». А может мы и сами способствовали этому чувству, когда не скрывали своей гордости за его помощь. И

все же главную вину я возлагаю на жалельщиков - на родственников, соседей, друзей-знакомых. «Ах, бедный мальчик» - я прямо чувствую, как они отрывают от нас сына, вкладывая в него вместо нашего свое сознание. Вместо «много работать - это хорошо», они вкладывают идиотское правило «много работать - это глупость и несчастье». Сволочи... «Ах, бедный мальчик».

Вот так живешь с маленьким человеком, он растет, ты с ним ежедневно общаешься, и кажется, что он будет тебе родным и близким... А другие, чужие дяди и тети, мальчики и девочки, среда, одним словом, - прямо на глазах подменяют сына, прямо на твоих глазах вкладывает в него чужую тебе душу, крадут и отбирают. И ты остаешься у разбитого корыта. Приходит время его взрослости, и мы оказываемся совсем чужими людьми.

По твоему письму я так ясно это ощутил, что захотелось в голос завывать от злости и обиды. Наверное, от Темы не надо этого скрывать. Он уже почти взрослый человек и имеет полное право на независимость. Мы очень постараемся в будущем обходиться без его услуг, но это означает, что он будет чужим нам человеком. Это случится неизбежно, если мы будем столь разными людьми: он, избегающий труд, как несчастье, и мы, проведшие жизнь в свистопляске добровольно принятых на себя дел.

Эпизод же с клубничкой, когда он кричал на тебя и гнал с грядок, я вообще себе представить не могу. Меня очень волнуют подробности - ответила ли ему затрещиной, или подчинилась? Последнее было бы хуже всего: ведь нельзя уступать наглости. Ведь не спустила бы ты рукоприкладства любому человеку, так разве можно спускать его собственному сыну? - Напиши, пожалуйста, как все было.

Я хотел Теме написать отдельное письмо, но подумал: «Зачем?» Ты ему прочти или перескажи это и передай мое мнение: его обращение с тобой недопустимо, а что касается ухода за малышами и прочей работы - то сейчас мы вынуждены его просить, а в будущем не будем. Раньше, в

крестьянских семьях, у детей не возникало и мысли о том, что они могут не помогать родителям, не работать, а отдыхать. Сегодня мнение окружающих нас людей иное, Темы - тоже. Пускай. Постараемся отказаться от его участия... Если же он уважает нас, видит радость в нашей жизни - пусть задумается, что может нас потерять, стать чужим. Вот и все.

Письмо из Москвы. 11 августа. 9.8. Еду в Москву и везу полное ведро меду - отец подарил. Хорошо, что догадалась немного отлить, а то б не дотащила. Но я подумала, что ты со своей рукой не сможешь его донести, а я все равно еду домой.

Мед они качали без меня, в субботу (отец думает, что это последний, т.к. пчелиный клещ у соседей разбойничает уже всюю. Жалко пчел, да и отца. Он будет сильно переживать).

Из-за этой работы, или из-за праздника (как выразился Темка: «Надо же деду хоть раз в год устроить праздник») детки были без присмотра, и я застала их в мокрой одежде - вечером, когда совсем не жарко. Хорошо, если завтра не заболели. За неубранную мокрую постель я рассердилась тоже. Бардак в комнатах я быстро разобрала, полы вымыла, покормила малышей, но остальных на ужин я пригласила только один раз, вместо обычных 3-5-ти (как это раздражает!). Так и легли спать голодными.

Похоже, что с утра Артемка принял такую линию поведения: помогать деду (устроить праздник!), а с детьми не заниматься, только их кормить, иначе он, конечно, нашел бы время сменить штаны и пеленки и бросить их в корыто. «Если б я занимался с детьми, то был бы хорошим сыном, но плохим внуком». Вот как! Но ведь можно было успеть все сделать, или хотя бы качать мед в воскресенье, когда я здесь. Нетерпение.

А вечером была Анина обида, сильная, взрослая - на меня, не давшей ей клубники. Они много ее съели в полдник, и Аня как-то нехорошо сходила. Я пыталась отогнать ее от таза с клубникой, когда обирала грядки. И вот она заплакала горько, громко, и ушла от меня на улицу. Но там некому было

ее утешить, пришлось вернуться. Видя ее безутешность, мне пришлось ей разрешить есть клубнику, но когда, немного погодя, я попыталась осторожно отстранить ее, взрыв был еще сильнее. Теперь на улице оказался Тема, но и он не смог ее успокоить.

11.8. Очень забавный разговор был у Т.П. с Темой, одной фразе которого я вчера целый день изумлялась: «Папа у тебя очень хороший, работающий, а вот мама...» Решила, что в недосказанной части мне делались упреки не в смысле лени, а в смысле «не очень хорошая», т.к. через некоторое время было разъяснение, что я недостаточно внимательна к бабушке. Вот опровержение твоих рассуждений о генетике! Чужой человек, в обществе которого я чувствовала себя достаточно свободно, т.к. мне казалось, что встречаю ее понимание, винит меня, а не тебя. Так захотелось самой кого-нибудь обвинить! Ну да уж потерплю. В основном, конечно, это из-за ленинградской поездки, что уехали и не посчиталась с его неодобрением... А может, еще что. Но не хватает у меня сил разобраться... Спросила только Тему: «А ты достаточно внимательный?» - «Нет, бабушка на меня тоже обижается: я не должен заниматься своими делами, а должен или помогать ему, или стоять около него и учиться».

Нет конца совершенству «быть внимательным»...

Все остальное ритмично повторяется: опять в понедельник не было автобуса, и меня подбросила какая-то машина. Опять собирала ягоду, теперь черную смородину. Ее немного в этом году, но, поскольку помощников нет, то получается долго. А главное, сделала в задел на сентябрь пять первичных заявок. Вот и все. Фили. Выхожу.

...Я так привыкла писать в транспорте, что пишу теперь в метро. Сделала сегодня еще три заявки. Чистенькая и опустошенная еду домой.

А еще сделала не необходимый себе подарок на 40 рублей. Такое будет редко, надеюсь. Уговорили меня женщины купить зонт, да и недолго уговаривали. Французский, складной, очень славный. Столько много дождя

в это лето. И Темка так хотел, чтобы у меня был зонт. Поберегу, буду носить редко. А Темке в подарок (за свой, наверное) купила портфель. Уж очень ему мой не нравится. Привык бы, конечно, но может, Галя сносит?

В субботу мне вроде на работе и делать нечего при таком заделе. Но это я так. Расхрабрилась. На даче много дел с ягодой. Уже начинается крыжовник, а я черную смородину не собрала. Ну, как-нибудь.

Письмо с Печеры. 12 августа. ... Начинаю письмо в 10 вечера и не надеюсь кончить. Скоро ребята попросят меня выключить свет. Теперь здесь быстро темнеет по вечерам, поэтому мы сменили режим: начинаем работу в 6, а кончаем в 8 часов. Но привычка поздно ложиться путает нас, ребята не высыпаются и устают. Я - тоже.

Сегодня первый день, как я твердо и официально, по личной просьбе, переведен со столовой на дом. Работаю подсобным у старшего по дому - Саши Ш. Снова в подсобниках, но хочется, чтобы от меня была максимальная польза, так важно быть на самом узком месте. Мы работаем внизу - распиливаем и готовим брус для укладки наверху. Сейчас идут в основном межоконные простенки и нужно много этих готовых элементов. Довольно однообразная работа и... в полном подчинении у Саши. А он - из любителей «делать все сам», давая напарнику возможность «покурить», «постоять» или «подать топор». В общем, я много простаиваю и снова «все не так, ребята!» И почему мне так фатально не везет на этой «шабашке» (не могу обойтись без кавычек)?

Правда, Саша работает очень ритмично, слаженно, но по раз принятой им схеме и без всякого желания упростить дело и сделать его быстрее. Мои простейшие и очевидные предложения не проходят, наверное, опять из-за престижности. В лице Саши Ш. снова передо мной стоит неразрешимая психологическая задача...

В большой обиде на меня теперь Костя. Все время теперь подчеркивает мою «измену» и задирает, конечно, шутливо. Это я спокойно переносу, лишь бы польза была от

моего перехода. А польза будет, только если я найду ключ к Ш. и заставлю его работать рациональней. Времени до конца сезона осталось очень мало. Незаметно оно идет, но очень быстро.

Спасибо за частые письма, они мне очень нужны. Последнее письмо успокоило меня твоим упоминанием о Теминой чуткости. Может, и не потеряем сына, останемся с ним чуть-чуть родными.

Все, меня просят выключить свет. Пиши.

Письмо с Печоры. 14 августа. Сегодня - банный день. Кончили работу в 6 часов вечера и пошли в баню, но я вспомнил свою прошлогоднюю привычку, воспользовался сегодняшним теплым днем и пошел мыться на Печору (эту неделю мы уже работаем частично в телогрейках).

Вечер был тихий, даже комары появились, и я прекрасно выкупался в холодной уже Печоре, помылся и немного постирался, а потом наблюдал заходящее солнце. Мыслей - никаких!

Работаю все так же - на доме, на разделке бруса. Стены дома теперь растут много быстрее (вместо прежнего Сашиного требования равномерного наращивания бруса по всему периметру дома, сейчас ребята выкладывают стены комнат). Но для меня лично, в полном подчинении Саше Ш. живости нет. Только когда он отвлекается - на съем очередных размеров - я поднимаюсь на дом и помогаю ребятам. В общем, бывает скучно, а от этого еще тревожнее, и не знаю, как выпутаться из этого положения.

Заказенная какая-то, скучная шабашка. Даже угроза проворонить деньги подхлестнула нашу компанию лишь в небольшой степени. На Вадика, например, эта перспектива почти совсем не отразилась. Он как будто присутствует на обычной работе «от сих до сих». То ли деньги не очень нужны, то ли живет подспудная уверенность, что Петя все равно деньги раздобудет. Впрочем, я тоже часто и убежденно повторяю, что успех «предприятия» зависит на 70% от

бригадира, а на 30% от остальных членов бригады, но сейчас и об этих 30% забывают.

В прошлом году такой уверенности у ребят не было, и больше было интереса и страсти в работе. Да и «комиссар» был - Саша Григорьич. Очень живо я ощущаю его отсутствие. Имеет он вкус и к хорошей работе, и к быстроте, и к влиянию на компаньонов, к поддержанию шабашного духа. При нем я бы нашел способ крутиться с большей пользой...

Дописываю письмо после откровенного вечернего разговора с Вадимом. Он еще на стройке, в обед, полусмехом сообщил мне, что готов сказать «очередную гадость»...А после ужина и выпивки (в банные дни он теперь принимает водочные дозы наравне со всеми) присел на моей койке: «Вот ты заявил, что хотел бы от Темы похожести на себя не только внешней, но и внутренней» (на самом деле это было продолжением его же утренней фразы: «Теперь, после стрижки Фаиной, ты стал здорово похожим на Темку, внешне». Тут же я и добавил: «Лучше бы внутренне»). - «Но ведь это страшная гордыня: желать сыну походить на себя, как на образец! Значит, ты считаешь себя лучше других!» Долго я пытался доказать, что не считаю себя лучше других, но, действительно, хотел бы сходимости с сыном. Вадим был возбужден, говорил громко, втянул в разговор и других. В конце концов, Петя не выдержал и вмешался: «Не понимаю, что вы спорите: Сокирко хочет, чтобы сын походил на него, Вадим желает, чтобы сын на него не походил, ну и пусть так будет с каждым!»... Вадик успокоился, лишь когда я остановился на тезисе: «Хочу, чтобы сын не был мне духовно чужим».

Сам он желает своим детям быть лучше себя и, конечно же, будет их воспитывать «лучше себя», как барон Мюнхаузен вытягивал себя из болота за волосы...

Потом снова разговор перешел на мою гордыню (не дает она ему покоя): мол, все мое поведение на стройке, все попытки помощи ребятам в освободившиеся промежутки времени - не помогают общему успеху, а нужны только

собственному возвеличению, гордыне. Пообещал доказывать все это на фактах, но я уже хорошо знал цену Вадиковым фактам и их доказательности и, конечно же, сразу отменил всякую попытку спорить по таким вопросам. Кто и как работает или сработал, в конечной счете, может сказать вся бригада, если она сочтет нужным в этом разобраться и вводить коэффициенты. Во всяком случае, в прошлом году моя оценка была высокой. Этого довода я Вадиму и не упоминал. Зачем? Тем более что в этом году, на этой казенной «шабашке», да еще при моей травме и невезучей работе - сначала на неоплачиваемой работе под самолюбивым Костей, потом под началом Саши Ш., который «любит работать сам», но совсем не озабочен общей скоростью - я невольно скис до уровня казенного работника. Все мои попытки «коммунистической работы», на которые так остро и болезненно реагирует Вадик, - слабы и мизерны по своей эффективности. Волею судьбы в этом году я - совершенно средний «боец стройотряда».

Но удивляет иное: постоянное, чуть ли не изощренное внимание к себе со стороны Вадима. Он как бы постоянно спорит со мной, обличает и «кроет правду-матку в глаза». Зачем? Почему? Как будто это ему необходимо для собственного самоутверждения. Как будто мы настолько разные люди, что можем уважать себя только один за счет другого. Ну, а как же наша прежняя близость? И общие во многом взгляды? И околорисидентство?

Не думай, я совсем не был инициатором этого расхождения и никогда не просил Вадима заниматься моим душевным анализом. Правда, вначале я как-то упомянул неосторожно, что если анализируешь, то учитывай все стороны, в том числе и уважение ребят за хорошую работу. И вот к чему пришел Вадик в результате своего «изучения»: своим старанием я совсем не помогаю общему делу (хорошо, что не сказал: «больше вреда, чем пользы»).

Странно все это. Иногда мне хочется сказать Вадиму: или ты забудешь о моем существовании оставшиеся две

недели и забросишь свой анализ, или мы не сможем встречаться в Москве. Но я сказал в заключение этого разговора лишь одно: «Мы - разные люди и никогда не пойдем друг друга». Конечно, все это вряд ли забудется, и в Москве мы теперь станем гораздо более далекими, но... нормальными знакомыми. И все...

Вот сколько много я наболтал о своих темах, а все от того, что от тебя не было очередного письма и я не узнал очередных новостей о Теме и маленьких, об играх Алеши и повадках Анюты. О Теме я уже молчу - сложная тема очень...

Письмо из Москвы. 14 августа. ...Солнце, наверное, и у вас спряталось за дождь беспросветный. Несмотря на зонт, я все же продрогла, рукава мокрые и полы. Да и с тяжелой сумкой не очень удобно. Не радует меня эта покупка, вот и ищу недостатка...

Тема тебе тоже написал, как ему ни трудно писать. Я его не заставляю работать при мне, но порой так хочется, чтобы он помогал собирать ягоду - это же не тяжело, только долго. В прошлом году он собирал, а я ведь тогда не работала... Вчера я все же вырвалась за грибами. Опять нашла пять беленьких, много сыроежек и ежевиков. Ведь это подспорье в еде. И так приятно. Закрутила банки со смородиной, теперь остался только крыжовник, немного вишни, обработать клубничные грядки и можно уезжать.

За Алешика ты не беспокойся, болото его никак не изменило. На второй же день, выскочив из калитки, он удрал за угол улицы. Все такой же подвижный и озорной. Очень любит, когда я беру его на руки и пою колыбельную. А Анюня тут недавно устроила великий плач, обнаружив ночью, что меня рядом нет (я не отозвалась на ее «мам»), потому что перебирала на кухне до половины второго смородину). «Бою» - боюсь - вопила и так судорожно прижималась ко мне. Бойтся всего на свете...

К твоим письмам. Очень странная ситуация со столовой. Больше всего меня удивило, что тебя поставили на нерабочий объект. Жаль потери шабашного духа. Но зато,

разочаровавшись, ты, может, больше не поедешь. Видно, есть в коммуне какой-то людской максимум, за которым для удобства и целесообразности прибегают к государственным приемам, а коммунары превращаются в рабочих...

Письмо Темы. Здравствуй, дорогой папочка! Пишу я тебе, сидя за столом в большой комнате. Детки сидят рядом со мной и читают книжки. Планер свой я почти закончил, но нет эмалита, без которого нельзя правильно обтянуть крылья и стабилизатор. Вот мой планер висит на стенке и ждет чего-то. Поскольку планер я кончил, отдыхал три дня, а потом опять стал чего-то жечь, резать и склеивать. Нашел старый альбом разных самоделок, который когда-то завез сюда, не надеясь что-либо из него сделать. Однако уже выжег 3 картинки и довольно сложную тарелку со всякими цветочками. Про нее даже дедушка сказал: «Отличная работа». Вот все думаю, стоит ли мне ее раскрашивать гуашью, ведь она может потерять свою «деревянность».

Дедушка дал мне заказ на перевозку сахара из магазина домой на велосипеде и 50 рублей. Сегодня я выполнил это задание и доложил о выполнении плана на 105,2%. Еще дедушка дал мне 10 рублей на марки (роскошно я живу, уже 28 рублей есть).

В прошлую субботу мы с дедом качали мед. Выкачали 60 литров. Одно ведро он отдал нам. Мама отвезла его домой, в Москву.

Аня спрашивает: «Папа, де?» Мы отвечаем: «Папа уехал далеко, на Печору». «Не надо Печору!» - отвечает на это Анютка. Детки почти всегда ходят на горшок, но сейчас почти все время идут дожди, поэтому не всегда удается их ухватить. Ну вот, детки ложатся спать, да и лист кончается. До свидания. 14.8. Тема.

Письмо с Печоры. 16 августа. ...Вечер - еще раз читаю твое письмо от 11.8. Зря ты наказываешь Тему и деда молчанием - лучше бы просто и вслух попрекнуть их мокрой одеждой маленьких. Это было бы много понятней для дедовых представлений о справедливости. Очень интересна фраза

Темы про «хорошего сына и плохого внука» - как человек уже успел усвоить моральную диалектику, как он уже успел наостриться ловчить и устраиваться за счет моральных противоречий. И как трудно будет ему понять (а может, уже поздно, невозможно), что эта лжедиалектика не поможет в жизни, а в конечном итоге только погубит... Сегодня ему выгодно быть хорошим сыном, а завтра - хорошим внуком, значит, сегодня можно быть плохим внуком, а завтра - плохим сыном. И окажется, что выгодно всегда быть плохим сыном и внуком. Нет, сына, ты постарайся быть хорошим и там, и сям, везде. Конечно, это тяжелая проблема: как поступать в противоречивой моральной ситуации, но из них состоит вся жизнь. И часто, действительно, приходится выбирать, только настоящие люди мучаются и стараются быть хорошими везде, стремясь к этому изо всех сил, а слабовольные лавируют в этих двусмысленностях, а в результате морально гибнут везде. Нет, мораль, даже противоречивая - неделима.

Теперь о главном, о фразе Т.П. в разговоре с Темой, она мне тоже болезненно аукнулась и нехорошо сделалось. Надеюсь, ты понимаешь, что Т.П. здесь совсем ни при чем, что это просто перепев отцовских разговоров. А что сделать с отцом, я не знаю. В такие моменты очень хочется поссориться всерьез: какого черта он будет дуться на нас и диктовать поведение? Он помогал вам, спасибо за это. Но, если мы его не устраиваем, пусть не помогает. Он сейчас обеспечен уходом и заботой, и душа у меня спокойна, так будем жить совсем раздельно, раз мы такие чужие люди. Можно и на дачу не ездить. Конечно, мамина могила в Грибцово останется для меня навсегда, а остальное - да пропади оно пропадом, если ради этого надо удавить свои традиции и привычки, себя самих.

Осенью я попытаюсь еще раз показать отцу нашу семью в истинном свете (не то что «ты - хорошая» - это невозможно доказать, а что «я - плохой»)... Не знаю отчего, но у меня ото всей ленинградской истории неприятный осадок остался именно от роли отца. Так много народа тогда было на

даче, а он вел себя как самый чужой. Это удивительно, насколько мы разные люди (и насколько мы будем различаться с Темкой)... Ли, я понимаю твою обиду, но не переноси ее на Т.П., а отец - ну ты видишь, что с ним получается: он просто другой и слабый. Ибо винить сына, это значит, винить самого себя в определенном смысле. То ли дело - обвинить невестку. Плюс предрассудки, что мужчина и должен быть шалапутным и бродячим, а женщине полагается быть домоседкой. Смеяться над этими словами надо, а не обижаться. Как не обижаюсь я на Костино определение «марксист» и на Вадиково «галатын». Да и не надо забывать, что отец - все из того же первого послереволюционного, особого поколения.

Теперь о моих делах. Здоровье почти совсем восстановилось, и я нормально выполняю даже тяжелую работу. Изменений на доме у нас мало, только дней рабочих осталось немного, а через 4 дня уезжают 6 сильных ребят, в том числе Костя. Нас станет существенно меньше. Строительство столовой практически забросили, Костя с Вадимом в основном работают тоже на доме, доставляя наверх разделанный нами брус.

Судя по всему, оставаться мне придется здесь до 28 августа, хотя Петя и продолжает твердить о 25-26 августе, как сроке окончания работы. Но думаю, что поскольку 29 августа уже всем надо быть в Москве, то невольно придется бросить работу 28-го, как она будет, даже неоконченной.

Мои отношения с Вадимом как-то стабилизировались на некоторой отчужденности, хотя он иногда и пытается растопить эту преграду, обращаясь ко мне, как ни в чем не бывало. Лишь по привычной вежливости я отвечаю ему ровным дружелюбием. И все-таки дело в том, что Вадим и вправду - не шабашный человек. Иногда он напоминает мне здесь «зэка» - такая же усталая поза и то же желание повольничать в пределах приличий. Конечно, это раздражает. И в то же время он единственный в бригаде, кто по утрам бежит умываться к Печоре, а вечером - ходит в баню (ребята,

работающие на гараже, открыли там источник горячей воды). Значит, силы у него есть, и это видно всем остальным, когда они приходят и в изнеможении заваливаются на кровати. Нет, не понимает Вадим вкуса к шабашной работе, в работе до изнеможения...

И все же он пока удерживает хорошие отношения с бригадой в целом. Этому способствует покровительство Кости. Вадим как бы сделал ставку на него, во всем слушается, почитает и работает с ним в паре. А вот как уживается с ним Костя - мне не совсем понятно. Ведь у Кости особый стиль работы: сделать максимальное, штурмующее усилие, поражающее всю публику, а потом сесть курить, победоносно поглядывая на слабачков. «Гоп-ля» - этой своей любимой цирковой концовкой он обычно сопровождает эти «трудовые рекорды». А иногда он мне напоминает обликом Петра I: такое же круглое лицо, быстрые глаза, любовь к трудовым эффектам, властность и нетерпимость. Тогда Игорю Рыжему я отвожу роль Алексашки Меншикова. Ты скажешь, слишком смелые сравнения. Но ведь и Петр I был циркач известный.

Письмо с Печоры. 18 августа. Осталось максимум 10 рабочих дней (пока я твердо надеюсь уехать не позже 28 августа). Сруб дома мы еще не кончили. Лесопилка за нами не поспевает: привезли брус - идет его укладка, выработали брус - переход на иную работу со всякими неизбежными потерями времени. От этого дело идет медленней, чем могло бы идти.

На гараже ребята закончили основную сборку стен. Теперь пойдет деревянная обшивка, подворотные столбы - тоже дней не хватает. На столовой работа заброшена. Ремонт полов в детском саду Иванов с Володей кончили только вчера. Наконец-то. Зато работали на совесть. Сейчас они делают ремонт спортзала, в котором мы живем (бесплатно, в виде услуги за право жительства в нем), закончат, пойдут на дом или гараж. Все теперь сосредотачиваются на этих двух объектах. Но и меньше нас становится.

Я по-прежнему на доме, занимаюсь всякой всячиной. Погода снова стоит изумительно теплая, работаю снова в трусах. Но вечером вместо комара появляется противная мошка. Здоровье хорошее, но на Печору по вечерам я уже не хожу - просто некогда (к 8-ми вечера становится темно), а работа в этом году у меня сравнительно чистая ... Вадик работу еще тянет, но раздражительность его возрастает. Прямо видно, как он еле сдерживается, чтобы не рассориться с Костей, а тот наоборот.

Одно хорошо, твои письма. Ей-богу. Поздравляю с окончанием дачной страды. Жаль, что меня нет обобратить крыжовник - я с ним справляюсь быстро. Письмо от Темы я получил. Нормальное письмо - без особых тягот и жалоб - обычное мальчишеское письмо. Вкладываю свой ответ.

Письмо из Москвы. 18 августа. ...Очень грустно читать про твою несовместимость с нынешней шабашкой. Но ты не должен себя упрекать, ведь работаешь до усталости...

Теме я твоё письмо прочитала. Пусть думает... Какие еще новости? - В субботу помогала отцу заливать сироп пчелам. Очень он был этим доволен. А у меня стояли все вечерние дела - кормежка, уборка. Но ничего не сделаешь - сама напросилась. А в воскресенье он прекрасно справился без меня, видя мою загнанность. Ведь сейчас надо срочно и клубнику обрабатывать, и крыжовник собирать: он лопается, не дозрев, и гниет. А как полопалась, не дозрев, вишня, страшно смотреть. Малина тоже гниет. Дождь. И где вы только сушитесь?..

Мама с Галей приезжают из Волгограда 27.8. Хорошо будет, если и ты приедешь как можно быстрее. 24-го отцу велено забрать памятник для мамы, и твоё участие очень нужно...

Письмо с Печоры. 20 августа. ...Еще нет шести утра, и я использую неожиданно возникшее свободное время: меня и Рыжего временно переводят на гараж класть кирпичные простенки между воротами, и мы выжидаем появления

трактора, чтобы загрузить его кирпичом со столовой. Потому я и взялся за письмо.

Вчера долго спорил с Сашей Ш. и Костей в Петинем кабинете о порядке работы на доме после укладки последнего венца: начинать ли сразу колотить потолки, или ждать, когда будут поставлены стропила и крыша, т.е.- одновременно вести работы, или последовательно. Мои аргументы просты: надо иметь как можно больше фронтов работы, чтобы не простаивать, а потолки лепить много легче до установки стропильной путаницы. У моих же оппонентов главный довод: крыша важнее, значит, ее и надо делать в первую очередь, а потом все остальное. Если б Петя сказал, что мы не будем делать потолка из-за нехватки сил и времени, я понял бы. Но ведь не так совсем.

Типично нешабашные характеры оказались у Саши Ш., Кости и некоторых других ребят. Преобладающая их черта - гордость специалиста - неторопливого умельца, гордость мастерового. И если кто выдвинет свою идею, то грызется за нее, полезна или нет, но отстаивает. Именно здесь, на шабашке, где все должно быть направлено на максимальное убыстрение, и где все предложения должны оцениваться именно с этой точки зрения, у нас только идет борьба диких самолюбий. Нешабашные характеры. А еще причина - что эти люди приехали сюда не из-за денег только, специально, а чтобы отвлечься, размяться телом после московской нудноты. Деньги для них важны, конечно, но не жизненно важны. Иначе бы их игра самолюбий давно бы себя изжила.

И снова я вспоминаю Сашу Григорыча, вспоминаю, как он воспринимал все идеи насчет убыстрения работы. Например, так: «Понимаешь, мы тут сами что-то подобное продумывали». Может быть, на деле он эту мысль только что от тебя услышал, но и черт с ней - важно, что она принимается к действию и вместе с тем не возбуждает ни твоего, ни другого самолюбия. Идеи тут же становятся общими, как и должно быть в шабашке. Сейчас же у нас принятие того или

иного варианта - это авторство, это ценится! Нашли что ценить, идиоты! Правда, Григорьичу тоже не были нужны деньги позарез, но, наверное, вся жизнь научила его шабашному подходу: неуклонно стремиться к главной, основной цели.

В общем, ты права, на шабашке я, действительно, в последний раз. Многие из ребят говорят, что в прошлом году было веселее. В этом же году лучше жилье, сытнее обеды, менее напряженная работа и, наверняка, будут меньшие деньги. Петя говорит, что он больше не поедет, Костя - тоже, Григорьич, Сергей - уже отпали. Разваливается наша бригада.

Только сейчас я начинаю сознавать ее уникальность, вернее, уникальность бригады прошлого года, когда интеллигентность участников еще сочеталась с преобладанием шабашного духа. Наверное, более часто встречаются другие типа шабашек: 1) подлинные, хорошо зарабатывающие и даже, может, хищнические - когда люди вкалывают из-за денег, но могут и надуть друг друга при расчете (типа бригады в Катэне), 2) интеллигентные, «отдыхающие» и мало зарабатывающие бригады - не шабашные на деле. В Хабаровске мы хватанули шабашного духа, а теперь он окончательно испаряется, мы превращаемся в бригаду второго типа. Пример регрессивного развития...

Сегодня целый день я вел кладку кирпича параллельно с Рыжим и не уступал никому мастерка. Надоело скромничать. Устал к вечеру, но получил большое удовольствие - споро работалось.

Сейчас вечер, поздно, но ребята еще не спят, провожают отъезжающих. Их 6 человек, а двое уехало еще раньше. Остается 14, но не все из них останутся до конца. Вот так!.. Базарят немного ребята. Вадим, хоть и выпил со всеми вместе, но со мной не спорит - мы вообще очень мало разговариваем, ну да в Москве разберемся.

Кстати, Петя все же надеется закончить работу к 26 августа, а крайний срок ставит 27 августа, так что, может, и

буду 28-29-го в Москве. До Алма-Аты у нас будет самолет или поезд? Времени, конечно, мало, но ведь и денег жалко...

Письмо из Москвы. 21 августа. ...Я уж думала больше не писать, но если ты приедешь 29-го, то напишу. Вчера Теме исполнилось 13 лет. Ждал он ужасно приезда отца и Т.П.. Анюня по поводу Темкиного праздника тоже не спала. Заснула около часа. Потом проснулся Алеша, и пытался со мной разговаривать последний раз полчетвертого, а без четверти пять я уже встала. Но, тем не менее, поработала я хорошо. Ссылку к последней, 7-й заявке, дома напишу или в электричке. Но я опять сбилась на себя.

На празднике был новый пирог, пирожки и рулет с грибами (во!). Тебя, конечно, вспоминали, особенно в той связи, что надо взять памятник. Теме подарили еще 10 рублей. Он решил покупать часы. Пообещал, что, с 13 лет начиная, будет вести трудовую жизнь. Он хочет быть с нами. Обстановка за столом была непринужденная, я терпеливо слушала отца, а он мудро выражался. Так что будем налаживать отношения.

Не отвечаю на твои письма, только грущу вместе с тобой по поводу неудачной шабашки. Тороплюсь на поезд.

Брось все. Уезжай домой. Мы тебя так ждем. А мама 27-го приедет. Мы переезжаем в Москву в четверг утром, сегодня я уже отволокла свой рюкзачок. Ну, все, бегу стрелой.

Письмо с Печоры. 22 августа. Сегодня воскресенье, вечер. Банного дня не было и уже не будет. На голубику для себя я так не выберусь, видно, и варенья на пробу не привезу. Осталось не более пяти рабочих дней, так что пишу я, наверное, последнее письмо.

На обоих объектах у нас, конечно, горячка. Но даже пиковое положение со сроками не в силах перевесить нешабашные характеры. Правда, стало меньше споров, просто всем надоело. Сруб кончили класть вчера. Сегодня возились со стропилами крыш. Но только вроде разобрались с технологией - кончились материалы. Вчера я долго гудел про полы и потолки. Послушались меня лишь частично: сегодня

мы с Петей выставляли потолочные лаги из отбракованного бруса, а завтра с утра все займутся потолками в ожидании материалов. А без этого просто стояли бы без дела. За пять оставшихся дней мы должны успеть выполнить основное: распереть все стропила, обрешетить крышу, защитить фронтоны и карнизы, уложить шифер, забить потолки. Полы на втором этаже почти закончены, на первом же этаже делать их не будем - нет доски. Лестничные клетки отделать не успеем. Это простительно.

Петя твердит о 27 августе, как о крайнем сроке. Но послезавтра уезжают еще четверо, в том числе Слава и, как ни странно... Вадим. Хотя он и придерживался раньше формулы: «остаюсь до конца», но ссылается на то, что Петя говорил о сроке 24 августа. Теперь Петя просит каждого особо остаться хотя бы на один лишний день. Не знаю, что он скажет, когда услышит о решении Вадима (он еще официально об этом Пете не сказал).

Я-то знаю, что особых причин для скорого отъезда у Вадима нет. Кроме желания несколько дней перед альплагером побыть дома. Законное, в общем, желание, но только не здесь, не на шабашке в критический час.

И как остро я ощущаю даже сейчас свою вину за прошлогодний отъезд на неделю раньше срока, хоть и обговаривал его заранее. С какой легкой душой остаюсь на этот раз -«до конца», как бы плохо ни отразилось это на нашем отпуске. Какая все-таки высокая, самопожертвенная, захватывающая человека сила - шабашка! И как жаль, что она кончается, умирает в этой компании. И как ясно, что Вадиму, в принципе, недоступна ее радость!

Оказывается, можно прожить полтора месяца в одной обстановке и получить совершенно разные впечатления. Пробыть 1,5 месяца на шабашке, и так ничего в ней не понять, не почувствовать даже ее специфики! Отъезд Вадика я воспринял бы даже с удовольствием. Мне стало бы проще...

Завтра придется нам переезжать в гостиницу. Тоже возня, но необходимая - ведь скоро 1 сентября и надо

освобождать школу. Кончаю. Завтра - снова работа. Последние дни трудных радостей, пусть плохой, но шашки...

Письмо с Печоры. 24 августа. ...Я пишу тебе сейчас уже не нужное письмо - письмо, которое не будет отправлено. Получается, что пишу я тебе, но для себя. Потому что привык и уже не могу без беседы с тобой придти в нормальное состояние.

Уже вторую ночь я плохо сплю. Ворочаюсь на койке и не могу заснуть. При непрерывной работе и ощутимой усталости (в руках гудит) это непонятно. В голове непрерывно ворочаются мысли: как успеть сделать дом. Успеть к 27 августа. И не придумывается. Это нервное напряжение и не дает мне заснуть, возбуждая мысли об одном и том же, как будто кидаюсь раз за разом в мозговые атаки, как будто бьюсь головой об стенку.

Уже светает. Даже петухи поют. Значит, скоро 5 часов - официальный подъем. Я твержу себе: надо спать, спать, нельзя быть без сна две ночи - днем будешь вареным, а не работником. А твое дело сейчас, прежде всего, работать, а там, что получится. Но из таких уговоров ничего не выходит: сон не приходит. Снова я торчу перед безысходным тупиком: как за три дня окончить дом - крышу, потолки, лестницы.

Сегодня (нет, вчера) за обедом Вадик произнес одну из своих очередных сентенций: «А все-таки хорошо, Петя, здесь жить - простой жизнью, без забот, не то, что в Москве...»

То ли он хотел подбодрить остающегося Петю, то ли, чтобы его, отъезжающего в проклятую Москву, пожалели, - непонятно. Но мы все, мягко говоря, были смущены, а Петя, тот вначале просто онемел. Он-то думал про себя: «Ну, что за собачья жизнь в эти оставшиеся дни, когда все разваливается и идет вразнос, а от работы зависит все, буквально все деньги сезона!» Перед местным начальством все время оправдывайся, куда исчезла большая половина людей, перед ребятами объясняйся, почему нет тех или иных материалов, а сам думай о нарядах, о квартире, о дороге, об итогах. И все

навалом, и все срочно. И вдруг тебе с улыбкой говорят: «Хорошо тебе здесь, беззаботный Петя!»

Потом Вадик стал объясняться, что здешние заботы - не заботы, что они простые, конкретные, «не сушат», как в городе (что он имел в виду - свои бытовые проблемы или «мировые» - я не понял). Петя пробурчал только, что, скорее, в Москве он чувствует себя беззаботным, чем здесь.

С 11 часов утра у нас улетают еще четверо. На доме остается только три человека: Саша Ш., Рыжий и я. Вечерами, после заброски материалов с лесопилки, будет приходиться еще один. Вот и все. Горстка людей - на такой домище. Даже страшно становится.

И все же я рад отъезду Вадима. Прекратится мое внутреннее напряжение, переживание, что ли. Странно, но он даже не очень затруднялся объяснением причин отъезда. Обошелся одной общей фразой о «сложившемся домашнем раскладе». Мне спокойно объяснил, что надо дома побыть 1,5-2 дня, а потом он обещал показать Тане Тбилиси, и это надо сделать до начала альплагеря, потому что Таня хотела бы вернуться в Москву к 10 сентября, к началу каких-то курсов... В общем, сама видишь. И как я понял, никто его не уговаривал остаться, даже Петя. При нашем катастрофическом положении. Наверное, с Вадиком всем оставшимся все понятно. Ну и бог с ним.

А как ни крути, но выходит, что мы здесь задержимся до 29 августа, чтобы только закрыть фронтоны, карнизы и крышу дома. И может, кое-как добить потолки и заложить их утеплителем. Будет чудом, если мы успеем завтра подготовить крышу к укладке шифера - ведь до сих пор стоят лишь голые стропила, без раскосов и стяжных досок. К стропилам надо пришивать выносные доски (так называемые «кобылки»), к ним снизу подшивать карнизные доски вдоль всего дома. Потом долгая возня с зашивкой косых фронтонов строганной доской. И только после этого можно укладывать на стропила обрешеточные доски - громадную площадь. И, наконец, класть шифер. Для трех человек это непосильно. С гаража нам

помощи не будет, там ребята тоже не управляют. Значит, реально мы справимся с обрешеткой не раньше, чем послезавтра, а там будет еще нужен полный день на укладку шифера. Вот и выходит, три полных дня только на крышу. Но остаются потолки второго этажа, зашитые лишь на треть, остаются лестницы и остатки полов - остается дом, в который невозможно войти, а лишь прыгать, в котором нет полов и потолков. Правда, за 27,28 августа мы можем хоть как-то извернуться и с этими вещами. Но не раньше...

Ну вот и рассвело окончательно. А сна нет. Зато я пришел, кажется, к окончательному решению: мы просто уедем отсюда 29 августа, хотя Петя и клялся, что не позже 27-го. Как мне жаль укорачивать среднеазиатский маршрут...

И еще я понял, что отправлю тебе это письмо. Отправлю вместе со Славой, а уж он-то сможет передать тебе его быстрее почты. Так что оно попадет к тебе в руки быстрее меня и объяснит причину моей задержки. Я приеду, наверное, лишь 30-31 августа. Так оно, наверное, и будет. Не грусти...

Последние дни. 24-30 августа. Мне осталось только описать конец нашей стройки и ее итоги. За год многое успел забыть, но главное, надеюсь, я запомнил.

24 августа. В 11 часов четверо отъезжающих спустились с дома. В 12 над нами пролетел их самолет. В бригаде осталось 8 работающих членов, по 4 на каждый объект + Петя.

Но в тот момент на доме оставалось только двое: Саша Ш. и я. Рыжий отсутствовал по Петиним делам, Вова М. пропал на перевозе. Странное это ощущение - такая глубокая тишина на когда-то шумной стройке. Как будто вымерла. А вместе с тем - надо торопиться!

Но только после отъезда ребят, когда вся громада оставшейся работы сопоставилась с нашими жалкими силами, только тогда острее всего осозналась безнадежность положения. В другие дни, когда на доме работал Игорь, а после обеда приходил Вова и заглядывал Петр, чувство безнадежности притуплялось, но все равно не исчезало. Думаю, что у Пети оно было еще острее. Уже через три дня он

неоднократно возвращался к фантастической идее - звонить в Москву и вызывать всех там находящихся компаньонов хоть на 2 воскресных дня, убеждая, что самолетные затраты оправдаются.

Однако такое одиночество перед большой работой одновременно для меня было и огромным плюсом. Как только кончили мы стены дома, я избавился от напарничества с Сашей и работал самостоятельно: полы, перекрытия, потолки. (Наверное, прирожденный индивидуалист). А утром этого дня я взялся за изготовление и пришивку к стропилам подкарнизных досок, изысканно называемых - «кобылки». Памятны мне эти кобылки!

Было немного страшно приниматься за эту работу, потому что от правильности установки кобылок зависит вид карнизов, крыши и всего дома. Но отъезжающие уже не брались за эту работу и, непонятно почему, не брался за нее и наш «старшой» - Саша Ш. А ведь эта работа была ключевой: с нее фактически должна начинаться обшивка крыши. В эти дни с Сашей произошла какая-то неприятная метаморфоза: он будто стал бояться ответственной работы и брался лишь за подсобные операции. Так, массу времени затратил на тщательное ошкуривание обрешеточной необрезной доски (хотя было известно, что в нашей спешке даже начальство было согласно закрыть глаза на эту операцию). Наверное, Саша устал, а может, от внутреннего неверия в завершение у него заранее опускались руки... Только в последний день, когда на крыше оставалась лишь отделка слуховых окон, он как будто вернул себе прежний облик: вытребовал меня с гаража в качестве подсобника и по-прежнему учил, как держать пилу, как загигать гвозди и т.д. («И учит, и учит - думалось мне тогда. - В этом он похож на Иванова, а вместе они похожи на ... Партию! Та тоже гордится своим пролетарским происхождением, рабочими руками и также учит, учит, учит... И ведь оба они поругивают эту Партию, но до чего же внутренне похожи!»)...

В общем, в тот грустный день я в одиночку вытесывал и устанавливал кобылки по шнуру, переползая взад-вперед по стропилам гигантского дома подобно муравью... Какая колготная эта операция! А я ведь не учитывал ее в своих расчетах: значит, надо прибавить к ним еще один день. Зато как стало просто планировать эти работы и сроки: рассчитывать на себя! Зато как понятна и непреложна стала технологическая цепь: кобылки, карнизы, фронтоны, обрешетка, шифер. Так, и не иначе. Пугает только временное отсутствие части стропил в местах, где на потолочных перекрытиях закладированы доски и шифер.

25 августа. В этот, уже наполовину дождливый день, мы с Сашей начали прибывать к кобылкам карнизные обрезные строганные доски. Мерзкая, мучительная работа. На установку нормальных выносных лесов у нас, конечно, уже нет времени, поэтому мы работаем, лежа пузом на стене и свисая до пояса за дом. Прибиваем доску потолочным гвоздем вверх, к дрожащей кобылке. Конечно, гвозди загибаются, молоток со слепо бьет мимо, руки устают держать здоровенную доску, ноги - цепляться за любые выступы в стене, чтобы не перевернуться. И ты изматеришься весь, прежде чем пристроишь эту доску. Да и опасно так работать головой вниз на такой приличной высоте. Здесь ушибленным плечом уже не отделаешься...

С 3-х часов на дом пришел Вова М. и Саша, и я с удовольствием перешел на ошкуривание досок. До конца дня забили все же больше половины карнизов и начали готовиться к фронтонам. Я торопился открыть возможность начать обрешетку крыши хотя бы с одного конца дома.

26 августа. С утра лил дождь при сильном холодном ветре. Не переставая. Сумрачно было у всех нас при завтраке. Кончился курорт. Теперь уж Печора покажет нам свой северный характер, заставит обрабатывать полуторный северный коэффициент. Страшно при такой погоде выходить на улицу, не то что работать. А что делать?

Но что нам остается сделать - ведь такое не переждешь. Надо работать... Уже несколько дней, как я завел привычку уходить на дом сразу же после еды, не дожидаясь, когда поест последний. К черту все церемонии и дружеская учтивость! - ведь надо спешить. Несколько раз, когда не спалось, уходил и до завтрака, как только рассветало. Ушел я и на этот раз, не дожидаясь конца обсуждений. Тем более, что Пети не было (он спозаранку ушел в район закруглять дела с брошенной столовой) и никто не мог мне приказать иное. Ничего, погудят немного и выйдут вслед, куда ж деваться. Представляю, как бы возмутился Вадим такой «некоммуникабельности, выпендрежу и т.п.»... Плевать.

Начал забивать фронтоны. Каждую дощечку надо примеривать, размечать, отпиливать, зарубать, прибивать. Ах, черт, ветер прямо из рук рвет, льет за шиворот водой. Плащ совсем не держит воду, телогрейка моя все бухнет и тяжелеет. Часа через два я был мокрый уже изнутри, и телогрейка меня спасала только от порывов ветра.

Довольно поздно появились снизу Саша с Рыжим, переключнулись со мной, завозились с распорками. Несколько раз тарактела «Дружба», потом ушли в каптерку, опять долго не было, потом предложили водку («чрезвычайные обстоятельства»). К черту! Снова заработали.

К 11-ти, однако, я стал стучать зубами, и вынужден был спуститься вниз. Чувствовал ли я себя виноватым? - Нет, только растерянным. Нарботал я немного, а вымок прочно. Теперь телогрейку не высушишь. Как же работать дальше?

Как бы то ни было, но поплелся домой переодеваться. Пока выжимался и одевал сухое (слава богу, нашлась несданная телогрейка), пришли ребята с гаража и дома. Тоже мокрые и злые. Однако гаражники оказались догадливей: они всю использовали полиэтиленовую пленку и сапоги. (После обеда я уже был одет соответственно печорской погоде: вокруг пояса обвязывается кусок пленки, на ногах - болотные сапоги доверху, потом одевается ватник, а на него - большой кусок полиэтилена, прикрывающий спину, а концами

залезающий в рукава плаща, который одевается поверх всего этого. Теперь снаружи я выгляжу нормальным человеком в плаще и со свободными руками, зато внутри - весь завернут в пленку. Никакой ветер и дождь не страшен. Под пленкой парит и даже становится в иные моменты жарко. Ну да жар костей не ломит. Таким макаром мы и работали все оставшиеся дни. Они все были такие страшноватые).

Гаражники тоже были унылы. Им тоже надо было закрыть крышу и фронтоны во что бы то ни стало. «Можете ли вы раньше закончить дом и помочь нам?» - спрашивали они. «Да посмотрите сами» - отвечали.

И возник вдруг и неожиданно «проект»: все равно мы не успеваем, поэтому надо сосредоточиться всем на одном объекте; или доме, или гараже, а успеем там - перейдем на другой.

Особенно рьяно его защищал Саша. Наверное, он его и выдвинул. Смотрел тогда я на него почти с ненавистью. Вот когда закачался наш корабль! Пети нет, и мы вполне можем пойти ко дну. Если бросить один объект, это значит, впрямую завалить причитающуюся за него половину денег (в конечном счете, за дом нам насчитали 11 тысяч рублей, за гараж - 7 тысяч. Насчитали, конечно, по-царски, ну да уж это Петина кухня). Такое предложение - это едва замаскированная под коллективность («надо работать вместе») капитуляция бессильных людей.

Конечно, не соглашаюсь: «Толку от того, что будем задницами тереться на одном объекте - с гулькин нос, а деньги завалим». То же самое говорит и Иванов с гаража, но и только... А, да чего там разговаривать, лучше просто: «С дома я не уйду, а вы как хотите!»

Мы с Ивановым расходимся по своим сторонам, остальные тоже.

В этот день я доколотил половину фронтона на одной стороне дома и начал второй. Теперь открыт фронт укладки обрешеточной доски, а потом - шифера. Этим и занялись Игорь и Вова. Один Саша неторопливо и методично

продолжал шкурить доски, черт бы его драл. Мне было трудно на него смотреть. Ну, да ладно. Все же бесполезную работу он делал, хотя и сравнивал я ее тогда с прической волос при наводнении.

27 августа. Теперь нас четверо на доме постоянно. Материалы больше не нужны. День пролетел мгновенно, как бы в одно касание. Вроде его и не было: с пяти утра до восьми вечера. И только результат - почти обрешеченная досками крыша и начатый шифер свидетельствовал - сегодня мы сделали много. Хороший, слаженный день! Времени не стало, как и не было, а работа - вот она, стоит! Чистый обмен. Сегодня я воспринимаю этот пролетевший в миг день успешной работы, обеспечивающей сезон счастливым завершением, как чистую радость...

Петр появился у нас после обеда и сразу оценил: «Здорово вы продвинулись». В районе он закруглил все свои материально-ответственные дела. Как и предполагалось, денег за столовую нам практически не дали, но закрыли глаза на все траты столовых материалов и техники... «Ну что ж, Петя, может, крышу мы успеем закрыть завтра».

«Да, - соглашается он, - но придется помогать на гараже, там хуже. А мне придется улететь завтра. Абсолютно необходимо быть в понедельник на кафедре». Мы это знаем, знаем, что у Петра нет другого выхода, как улететь в субботу, завтра. Понятно, что нам придется остаться еще несколько дней, как ни жалко мне и так укороченного будущего отпуска.

«Ну, а как с деньгами будет?» - спрашиваем мы, - «Сейчас иду разговаривать» - отвечает. Откладывает свой молоток, чистит куртку, поправляет кепи, папку подмышку и уходит. «Ну, парни, удачи ему! - К черту, к черту!» Что-то будет? Возвращается он в сумерки. «Ну что?» - спрашиваем мы со своей верхотуры, - «Получил - нерадостно отвечает он. - Почти все здесь». Показывает он на папку.

Вечером рассказывает - блефовал он страшно: «Не выдадите обещанные куски, сейчас же снимаю ребят с объектов, и пусть гниют они без крыш к чертовой матери». По

нарядом мастер выжал все, что можно, и даже сверх того, но студенческий коэффициент 1,2 начальство отказалось утвердить, сдрейфило. Именно этот отказ Петя переживал как свою личную неудачу: вся его маскировка бригады под стройотряд, все эти зеленые куртки и представители оказались напрасны... Об окончании работы и расчете договорились так: основные деньги получает Петя, а последнюю тысячу Рыжий получит после закрытия обеих крыш и прочих дыр.

28 августа. Закрыли крышу дома шифером. Осталось поставить внутренние раскосы на стропила и вывести два слуховых окна.

Петя улетел днем, выделив каждому по сотне рублей, нам же придется быть здесь до понедельника. Быстрее не успеем, да и не летают здесь самолеты по воскресным дням.

Вечером я ушел на гараж. Там работы больше.

29 августа. Я и Рыжий перешли на гараж. Огромная плоскость наклонной крыши: на дощатом потолке уложен утеплитель, поверх которого укладывается обрешеточная доска, а сверху - кровельное железо. Примерно такой же порядок зашивки трапецидальных фронтонов, только работать много неудобнее и страшнее (высота здесь тоже приличная). Вечером стало ясно, что работа, в общем, сделана. Осталось часа на два. Последнюю тысячу залога мы получим.

30 августа. Последние доделки. Сооружение с Сашей слуховых окон на доме, сбор инструмента, немного укрыть оставшиеся материалы, последние разговоры с начальством, сдача имущества. - И в путь!

Из-за слякотной погоды самолеты отменили, и мы выбираемся с Печоры каким-то диким, почти туристским путем: на моторках до дороги, потом открытой машиной 8 часов по этой дороге к железной дороге. Перемерзли страшно. В честь окончания ребята еще до машины были «теплыми», но северный ветер в спины так свирепо выдувал наше тепло, что никакая водка не помогала...

Заключение. 31-го августа мы выбрались к железной дороге, а 1-го сентября к середине дня скорый поезд доставил нас в

Москву. Все. Поздним вечером того же дня, едва увидев детей и тещу, я уезжал с Лилей в Домодедово, на ночной алма-тинский рейс.

Не знаю, как другим, но нам печорская задержка икалась долго, почти весь маршрут, не говоря уже о деньгах (самолет мы использовали многократно, не раздумывая). Но, конечно, ни Лиля, ни я об этом ни разу не пожалели. Ведь она прекрасно знает, что нельзя было иначе.

После 24 августа, когда осталось нас 8 (+бригадир+повариха), и ясна была цель, именно тогда началась настоящая шабашка, без передыху, до победы. Иванов тогда выразился так: «Остались настоящие бойцы». Он говорил, конечно, несколько не теми словами, но в душе я с ним согласен. В те дни мы были настоящими шабашниками, компаньонами, дрались за успех своего предприятия и вырвали-таки свои и товарищей своих деньги. Ей-богу, нам можно было собой гордиться...

После возвращения из Средней Азии мне передали долю (970 рублей за 42 дня) и рассказали, что итоговое собрание прошло очень просто и кратко. Петя сделал краткую информацию о доходах-расходах, выделили поварихам по 0,6 от заработка основного члена бригады, остальные же деньги разделили поровну за каждый отработанный день. Никаких иных предложений и замечаний не было. Компания перешла к выпивке...

И я пожалел, что не был на этом собрании. Обязательно выдвинул бы: 1) предложение дать повышенный коэффициент Петру - без него мы бы и на обратную дорогу не заработали; 2) предложил бы премировать оставшуюся восьмерку повышенной ставкой рабочих дней после 24 августа. Пусть такое предложение звучало бы нескромно, но ведь оно правильно. И ведь надо же как-то отделять настоящую шабашку от ее бледного подобия. Наверное, это предложение не прошло бы. И не потому, что оно автоматически понизило бы долю остального большинства, а потому, что большинство и не поняло бы «Почему?» Разве

доступна справедливость такой оценки, например, Косте или даже Вадиму? Ведь для этого надо быть шабашником по духу.

Мне осталось досказать совсем немного.

Насколько сейчас известно, наша бригада без Петра окончательно распалась. Правда, большинство растратило заработанные деньги еще осенью, и теперь вынуждены искать другие места для летней работы, но попасть на хорошую шабашку - очень и очень непросто.

С Вадимом наши отношения практически прервались. Несколько раз Лиля была у них, один раз он у нас, но если раз за разом не проявлять доброй воли и желания к встречам, то что же из этого может получиться?

Поначалу мне было трудно забывать, грызла совесть - ведь я обязан был Вадиму и его прекрасной семье. Мое летнее раздражение давно улеглось и уступило место спокойному пониманию, что Вадим, наверное, во многом прав, что, свертывая свое знакомство с ним, я поступаю так просто из-за душевной слабости, стремления к личному душевному комфорту. И может, уроки споров с ним мне предстоит осмысливать еще не раз. Да и не только с ним.

Я не хотел бы выгораживать себя: постоянно стремясь к шабашному духу, как сам его понимаю, я, наверное, часто перегибал палку, противопоставляя качество работы - ее быстроте и денежности, мораль - практичности. В наших давних (еще с Хабаровска) спорах с Ивановым я должен признать свою частичную неправоту. Мне кажется, что мы оба сдвинулась за эти годы со своих крайних позиций (причем, я больше). Он пришел к утверждению, что именно хорошее качество работы и отработанная технология дают наивысшую скорость и деньги. И я с этим согласен.

Сс Ивановым и другими «мастеровыми» с их раздражающими душу поучениями о том, «как надо», я еще могу сойтись и сжиться. Да и их шабашка учит терпимости и скорости. А вот почему мы разошлись с Вадимом? Казалось бы - всего каких-то полтора месяца... Но каких! Полтора месяца чистого дела, свободы и самостоятельности.

Мы часто говорим о будущем: одни о коммунистическом, другие - о демократическом, свободном даже для капитализма. И не замечаем, что это будущее уже существует реально рядом с нами, что в него можно съездить, как в отпуск - как на шабашку.

Я убежден, что будущее страны будет именно шабашкиным, т.е. капиталистическим и коммунистическим одновременно. Чем дальше, тем меньше различий я вижу в этих идеалах, ибо реальные коммуны, артели, компании, товарищества и т.п. могут действовать эффективно только в условиях свободы, т.е. в условиях рыночного, капиталистического хозяйства. В то же время именно конкуренция в условиях свободного рыночного хозяйства приводит к тому, что успех получают самые эффективные формы человеческих коллективов, т.е. компании, товарищества, артели, коммуны. Кстати, используя повсюду слово «товарищ», мы напрочь забыли его первоначальный истинный смысл, его корень и происхождение от слова «товар». Товарищ - это друг, коммунар по общему торговому, промышленному, предпринимательскому, капиталистическому делу (А к женщинам вместо мужского звания «товарищ» следует употреблять естественную форму «товарка»). В стране настоящими товарищами могут быть только компаньоны в шабашках. А остальные - самозванцы.

Я теперь часто думаю: как близко мы сходимся с людьми в разговорах, недовольством, критикой среды, мировой скорбью, сходилась даже во взглядах, даже в рецептах, что и как следовало бы изменить. И это естественно и правильно. Ну, а если от разговоров перейти к делу, останется ли хоть что-нибудь от вашей близости и согласия? И сможем ли мы сделать это дело?

Трехлетний опыт шабаша в интеллигентской бригаде настраивает меня на скептический ответ. Сначала споры, потом игра самолюбий, быстрая утомляемость, высокая цена отдыха, выпивке и прочим «радостям жизни», отличным от труда, - все это мешает общему успеху и ведет к краху в

сравнении с обычными деловыми шабашными бригадами, к распаду. А радикальность или близость взглядов здесь, в деле, оказывается не причем.

Да и вспомнить только: сколько их было, этих интеллигентных коммун и даже коллективных предприятий в истории, и все они неизменно кончали крахом в конкуренции с обычными шабашными коммунами - капиталистическими «компаниями и товариществами». И в этом длинном ряду наша, преподавательская бригада совсем не оригинальна, совсем не исключение.

Ну и пусть! Пусть наша интеллигентская бригада распалась. Настоящие шабашные бригады будут жить и процветать! Успеха в вашем предприятии, «товарищи»!

Каспийская шабашка. 1979 г.

Витин дневник с зазывным письмом и мой «отчёт» М.И.

Предисловие. Это лето начиналось еще прошлой осенью, из рассказов знакомых: «А знаешь, где наши мужики в этом году шабашили? Ни за что не угадаешь... - На Каспийском море, на тамошнем мангышлакском курорте, дом отдыха нефтяников строили... Тебя вспоминали, жаль, что не приехал хоть на месяц. Представляешь, море в 10 шагах, купайся - не хочу, и заработали неплохо... И семьи были, на будущий год снова собираются...»

Действительно, завидное сочетание: южное море с голосами твоих детей, и вместе с тем - заработок. Давно я мечтал об отдыхе с детьми на море, но всегда в отпуск занимался то шабашками, то туризмом. А сейчас сама судьба подбрасывала нам столь удобное сочетание, да еще совсем близко от Кавказа, куда мы собирались походом в ознаменование 10-летнего юбилея своего первого приезда в Закавказье. Тут нечего было думать, все было решено уже осенью 78 года... А вместе с тем ничего не было решено почти до самого моего отлета 28 июля 79-го.

Ну, во-первых, мы так и не собрались обсудить свой кавказский маршрут, даже не доехали до библиотеки клуба туристов. Была лишь общая идея, а в конкретные поездки и перевалы она потом воплощалась прямо на ходу. Но это - семечки. Хуже, что командир нашей шабашки настоятельно «не рекомендовал» мне брать с собой семью на любой срок (его аргументы: «Жить негде, питание плохое, а главное, начальство смотрит очень косо») и мое обещание показать детям море, а Лиле - шабашку, оказывалось неисполнимым. Правда, про себя я решил, что послушаюсь этого запрета: в

неприхотливости своих детей я был уверен, и хотя бы неделю они смогут прожить со стройкой рядом - кому какое дело? - Начальство? - Пошли они все к черту!

Однако с этим категорически не согласилась Лиля: «Раз мы там нежелательны, то не поедем. Дети обойдутся без моря, побудут на даче, а мы встретимся после твоей шабашки, прямо в Махачкале». Лилия уперлась, и я понял, что шансов на приезд детей очень мало. Погибала главная прелесть этого лета: дети на морском берегу и я на стройке рядом.

И все же даже это не было самым главным. Вообще-то мы все живем и ходим под непрерывной угрозой. Недаром так популярна поговорка: «От тюрьмы и сумы не зарекайся». Но как раз в июле тюремная перспектива стала меня тревожить донельзя. Обыски и вызовы на допросы, которыми мучила меня в этот год Мосгорпрокуратура, как члена самиздатского дискуссионного журнала «Поиски взаимопонимания», заслонили отпускной небосклон. Показаний я давать не мог, поэтому следователь грозился взять измором: «Вместо отпуска будете ходить сюда через день», заканчивая один допрос, тут же выписывал повестку на следующую неделю. Одновременно шли допросы моих знакомых, не вёл ли я с ними преступной деятельности. Вызывали их выборочно, просто по отобранной у меня телефонной книжки, без вины виноватых (ведь, допустим, для члена партии или руководителя, или остепененного работника само знакомство с самиздатчиком предосудительно и может быть расценено весьма сурово для их положения). От этих вызовов мне было тягостно, хотя я и убеждал себя, что не должен считать себя виноватым за эти неприятности у знакомых, что именно такую виноватую подавленность и стремится вызвать у меня следователь.

Особую тревогу вызвал допрос одного из моих старых компаньонов по прошлым шабашкам. А вдруг «они» узнают про шабашку этого года и начнут шантажировать? - Как страшно подвести ребят! И как легко это сделать: ведь шабашные работы до сих пор считаются предосудительными,

на грани нарушения наших дурацких законов. Нет, нельзя рисковать - ехать на шабашный Каспий и тянуть за собой опасный хвост...

А время шло, Слава (мы уславливалась раньше лететь с ним вместе) купил авиабилеты до Шевченко, а я лихорадочно продумывал способы, которыми можно уехать из Москвы тайно, не явившись на очередной допрос. Ведь не будут «они» разыскивать по стране «свидетеля Сокирко». Ведь по делу я еще, слава богу, не преступник... Никому ничего не говорить, писем оттуда не писать - время и пройдет, а там Кавказ, ищи ветра в горах... Как было бы славно освободиться от тягостного следствия хотя бы на месяц!... Ну, а вдруг следователь заупрямится и разыщет все же меня - крепко же я подведу ребят...

Поэтому, когда за день до моего отпуска и отлета следователь отпустил-таки меня, пожелав больше ничего не писать «такого» (самиздатского) - «хотя бы месяц», я ушел из прокуратуры «освобожденным», с чувством громадной, давно уже не испытываемой радости: «Свободен... Еду... Лечу». Как будто отвалилась громадная тяжесть, как будто я вышел из подземелья. Начался отпуск...

Суббота, 28 июля. Утренний вылет, и через три часа из дождливой Москвы мы со Славой попадаем в столицу Мангышлака: серый и почти неотличимый от пустынной пыли новый город. Порождением пустыни он показался сверху, но и вблизи оказалось то же: жилые коробки на сухой земле, а между ними кое-где растут низкорослые деревья со следами скудного полива. Однако и на них смотришь, как на чудо, ведь свободной воды здесь нет, а водопровод питается наполовину из артезианских скважин, наполовину выпаривается из каспийской воды. Для областного центра город, конечно, невелик и компактен. С запада его ограничивают море и пляжи, с востока - пустыня и колючая проволока многочисленных трудовых лагерей, где под охраной живет основная строительная сила - зэки. А с севера и юга тянутся громадные промышленные зоны, опутанные проводами,

кабелями и трубопроводами. По этому крайне урбанизированному пейзажу и промчал нас рейсовый автобус без остановок, как испуганный. Недавно эта земля была строго секретной, а Шевченко - закрытым городом. Сегодня город частично «расколдовался», а кроме главного хозяина из военно-промышленного комплекса в промышленной зоне появились и сугубо штатские хим- и нефтезаводы. Но 80% городских зданий до сих пор принадлежат не называемому хозяину.

Через час автобус доставил своих пассажиров к кучке домиков среди песчаных дюн у моря, называемой курортом «Золотой берег». Потом были еще две попутки и в 7 часов вечера уже по местному времени мы встретились с компаньонами по стройке, и не знали, чем больше восхищаться: загорелым ли видом шабашников в плавках, романтической незавершенностью ли здания из белого камня или самим морем с тонущим в нем вечерним солнцем? - Конечно, пошли купаться...

А вечером следующего дня я писал домой письмо: *«...Прошел первый рабочий день и я чуть огляделся... Наш объект - красивый двухэтажный особняк из ракушечных камней-блоков по 30-40 кг каждый. Его пилоны - как башни, недостроенные окна - как бойницы. Стоимость - 260 тысяч рублей. Называется - ночной профилакторий для нефтяников Мангышлака, но злые языки утверждают, что на деле он будет морской резиденцией начальника объединения Мангышлакнефть, его семьи и его гостей. Врут, наверно. Да нам какое дело? Меня сразу же поставили на растворный узел. Не очень, конечно, почетный пост, возиться в цементной пыли, но ничего, в перерывах между замесами буду помогать «каменщикам». Интересы в работе хватит. Ребята работают спокойно, без суеты, уверены, что в деньгах их не обидят. Всего нас 9 человек плюс местные механизаторы и прораб. От всех я чувствую общую*

доброжелательность, и это очень хорошо. Но главная моя радость, конечно, - море!

Сейчас сижу на своей кровати, но хорошо слышу, как оно плещется - и так мне предстоит его слушать целый месяц на этом первом в жизни курорте. Кстати, здешнее побережье не кажется пустынным. Вечером далеко-далеко видны россыпи огней от курортных поселков - так населена теперь эта богом забытая пустыня (а ведь до Туркмении отсюда всего 250 км).

Правда, нет деревьев, но они и не нужны мне в песчаных дюнах - от солнца на берегу есть тенты, домики, а у нас - вагончики, да и климат здесь совсем не жаркий. Вот что удивительно: оказалось, что Каспийское море чаще холодное, и потому у воды ощущается постоянная прохлада. Когда дует горячий ветер из пустыни, то он оттесняет теплую воду вдаль от берега, а взамен ее поднимается студеная вода, так что при купании даже у меня ломит лицо от холода. Когда же дует прохладный морской ветер, он нагоняет теплую воду с поверхности, и тогда мерзнешь скорее на берегу, а купаться очень приятно. Ветры сильные и часто меняют направление, поэтому море сильно перемешивается и может, за лето едва успевают прогреть свои глубины, чтобы зимой не замерзнуть от сибирских холодов.

Воздух сухой и свежий. Я просто наслаждаюсь этим климатом, его изменчивостью, капризами - то ветер сыпет песком по ногам, то несет туман с моря, то оно голубое, то стальное, то теплит, то свежит... Море изумительно красивых лазоревых цветов у берега и темно-синих - в глубине. Ничего похожего на бутылочное стекло бакинско-го пляжа. Большие похоже на Иссык-Куль, ей-богу... И вчера, и сегодня, ахая на эту красоту (вчера был еще очень красивый закат), я тревожился лишь от чувства стыда, что мне одному достанется эта роскошь, что Вы этого не увидите. И, видимо, навсегда, потому что в этом году стройка будет закончена, и ребята на будущий год

поедут в другое место, а попасть в это экзотическое место просто так - очень трудно, неисполнимо. И потому мне очень хочется, чтобы вы все приехали. Ведь, ей-богу, не пожалеете! Правда, Ли - ведь ты еще молодая и есть в тебе авантюризм - рискни. Ведь, наверное, можно извернуться, набрать отгулов и за свой счет хотя бы на неделю и приехать, если не в конце августа, то сейчас. 9-ти дней хватит... Ли, не смейся, выслушай мой план серьезно, ведь живем мы один раз. Ехать можно и поездом - это много дешевле, хоть и дольше, а деткам, может, и интереснее путешествовать по пустыне, но самолет, конечно, проще. Если у тебя работы невпроворот, то наברי с собой заявок, уверен, что Галя на берегу сама справится с детками и освободит тебе время для работы. Как ехать, ты знаешь, а в отношении жилья не беспокойся - здесь множество пустых домиков, которые заполняются лишь с пятницы по воскресенье приезжими из пустыни (свои отпуска они предпочитают проводить на иных курортах). Так что свободных помещений на те пять дней, что вы тут будете - навалом. А если дольше - то у нас же есть палатка. Уверен, что можно будет разместиться и в наших вагончиках. Сейчас, правда, все занято, но уже на следующей неделе двое уезжают, а потом и еще один, так что места хватит. Заниматься кухней для бригады тебе, наверное, будет ни к чему. Лучше отдельное питание - просто надо будет взять с собой продуктов на всю неделю, хотя здесь есть и столовая, и буфет с хлебом - но зачем нам столовая?

Пять дней вы проведете здесь, загорая и читая. Дети быстро привыкнут к холодной и теплой воде, к песку с ракушками, к куликам и чайкам, к нашей стройке - впечатлений у них будет навалом. А один из этих дней надо будет посвятить горячему (радоновому) источнику за 4 км отсюда (я еще там не был, но ребята в восторге и утверждают, что все местные возят туда детей. Я прикинул: придется на поездку истратить 150-200 рублей

и считаю, что мы можем потратить эти деньги ради того, чтобы Галя с детками имели в этом году путешествие и красивое море, ради того, чтобы ты смогла увидеть эту экзотику, нашу стройку и ребят на ней, чтобы и дети увидели папу на стройке. Может, такой случай будет у нас один раз в жизни. Ведь дети растут, а мы стареем, и таких детей у нас больше не будет.

Приезжай хотя бы ради меня - потому что мне так невыразимо жалко, что вы не увидите всего этого. Ты просто не представляешь! Скажи обязательно детям, что отец их зовет...

Все. Слава давно спит, и мой свет ему мешает (в комнате две кровати, а в вагончике две комнаты). А море все шумит... До свидания. До скорого свидания. Обязательно напиши, что письмо дошло. Не дай бог, оно затеряется, и Вы не приедете...».

Следом было еще одно и последнее письмо:

«Здравствуйте, мои хорошие! Прошел четвертый день моей курортной шабашки. Погода стоит нежаркая, скорее наоборот. После приезда два дня полз с моря туман по ночам, а потом вдруг перешел в сильный ветер с большой волной, в которой купаться было захватывающе интересно. Вода теплая, но от волны белесая и лишь вдали от берега приобретает свои лазурные тона.

Я очень боюсь, что ты не получила моего первого письма и не решилась на поездку. Вашего приезда я очень жду. Ты же знаешь, что я этого хотел еще в Москве, а сейчас еще больше. Умоляю тебя - пожелай этого и ты, преодолей все препятствия и не жалея денег, ведь один раз живем. И не бойся жары - пока здесь даже прохладно, хотя, конечно, нет и московских 13°... В общем, я уже даже не знаю, что и как тебе советовать, как еще убеждать, но сделай это.

Еще лучше - добейся двухнедельного отпуска за свой счет - свободнее тебе будет. Конечно, ты, наверное, полна сейчас скептицизма - тебе кажется, что я просто нахожусь в восторженном состоянии. И, наверное, ты права - я,

действительно, потерял голову от восторга. Вот и Слава говорит, что здесь для семьи не очень хорошо: море холодное, много песка, пальм нет... Но ведь мы - другие! Я даже боюсь: вдруг заштормит и пустыня меня подведет, вместо яркого солнца будет холод, или вдруг начнутся песчаные бури (говорят, бывают). Но ведь на это мало шансов - каждый день солнце (а в прошлом году ребята вообще ни одного облака не видели). Ли, другого такого варианта не будет. Я вас всех очень люблю и просто не могу представить, как вы не увидите здешнего Каспия. У меня до сих пор голова кружится от качки на волнах. Вчера купался раз 10, сегодня раз 6. От работы до моря - 50 шагов, до кровати и столовой - еще меньше, а с обеих сторон от нашей стройки - пустынные пляжи и домики вдали, травянистые кусты и море песка... Нет, это невозможно, если вы не приедете, я просто заем тебя в Дагестане попреки. Так мне кажется... А потом, вспомни, Ли, про моего следователя - кто знает, отпустит ли он еще раз в отпуск... Сделай мне подарок, дай посмотреть на детей у моря, пожалуйста. И не бойся, как примут вас ребята. Я убежден, что все будет хорошо. Хотя о вашем приезде я пока просто молчу - боюсь сглазить, но убежден, что запрет на приезд семей совсем необязателен и на деле возможны исключения. Во всяком случае, здесь живет жена Пети с дочерью. Жду известий от вас, а вернее, вас самих. И тогда мое счастье станет полным. А денег не жалея, Ли. Потом сэкономим. Давай подарим детям этот чудесный мир... Жду вас, а писем от меня больше не будет - писать больше не о чем...»

После столь обильных просьб мне оставалось только ждать - то ли письма-отказа, то ли приезда. Но прошли две недели, пришел последний день, в который они могли приехать, если бы мой план был услышан и принят, а известий нет, даже письма-отказа. Беспокойство и тревога стали прямо физически ощутимыми. Что случилось? - Слава Богу, во

вторник 14 августа это напряжение снялось, когда наш прораб, Ида Давыдовна, привезла из Шевченко почту на всех, а для меня телеграмму: "Прилетаем утренним рейсом семнадцатого. Попроси Петю заказать три детских билета на Москву Лиля».

Вот когда только кончилась неопределенность! Лиля добилась даже большего, чем я ожидал, и все будет самым оптимальным образом: дети отсюда вернутся в Москву, а мы вдвоем - на Кавказ. И не пять дней они проведут у моря, а девять. Молодец, Ли - добилась отпуска, достала билеты, собралась, замечательно...

Моя задача теперь много проще, но достаточно неприятна: известить Петю и прочих ребят о неразрешенном приезде и просить о помощи: чтоб заказали дополнительные билеты, отпустили для встречи на аэродром, разрешили жить в вагончике (т.е. выделила хотя бы одну дополнительную койку, благо свободных стало много), условиться о совместном или раздельном питании и т.д. А главное - повиниться и преодолеть психологический барьер: ведь я пренебрег их запретом! Правда, я был убежден заранее, что все образуется. Ведь в разговорах многие жалели, что с нами рядом не купаются дети. Даже сам Петя заговаривал о том же, как будто сожалел, что я не нарушил ненароком им же данного запрета. А может, он чувствовал неудобство за пребывание здесь жены и дочери Аленки, и потому выражал мне «сочувствие» (кстати, это пребывание оправдывалось случайностью, особыми отношениями с прорабом и т.д.). Да и каких сложностей можно ожидать от моих детей на 1 неделю?

За это время я даже подружился с 10-летней Аленкой, потому что чаще всех бегал к морю во время работы: скучавшая Аленка, увидев меня, радостно визжала и тоже бросалась в воду, чтобы барахтаться, брызгаться, топить, ездить на глубину... много она давала мне радости. Но, наслаждаясь этим детским общением, я иногда с тоской вспоминал своих в дождливой Москве: ну почему же одни дети (кроме Алены, на пляж иногда выходил и 15-летний сын прораба) могут веселиться на этом чудесном море, а другие, у

которых папы - просто шабашники, - не могут? Почему одни дети - «принцы крови», а другие - «пасынки судьбы»? И что же я за отец, если не постараюсь переломить эту «судьбу»?

Однако я обманулся, надеясь легко объясниться. Петя воспринял Лилину телеграмму очень болезненно, как нарушение верноподданности: он запретил, а я этот запрет попросту игнорировал и даже не поставил заранее в известность. Умом я понимал его оскорбленность, но ведь и меня понять надо: зачем мне было спорить заранее, если надежд на Лилин проезд и так было мало.

При нашем тягостном объяснении Петя следующим образом пояснил неразумность моего поведения:

«1) Отсюда невозможно улететь в Москву. Только по брони за 15 дней до отлета, а у наших хозяев броня есть лишь на два билета в день. Голова трещит, чтобы устроить общий отлет бригады, а тут вдруг нужно еще три дополнительных билета, да еще детских - их-то как мне выпрашивать в Объединении?

2) Здесь негде жить. Ты, конечно, видишь везде свободные места и пустыню, а на деле жить здесь негде. У нас, сам знаешь, стройплощадка, присутствие неработающих людей запрещено. И сам видишь, все деятели, которые приезжают к нам из управления на субботу-воскресенье для отдыха, вместе с тем корчат проверяющих. Попробуй, не освободи для них вагончик - тут же втык сделают прорабу за посторонних людей на стройплощадке. А для нас отношения с прорабом очень важны, наряды и заработок в ее руках... Ты говоришь, в палатке проживете? - А где ты свою палатку поставишь? Около нас, в зоне стройки - нельзя, а дальше идет зона отдыха, значит надо просить разрешения у начальника, кстати, Эдуард его знает, подскажет, где найти. Надо идти к нему, у тебя сейчас это единственный выход и просить не о палатке, он тебя не поймет, а о домике, хотя свободных домиков на деле нет. Но если умело дать деньги, может, и найдет... Говоришь, за зону отдыха на ночь вставать будешь, прямо в пустыне? Да ты что, не видел разве, по дороге

милиция часто ездит, а деревьев здесь нет, сразу засечет твою палатку и будет допытываться, откуда вы, да почему в зоне побережья, или в зоне дороги... Нет, здесь пустыня лишь с виду, а на деле все загорожено и контролируется.

3) Дальше, о чем ты совсем не подумал. Жрать здесь совершенно негде. В столовой кормят плохо, магазина нет, продукты в основном из Шевченко возим... Твоя Лиля будет каждый день за 50 км туда ездить? Или на меня надеешься? Но даже если пойти на это, то ведь и для твоего бюджета будет дорого, кормить детей как членов бригады, я ведь не буду смотреть, сколько и чего ребенок съел, больше или меньше, Алену, например, я так и оплачиваю... О чем ты думал? Да и что за жизнь здесь для женщины с детьми? Даже врачей нет. Ни о чем ты не думал»...

Как ни странно, но именно последний Петин вывод о том, что здесь просто не место для культурной женщины с детьми, меня рассмешил и успокоил. В неприхотливости и стойкости своих я был уверен. Справимся. И вообще теперь уже поздно бояться намалеванных Петей ужасов, отбой в Москву слать я не буду. А Петино раздражение время залечит.

До пятницы я ничего не делал, никого не просил. Ни к какому начальнику не ходил - слишком уж дорого достанется этот домик, да в палатке и лучше, а просить разрешение на палатку - смешно, заранее на отказ нарываться. Вот когда он ее заметит, да решится «выгонять» - тогда и будем разговаривать. За эти дни я только тихонько поговорил с «хозяйкой»-прорабом, повинулся в своем своеволии, уверил, что поступил против Петиного запрета и что постараюсь не докучать ей своими просьбами (в это она не поверила) и сказал, что палатку поставлю в барханчиках на берегу на границе ее владений и зоны отдыха. С еще более повинной головой я пошел к Косте, пожалуй, самому авторитетному в бригаде и самолюбивому. Моя просьба помочь в налаживании хороших отношений с Петей могла ему польстить и увлечь, как благородная психологическая задача. Так и получилось: именно Костя, в конечном счете, полностью прописал нас на

стройке. Первый результат его помощи я ощутил уже через день, когда напомнил Пете про свою просьбу освободить меня на пятницу для встречи. В первый наш разговор он был согласен только на вычет полного рабочего дня, хотя мне было нужно полдня), а теперь он сам подготовил мне на эти полдня производственное задание в Шевченко: сопровождать машину с кирпичом для нашего благодетеля из Объединения, а потом, получив от него заранее заготовленное письмо в аэропорт, взять билеты (включая детские и два билета для нас с Лилей на Махачкалу) - Пошел совсем иной разговор! Но пока молча, с неизжитой обидой...

...И вот я стою перед аэропортовской решеткой и улыбаюсь до ушей, завидев, наконец, подпрыгивающих Аню и Алешу: «Папа-Папа», а за ними - чинных Галю и Лилю. Беззвучно твержу: «Вот мы и встретились на Мангышлаке. Спасибо, Ли, спасибо, что исполнила мечту». Нет конца моей благодарности. Было 4 часа дня, и времени оставалось мало, чтобы добраться до центра города, закупить продукты, поужинать в столовой, а мне сбегать в аэрокассы, чтобы забрать заказанные билеты (сколь легкой оказалась эта процедура, хоть и ворчала кассирша: «У Вас не рабочая заявка, а какая-то семейная липа!») и успеть на единственный вечерний автобус до «Золотого берега». За это время разговаривали мы мало: они судорожно оглядывали стальное на солнце море в перспективе шевченковских улиц, а я вглядывался - в них. И лишь короткими фразами и осторожно напоминал, что последние километры придется идти пешком, поэтому надо взять в бутылку воды, что нас там особенно не ждут, что жить будем в палатке на границе зоны, потому что в вагончике семьи не допускаются, что на столовую рассчитывать особенно не приходится (в выходные забита, а в будни сама два дня отдыхает), что продуктового магазина там нет, а в Шевченко ездить сложно, но... что все наладится и будет хорошо... Последнее я говорил искренне и уверенно, но, как ни странно, Лиля от моего беспечного тона все больше теряла радость и замыкалась: уж очень велик был контраст

между радужным описанием моря в моих зазывных письмах и неприглядной психобытовой ситуацией: жить-есть негде, да еще быть какими-то неожиданными и нежеланными гостями. Радость от встреч со мной сменилась осознанием моего невольного обмана и потому Ли надолго замолчала. И этого нельзя было избежать. Встреча с морем и солнцем будет лишь завтра, а сегодня придется стоять в очередях, идти в ночи по пустынной дороге, воровато устраиваться на ночлег. Все неприятное придется пережить именно сегодняшним вечером, и потому мне оставалось лишь молчать, ведь деваться теперь некуда...

Подошли к стройке мы в поздние сумерки, но, как ни удивительно, ребята еще работали, спеша выбрать на кладке оставшийся в ящике раствор. В некотором стеснении поздоровались, я наспех отчитался в покупке билетов и, прихватив заранее заготовленные стойки и колья, пошел в барханы ставить палатку, слушая, как на берегу моря, невидимые в темноте, визжат от восторга мои детки. Я был не прав: исцеляющее действие моря уже началось...

Сон на мягком и теплом песке под шум прибоя, детское сопение в ночи, куличок, пришедший к нашему изголовью ранним утром, а потом, уже днем - детские крики на солнечном берегу, доносящиеся прямо до моей бетономешалки, быстро исцелили Лилю от хандры, а для меня составили главное счастье этого года.

«21 августа. Здравствуйте, Мина Исаковна! Приступаю, как обещала, к отчету. Но сначала хочу поздравить - Вы выиграли спор со мной. Витя нас встретил в аэропорту! Я его даже не сразу узнала, черного и худого. Притянули его сияющие глаза, ни у кого не было таких счастливых. Ну, а потом одна за другой навалились неприятности. Оказывается, ни я, ни Витя не взяли спальник, значит, мерзнуть нам весь поход. Оказывается, шабашники и прораб против нашего приезда и жить нам придется в палатке на нелегальном положении. Оказывается, нет магазина, а столовая доступна только три дня в неделю,

значит, нужно продукты закупать сейчас. В довершение всего, Витя взял неудачные билеты - наш самолет на Махачкалу улетит на 4 часа раньше того, на котором улетят дети в Москву и, конечно, будут слезы. А лететь они будут с двумя посадками и прилетят почти ночью... Поочередно и вместе переживаю все эти «показывается». Больше всего убивает нелегальное положение...

...Потом ехали автобусом, а последние 4 км шли пешком уже в темноте. К удивлению нашему, ребята-шабашники еще укладывали свои каменные блоки в ветровой стене. Сам дом почти готов, лишь на втором этаже не хватает нескольких плит перекрытий - никак не довезут. Сейчас же они возводят каменные заборы, и работы им еще много. Хотя надо сказать, как я поглядела, они не очень напрягаются. Может, от усталости (ведь без выходных), а может от настроения. Дом закончен, а остальное можно не заканчивать. Потому сегодня после обеда они два (!) часа проспали на пляже. Начинают не раньше половины девятого, правда, кончают в темноте, около 10-ти. Потом ужин, телевизор в столовой. Готовят сами, что умеют. Обед - в столовой, когда она работает, правда в субботу, воскресенье, когда там бушует нецивилизованная очередь, они не ходят. Иногда они выходят в море за бычками, но все это уже на исходе. Осталось их мало, всего пять человек, считая с Витей, не до бычков.

С нами в тот пятничный вечер они поздоровались и даже напоили чаем после того, как мы устроились в своей палатке. Ночью начался сильный ветер с песком, приутих к обеду и разыгрался со страшной силой к вечеру, пицца наша, приготовленная на костре, была с большой добавкой песка, но, как ни странно, мы довольно быстро к нему привыкли. Посуду тоже оттираем песком, как принято в пустыне. А море в этот день было холодное, но дети все равно в него лезли и почти сразу же упустили надувной матрац. Они собирались на нем плавать, но ветер с берега вырвал его из рук и погнал кувырком в открытое море.

Услышав крики, Витя пытался вплавь догнать, но где там. Слова богу, сам вернулся. Хоть и жалко - 20 рублей, но, может, эта потеря к лучшему: детки не будут далеко лезть в воду. Хорошо, что их самих не унесло.

Вот так мы были встречены у моря и морем. Однако в воскресенье к обеду ветер сменился, а ночью вовсе стих. Уже два дня нас жарит солнце и чуть-чуть обвевает ветерок. Море теплое, ласковое, многоцветное, детки сочиняют песни и называют его «морье душистое». Почему «душистое» - спрашиваю. «Очень хорошее» - отвечает Аня. А Алеша: «Вечером - золотое, днем - серебряное». Купаться они готовы непрерывно. Разгуливают целый день в трусиках и больших шляпах. Алеша часто ошиивается на стройке, его там катают на тракторе, а он ко всем присматривается.

Аня с Галей собирают мелкие ракушки и уже сделали из них двое бус. А главное, мы с воскресного вечера, когда уехало строительное начальство, переехали жить в вагончик, в одной комнате - дети, в другой - мы. А бригада уместается в другом. Прораб-женщина с нами уже смирилась, Галю заывает на телевизор, и мы теперь стали легальными. Детки всем нравятся. Море теплое. В столовой хорошо кормят, правда, сегодня не завезли хлеб, но можно купить вермишель, сахар, масло. Жить можно.

А вчера мы ходили за 4 км в пустыню на радоновый источник. Вышли рано, еще солнце не встало (чтоб Витя смог вернуться к началу работы), но шли очень бодро, хотя Галя просыпалась уже на ходу. Источник - это скважина, из которой бьет фонтаном во все стороны горячая вода под 70° и стоят обычные ванны - в них мы и купались. Говорят, целебно. А потом Витя ушел, а мы еще ходили к казахам, чтобы посмотреть их живность и быт. Зазвали нас в юрту, напоили чаем с молоком и конфетами. Детки не привыкли пить чай с молоком, но конфеты все время таскали. Поразило внутреннее убранство юрты - очень красиво украшена коврами, бахромой, лентами.

Сфотографировались у верблюда, потом с козами и овцами, и, подарив двухлетнему симпатичному человеку анины шортики, распрощались.

Путь большей частью проходил по сору - бывшему морскому заливу, а теперь что-то вроде песчаного соленого болота. Машины в нем вязнут и тонут, а в жару - и люди. Идти по нему страшиновато, детки легкие - идут, не проваливаясь, а подо мной порой глубоко проминалась почва, и я пугалась. И тогда Алеша, которого я вела за руку, сказал: «Не бойся, мама, ведь я с тобой». И я, в самом деле, почти перестала бояться. Детки, конечно, устали, Анюта закапризничала. Галя осталась очень довольна всем увиденным, а что осталось у деток - бог весть. Вернулись мы еще до обеда, вызвав зависть у бригады, они собираются съездить на источник только в последний день, в субботу.

Ну, что еще. На третий день нашего здесь пребывания я уже благодарила Витю за его настойчивое приглашение. Мне здесь стало хорошо. Так хорошо, что я даже забыла про Темкин день рождения вчера, 20-го. А ведь ему исполнилось 16 лет. Но поскольку поздравление ему слать некуда, а подарок в виде денег на Байкал он уже получил, то вроде и можно было бы забыть. И все же...

А сегодня 21 августа - позорный для нас день и тяжелый для чехов. Этот день стыда я помню всегда, он для меня был поворотным, окончательно поворотным.

Сейчас, наверное, закончу. Пора звать детей - сегодня мы ужинаем в столовой. Нужно купить сахар и, если будет, сметану. А завтра напишу Вам про самих шабашников...

Я кончила обещанием написать про Витиных товарищей. Витя очень бережно, но с юмором к ним относится. Постоянный лейтмотив его оценок: «Они как дети!» И в этом есть правда. В предпоследний день уехал, не доведя работу до конца, крановщик. Так ребята забросили свои дела и стали по очереди, а потом вместе осваивать кран и после многократных проб и раскачиваний все же уложили два блока в фундамент (конечно, положение это не спасло,

т.к. блоков надо уложить гораздо больше). Витя смотрел на эту эпопею и улыбался: «Как дети играют в новую игрушку». А потом как они хвалили себя друг перед другом, а может, и перед мной: мол, как они здорово сработали, справились, и что их ставят в пример местным рабочим и т.д. Но местные рабочие все равно получают свои 350-500 рублей в месяц. Зачем им стараться?

Лиля права: местные рабочие делают меньше шабашников, но не потому, что не могут, а потому, что им это не нужно: «свои деньги они получают не горбятся» Причем, получают наивозможнейший максимум - и в зависимости не от собственного труда, а от веса и значения самой организации. С нами работали три местных механизатора: русский крановщик Саня, дагестанец-бульдозерист Магомет и казах-тракторист Женя. Первые двое числились строителями нефтяников и получали по 500 рублей в месяц, жалуясь, что больше зарабатывать им не позволяют ни под каким видом. Правда, Саня работал вместе с нами и утром, и вечером, а переработки времени прораб зачисляла ему в счет будущих отгулов, которые он потом и взял в виде дополнительного месячного отпуска, уехав в Москву, даже не кончив работы (причем знал, что в Москве будет пользоваться гостеприимством и помощью наших же ребят). Да и здесь он несколько раз брал «выходные» для гулянки - так что в итоге за отработанное время он получил гораздо больше нашего.

Еще «выгоднее» работал Магомет. Получая «свои 500 рублей», он по несколько дней не садился за рычаги своего бульдозера, а когда его работа была совершенно необходима, то не мог заставить себя работать больше двух часов подряд. Если пересчитать заработок Магомета на наши рабочие часы, то он получил бы в 10 раз больше.

Наконец, молодой казах Женя - он жил в Шевченково, ежедневно приезжал к нам на работу, чтобы, отработав смену, вернуться обратно. Вместе со своим трактором он был приписан к нашей стройке уже из шевченковской организации, и потому получал свой максимум - 260 рублей в

месяц, что близко к нашему - уровню (500 рублей в месяц, но по 12 часов в день и без выходных). В отличие от Магомета, Женя работал все время, был аккуратен и исполнительен, даже артистичен и грациозен в своих действиях. Но именно он получал вдвое меньше Магомета. Несправедливость такого была очевидна всем, но никого не удивляла: «Что же тут поделаешь, разные ведь организации!»

Нечто похожее происходит и с оплатой нас, шабашников. Весь наш выигрыш заключается в подряде, т.е. в праве работать по собственному режиму и технологии за конечный результат, т.е. в праве работать в полную меру сил умственных и физических. По часам мы работали в два с лишним раза дольше, чем обычно, а, учитывая, что в пустыне нам шел коэффициент 1,7 и что за аккордное выполнение работы в срок и с требуемым качеством полагается 40% премия, то сам наш заработок составил около 130 рублей в месяц - зарплата обычного строительного рабочего.

А с другой стороны, местным рабочим не всегда дают возможность работать вот так, аккордно, по-шабашному. Так, прораб нам говорила, что какая-то местная бригада хотела взять нашу стройку на подряд (их тоже привлекало море и возможность быстро заработать) - но наш Петя перехватил заказ. Об этом же говорил и наш коллега Саша, молодой каменщик из Подмосковья: «Вкальваешь-вкальваешь, где начальство приказывает, а потом приходит «шабаш», как мы здесь, им дают выгодный подряд, а тебе - шиш.

Впервые я понял, что в иных случаях мы являемся не спасателями хозяйственников, а перехватчиками денежных работ у местных рабочих, что нынешние «свободные шабашные бригады», вписываясь в систему государственных работ, меняют свой характер, частично теряют и самый свой дух беззаветной чистой работы. Получают по блату - выгодные объекты, бесперебойное снабжение материалами, снисходительное отношение к качеству работы непрофессионалов и т.д. и т.п. - И на фоне этих привилегий,

конечно, смешно выглядят наши самохвальные сравнения с производительностью местных рабочих.

Впрочем, психологически потребность в такой похвале и самоутверждению у интеллигента очень понятна: мы, мол, не белоручки, а работать можем много лучше. Понятно и стремление овладеть незнакомой техникой. «Мы все можем!» Так было и с краном: нет начальства с его категорическим запретом садиться на кран непрофессионалу и вроде бы нужда есть - ну как же устоять против искушения даже в ущерб своей основной работе? Еще более разительным примером был мой Слава, которому удалось починить водяной насос-качалку, а потом он готов был бросить любую работу, как только возникала малейшая возможность включить его для редкой работы.

Да и я, конечно, не был свободен от таких желаний, но бог не дал мне к этому способностей и нахальства, вынудив только завидовать чужому могуществу над машинами. Так повелось с комсомольских лет, когда упрямо и фанатично брался за самую тяжелую и неблагодарную работу. Помню, как на целине мне хотелось попасть на ночную пахоту, чтобы водить трактор, но разве пробьешься через всех желающих? Да и стыдно было уходить с тяжелой работы на току. С тех пор в любой бригаде самая неквалифицированная и тяжелая работа, за которую не берутся другие - мне. И появилось самоутешение: беру на себя невыгодные и неквалифицированные работы не потому, что на иное неспособен, а потому что «так надо» для общего блага...

«Здесь в пустыне, в 145 км от Шевченко и от моря поставили город нефтяников Узень. Люди живут там в жутко тяжелых условиях: жара и духота, комары и летом и зимой лезут из подвалов, воды мало, ребятишки купаются в какой-то луже, заражаются, зелени нет. За это им платят коэффициент 1,7».

В этот месяц мы много наслышались об этой ужасной Узени (60 тысяч жителей), где живут по большей части бывшие заключенные, откуда невозможно сменить

трехкомнатную квартиру на 1 комнату в Шевченко, в той же пустыне, но у моря. Только высокий коэффициент и тюремное прошлое едва ли не у большинства жителей удерживает их в этом мрачном месте.

Нам говорили, что Узень вначале запланировали строить на берегу Каспия, в 60 км от нефтяного месторождения, а потом почему-то выстроили прямо на промыслах. «И почему не расстреляли архитектора?» - такое горестное недоумение мы услышали последний раз уже в Дагестане, от случайно встреченного узенского отпускника: «Сколько людей мучается теперь, так как же можно оставить виновного без наказания?»

Трудно спорить с обозленными людьми, да еще без фактов в руках. Но разве архитектор решал вопрос о местоположении города? - Уверен, что нет. Все решила «нефть», т.е. приказ начальства выбирать ее побыстрее и во что бы то ни стало. Ведь, если бы по-хорошему, то сначала надо было проложить хорошие дороги к морю и промыслам, люди могли быстро и дешево добираться до работы, а потом строить дома и развивать добычу. А когда ставится лозунг: «Нефть во что бы то ни стало» - то люди живут около этой самой нефти сначала во временке и вагончиках, а потом, правдами-неправдами эти временки заменялись стандартными домами и стихийно начал расти город, ломая все прежние прекраснотушные планы о городе нефтяников у моря... Так что если и надо кого стрелять..., простите, наказывать - то совсем не архитектора...

«Начальствует на стройке прораб Ия Давыдовна. Работает здесь только два года. Семья - мама 74 лет и сын Жоржик 15 лет живут в степном Крыму, а ее дело - зарабатывать на жизнь. Расспрашивать об отце Жоржика не решилась. У нее в лице мало женственности, резкий командный голос, но за грубоватостью, как уздой, сдерживается готовность помочь. Увидев, как я безнадежно пыталась закрепить на ветру выстиранные вещи, тут же принесла прищепки: («Да что Вы

мучаетесь»), потом сама же принесла электроплитку, через день подарила детям привезенные ей яблоки и пр. и пр. Всмотриваться и вслушиваться в нее мне было интересно. Но не спешила она раскрываться. Видно, привыкла отшивать любопытных и мужичков наших она держала на приличном расстоянии.

Ну, а теперь о ребятах. В последний вечер был прощальный «банкет» и Петя-бригадир представлял нашему гостю и шефу - начальнику отдела объединения Анатолию Андреевичу по его просьбе членов бригады по их московскому положению. Итак, Слава - доцент, Эдуард - старший инженер, ведущий специалист институтской кафедры (руки у него золотые, но приставлены они к алкоголю жаждущему телу). Дальше - Костя - в бригаде на первых ролях, потому что кончал строительный институт, работает быстро, хоть и с перекурами, в Москве работал главным инженером, а сейчас - замдиректора крупного института (и все же чувствуется в нем какая-то закомплексованность - все может обидеть его - и так странно это у сильного человека). Следующим был Витя, ст. научный сотрудник, человек без комплексов и потому его единственного можно было поставить бессрочно на самую плохую работу: на бетономешалку и к битумной печи. В иерархии бригады Витя стоит на самой низкой ступени. И эта ступень дает ему возможность видеть много забавного. Правда, ему приходилось «бунтовать», если кто-нибудь из «верхних» пытался пинать ножкой. Но это было давно, отношения установились, Витю приняли и признали, как он есть.

Наконец, Петя, бригадир - доцент вуза, очень приятный человек и, кроме того, мудрый, терпеливый, расположенный к людям, влюбленный в свою работу, любит петь (очень красивый голос), помнит массу забавных случаев, прекрасный организатор (ему многократно приходилось быть командиром студенческих и нестуденческих стройотрядов). На нем все держится.

Потом я, а по левую руку от меня сидел наш гость Анатолий Андреевич, как и большинство из нас, он хохол, из Донбасса, Открытое, простодушное лицо, сильный голос. Непонятно, каким путем идет его продвижение по служебной лестнице, чуть ли не против его воли. К нам он искренне расположен, ему льстит знакомство со столь «учеными» людьми. Когда-то и он собирался писать диссертацию, но... Сейчас занят дачей (растить сад в условиях привозной воды и пустынных ветров нелегко), детьми (дочке 14 лет, а она ничем не интересуется, ему страшно)...

До моего приезда у Вити и Анатолия Андреевича было общее дело. Нужно было провести политинформацию в объединении о последнем постановлении ЦК по совершенствованию планирования. А.А. после рабочего дня отвез Витю к себе на дачу, вручил газеты, он за полночи как-то подготовился, а утром «информировал товарищей». На удивление, вопросов не было, и Витя сразу уехал на стройку. А сейчас подвыпивший А.А. рассказывает: «Потом ко мне все подходили и спрашивали: Где ты такого лектора откопал?» - А что - «Да антисоветчинкой в зале пахло...» Витя, оказывается, с самого начала объяснил, что лучший способ хозяйствования - рыночный, а потом разобрал постановление по пунктам, показывая, что ничего нового в нем нет, что продвижения к лучшему нет. И закончил он совсем не оптимистично: «К чему приведет это постановление, сказать трудно. Поживем - увидим». Но А.А. не жалеет о том, что пригласил Витю в лекторы, а только удивлялся: «Мы и сами меж собой о том говорим иногда, но с трибуны... очень смело...» А мудрый Петя успокаивал: «Это у нас в Москве так теперь принято...» Такой краткой характеристикой людей на стройке я и ограничусь».

Но чтобы завершить Лилино описание, надо упоминать следующий, высший слой начальства, имеющих

отношение к нашей бригаде. Это, прежде всего, брат Пети - директор одного из шевченковских заводов и очень авторитетный в этих местах человек. Понятно, насколько важна для нас была его негласная рекомендация и поддержка - как с выбором объекта, так с материалами и оплатой (несмотря на тщательные и многочисленные проверки контролирующих органов). Петя со смехом рассказывал, как в прошлом году здесь принимали одного из местных казахских деятелей - подобострастно, с поклонами, пятась задом, как принимали хана в старину, а тот, пригласив на этот прием Петю (наверное, рекомендация действовала), отличал только его, как ученого из Москвы. В присутствии всех приближенных, стоящих вокруг, он усаживал Петю и со словами: «Мы с Вами единственные культурные люди здесь...» угощал мясом, водкой и т.д. «Приближая» к себе Петю, он обеспечил ему беспрекословную помощь от здешних мелких начальников и одновременно попинал их власть и на будущее, чтобы знали свое место. Ханская система воспитания действует и сегодня безукоризненно.

Смех смехом, но именно этот прием и составил ту авторитетную базу, на которой в прошлом году бригада очень неплохо заработала. В этом году «очарование» того приема уже сильно ослабло, и со стороны стоявших там навытяжку начались придирки и глухое сопротивление, но пока еще слабо ощутимое. Я был здесь впервые и ощутил эту шабашку как удивительно спокойную и благополучную, без нервотрепки. Даже под конец, когда мы не успевали сделать все задуманное, были уверены, что все, в конце концов, обрзается, Петя закроет наряды и в деньгах нас «не обидят».

Так оно и вышло, правда, заработок был меньше прошлогоднего: по 20 рублей за полуторный рабочий день. Я был доволен. Понижение же заработка Петя объяснил так: не надо ездить второй раз в одно и тоже место: начальство привыкает к хорошей работе бригады, больше ждет и требует. Оно уже сравнивает тебя не с местными, а с тобой же самим, прошлогодним, и, конечно, платит уже меньше, по принципу:

«лишь бы не обидеть». В общем, мы составляем конкуренцию сами себе. Да и работа идет вначале более денежная... Надо каждый раз ездить в разные места.

А я думал: отсюда и незавершенка. И с грустью убеждался, что свободный бодрый дух настоящей шабашной работы уходит от нас. Работая на государственных объектах, мы невольно становимся обычной государственной бригадой, ориентируемся на средний уровень зарплаты («лишь бы не обидели») и на минимум работы, ее количества и качества (не больше, чем нужно начальству, а тем обычно нужна халтура - лишь бы освоить капитальные средства), оставляем после себя «незавершенку». Идеал свободной коммунистической работы и за совесть, и за страх общей неудачи, и за надежду на общий успех - покидает нас, оставляя в душе новое недоумение: если не в шабашных бригадах, то где же еще он может осуществиться на нашей земле?

Начало походного дневника по Восточному Кавказу,

1979г.26 августа. Итак, мы улетали первыми, а дети оставались с бригадой, чтобы 4 часа спустя улететь в Москву. Очень мы боялись момента расставания, но вышло все естественно. Костя и Слава на прощанье повезли деток на лодке в море ловить бычков, так что первыми отчаливали от берега они и торжествующе кричали нам: "Да, до свидания, до встречи в Москве". Петя на прощанье скинул в мой рюкзак оставшиеся в бригадном холодильнике банки фасоли, дал займы 40 рублей (надо в городе купить одеяло вместо забытого спальника) и усадил в машину Анатолия Андреевича. Через час мы стояли в душном зале шевченковского аэропорта, а еще через 40 минут летели над морем, прощаясь с Мангышлаком, наверное, навсегда. 50 минут полета и 50 минут автобуса, и мы вылетаем в своем первом туристском объекте - столице Дагестана - Махачкале...

Но прежде чем помещать сценарии диафильмов о Восточном Кавказе, написанные, конечно, после Витиного освобождения из Бутырки, я приведу более ранний Витин рассказ о нашей

старшей дочке Гале, без помощи которой я не смогла бы решиться на поездку с детками на Каспийское море и на последующий кавказский поход – она согласилась взять деток домой и собирать их в детский сад!

Сценарий диафильма «Наша Галя. 1977 г.»

1-8, 9. Познакомьтесь - это наша дочка Галя. Она родилась в мае 68-го года и сейчас кончает 2-й класс.

10. Кроме мамы и младших братика с сестричкой у нее есть старший брат Тема, фотографирующий нас папа, бабушка в Волгограде, дедушка в Москве, и, конечно же, подружки.

11. Про ее брата Тему мы сделали диафильм, когда тому не было и 5 лет. Галины же разрозненные кадры почти дождалось девятилетия. Однако нет худа без добра. За 9 лет можно больше вспомнить, чем за пять. Но начнем все же по порядку, с рождения.

12. В отличие от прошлых веков, теперь нельзя сказать: «Вот дом, где я родился». И потому я говорю: «Вот дом, в Филях, где Галя прожила первые годы после рождения. Сейчас лавочки перед домом пустые, а к вечеру здесь всегда собирается общество старух - «перемывательниц косточек».

13. Но с Галей они были приветливы, агукались и нахваливали. И не нашлось дурного глаза. Девочка росла здоровой и спокойной. Ни отсутствием аппетита, ни бессонницей не страдала.

14. Галя родилась 9 мая и ее бы, наверное, следовало назвать Викторией. Но мы уже не были так смелы в выборе имени, и назвали простым именем в честь моих хороших подруг.

15. Ну что говорить о младенчестве: сосет грудь, да спит и лишь очень редко кричит на зазевавшуюся маму.

16. Сколько тут Гале? - Наверное, несколько месяцев. А сколько радостей! Держать головку, гнуть спинку, болтать ножками, раскрыв миру еще совсем чистые, еще совсем добрые глаза.

17. Но как быстро летит время. Еще пара месяцев, и человек уже научится сидеть. И в этой завоеванной интеллигентской

позе еще живее вглядывается в мир. В этот теплый осенний день мы с Темой бродили по лесу у Десны, а Галю оставили с бабулей дома.

18. Для первого года и околodomашних впечатлений много. С балкона нашей коммунальной квартиры открывался, правда, вполне урбанистический пейзаж, но ведь есть еще и небо.

19. А когда сумерки размывали этот пейзаж, лишь громыханье поездов метро по стыкам размеривало временные интервалы нашей крохотной девочки, формировало какие-то неподвластные нам основы.

20. Беспомощен младенец. Кажется, так узок круг его впечатлений - мать и кровать, соска да погремушка, да ритм уличного шума, да дреньканье радио, да редкое агуканье родительских знакомых. А ученые говорят, что именно первый год почти все решает: непостижимо и ...неисправимо.

21. И вот наступила зима. Первая для Гали. Двери балкона закрылись.

22. Ну и что с того? Человек научился стоять. А из этого положения стал глядеть еще дальше.

23. Правда, ходить тяжело, но и ползком можно доставлять себя в любую точку громоздкого неисследованного квартирного мира.

24. Скоро, скоро и человек сам пойдет, выскользнет из маминых рук в широкий божий свет.

25. Видно, и вправду в первом году человек проживает большую часть своей жизни. Месяцы неузнаваемо меняли Галю.

26. Эта мордочка уже очень далека от доброй бессмысленности. На Гале наши любимые красные ползунки. И когда ножка в красном в минуту строптивости топала, так и хотелось прокомментировать: «Ишь, генерал!»

27. Мы еще не почувствовали ее девочкой, но характер, невосприимчивость к физической боли, но страх перед стуком, покладистость в одном и упрямая властность в другом - уже ощущалась.

28. А может, такое «генеральство» и было первым основным признаком завязывающегося бутона будущей женщины?
29. Первый год, первая зима с мамой, с папой, братом и живущими в том же доме дедом и больной бабушкой Таней -
30. - кем он сделал нашу дочку? - Только жизнь даст на это ответ.
- 31-35 36. Но прошла зима, прошли весна и лето в Волгограде у бабули Фаины. Диссертация потребовала от Лили гораздо больше сил и нервов, чем представлялось вначале. Чтобы она делала без помощи мамы, опекавшей внучку, как вторую дочку?!
37. Только осенью вернулась Галя в родной дом: выросшей, ходячей и даже незнакомой. Еще бы - ведь треть жизни провела в Волгограде.
38. В наших слайдах запечатлен первый лыжный выход.
39. Идти сама Галя еще не умела. И потому рука, причем лишь мамина и ничья иная, была ей необходима.
40. Вот вам первое сочетание слабости и гордости: помощь приму, но только от того, от кого хочу, а если не по-моему, так хоть режьте меня, не поддамся. Женская сталь.
41. В эту прогулку, помнится, я долго прыгал вокруг своих женщин. И отходил, неудовлетворенный.
42. Мне очень хотелось сделать несколько крупных планов Галиной мордашки. Тогда я думал, что Галины голубые глаза, как и младенческие Темины, со временем переокрасятся, и хотелось удержать их нынешний цвет на пленке.
43. Но Гале почему-то не нравился фотоаппарат, она сердилась на меня, прятала лицо.
- 44-45. Наконец, обессилевшей от смеха Лиле надоели мои пристрелки, и она решила на небольшое насилие...Нет, вы только посмотрите на эту маленькую женщину! Сколько в ней всего: оскорбленной невинности, презрения, гнева, в общем, всего будущего набора стрел и молний! Берегись, берегись!
46. Хорошо, что детские обиды так быстро забываются.

47-49, 50. ...Прошло еще одно лето в Волгограде, и снова приехала к нам повзрослевшая, чуть чужая, но такая родная дочка.

51. Уже не дичок, а веселая, разбитная, компанейская!

52. «И вот говорит ему лиса: «Накормил ты меня, напоил, ну а теперь - испугай меня!» - Спасибо бабуле!

53. Так уж получилось, что вплоть до моей защиты Галя была нашей лишь в холодное время года. Меньше ей досталось от нас впечатлений и огорчений. Лучше это или хуже, не знаем!

54. Но все же некуда ей было деться от родительских увлечений - диафильмовских, туристских, архитектурных.

55. Декабрьское холодное воскресенье. Мы выбрались на прогулку в Кремль. Да, тяжелы мы стали на подъем, редкими стали такие прогулки.

56. А ведь каких-нибудь 5 лет до этого каждую субботу-воскресенье (вместе с Артемкой или без него) мы охотились

57. за московскими церквями и не уставали. Была большая цель: все осмотреть, составить диафильм.

58. Конечно, Москва - бесконечна. И можно было бы сделать о ней не один диафильм.

59. Но, дав ухватить то, что на виду, Москва не пускает верхушко-хватателей в свои глубины, и потому не бродим мы больше по ней ежевоскресно.

60. Галя не знает еще, а мы про себя каемся, что не додали ей любви к Москве, златоглавой, старинной, престольной...

61. ...Ребенок карабкается к Верхоспасскому собору. Может, Вы думаете, что поднимается она за церковными главами, к небу?

62. Нет, ей просто захотелось посмотреть на нас сверху.

63. Обычный веселый ребенок, для которого кремлевские зубцы столь же незначимы, как и стена любого жилого дома. Однако трогать в детстве старинные стены, даже бесцельно и

64. бессознательно, разве это не важно? Разве не отзовется когда-нибудь в ее будущей жизни сладкой болью?

65. Москва, Кремль, родители... Улыбка на детских губах - первый проблеск будущей иронии. Ей хорошо, ну а нам и подавно.
66. У нас нет больше московских кадров, совмещенных с Галиным присутствием. И все же мы не теряем надежды, что еще
68. пройдемся с нею по Москве и всмотримся в
69. закоулки московских монастырей и храмов. И Новодевичьего,
70. и Высокопетровского, и Донского,
71. и многих-многих других, и передадим ей хоть частицу своей любви и удивленности.
- 72-74. Дай-то Бог!
75. Весна 1971 г. Первый Галин байдарочный поход - реки Лопасня и Ока.
76. Старая, дырявая байдарка приняла на борт четвертого, подростшего члена семьи.
77. Прекрасная погода, теплая вода, тенистые берега - путь в цветах и деревьях.
- 78-81, 82. Перекаты-пережидания на весенней Лопасне редки.
83. Гораздо чаще остановки-стоянки для еды, отдыха, купанья.
84. Что при этом чувствовала наша дочка? - Впервые перед ней распахнулось так щедро майское Подмосковье...
- 85-91, 92. Походные радости и обязанности: собрать щавель на щи, сучьев на костер, вымыть посуду.
93. Опекуншей Гали в этом походе была Сашенька из соседней байдарки. Ниточки симпатии сразу же протянулись между двумя
94. едва лишь расцветающими женщинами. И ты стоишь сбоку и смотришь на этот таинственный и благодатный процесс роста и боишься шелохнуться.
- 95, 96. Май 1972 года
97. Хорошо на байдарке, а пешком лучше. Хоть и трудней, но проще и мобильней. В 4 года Галя стала почти полноправным участником наших весенне-праздничных походов по Подмосковью.

98. Ходить устойчиво и без особой усталости она стала довольно рано. В отличие от Темы, ее почти не пришлось таскать не горбу.

99. В тот раз мы шли очень большой компанией, объединив своих друзей разных лет и разных сфер.

100. Наши дети чувствовали себя среди них вполне уютно и непринужденно. Гале особенно нравился четвероногий участник по кличке Марек.

101. Это был еще один ребенок в походной компании, не считая его 13-летней хозяйки.

102. А какое удовольствие можно было получить от весеннего акварельного леса,

103. от попыток сбора березового сока ртом капля по капле,

104-105. от принарядившихся веток деревьев.

106. Погода в те дни была то солнечной и ветреной, то пасмурной и сырой.

107. Но мы уже давно усвоили нехитрую туристскую мудрость: в лесу погода бывает разной, но не бывает плохой.

108. Костер, теплая и сухая одежда, шутки и бодрость друзей, последождевые лесные ароматы - все это делает ненастье в лесу легко переносимым.

109. Сапожки и плащ на Гале днем, надувной матрац и палатка - ночью, придают мне спокойствие за ее здоровье.

110. А Галя и вообще ни о чем не беспокоится. Ей здесь хорошо. Это видно по тому, что она не капризничает, не топает, не кричит, лучше смиряет свой упрямый нрав, более спокойно управляется.

111. В свои 4 года Галя уже стала человеком с характером и чувством достоинства. Даже маленькую, ее нельзя было заставлять - только уговаривать. Потом мы убедились в ее доброте и отзывчивости, затем поразились драчливости в обращении со старшим братом.

112. Мы с интересом знакомились с этим новым человеком, примеряя к ней свою жизнь и свои привычки. Следили, как уже не мы, а весь окружающий мир контактирует с нашим голубоглазым сокровищем.

113. «Овраг сказок». Март 74 г. Это овраг в лесу по усовской ж.д. ветке, где которую зиму художники-энтузиасты устраивают для детей и взрослых выставку снежных и древесных чудищ из русских и иных сказок.

114. Чего тут только нет. Вот - филин из двух скрещенных досок.

115. Вот леший из корней.

116. А вот ведьма. Нет, нет, ошибка, это - персонаж совсем из другой, более страшной сказки и зовется он - «коммунальная мегера».

117. Мы тоже соорудили, правда, в другом пространстве-времени, но еще более зловещий персонаж. Посмеявшись над ним, ушли довольные, как будто осуществили фрейдистскую сублимацию.

118. Но в то воскресенье мы только потребляли чье-то бескорыстное искусство, радостью своих детей отдаривая труды создателей оврага сказок.

119. Гале уже почти 6 лет, выросли руки из когда-то большой шубки. Фотографироваться? - С удовольствием.

120. А сколько удовольствия вертеться около любимой тети Лены.

121. Как жаль, что наша Галя проводит в обществе хороших наших людей так немного времени.

122. Да и мы сами так редко встречаемся - все недосуг.

123. Но все же они есть, мы их любим и желаем Гале, чтобы и у нее было много друзей.

124. Встречая вчетвером новый 74 год в своем Филевском доме, мы пожелали друг другу поскорей въехать в новую, кооперативную квартиру.

125. И через пять месяцев переехали в Печатники, в дом на берегу Москворецкого моря. Еще через 2 месяца родились

126. маленькие, и у нашей Гали началась другая, совсем взрослая жизнь. Но, прежде чем закончить этот диафильм, мы расскажем еще об одном походе в места, где природа и история слились в одно целое.

127. Бородино, май 1973 г.

128. В первый раз мы попали на Бородинское поле в 65 году, и лишь какие-то смутные ощущения остались в памяти от этого странного места.

129. Через 8 лет четыре дня майских праздников позволили нам сделать не экскурсию, а настоящий поход с тремя ночевками.

130. И мы прошли от Поля к Колоцкому монастырю, потом к Можайскому морю и снова к Семеновскому.

131. Уходились всласть и отдохнули на славу.

132-134, 135. «Море» было крайней точкой маршрута.

136. Здесь мы заночевали,

137. а утром, оставшиеся от похода силы истощали в молодецких

138-139. играх-забавах.

140. Походная жизнь шла своим чередом, но, кроме праздничных будней, песен Кима и стихов Волошина,

141. задушевных бесед и длинных споров, купания в море и прогулок,

142. в памяти и на слайдах остались и праздничный стол, и

143. подарок от Прасковьи Ивановны через дочку Лену.

144. И глядели на все это Галины большие глаза, как бы ощупывая наш «старый мир».

145. Дети - это люди из будущего, вертятся около нас постоянно, почище всяких разведчиков. И ведь знаешь об их наблюдательности и цепкой памяти, но нет сил стать под их взглядами лучше и красивее. Забываешься. Не знаю, кто первый сказал фразу, но она мне нравится: «Люди, будьте бдительны, на вас смотрят дети».

146. Колоцкий монастырь считается в округе самым древним. Построен в 1413 г. еще можайским князем на западных рубежах Московских земель.

147. При подходе к нему, на нас обрушился сильный ливень - спрятались под колокольню.

148. Колокольня высока: Лилю внизу не разглядишь.

149. Зато вокруг простор можайский, тот самый «За Можай», куда загоняли московские князья своих противников.

150. Только в таком сочетании русской земли с формами древних церковных зданий мы воспринимаем понятие «Родина» в полном объеме. И рады, что наша Галя тоже возьмет это богатство, которое не получишь на уроках.

151. Мы смотрим на Западную Россию и ничего о ней не знаем. Лишь обрывки сведений о можайских князьях, об их спорах с Москвой, о связях с западно-литовской Русью, о поляках и французах. Много чего было на этой земле, много важного и поучительного для нашей жизни.

152. И вот забылось, пропало, уничтожено. И нечего нам рассказать своим детям, передать им в наследство...

153. Монастырь пустынен, но подновляется. Свежую кирпичную кладку легко отличить от старой.

154. Пишутся путеводители, работают историки, копают землю археологи, готовят ответы на те вопросы, которые зададут им в будущем наши дети. Ведь дети должны знать больше нас.

155. Многочисленные военные памятники Бородинского поля, места грандиозного сражения России и Европы в 1812 мы засняли еще в 65-м году.

156. Большинство их установлено однополчанами через 100 лет после битвы.

157. Каждый столп означил место, где солдаты стояли под пулями и умирали. Десятки тысяч за один день.

158-159, 160. В последнюю войну здесь тоже погибло немало людей.

161. Блиндажи, доты, ходы в земле от безжалостно рвущего тело металла, смертельного дождя.

162. Тошнотворные картины.

163. И вот теперь, по этой земле в крови и костях, беспечно гуляют туристы с детьми и без детей.

164. Спасо-Преображенский монастырь - самый большой памятник 1812 года и военный госпиталь в последнюю войну.

165. Мрачное, казалось бы, место.

166. Но посмотрите, что с ним делает Галя! И разве она не права? Счастья и мирной жизни тебе, дочка!

167. Конечно, сейчас дети смотрят на это еще очень детскими глазами, но придет время, и они найдут слова для своих вопросов.

168. В этот раз на Бородинском поле мы набрали на новый для себя памятник. На французском языке надпись: «В память о гибели великой Армии». - Французов и иных европейцев здесь погибло не меньше, чем русских... Зачем французы пришли революционной армией под звуки марсельезы и свободы в страну крепостных нравов и азиатского невежества? И погибли? Зачем?

169. Кто был героем в той давней битве? - Мы горячо спорим, но, конечно, не находим сразу ответа. Не знаем его до сих пор. А должны найти, должны знать.

170. Вот они, дети, оседлали пушечные стволы перед музеем Бородинской битвы, запоминают невзначай увиденные клейма на пленных французских пушках: «Либерте, Егалите...» и сделают

171. когда-нибудь выводы: «Наши-то, русские, еще тогда сражались со свободой и равенством... А почему?»

172. Музей ответа не даст. Придется думать самим.

173-174, 175. Недалеко - село Бородино со своей церковной вертикалью.

176. Эта или иная церковь стояла здесь задолго до немцев, до французов, а может, и до поляков.

177. И если есть ответы на вопросы наших детей, то они заключены в таких вот зданиях,

178. в олицетворенной ими истории.

179. Простодушны лица наших детей, немудрены пока их мысли и желания. Никто не знает, как они вырастут и кем вырастут. И потому всем: и Теме, и Гале, и их родителям остается лишь трудиться изо всех сил и самим создавать счастье. Дочка, будь счастлива!

О неудачных шабашках 1982- 1983гг.

Летом 1982г. со мной и Володей С. случилась заурядная и чуть стыдная штука: плохая и совсем плохо оплаченная (вернее, обсчитанная) шабашка. История почти закончилась, но нам надо понять ошибки и сделать выводы на будущее, что без оценочной помощи друзей сделать трудно. Постараюсь быть кратким.

В 1981 г. наши Алеша и Аня пошли в первый класс, а Лиля - перешла на полставки до лета. Денег в семье сильно убавилось, но урезать свои расходы никак не хотелось - рассчитывали, что образующийся денежный дефицит будет покрыт за счет моей шабашной работы в отпускной месяц. Еще более напряжены финансы были в Володиной семье, где Лида сидела с годовалой Оленькой и двумя четвероклассниками.

Но ни я, ни Володя не имели надежной знакомой бригады. Мои компаньоны по четырем предыдущим сезонам перестали ездить (постарели, мол), а может, уже не хотели со мной связываться и просто не брали, не знаю. Примерно то же было и у Володи. Возможных же вариантов и предложений за зиму, и особенно весну, пору интенсивных расспрашиваний, мы наслушались вдосталь и безрезультатно. Надежды наши к маю свелись к одному, трудному, но "совершенно надежному" варианту: коллега Володи по институту Лева Могилевский регулярно набирает людей для работы на железнодорожном строительстве в Средней Азии, начиная с мая и кончая декабрем. Жарко, конечно, но меньше 650 рублей в месяц не привозят, даже если из-за простоя техники ничего не делали. Вариант верный, многие ездили и хорошо все, слевой предварительный разговор был, он не возражает и даже уговаривает, чтобы мы приглашали на работу.

Ну что ж, пусть будет Средняя Азия. Конечно, работать в пекле тяжело, да и без воды, наверное, но месяц выдержим, раз больше ничего нет. Тем более, что нас поджимало время: с шабашкой надо управиться в мае-июне,

чтобы успеть домой к июлю, к отпуску Лили и давно намеченному и обещанному детям походу по Белоруссии к Балтийскому морю. О том мы и попросили Леву. Однако у того не все сразу получалось с выездом на место, он поэтому кормил Володю обещаниями - "через неделю" - и так дотянул до конца мая, когда выяснилось, что какая-то бригада уже отправилась в Среднюю Азию, но нас они взять не могли, однако работы много и нам найдется дело... Все это сильно нервировало и заставило отказаться от ненадежного посредничества. Тем более что Володя принес сообщение еще об одном варианте: какой-то Женя набирает бригады для работы у брата в Якутии - в первый раз, но 600руб. месяц, как минимум, обещает. Обещать обещает - а что будет? Сколько уже наслышаны про якутские обманы, когда заработанного едва на обратную дорогу хватает...

Помню первую встречу кандидатов на якутскую шабашку у выхода на станцию "Площадь Ногина": короткая информации не совсем уверенного Жени, что в Якутии ждут и обещают, но нужны сразу немалые деньги на авиабилеты и побыстрее... и активность Толи Лямзина, едва ли не главного героя нашей будущей эпопеи. Толя много говорил, расспрашивал, напирал на необходимость все хорошенько разузнать, взвесить, заключить договор, об оплате дороги, о питании и т.д., иначе и ехать не стоит... Все это очень импонировало на фоне смущенного молчания остальных, готовых со всем соглашаться, даже при угрозе обмана. Кстати, я тоже молчал, зная за собой отсутствие каких бы то ни было организационных способностей... Остановились на том, что Женя будет звонить в Якутию и советоваться с Толей. А тот на прощание помянул моему Володе: "А ты про среднеазиатский вариант все же не забывай. Он гораздо надежней и лучше".

Но затянулся и якутский вариант. Шел июнь, мы совсем опаздывали и нервничали. И потому, когда Володя сообщил, что снова появился Лева и намекает на работу, правда, просит бригаду, я был согласен на что угодно. Решили

поговорить слевой начистоту, пусть отсылает нас немедленно или мы забываем о его существовании... Вальяжный, снисходительный Лева с начинающимся брюшком заставил нас выждать в коридоре окончания какого-то его разговора, а потом вышел к нам. Зато решил дело довольно быстро: он вылетает в Самарканд через три дня и согласен, чтобы мы летели позже (только потом я оценил эту деталь!). Одному на железной дороге делать нечего, вдвоем можно хотя бы готовить фронт работ, а вообще нужна бригада, как минимум 6-10 человек. Володя уверял, что бригада есть, желающих много, а бригадиром соглашался быть сам. Леву это устраивало. Я же, зная, что Володя, как и я, не обладает руководящими и пробивными способностями, только охнул от его самонадеянности, но промолчал, рассудив: было бы дело - реальный "бугор", вроде того же Толи Лямзина, сам выдвинется. Так, в середине июня был выбран "среднеазиатский вариант".

Оформление отпуска, получение денег, покупка билетов, сбор вещей, покупка "подарков" (из рекомендованного: голландский сыр, чай-96, водка в продаже оказалась только водка), и 20 июня поздним вечером мы вдвоем вылетели в Самарканд.

В Самарканде и Джизаке. Я и сейчас не вполне уверен, что понимаю все мотивы многих неожиданных тогда для нас действий или бездействия Левы М.

Преуспевающий молодой зав.лаб. (ему едва за 30), правда, еще не защитившийся, зато имеющий "лапу" в верхах, Лева со студенческих лет командовал в студенческих стройотрядах и привык к большим заработкам. После окончания института стройотряды для него превратились в шабашные бригады, но суть осталась. А потом пришло понимание, что выгоднее не бригадировать, а только "организовывать" за сезон несколько бригад, естественно, числя себя везде участником (или еще каким способом). Железнодорожное строительство по длительности и простоте оказалось подходящим полем деятельности, особенно в

Средней Азии с ее специфическим пониманием дозволенного и недозволенного. Кстати, я вначале не мог понять, откуда в Средней Азии с ее многочисленным и трудолюбивым населением, такая нужда в шабашниках, которым ведь надо платить большие деньги? - Потом выяснилось, что отчасти виноват пониженный образовательно-технический уровень у местных, их меньшая привычка к работе с техникой, а еще важнее - честность и нежелание идти на халтуру и сделки с вороватым начальством. Образованные же местные чаще идут в "начальники" и там уже хапают как бы "по праву". А еще вернее, для начальства выгодны пришлые работники, чтобы, погрев несколько с ними руки, тут же избавиться от свидетелей. Как бы там ни было, но рабочие шабашные руки нужны в Ср.Азии, и Лева специализировался на поставке их. Но ему важно было соблюсти "неразглашение" этой своей деятельности - отсюда та таинственность, с которой он держался, запутывание, непонятность и неопределенность, ставшие не только средством самозащиты, но и чуть ли не свойством природы. Мы немало пострадали от этой неопределенности отношений. Но если по отношению к нам его темниловка носила свойский, чуть запанибратский характер: мол, ничего не говорю, в ваших же интересах, тут такие дела творятся ради ваших же денег,.. то в начальственных кабинетах он напускал на себя столичную важность, вроде начальника из самого Министерства. Нет, это не Хлестаков, скорее, Чичиков... Впрочем, Лева, кажется, имел знакомых в МПС, и в самом деле мог оказывать содействие в части поставок материалов и т.п.

Ну, вот. В 6 утра мы оказались в еще прохладном Самарканде, в 9-м часу разбудили Леву в стройуправленческом общежитии. Он дал нам два часа на осмотр города, пока подойдет управленческая машина на Джизак, где располагался непосредственно строительный "поезд". Я был в Самарканде уже дважды, Володя - нет, поэтому я быстро свозил его к Регистану и Шах-и-Зинда, оставив Гур-Эмир на потом.

Оказалось, мы зря торопились, машина пришла лишь в третьем часу, причем за эти часы жданки мы так и не смогли поговорить с Левой, торчащем в начальственном кабинете - как же он думает распорядиться с нами. Сбивчивое сообщение Володи, что часть его людей придет, наверное, в среду, встретил со спокойным интересом: "Хорошо".

И вот пришла машина, грузовая. В кабине место было только для Левы, а в кузове езда запрещена. "Ждите, завтра с утра поедет "рафик" - или автобусом,"- флегматично посоветовал Лева и укатил. Раздосадован я был донельзя - ведь если сегодня мы не доберемся до бригады, то завтра снова потратим день на оформление. Более спокойный Володя уговаривал остаться - все равно, мол, сегодня никто нашим оформлением заниматься не будет, а завтра мы уже с утра будем доставлены на место... Это было резонно и, скрепя сердце, я согласился, вернувшись к общежитию. Вечер мы провели в городе, лакомясь вишнями с уличных деревьев (не сразу, но все же нашлась женщина, застыдившая нас), хорошо поспали, но утром - так и не дождались "рафика". Забрав какого-то начальника прямо из квартиры и не заглянув в управление (хоть Володя и убеждал, что договаривался с шофером об этом), "рафик" укатил в Джизак. Злые донельзя, и потому молчаливые, мы поплелись на автовокзал, чтобы к двум часам дня, в самое пекло, добраться-таки в Джизак (новый областной центр, сто км восточнее Самарканда), в строительно-монтажный поезд, к бараку его управления. Еще через час нас увидел Лева, не удивился и не обрадовался, а велел не околачиваться у кабинетов, а устраиваться в вагончике и ждать. Ни о каком оформлении и бригаде он не хотел и слышать. И скрылся в кабинете начальника.

Что было делать? Тем более что и устраиваться надо - получить постель, осмотреться и т.п. Этим и занимались вторую половину дня, а вечером - пешком в центр города - довольно далеко - осмотреться, а главное, для очередных переговоров с Москвой: Володя звонил едва ли не каждый день Лиде, пока не приехала-таки бригада Толи.

Но и утро среды нам не принесло облегчения. При утренней встрече Лева уронил, что для бригады фронт работы есть, но для нас двоих он думает на время организовать промежуточную работу - монтаж забора, но заказчик уж слишком торгуется... - и снова скрылся в кабинете. Мы настойчиво маячили в коридоре, наблюдая, как Лева шагает из кабинета в кабинет: то в отдел кадров - вновь оформить (себя, а не нас) временным рабочим, то в бухгалтерию - обольщать "эту главбух-паршивку" (для этого вчера изъял у Володи московский чай), то снова в кабинет начальника, поближе в кондиционеру (до чего ж приятная это штука!!), а мы все провожали его тоскливым взглядом: "Дай работы". Наконец, он не выдержал и прошипел на ходу: "Ну что вы стоите, как малые дети, идите в вагончик, отдыхайте и ждите..."

Что было делать - не устраивать же скандала! Мы были в полной и унижительной от него зависимости, потому что резкий вариант: "Послать его к черту и улететь обратно в Москву" был бы простым провалом. ...Вечером Лева все же ввалился в духоту накалившего вагончика и обрадовал: "Завтра едем в Дустлик. Там есть для вас хороший объект. Только людей скорей вызывайте. Объем такой, что нормальная бригада и за два месяца не справится... И еще просите дополнительные паспорта отпускников..." Обрадованный Володя в очередной раз уверил, что бригада придет (хотя на деле дела в Москве с отлетом его знакомых были очень плохие), а пожелания паспортов мы проигнорировали: откуда у нас такие знакомые. Единственное, что я пообещал - это пригласить на стройку сына с друзьями-студентами, если они соберутся в Среднюю Азию.

Уходя, Лева даже благодушно и покровительственно попенял меня: "Раз приехали, надо доверять мне... Может, и две недели пришлось бы выжидать, бывало и такое... оконцовка важна". Пришлось мне виновато принять этот попрек. Тем более что и мы ведь перед ним не были чисты в Володиных обещаниях приезда бригады вот-вот, на днях. Но

думаю, что нам не следует особо терзаться возможностью подвести Леву - он прекрасно чувствовал и нашу ситуацию, и потому в соответствии с нашей весьма сомнительной бригадой подобрал столь же сомнительный объект в Дуслике и практически бросил на произвол судьбы: не получится - сами виноваты, не жалко...

Утром в четверг сдали ключи, получили инструмент на бригаду: ломы, лопаты, железнодорожный крепезж (но не было самого главного - домкратов, что фактически делало невозможным начало любой работы), погрузились в грузовик и снова отправились на восток.

Дустлик - первые дни. Дустлик - райцентр Джизакской области в центре бывшей Голодной степи, а сегодня зеленых хлопковых полей, возник всего 10 лет назад из слияния трех казахских и узбекских аулов, но бурно рос и растет сегодня. Понятна и потребность в строителях.

К 12 часам дня мы подкатили к Дустликской межрайонной базе сельхозхимии, где у сторожа сгрузили свой инструмент и вещи. Через час совещания в очередном кабинете небольшого домика управления базы (но - с кондиционером) Лева вышел с видом победителя: "Все в порядке, устраивайтесь, а завтра вас оформят, выдадут аванс и оплату проезда, и техдокументацию на ремонт подъездных путей по этой базе. Здесь 4 км этих путей, стоимость ремонта - 160 тысяч рублей. Так что сами понимаете, действуйте, а я постараюсь прислать к вам из своей старой бригады парочку опытных в железнодорожном строительстве ребят..."

Пожал руки на прощанье и уехал. Больше мы его не видели. И сейчас мне интересно понять: обманывал ли нас Лева впрямую, или сам верил во все свои обещания? - Скорее всего, не обманывал, но и сам не верил в свои обещания, потому что опытный человек знает, что в Средней Азии молчание или уклончивое согласие совсем не означает действительного согласия, а просто уклонение, т.е. несогласие. Если бы Лева хотел действительного решения, он бы добился утвердительного ответа директора в нашем присутствии. А так

на следующее утро, проведя гнусную ночь на раскладушках прямо на базе недалеко от воняющего склада ядохимикатов (еле заснул с дурной головой), мы смогли только оформиться в отделе кадров и переселиться в домик напротив (на бывшей территории автобазы, отданной почему-то под будущее общежитие или управление сельхозхимии). Что касается оплаты проезда сюда от Москвы, то Уралов (директор) как будто впервые об этом услышал, а аванс будет только после начала работы. Но самое главное, он нам не выдал никакой техдокументации, твердя: "Я не специалист в железной дороге. Вы сами должны все сделать. И никакой техники у меня нет, это тоже ваша забота". Под словом "ваша" он имел в виду не столько нас лично, сколько Леву, явившегося от имени строительно-монтажного поезда из Джизака, и привезшего его вчера Абубакирова, начальника транспортного строительства всей области. Что было делать? Оставалось ждать Леву, чтобы он заставил выполнить данные ему обещания о нас, добился выдачи технического задания или хотя бы обещанных им знающих дело и обстановку ребят с недостающими домкратами. Попытки звонить из конторы в Джизак, чтобы разыскать Леву или Абубакирова, оказались безнадежными: джизакская линия оказалась перегруженной, на месте никого не оказывалось и т.д. Можно было, конечно, плюнуть и на собственные деньги поехать в Джизак к Лева. Но, во-первых, не так просто его там найти, во-вторых, отговориться он всегда сумеет, а в-третьих, и это самое главное - бригада не приехала, и за кого мы будем просить? А если они совсем не приедут, зачем вообще браться за это большое дело?

Мы предпочли тратить время на обустройство нашего жилища и ожидание бригады. Очистка дома (коридор и три комнаты) и большого двора от мусора, выбивание замка, лампочек, проводка света, решение вопроса с водой, ведрами, посудой, нагревом, с мебелью (лавки и большой стол во дворе под айвой сделали из досок разломанного кузова...). Невольно установились отношения с немногочисленными работниками базы, очень колоритными людьми, описывать каждого из них -

не хватит времени. Особенно приветил нас поначалу "Петрович" - главный инженер и главный энергетик одновременно (он, правда, через пару дней ушел в отпуск). Прослышав про нашу "задачу" - ремонт путей, он свел нас со старшим машинистом маневрового тепловоза, жаловавшегося, прежде всего, на трудности вывоза вагонов из трех складов-цехов: "Надо там сделать путь под уклон, чтоб вагон сам катился..." (Правда, значительно позже сам Абубакиров пояснил нам, что никаких уклонов в цеху делать не позволено во избежание несчастных случаев. Петрович же показал нам и территорию базы, и указал самый неисправный путь (в третьем цехе). Однако очень скоро Петрович отстал от нас. Ведь, услышав от Володи: "Я бригадир", он, соответственно, вел и договорные объяснения. Но, поняв из нашего разговора с машинистом, что в железнодорожном строительстве мы ничего не смыслим, поверял уважение, а, увидев, что ни бригады, ни разворота дела нет, потерял и вообще какой-либо к нам интерес. Заслуженно, в общем. Я же только ругался про себя - и на Леву, и на Абубакирова, и на Володю...

Прошла пятница, а за ней суббота и воскресенье - дни откровенного и томительного ожидания. Ведь мы знали, что Лева в понедельник должен был вернуться в Москву, и мы не могли допустить мысли, что он перед отлетом не заглянет к нам, и бросит на произвол судьбы. Еще больше томило ожидание хороших новостей из Москвы и едва ли не ежедневные звонки. Бригада, с которой Володя связывал свои надежды, отказалась от среднеазиатского варианта, остались в Подмоскowie. Были лишь отдельные люди, и среди них - Толя Лямзин (на него надеялся больше я), хотя в это время он заболел (отравление, кажется, лечили в больнице). Но от его жены Вали поступали утешительные вести, что вот-вот он выйдет и тут же с бригадой вылетит - со дня на день. И, соответственно, со дня на день мы ожидали изменения своей судьбы...

Наступил понедельник. Ни Левы, ни бригады. На базу мы уж и не показываемся, хоть и зачислены на работу, тем более что начальство базы, кажется, именно это и устраивает. Обустройство жилища, что в наших было силах, окончено. Я, правда, плотно занимался большим письмом к Лиле о собственных взглядах, преодолевая жару и невыносимое беспокойство. Мы с Володей как бы тянули время, откладывая становившееся неизбежным решение или уезжать, или поискать на оставшееся время временной работы поблизости: теми же грузчикам или строителями. Познакомившийся с нами Ильяс - сторож автобазы от Элеваторстроя по соседству, и по совместительству - водитель водоразвозной машины - говорил, что в его конторе нужны бетонщики, по 500 рублей в месяц получают. Но, прежде чем решаться на эти поиски, надо было окончательно расстаться с почти рухнувшими надеждами на основной вариант: вдруг Лева задержался; вдруг бригада прилетит, а мы уйдем с объекта? Ситуации, когда появится бригада, а в работе останется неясность, я не особенно опасался: имея настоящую бригаду, можно было насаждать на любое начальство или переходить на любую другую стройку. А тут, о чем разговаривать - о работе на двоих или о нормальной шашке?

Сейчас я понимаю, что нашей ошибкой было, что мы сразу не устроились на параллельную работу, мы не потеряли бы время, и, соответственно, деньги. И самочувствие наше было бы более прочным. Но тогда мне и в голову не могло придти, что можно быть оформленным одновременно в двух организациях, притом расположенных просто по соседству (оказалось, на это в здешней Средней Азии никто не обращал внимания, и наша бригада под конец была записана работающей в трех организациях одновременно, т.е. "работала" по 24 часа в сутки...

Во вторник уже надо было решаться, однако, я еще тянул, кончая свою письменную работу, а Володя тоже не проявлял инициативы (по характеру он чересчур покладист), но это промедление окончательно привязало нас к базе: в обед

на наше пустынное подворье въехал газик, привезший дорожного мастера Алексея и два домкрата. Привел газик заместитель дусликского дорожного начальника Абубакирова. Эти-то люди и внесли некоторую ясность в нашу жизнь. Правда, они были местными, и даже не знали и не слышали о каком-то "Леве", но мастера послал сам начальник поезда, заверив, что помощь специалистами, инструментом и кой-какой техникой будет оказана. Зам. же объяснил, что никакой техдокументации на ремонт не существует, а лишь составлена смета, которая сейчас находится в банке, а директор базы все никак не соизволит ее вытащить оттуда. Но Абубакиров не завтра, так послезавтра обязательно приедет со всеми указаниями. Алексей тут же сходил с нами на базу, в третий цех, посмотрел на путь, сплошь засыпанный минералкой, выслушал в нашей передаче пожелания тепловозников и приговорил: "Надо удалять весь путь, расчищать места стыков, разбалчивать, потом мощным краном приподнимать постепенно плети и вывозить их за цех на переборку и ремонт, а здесь заново отсыпать балласт под уклон. Видимо, мне придется здесь работать, пока буду заглядывать через несколько дней, а через неделю-полторы, как закончу соседний объект и съезжу проведать семью в Чарджоу - поселюсь здесь до конца. Так мне Мусин (нач. поезда) говорил. Но пока Вам и вдвоем работы хватит - разбалчивать полотно и готовить его к подъему"...

Трудно передать, как мы обрадовались, как полно были покорены простотой и уверенностью пожилого и худого Алексея: настоящий дорожник! - все сразу оценил и озадачил! Потом развернулся и уехал. А мы почти сразу взяли ломы и лопаты и вышли на работу: врубались в нее, как на праздник, как бы зачеркивая жуткую пору голого ожидания.

На следующий день Володя на почте получил телеграмму от Лямзина: "Вылетаю в четверг с бригадой, буду в субботу", и совсем повеселели. Все вроде образовалось, и надо было только сделать побольше к приезду ребят, нагоняя упущенное. Мы и старались, с восьми утра до позднего

вечера, благо, работать в цеху было не так убийственно, как на открытом солнце. И еще хорошо, что работа оказалась тяжелой и долгой: рельсы и шпалы были не только завалены спрессовавшейся минералкой, но и залиты асфальтом - по головку рельса (бог знает, откуда он здесь взялся) - может, по безголовью проектировщиков. Долбить ломами 15-см вязкий слой было тяжело. Еще больше лиха мы хватили, разбалчивая стыки - настолько заросли все соединения ржавчиной и солями. Пользовались и автомобильными ключами - гайки превращались в цилиндры, болты, даже разболченные, невозможно было вышибить из гнезд и т.д. и т.п. А уж сколько времени потратил Володя, чтобы разыскать в Дустлике недостающий инструмент: настоящие ж-д.ключи, лапы для костылей, кувалду - и передать нельзя... И все же, хоть медленно и трудно, но работа шла, и нас уже не смущало, что от начальства в Джизаке снова не было никаких известий, мы теперь знали, что это просто таков их способ... существования.

В субботу, когда должна была приехать бригада, мы доканчивали разбирать последние стыки склада, выбивать в асфальте последние дыры для работы автокраном.

Поздним вечером, в самом деле, приехало восемь человек, в воскресенье вечером приехал Толя Лямзин с женой Валею (они были в гостях у родителей Вали - корейцев из соседнего Беговата) и, наконец, в понедельник, последний, 13-й член бригады - Валерий. В воскресенье работы не было, в понедельник же началась новая пора - совместная работа с прежде совершенно незнакомыми людьми.

Как бы ни оценивать неудачность нашей шабашки, мы познакомились впервые так близко с местными людьми. Хочется сохранить в памяти несколько колоритных фигур. Например, пенсионера в Самарканде, с которым мы разговорились, поджидая машины: он - машину с утренним молоком, а мы - на Джизак. Русский уроженец Самарканда, он крыл этот город за многовековое мошенничество и спекуляции (мол, два с половиной тысячелетия они этим

промышляют). Этот громкоголосый старик хвастался своим умением управляться с азиатами и не уступать им: "из горла вытащу, я сам волк". Даже сейчас, на пенсии: "мое мне отдай." Конечно, везде без очереди, еженедельно пайки мяса, всего иного, бесплатный проезд, в любом городе любую гостиницу... "пусть попробуют не дать, я ведь ветеран, еще на войне шоферил и на танке тож... загрызу... Молодежь у нас паршивая пошла, мало их учат... а внучка у меня маленькая, замечательная, ей вот молоко достаю..." - Так и остался он у нас в памяти образчиком русского Самарканда под названием - "волк на танке".

С шофером Ильясом в Дустлике мы познакомились ночью. После работы ужинали как всегда всухомятку с чайком на своем подворье под "самаркандскими звездами" в разрывах айвовой листвы. Через стену соседнего склада к нам перелез невысокий парнишка и поставил перед нами банку и глубокую миску с холодным айраном и большой лепешкой: "Примите, как гости - от мамы". Мы опешили. Было трогательно снова столкнуться с традиционным азиатским гостеприимством, но и очень странно такое подношение здесь, в городе, когда мы сидели на собственной территории. Скорее, это походило на способ знакомства. И действительно, через полчаса Махан вернулся за опустошенной посудой и пригласил на разговор с его отцом, сторожившим соседний склад-автобазу. Тем же путем, через забор, мы последовали на чужую территорию и на высокой стопе железобетонных плит, как на крыше дома, были встречены гостеприимным сторожем, уселись на гостеприимную кошму (вернее, прилегли) ...снова чай в пиалах, ну и так далее. ... Ильясу было под 50 лет. Жизнь прожил очень трудную, сиротскую. Встал чуть на ноги и обзавелся семьей, в Красноводске, в его нелегких условиях. Потом удалось переехать сюда - здесь воды больше, три раза в день включают, почти свободна, а для Ильяса, который воду развозит, вообще проблем никаких нет. У него 6 детей, младший - совсем малютка, старшая дочь работает бухгалтером, хотя очень хотела продолжать учебу после

школы - но все ее попытки были неудачны: без связей и больших денег в институт не пробиться. Но с неудачей дочери они легко примирились, а вот для второго ребёнка - старшего сына Махана, кончающего 10-й класс, они хотят иного. Если нельзя пробиться в Ташкенте, может, получится в Москве, где поступают честно?.. Посоветуйте и помогите... Мы не отказывались.

Потом мы побывали и у Ильеса в его казахском доме, познакомились с женой, остальными детьми, бедным подворьем (но держат корову)... Сборы Махана (т.е. Мухамеда) шли трудно и медленно: ему, как и остальным, долго не выдавали аттестата, требуя напоследок отработать неделю на плантациях, возникали конкурирующие варианты поступления в Алма-атинские вузы и т.д. Легко выяснилось, что Махан очень слабо подготовлен и не имеет никаких шансов на поступление: практически ничего не читал помимо программы, не имеет никаких четких устремлений (отец мечтал для него о должности начальника: лучше ГАИ - мечта для шофера, в худшем случае - по строительству...). Мать обливалась слезами, рассказывая, сколько надежд у нее на сына, чтобы выбился в люди, а по сдержанным намекам можно было понять, что Ильяс - все же непутевый, часто бражничает, к образованию не пробился. Со своими тремя классами он, правда, закончил шоферские курсы, имеет справку о 8-ми классах, работает на трех должностях (так же, как и она: - комендант, сторож, начальник охраны), жить можно, и все же, если бы Махан стал начальником... В конце концов, уже после нашего отлета Махан с Ильесом вылетели в Москву и жили две недели в нашей квартире, где оставался наш сын Тема. Махан срезался, кажемся, на первом же экзамене, но быстро утешились в столичных удовольствиях (сбылись материнские опасения). Они вернулись домой с надеждой с помощью Темы подготовиться на следующий год. Но писем из Дусллика к нам все нет, и думается, что Махан пошел уже на работу, завяз в местных интересах, примирился с перспективой близкой армии, после возвращения будет

думать о близкой женитьбе, а не о далекой учебе в Москве, родительские же мечты обратятся к "младшенькому". Оправдаются ли и они? - Вряд ли. Ведь Ильяс - казах, и не из баев... Вот если бы он был "волком на танке"! Но он добр и честен, и не может хапать, а только с него хапают. Даже за билет в Москву они заплатили дороже нашего. Семья Ильяса запомнилась нам примером бедной, страдающей, трудовой Азии, типичнейшей - ведь у нее даже мечты азиатские: чтобы дети стали начальниками (по-старому - баями).

И еще одно знакомство помнится - с узбекским грузчиком Акимом. Он подошел к нам во время работы в цеху, когда мы мучились над очередными неразъемными болтами, стал помогать и разговаривать. Ему еще нет тридцати, армию отслужил, семья есть, скоро будет пятый ребенок, живут где-то за Самаркандом. В деревне такого заработка нет, как здесь - по 500 в месяц бывает. Можно и по 700, но только надо работать в соседнем цеху ядохимикатов, но там больше пары лет не протянешь - человек высыхает, слабеет, уходит, а потом и умирает, сколько таких примеров. Нет, жизнь дороже. Большой, сильный, добрый парень - он себя представил Акимом, как звали его в армии, дивился с нами странностям русской городской жизни, немножко откровенничал про порядки на базе. Бригадирствуя у грузчиков, ему приходилось часто конфликтовать с инженером по погрузке и иной администрацией базы - из-за оплаты работы и частых простоев. Правда, русские в этих делах бывали резче и активнее. Мне как-то пришлось присутствовать при стычке из-за задержанной зарплаты, когда в ход шли две угрозы - прекращение разгрузки вагонов или жалоба наверх (вывести на чистую воду). Администрация в открытую, как правило, тушевалась, но потом все равно гнула свою линию, зная, что грузчики здешними заработками дорожат и многое стерпят. Важнейшее отличие Акима от Ильяса - никакого особого почтения к начальству и отсутствие стремления стать им. Другой ряд ценностей! Хотя, оторвавшись от работы на земле, уйдя в город на заработки,

став рабочим, Аким теряет корни, а может, и себя. Ведь не чувствуется, чтобы он уважал свое дело. А без этого - какое же счастье?

Дустлик когда-то был казахской землей. С обводнением Голодной степи сюда пришли мастера хлопка - узбеки, и этот край отошел к Узбекистану, но Дустлик оставался многонациональным поселком, особенно вначале, когда сюда хлынули самые шустрые нации. Потом некоторые, вроде цыган, схлынули. Другие задержались на вполне определенных профессиях: армяне на торговле "Воды-соки", греки - на авто и пр. ремонте, есть и грузины, и иные кавказцы. Познакомившийся с нами уже в эпоху бригады участковый лейтенант милиции рассказывал, что межнациональная рознь сейчас много тише, чем в прежние годы, когда ужас что было. Только обучив втихаря сотрудников кулачному бою - подмигивал нам участковый - смогли навести порядок.

Мне в этой связи вспоминается знакомство с крымским татаринком - сцепщиком вагонов "Сашкой". Не знаю его полного имени-отчества, но так не шло "Сашка" к его интеллигентному, какому-то очень европейскому и скромному лицу. Все держались с ним покровительственно, а он отмалчивался на подшучивания и улыбался в ответ. На мои осторожные вопросы практически не отвечал и был очень осторожен - до забитости, что очень понятно для народа, с которого фактически так и не сняты ссыльно-поселенческие ограничения. Памятен такой случай: в один из первых вечеров нас повели купаться на оросительный канал метров пять шириной (мутная вода, но купаться вполне можно - наша главная радость в этот месяц). Уже в темноте мирно стали раздеваться на бетонном берегу, как из ближнего дома выскочил какой-то местный бай и начал гнать нас, ссылаясь на то, что у него друзья в милиции и всех нас сейчас посадят, не хочет он отвечать за утопленников. Мы опешили, один Саша стал сразу одеваться и нас уговаривать: "Давайте, ребята, скорей уходить отсюда... не надо связываться". На удивление

и остальные работяги промолчали, оделись и ушли вместе с нами, так и не выкупавшись. Потом мы с Володей облюбовали себе другое место для купаний, но случай того казахского (или узбекского) байства и приниженной молчаливости русских работяг и, особенно, крымского татарина запомнился хорошо.

Можно было бы вспомнить еще много интересных людей: и сторожа - старого узбека на базе, всегда радушно останавливающего тебя традиционными вопросами: "Как дела? Как здоровье? и т.д. (Как жена, как дети, как скот, как верблюд? " ... - это уж мы изошрялись друг с другом; и директора Уралова, кандидата с.х. наук, ничего не смыслящего и все же выбившегося в начальство, т.е. в люди (в глубине души человека неплохого, но попавшего в эти сволочные хапательские условия); и начальника соседнего Элеваторстроя Сардыбаева, у которого мы в основном и работали, и который так сильно нас надул и т.д. Но я кончу одним эпизодом: как мы бригадой строили пристройку к даче кассира "Элеваторстроя".

Толя дал согласие на эту работу с целью заручиться содействием начальства этой организации, а может, надеясь получить дополнительные деньги малыми силами в одну из заминок работы. Сначала пришли туда вчетвером после обеда, причем наш главный каменщик Валерий говорил, что это плевое дело мы быстро соорудим. Московский преподаватель и кандидат наук, он гордился умением легко чинить часы и тем, что сам сложил каменную дачу - и действительно, был очень толковым и смелым работником. Но вот что получилось. Хозяева собирались праздновать через месяц обручение своей дочери, студентки из Ташкента, и по этому случаю решили расширить свой коттедж за счет сооружения большой кирпичной пристройки взамен небольшой деревянной терраски. Фундамент уже был залит, но саму террасу двое из нас разбирали весь вечер (дерево и стекло дороги, и пришлось осторожничать). Я же с Валерием начал кладку и... продолжал ее все последующие дни, уже не здесь, а в "Элеваторстрой". Желаящих класть было много, и мне

пришлось чуть поработать локтями, чтобы удержать за собой столь трудное право, но я пошел на это, поскольку уже много лет ради пользы дела уступал его другим, более пронирыливым, а сейчас не захотел уступить. И теперь я могу сказать, что за этот сезон стал каменщиком, пусть и весьма среднего уровня, но самостоятельным. Может, это главное, что я приобрел в Дустлике.

Но ту пристройку пришлось делать не из обычного, а из земляного кирпича, который формовали два наемных аборигена и складывали в кучи для просушки тут же. Раствором служила обычная садовая земля в яме тут же под яблоней, разбавляемая водой. Все это кажется удивительным, но я был немного подготовлен своей целинной практикой, когда мы подсобничали при строительстве саманных стен кошар и коровников (саман - ведь та же земля, только с соломой, и в условиях безводья, хорошо высушенным, может простоять довольно долго). Но вести кладку надо хорошо просушенным кирпичом, не спеша, чтобы швы успевали просыхать на солнце. Ничего этого мы не знали, опираясь на мнение хозяев: раз тут так делают, значит, можно. Мы оказались невежественными в этой работе людьми, и потому поплатились. На следующий день мы уже вшестером занимались кладкой и три стены росли достаточно быстро. Сначала выбирали кирпич покрепче, потом пошел в ход сырой и даже только что из формовки, он зачастую просто разваливался в руках, но мы и такие укладывали в стену, других ведь не было. О просушивании швов и качестве раствора вообще речи не было - мы должны были за воскресенье закончить кладку и уйти. Но стены были высоки и заканчивали мы их в темноте при свете ламп. Помогала почти вся бригада. Причем в ругани, потому что выяснилось, что на центральной длинной стене кладку раньше вели неправильно, не заметили "пузо", которое надо было срочно выправлять. Я вел кладку боковины и, закончив ее, слышал, как Толя распорядился остановить работу, чтобы утром при солнечном свете доложить оставшихся три ряда середины. Это сделают

два человека за пару часов. Так что, спустившись вниз и отправившись умыться на канал, мы считали свою "микрошабашку" (а может, узбекскую "помочь"?) законченной.

В смысле экзотики эти полтора дня были наиболее насыщенными: ведь мы не только заглянули на узбекский двор, мы работали в прямо-таки зеленом раю, беспрестанно потчваемые хозяевами. Рядом работали дети хозяев, вертелись соседские ребятишки, расхаживал бдительный хозяин-инвалид и гремела традиционная азиатская радиомызыка... До сих пор жалею, что в той спешке не взял фотоаппарат и не заснял ни сада, ни хозяев, ни цветущего граната, ни нашей злополучной стены...

Вернувшись с купания, чтобы на прощанье расправиться с торжественным благодарственным ужином, мы вдруг увидели, как ужасна наша средняя стена (благо лампочка теперь висела снаружи, на проводе) - она просто выперла небывалым пузом. Я не мог поверить своим глазам: как же могли ее так сложить? Правда, я работал в другом месте, но ведь много раз проходил рядом и никогда такого не видел. У всех у нас появились какие-то растерянные и виноватые улыбки: нас сейчас будут благодарить за помощь, а работа сделана столько небывало и очевидно скверно... Как это могло получиться? - Никто тогда не догадывался, что мы видим не перекос стены, а ее медленное падение. Сырая длинная стена из полусохшей грязи не могла быть устойчивой. При кладке ее невольно толкали изнутри, и потому она незаметно подалась наружу, а дальше уж ничто не удерживало ее от дальнейшего, вначале такого медленного падения... Мы сидели в саду почти всей бригадой и хозяйской семьей за водкой и пловом, фруктами и прочими вкусностями, когда вдруг ошарашенно мигнула и загасла у дома лампочка и оглушительно вздрогнула земля, заставив подумать о землетрясении. Оказалось, что земля затряслась от нашей работы. Слава Богу, что рядом никого не оказалось, и тонны пусть мягкого, но все же тяжелого кирпича не обрушились на

наши или хозяйские головы. Уцелели только боковые стены и углы. Центральная же часть до метра высоты была снесена...

Что тут было? Хозяин непрерывно повторял: "Хорошо, что никого не прибило". Для утешения решили, что виноват сырой кирпич и тонкие стены - да так оно и было, если забыть еще нашу собственную вину - самонадеянность и халтуру, т.е. работу без знаний, на авось, неотвественно. И еще надо признать виноватыми наших хозяев, пригласивших не специалистов (да и откуда в Москве специалисты по кладке земляных, вернее, из сырого кирпича стен?). Впрочем, вся Азия во все века халтурит. Недаром в ней так распространены постройки из сырого кирпича, которые так быстро разрушаются. И когда я вижу на толстых стенах недавно отреставрированного Самаркандского Регистана новые трещины, я вспоминаю собственный печальный опыт и утешаюсь: здесь, в Азии, всегда так.

Работа с бригадой. Несколько дней мы все вместе работали на складе, пытаясь отделить рельсы от шпал. Толя съездил в Джизак, нашел руководство, удивил их наличием большой бригады, и дело пошло быстрее. Из СМП прибыл 10-т автокран вместе с Алексеем. Однако теперь Алексей показал нам себя совсем с иной стороны: совершенно больным после перепоя (а может, запоя), он мог только отлеживаться и маяться. Но главное, что его предложение снимать рельсовые плети краном было нереальным: в цехе кран не мог толком развернуться, к тому же, выдергивать что-либо, а не поднимать крану категорически запрещено во избежание несчастных случаев. Алексей ничего не мог предложить взамен. Мы с Володей были сильно разочарованы. Тогда с подачи Абубакирова решили снять рельсы, оставив шпалы в земле. Но выдергивать костыли без специальных лап было очень трудно и, помучившись полдня, бросили. Решила эту задачу личная заинтересованность. Видя наши муки, Аким решил выдернуть "ненужные" шпалы - для строительства у здешних родственников. Подбил на это дело мощный базовый погрузчик. Мы сначала поддомкратили путь, сантиметров на

20, взломав весь асфальт, а потом погрузчик стал их выковыривать своим ковшом и ножом. Мощная машина, ведомая заинтересованным человеком, делает чудеса - путь в цехе был разобран за полдня, причем рельсы были сложены в одном месте, а шпалы переправлены кому-то за забор... После этой лихой операции наступило затишье, потому что бригада переориентировалась на другую стройку- надо было ждать нивелировщика и грейдер. Толя в эту работу, видно, не верил - и заслуженно: уже очень мутно вокруг было, даже договор с бригадой был заключен лишь после нашего отъезда. Все оставшиеся до 20 июля дни бригада работала в соседней организации.

На предложение работать директор Элеваторстроя Сардыбаев ответил безусловной готовностью принять, выделить объекты, и, конечно же, щедро платить за аккордную работу. И, действительно, оформили, через неделю выписали сторублевый аванс, сразу же обеспечили работой: фундаменты под гостиничную пристройку к управлению и отдельное здание столовой. Мы залили два фундамента и вывели до крыши стены столовой. И, хотя работа шла не так быстро, как хотелось бы (ребята сильно уставали, и после обеда выходили на работу только с пяти часов, когда начинала спадать жара), но к в воскресенье 19.7. перед нашим отлетом стены были фактически выведены под крышу, а мы чувствовали, что набили руку и в приготовлении раствора, и в обращении с раскаленным жарой кирпичом, который от полива водой шипит, как сковородка, и сразу же сушит брошенный на него раствор...

Но одновременно выявились и тревожные вещи: Сардыбаев ушел в отпуск, исчез, его обещания оказались никому не известными, и прораб рассчитался за уже сделанное лишь по официальным расценкам, 1700 рублями, т.е. едва оправдался уже выданный аванс (тогда мы считали, что это лишь начало)... и потому у руководства бригады (мы в Володей в него не входили - это были фактически Толя с женой-поварихой и Валерий-"каменщик") было принято

решение оформиться на работу еще в одной соседней организации - на бетонирование складских полов. Обращение в соседний хлопковый завод было безрезультатным, еще одно предложение - строить фундаменты частных коттеджей провалилось с потерей 4 человеко-дней, а вот бетонирование склада оказалось самым удачным. Но мы с Володей проработали там всего один день и улетели домой - нас ждали с нетерпением дети.

Осталось описать саму бригаду из случайных людей, познакомившихся только здесь. Среди них было два преподавателя какого-то хим.вуза, три преподавателя военной академии, три сотрудника милиции и трое знакомых Володи по шефской работе в совхозе, среди которых и Толя с женой. Люди разные и совершенно не притертые. Наиболее слабыми работниками, на мой взгляд, оказались работники милиции (кроме Саши Я.), но одновременно и самыми наглыми, наилучшими же, с моей точки зрения, - военные. Но это все тонкие различия, неизбежные в каждом коллективе и покрываемые общей целью - необходимостью настоящей работы.

Удачей было присутствие в бригаде Валентины, очень умной и интересной женщины, прекрасно разбирающейся в местных (да и не только в местных) людях и работающей. Она взяла на себя не только готовку еды, но и закупку продуктов в магазинах и на рынке (там шел в основном обмен за московский чай), и уборку, и даже стирку для некоторых. Когда-то она работала завучем в этих местах, потом, разведясь с пьяницей, уехала в Москву, ухаживала за больным родственником, после смерти его были на нее какие-то гонения из-за наследства, потом вышла замуж за разведенного Толю, мечтает о ребенке, работает в Институте цен... Мне было интересно с ней разговаривать, она представлялась откровенной и близкой (может, она могла так поставить себя и с другими), был убежден, что наше знакомство, конечно, продолжится в Москве. Поэтому, когда в Москве произошел разрыв, я был обескуражен, и до сих пор плохо понимаю ее

роль и мотивы в этой истории - ведущая роль и огромное влияние, оказываемое Валентиной на действия Толи и всей бригады, были очевидны.

Толя с самого начала поставил себя большим начальником. Ходил исключительно в чистом, как говорится, наглухо застегнутом (при жаре!!) и только иногда, для приличия, принимал участие в перекидке кирпича или досок, в остальное время - ошивался по кабинетам и в поездках с дипломатом, в котором хранил все паспорта и общую наличность. Такая роль бригадира всем импонировала, ибо порождала уверенность, что есть человек, который обеспечит наши интересы и не позволит обжудить при оплате. Однако он только играл эту роль. Может быть, в первый раз, и тогда, по правде говоря, - неплохо. Во всяком случае, в борьбе со среднеазиатскими обстоятельствами он проиграл или, что я тоже допускаю, - крупно обманул и нас двоих, и всю бригаду... Позже я связал воедино некоторые черточки его облика: неприятное многолетнее пребывание в Сибири, приклатненные словечки, какой-то зэковский облик, упоминание, что не раз судился - все это породило уверенность, что прошел этот человек лагерный опыт, хоть и вхож сегодня в министерства, и потому от него можно ожидать многого. Но связалось это только в Москве.

В несколько особом положении находились мы двое - и как здешние "старожилы", и как люди, зазаввшие бригаду сюда, а, значит, ответственные за все трудности и возможные неудачи. В определенной степени так оно и было. Но с другой стороны, я твердо помнил, что именно Толя был больше всего заинтересован в среднеазиатском варианте (наверное, под влиянием Валентины), что если б не он, может, мы оказались бы в Якутии. А потом, какими будут окончательные результаты, говорить было рано, да и нельзя сваливая на нас общую беду. Попреки такого рода в наш адрес бывали, правда, редкими, но достаточно обидными (поэтому я всегда энергично протестовал), а главное - опасными, потому что могли повлиять на окончательное распределение заработка

внутри бригады. Хотя общепринятым является принцип дележа по числу проработанных дней, но возможны и поощрительные или отрицательные коэффициенты (один раз мне бригада на Печоре присвоила коэффициент 1,2 - и я это запомнил как редкую в жизни награду на уровне единственной же медали "За освоение целины") - тем более, что деньги бригада будет получать уже без нас. Тревожило и скрыто-недоброжелательное отношение Толи: именно от него шли упреки, и не только за малую разворотливость в период до их приезда, а за качество работы уже сейчас. А поскольку Толя бывал на рабочей площадке лишь наскоками, то его придирки ко мне, например, выглядели очень избирательными, нарочитыми, и это меня очень тревожило. Ему как будто очень хотелось, чтобы именно я оказался плохим работником. Володя к тому времени немного устал, начал позволять себе философствовать на площадке о бессмысленности погони за деньгами, об этике шабашных работ и необходимости не спешить, и по иным раздражающим всех темам, потому сдержанное отношение бригады к Володе было почти обеспечено. Со мной же было труднее, и придирки Толи вызывали недоумение и отпор от работающих рядом, мнение о моей хорошей работе так и не было поколеблено (только Володя часто ворчал на плохое качество кладки, когда работал у меня подсобником и что, мол, рано мне было браться за мастерок (это на пятом десятке жизни!). Наконец, встревожил и доверительный разговор с Валентиной перед нашим отъездом о том, что у бригады отношение к Володе сложилось отрицательное и потому - "Вы, может, потеряете и в зароботке". В таком разговоре странно было бы оправдываться, аргументы надо поберечь для возможного разговора в Москве. Но я понимал и подтекст этой фразы: если результаты будут хорошими, то и мы оба ничего не потеряем, а вот, если нет - тогда "может" (и даже наверняка) нам припишут эту неудачу и отыграются самым простым способом - не зачтут полностью отработанные без бригады дни. Тем более что мы и не скрывали, что вначале были дни

выжидания, что по-настоящему работали без них лишь одну неделю. С другой стороны, Толя во всеуслышанье подтвердил, что в бригаде будет соблюдаться принцип равной дележки "как всегда", и без возражений согласился на фиксацию нашего срока работы - с 21 июня до 20 июля, т.е. ровно месяц (у остальных же срок должен быть с 4 июля по 2-5 августа). Оставалось надеяться.

Последний день работы прошел хорошо и благожелательно. Правда, удивило, почему Толя распорядился нам с Володей идти на базу, где явно не было никакой работы (Алексей все никак не мог оклематься от запоя, из "поезда" поступала техника, но не дело), а не со всеми на новое место работы - бетонирование полов... Потоптавшись чуть на базе, мы сами вернулись к бригаде и вместе со всеми отработали до конца... Потом был прощальный вечер, нам желали благополучного пути, успеха в наборе бригады-продолжения (на этом особенно настаивал Толя, исходя из своих переговоров с Джизакским начальством о ремонте путей на базе. Он многозначительно и не раз повторял: "От этого, парни, зависит и ваш заработок". Намек был гнусенький, звучал двусмысленно, но мы обещали сделать все, что можем, и действительно, в Москве звонили по всевозможным вариантам. И судьбе было угодно, чтобы в поле зрения Володи попала одна бригада, искавшая в то время работы и согласившаяся поехать в продолжение: так что и это условие было выполнено. Мы в ответ, конечно, желали успеха в окончании "нашего общего предприятия". И нам с искренним добром отвечали. В такой атмосфере доброжелательности легли спать, как в прощание, потому что рано утром, еще в темноте, Володя нетерпеливо меня поднял, и мы тихо ушли.

Час ожидания на автовокзале автобуса на Ташкент, два часа в Ташкенте между базаром и книжным магазином, и самолет на Москву, чтобы через полтора дня подготовки в ночь на 28 июля двумя семьями уехать поездом в Белоруссию. Начался поход и тихое обсуждение результатов нашего лета между нами четверьмя.

Ведь могло случиться и так, что кроме выданного Толей в последний день аванса в 100 рублей мы ничего не получим по доверенностям. Лиля шутила, что с учетом среднеазиатских подарков в виде арбуза, дыни и пр., экономного питания и 100-рублевого аванса на дорогу, результаты шабашки будут нулевые, что уже неплохо. Но мы надеялись на 600-700 рублей. Получилось по-иному.

Расчеты в Москве

Вернулись из похода мы 10 августа, а 15-го я звонил Толе, который в этот день вернулся из Азии (он оставался после шабашки у родителей на отдыхе). Звонил, уже встревоженный предварительным телефонным разговором с другим членом бригады - Сашей Я., который жаловался, что результаты неважные, они получили примерно по 500, нам с Володей причитается по 200, так насчитал какой-то "актив бригады" - "ведь Вы не работали на бетонировании полов".

Нет, это не было недоразумением. Толя подтвердил, что нам причитается по 186 рублей, как насчитал "актив". Что за актив? - Саша Я., Володя Е., Саша З. и сам Толя, а бригада утвердила. "Давай встретимся, чтобы отдать гроши..." Но мне сначала хотелось поговорить о деталях и основаниях такого решения. Трубка снова ссылается на решение "актива" и лишь с неохотой соглашается на какой-то разговор. "Зачем он нужен?" Я же настаиваю именно на визите к нему домой, на разговоре с ним и Валентиной и без Володи, надеясь на доверительные отношения с Валентиной.

Звонил я поздним воскресным вечером (понедельник был у Толи занят), а во вторник после работы он меня принял - один, без Валентины, которая неожиданно уехала на работу в колхоз. Но я уже этому не верил, решив, что как Толя прячется за решение какого-то мифического актива, так и Валентина теперь избегает встречи, прячась за Толиной спиной. Разговор я мог вести только от своего имени, потому что Володя сразу занял "этическую позицию": "Я на них не сержусь. Они жалкие люди, и их надо жалеть", и, встретившись в понедельник, он получил насчитанные ему деньги. Впрочем,

Володя готов был участвовать и в драке, если я ее затею - ради поддержки товарища. Но мне было важно понять сначала все самому. Из разговоров с еще одним из бригады, я примерно понял, что происходило без нас (работали на полах и продолжали делать вид, что работали на базе), как происходил расчет (в спешке, потому что 1 августа уже почти все вылетели в Москву), насчитали по 650 в среднем, уже за вычетом оплаты дороги, т.е. в два с лишним раза больше, чем нам. Такого обсчета я ни в каком сне не предполагал! Все подозрения относительно Толи сложились у меня в твердую уверенность: обсчет был сделан заранее и намеренно. И об этом не могла не знать Валентина. Зачем только она сговаривалась со мной о последующем семейном знакомстве в Москве? Это было непонятно, требовало выяснения. Однако если подтвердится самое худшее, я не хотел отступать сразу, как Володя, хотел побороться. Тюремный опыт уже немного обкатал меня и требовал не уступать, если тебя бьют, даже если ситуация твоя близка к безнадежной. Что я могу сделать? - Только грозить разоблачением, жалобой власти. Но насколько это средство будет действенно?

Если судить по меркам уголовного, мошеннического мира, то выигрыш Толи был обеспечен: деньги именно у него в кармане, и как бы уже истрачены, розданы всей бригаде, и даже не его личным решением, а ответственностью повязана вся бригада. Попробуй, поборись со всеми! С другой стороны, вероятность, что мы с Володей на деле будем жаловаться и приносить ему неприятности, чрезвычайно мала, как по безнадежности этого дела, по мягкости наших с Володей характеров, так и по всеобщей неприязни к доносам: мало кто из интеллигентов может решиться на подобное, а потому не следовало принимать и во внимание этот вариант... В принципе, мы должны были лишь примириться со своей неудачей, может, после одного-двух эмоциональных разговоров с упреками и жалкими угрозами вроде "набить морду". И потому вполне понятно и стремление Толи свести к минимуму эту разговорную агонию (он предполагал просто

встретиться в метро и честно отдать все "насчитанное активом"), и намерение Володи сразу отказаться от уговоров, став в гордую позу презрения к "богатству".

Я же был намерен прибегнуть к оружию доноса. Говорю это без обвиняков и без колебаний, сознавая всю неприятность этого предмета для оппозиционного интеллигента. Речь идет именно о доносе власти, а не только об угрозе, потому что тот же небольшой тюремный опыт научил: самое жалкое и неправильное - замахиваться без решимости вправду ударить. Если замахнулся - бей без колебаний! В противном случае противник нутром чувствует твою нерешительность, и твою же угрозу использует себе на пользу, для усиления своей агрессивности: "Ах, ты так, гад, ну тогда получай!", хотя "гад", может, лишь преодолевая собственную "гадливость" и высоту этических принципов промямлил, что ведь и "по закону за это не похвалят". Нет уж, решаясь на разговор с Толей, я должен был реально представить свои последующие действия, а еще лучше, письменно составить свою жалобу-донос, и в случае неудачи отправить ее тут же. Отправить, даже зная, что этим действием я ни в коем случае не верну денег, а получу только дополнительные неприятности себе. Ведь судебные органы, разбирая столь сомнительные дела, спорные деньги обычно отправляют в доход государства, но надо было отправлять такую бумагу из принципа своеобразной честности: размахнулся - бей!

Значит, надо было заранее примирить свою совесть с этим будущим доносом, оправдать его необходимость. И это я проделал для себя, готовясь к встрече с Толей, а теперь должен оправдаться перед друзьями, т.е. выполнить главную задачу всего этого рассказа.

Положение осложнялось тем, что я намеревался давить на Толю, как на нечестного шабашного бригадира, зная, что не часто, но судят иногда (и дают несколько лет лагерей) именно бригадиров шабашных бригад - за "частное предпринимательство и наем рабочей силы" (ст. 153 УК

РСФСР - до 5 лет лагерей или ссылки с конфискацией имущества). Судили не за сам шабашный труд, а за то, что бригадир не работал, а только неофициально организовывал, что приравнивалось к извлечению нетрудового, эксплуататорского дохода. Эту точку зрения современного закона можно кое-как оправдать устаревшими догмами марксистской политэкономии, но она очевидным образом противоречит жизни и интересам самих якобы эксплуатируемых шабашников. Ведь не будет бригадира, не будет ни бригады, ни работы. Поэтому ст. 153 в таком качестве используется крайне редко, я о реальных прецедентах не слышал, а только читал в литературе, тем не менее, прецеденты были, и жалоба на возбуждение уголовного дела имеет смысл. Но каким же образом я - принципиальный сторонник частного предпринимательства, и тем более - шабашных работ - мог прибегать к услуге такой неправильной уголовной статьи? Дело в том, что я хотел прибегнуть к услуге действующего ныне закона не против частного предпринимательства, а против его мошеннического извращения и намеревался в жалобе объяснить, что стою за шабашные работы и предпринимательство, а не за обман и мошенничество во внутрибригадных отношениях. И все же я не был полностью уверен в своей правоте. Несколько дней спустя один из хороших знакомых разъяснил мне: "Но почему ст. 153? Вы же возражаете именно против мошенничества? Так используйте ст. 147 про мошенничество. Она тоже весьма употребима". И я согласился с ним, переправив в черновике 153 на 147, но отправлять эту жалобу мне не пришлось. И слава Богу, потому что дело это все же неприятное и злое.

А какое право я, оппозиционер, имел прибегать к подобным "услугам" власти, когда мои товарищи сами сидят в лагерях? - Ответ на этот принципиальный вопрос проводит разделительную черту между лояльным и экстремистским оппозиционером. Как и власть, мы, конечно, противники уголовного мира. Но на чью сторону становиться в реальных столкновениях? Из опыта старых революционеров известно,

что в тюрьмах и ссылках они держались взаимопомощи и благожелательного нейтралитета с уголовниками. Объединяющая ненависть к власти и стремление свалить ее было сильнее всего, и для этого все средства были хороши. Впрочем, это не помешало после захвата власти сурово карать своих бывших союзников-союзников. А вот для лояльных оппозиционеров типа кадетов, такой тип отношений был запрещен. Уголовник был всегда безусловным врагом, а власть - лишь когда она сама проявляла уголовные наклонности. В борьбе же с уголовщиной необходимость союза с властью у кадета не вызывала никаких сомнений. А значит, необходим и донос на уголовное или иное преступление, например, террористическое деяние. В действительной истории русские кадеты проявляли непоследовательность в подобном отношении к террористам и уголовникам - но это лишь проявление их слабости, причины их исторической неудачи.

Я себя считаю преемником кадетом и меньшевиков, лояльным оппозиционером, и в тюрьме не скрывал отрицательного отношения к уголовным преступлениям (в отличие от части так называемых хозяйственных), конечно, воздерживаясь от отрицательного отношения к самим людям, с которыми вынужден проживать совместно - ведь сам человек вовсе не равнозначен его преступлению. А сталкиваясь с уголовщиной на свободе, вполне могу и даже должен прибегать к услугам власти, делать ее своей союзницей и, наоборот, быть ее союзником в правильном деле... Голова моя часто вспоминает присягу херсонесца - гражданина демократического государства в Крыму еще дохристианских времен, поразившую мое воображение именно этим - клятвой доносить властям о всех нарушениях закона, и снова подтверждает: да, в нашей врожденной нелюбви к доносительству любому - признак врожденного же отрицания любого государства, и экстремистского, неправового сознания. И вот сейчас я хочу спросить у своих друзей - прав ли я?

Нет, я совсем не хочу оправдывать или поощрять стихию доносительства "родной советской власти" - известно, сколько бед она принесла в довоенные хотя бы годы, так что была осуждена вскорости самой же властью. Прекрасно понимаю, что по множеству неверных, но, к сожалению, ныне действующих законов, моральным преступлением является содействие власти. И что с большинством недоразумений ответственные граждане должны разбираться сами, в частном порядке, обращаясь к власти лишь в самых исключительных случаях - но все же обращаясь...

Идя к Толе, я подготовил черновик своей жалобы в адрес Ген.прокурора (поскольку действие происходило и в Ср.Азии, и в Москве) и парткомам по месту работы Толи, остальных трех членов "актива" и двух людей, которых я тогда считал лично ответственных за поведение Толи: Валентины и их друга - Валерия из военной академии. Я рассуждал так, что даже если Прокуратура отмахнется от моего заявления (наверняка), то, пока она это делает, напуганные парткомы достаточно прочехвостят своих подопечных и сделают выводы в отношении их дальнейшей карьеры. Внешне, может быть, все у них сойдет благополучно, но реальная цена, которую эти люди заплатят за свое мошенничество, будет достаточно высокой, чтобы не повторять его в будущем. Толя прячется за этих людей - пусть и они будут наказаны.

И пусть сразу узнают, может, вместе им будет легче одуматься и решить, что лучше не рисковать и пересчитать полученные деньги. Я включил в их число представителя военной академии - не только потому, что был уверен, что он в курсе Толиных махинаций, и даже наиболее уязвим: участие в шабашке, да еще мошенничество для чести офицера малопригодны. Так, собственно, и получилось.

Разговор с Толей был спокойным, но долгим и напряженным, так что устал я от него страшно. Сразу же взял "причитающиеся" мне 180 руб. с соответствующей распиской (впервые за мою шабашную практику) - а то раздеремся, и я

даже эти, все же немалые деньги, потеряю. Потом попросил показать, как образовалась эта сумма... Что ж - Толя показал все свои ведомости - рабочих дней и полученных от трех организаций зарплаты. Оказалось, что от базы "Сельхозхимии", где мы занимались ремонтом пути, был получен лишь аванс по 250 рублей на человека. Приехавшая на смену из Москвы бригада даже не была принята на работу и искала объекты в Дустлике уже самостоятельно. Ремонт же на базе приехавший из Джизака Алексей со своими друзьями решил проводить самостоятельно. Значит, и остальные деньги они же получают. Скорее всего, ремонт этот будет весьма халтурным и поверхностным - за исключением реально разобранным нами пути в 3-ем цехе, но деньги они, т.е. местное начальство, хапнут немалые (ведь говорил нам Лева - по смете здесь 160 тысяч, из которых зарплаты - на треть). Московская бригада сыграла свою роль - повозилась на объекте, оформилась - за что ей и заплатили по 250 рублей каждому, а остальное - уж извините! Наверное, тут погрели руку главным образом начальники, но, может, и Леву не забыли, да и Толя, наверняка, бригаде не все сообщил о своих заработках. Во всяком случае, именно ему пришлось получать за всю бригаду уже не аванс, а получку (опираясь на доверенности), хотя он и убеждает, что ничего он больше не получал, но быть этого не может... Да, любопытно было бы узнать, сколько каждый из этих людей хапнул у этой "золотой" базы (ведь, занимаясь только перегрузкой удобрений, база включает в свой план стоимость удобрений и потому обладает бешеными средствами - таков один из многочисленных парадоксов социал.хозяйствования). Меня утешает, что мы с Володей оказались непричастными к этой нечистой афере: мы много работали на этой базе, и полученные нами деньги - не столь уж велики и вполне заслуженны. Морально было бы хуже, если бы нам выдали большие, незаслуженные деньги, и, приняв их - мы оказались бы в одной компании с расхитителями. Деньги нужны, и человек слаб, но разумных оснований для запрета на такую

зарплату еще не выработано, потому спасибо судьбе. И главное, надо сделать вывод: в Среднюю Азию на шабашки лучше не ездить: или обманут, или втянут в нечистое дело.

Что касается работы на Элеваторстрое, то его начальник Сардыбаев так и не появился, а его заместитель накинул каждому из нас сверх полученных авансом еще по 20 руб. за столовую, да еще в виде особой милости какие-то липовые проездные - 15 руб., т.е. всего по 135 рублей на брата вместо обещанных Сардыбаевым по 700! Вот это и есть настоящая Азия! Как объясняла Валентина: "Если узбекский начальник согласно кивает тебе головой: "Хоп, хоп! " ("Согласен! "), то это надо переводить как: "Хрен тебе!".

Что же касается основных денег, полученных бригадой за последнюю работу по бетонированию цеховых полов (за 10 дней они получили 4000 руб.), то из них нам не насчитано было ничего, ссылаясь на то, что мы в этой организации не работали. Как так? А то, что мы работали до приезда бригады на базе? - Ну, это ерунда. А хотя бы последний день, отработанный нами именно на полах? - Это мелочь, ведь оформлены в этой организации вы не были... Теперь стало понятно, почему в тот последний день Толя не посылал нас на эту работу, он заранее исключил нас из бригады, ничего не говоря об этом. А на прямой вопрос отвечал одним: "Я говорил ребятам, что надо делить поровну, а они так решили, что именно так справедливо. И как сильно они работали!" - Ну, в общем, известные слова и оправдания, а воровские понятия о справедливости известны.

Долго мы разбирались и в такой мелочи, как характер вычетов за питание. Сами по себе они были невелики (Валентина очень умело вела наше хозяйство), но Толя к ним приплюсовал и сумму, которую он собирал в Москве на первоначальные расходы. Сколько я ни толкал, что эта сумма и расходы - суть одно и что их нельзя из нашего заработка вычитать дважды - до него не доходило, вернее, не хотел признавать - ведь тогда пришлось бы признать, что подобным образом он всех остальных в бригаде обсчитал.

Наконец, устав спорить в тупиковой ситуации, я выложил на стол свой решающий аргумент - черновик заявления, объяснив, что считаю все эти расчеты неверными, что мы с Володей отработали не меньше, чем все остальные, а по дням - так даже больше, что делить надо по отработанным дням, как договаривались - тогда нам надо доплатить до среднего по 600. Если же нас выкинуть из состава бригады и расчет вести по реально отработанному объему, то мы должны иметь львиную долю в полученных на базе деньгах и оплату одного дня на полах, и тогда наш заработок вырастет до 900 рублей на каждого. «Я понимаю, что сам бригаду собрать целиком, как он предлагает, не смогу, виновным считаю лично его и подговоренных им "активистов", а потому именно на него и К^о буду жаловаться - вот текст, который уйдет завтра же. И имей в виду, я не питаю иллюзий, что вышибу из вас эти деньги, но и даром это вам, особенно тебе, не пройдет»... Для убедительности я даже раскрыл свое тюремное прошлое (показав копию приговора), заверив, что и это дело доведу до конца, а за последствия себе не опасаясь: если меня и арестуют, то совсем за иное и по иным причинам... Говорю это, чтобы он понял, с кем имеет дело.

Упоминание о судимостях Толю не удивило: он тоже "несколько раз судился", а остальное его все же возбудило вплоть до угрозы набить морду тут же, если б не "мои седины", и выгнать из дома, но я и сам не желал задерживаться. Последнее же упоминание, что бригада на следующий день собирается у Белорусского вокзала пить пиво, я проигнорировал: день у меня был занят судом над Глебом Павловским, куда меня вызвали свидетелем (и он в самом деле длился до 10 час. вечера), а разговаривать о деньгах я считаю нужным только с ним, он же волен их собирать, где хочет, или выкладывать свои (тем более, что я был убежден, что помимо официального заработка его и Валентины по высшему уровню, он поимел несравненно большие деньги скрытным путем - и тем более разительно, как он держался потом, не желая выдавать последние рубли...).

На этом мы расстались. На следующий день звонил с расспросами Володя. Описав наш разговор и крайне низкие шансы, я предложил ему сходить вместо меня к бригаде на пиво. Он согласился, а потом рассказал мне о реакции на мою бумагу и объявление войны. За иронией: "Ничего у него не выйдет!", скрывалось и беспокойство, особенно у Валерия из академии, недоумевающего, почему именно его я задел. Пошумели и решили собраться на следующий день у Толи, позвав и меня на общее «толковище"... Что же - это добрый знак, хорошая реакция, может, о чем-то и столкнемся. Еще раз перечитал текст своего "заявления":

"...Бригадир... и его ближайшее окружение ...решили за счет двоих уехавших членов бригады поднять заработок свой и своих оставшихся друзей. Для этого они подговорили членов бригады... образовать так называемый Совет бригады для пересчета заработанных денег, который, якобы, и принял такое грабительское решение.

Должен сказать, что я с глубоким уважением отношусь к участникам и организаторам шабашных бригад, приравниваю их к злобинским бригадам и безнарядным звеньям, считаю, что они приносят большую пользу стране и людям. Однако такие бригадиры, как... и его соучастники, идущие ради собственной выгоды на прямой обман и подлость, дискредитируют этот вид деятельности и заслуживают, на мой взгляд, осуждения.... Считаю, что действия бригадира... нарушают уголовный закон... ходатайствую о возбуждении уголовного дела и прошу сообщить мне о результатах данного ходатайства в установленный законом месячный срок.

Однако если Прокуратура СССР посчитает приведенные мною основания недостаточными для возбуждения уголовного дела, я обращаюсь к партийным и общественным организациям коллективов, в которых работают вышеперечисленные лица для принятия мер воздействия на них, ибо обманная эксплуатация чужого труда есть общественно опасное деяние, и ее нельзя допускать впредь.

Я понимаю, что заработанных мною денег, видимо, уже не вернешь, но считаю своим долгом сделать все, чтобы такие случаи обмана доверия не повторялись, чтобы подобные люди не смели в будущем позорить коллективы, в которых они работают как в течение года, так и в отпускное время. О результатах прошу сообщить..."

Что ж, эта бумага произвела впечатление, потому что она была подлинной и готовой к действию для тех, кто имел основания опасаться, и убедительно показавшей мое возмущение для тех, кто обладал чувством справедливости и увидел, какой несправедливости он дал совершиться.

В среду мы с Володией пришли после работы к Толе. Пришли и все остальные - не было только Валентины и одного из хим.преподавателей (он не мог из-за каких-то похорон, да и с бригадой глубоко рассорился). От пива мы отказались, и сразу пошел деловой разговор, в основном между мной и двумя из "актива бригады" - Толя как бы был устранен, молчал, в основном, и Володя, раз я заварил эту кашу. Но, поскольку речь шла именно о неверном расчете, а не о качестве работы и коэффициентах, то теперь я в равной степени отстаивал и его интересы. Я сразу же задал вопрос - К качеству моей работы у бригады претензий не было? - Нет, тогда почему такая колоссальная разница в оплате?" (Если бы ответили, что претензии были, я бы спросил, почему о ней не было разговора в Дустлике).

Разговор был крайне напряженный и изматывающий, ибо в нем решалась величина суммы, которую нам бригада согласится выплатить. Анализируя этот разговор, я вижу, что совершил массу ошибок и проколов (хотя они были и с противоположной стороны, но гораздо меньше). И главная моя ошибка, что я легко отошел от принципа равной оплаты отработанных дней. Я, вернее, от него не отказался, а даже настаивал, но прибавил: "Смотрите, если считать по-вашему, по количеству заработанного нами по организациям отдельно, то Вам придется признать, что нам причитается гораздо больше (ведь по моим прикидкам тогда получалось по 900

рублей у нас вместо 700 у остальных). И меня тут же поймали на слове: "Нет, давай считать по организациям". Я согласился, считая, что, доказав невыгодность им этого счета, мы вернемся к исковому равному счету, а оказалось, что в начавшейся торговле мне насовали столько факторов и неопределенностей, что дни на базе, где в основном работали мы - стали дешевыми, а цена последних дней без нас - баснословно дорогой. Я, конечно, боролся за каждую деталь, но убедительность была не на моей стороне, а желание соглашаться, покончить дело миром, становилось все больше, соответственно, росла и моя уступчивость. Отсюда и столь мизерный для нас итоговый результат наших компромиссных пересчетов.

Метода для пересчета была следующей: подсчитывалось число отработанных по каждой организации дней (очень долго мне пришлось убеждать, например, что после нашего отъезда они не могли отрабатывать по два шабашных дня - одновременно на базе, и на полах), затем вычислялась средняя стоимость отработанного дня по каждой организации отдельно, и количество отработанных нами двоими днями в каждой организации. Затем перемножением получился наш общий заработок: по организациям, а суммированием - итоговый. Если о количестве отработанных нами двумя днями договаривались сравнительно быстро - хотя спорили и о начале (с какого дня начали и сколько у нас было выходных в работе без бригады, и что последний день мы почти не работали), то с количеством отработанных всей бригадой дней было гораздо труднее: ведь большую часть дней мы официально были записаны в двух-трех местах, и лишь с огромным трудом удалось убедить, что в каждой из них вся бригада могла работать лишь частично. Включая и Толю с Валентиной, которые, оказывается, тоже претендовали на уплату двух-трех шабашных дней в день... Однако, добившись принятия правильного счета в принципе, я не смог добиться правильного числового разделения. Так, мне было совершенно очевидно, что после нашего отъезда бригада работала в

основном на бетонировании полов, и лишь показывалась на базе сельхозхимии... Мои же оппоненты утверждали теперь чуть ли не совершенно обратное: бетонировали полы лишь несколько человек, и несколько часов в день, а все остальные торчали на базе... Наглое вранье, конечно (да, это чувствовалось даже по стеснительному молчанию большинства присутствующих в комнате, с интересом следящих, как два-три "активиста" отстаивают от нас "их деньги", (да, «наши» деньги уже давно были их деньгами), но что можно было противопоставить, раз ты сам не был там, и раз тебе поверили в рассказе о твоей работе без них... Компромиссом стало мое согласие считать, что последние дни без нас они полдня работали на полах, и полдня - на базе. Тогда я и сам не сознавал, что этим согласился на фантастику: очень высокий дневной заработок в 30 с лишним рублей за работу на полах, теперь увеличился вдвое - 64 рубля - в то время, как дневной заработок на столовой оказался в 10 рублей, да и то было уменьшено Толиными придирками, что Володя ходил за авиабилетами и еще что-то... Вот это и определило конечный результат пересчета в пользу бригады: оказалось, что именно они, а не мы, работали на базе, поэтому наш начальный заработок был определен около 20 руб. в день, основная наша работа вместе с бригадой была расценена по 10 рублей (с учетом азиатского коэффициента и длинного шашного дня - это крайне мало), зато без нас бригада работала почти в пять раз денежней! Помог этому крену в их сторону еще другой, более мелкий мой просчет: согласие расценивать при расчете нашего заработка наш единственный день на полах не в 60, а в нормальные 30 рублей - тем самым мы сразу потеряли 60 рублей на двоих... Э, да чего уж там!

А какая рубка пошла при подсчете бригадных расходов. Не сразу, но до многих стала доходить абсурдность Толиных повторных вычетов - и за расходы, и за несданные в Москве деньги - но и возбуждать вопрос о всеобщем переделе ни у кого не возникло желания. Просто согласились со мной, правда, Толя лихорадочно вспоминал еще какие-то

неучтенные почему-то покупки кастрюль, еще чего-то... но все это были брызги, нам насчитали выводов всего на 47 рублей.

Итог получился следующим: 784 рубля на двоих за работу на базе "Сельхозхимии" (взамен насчитанных ранее 500 р.), за работу на столовой - всего 198 р. (вместо ранее насчитанных 270 руб) и за последний день на бетонировании - 52 руб), за этот день с нас напоследок лихо рванули громадные налоги в 13% - но я уж махнул на это рукой). Осталось только сложить эти цифры и вычесть бригадные расходы - 95 руб, и уже полученные от Толи деньги - 575 руб...

Но тут почему-то вмешался возмущенно в дело Сергей Б. - из компании работников МВД, державшийся ранее в тени. Теперь же он чем-то оскорбился, затребовал скорей кончать все это грязное дело и что уже 11 часов, домой скорей надо, нет никаких сил и потому... дело окончания расчетов взял в свои руки... Чего-то кумекал, пока я чуть приходил в себя, потом требовательно, глядя в глаза, начал диктовать: "Смотри, вот расчет: с этой цифрой ты согласен? А с этой? А дальше?... Он просто давил, но только после я оценил эту манеру поведения, как гипнотическую... Я пытался возражать против такой манеры, потребовав отдать мне этот подсчет и оставить на время в покое: «Плевать мне, что уже много времени»... Я не мог согласиться с этим расчетом, потому что итоговая сумма, причитающаяся нам к выдаче, оказалась неожиданно небольшой - всего 259 рубля! Всего-то на всего - каждому по 130 рублей вместо 300, как я надеялся. Как же это могло получиться? - Я судорожно пытался сосредоточиться и проверить хотя бы последний расчет, производя его самостоятельно - получалось то же самое - а ведь на деле расчет Сергея был подтасованным. В сумме у него получилось 929 рубля вместо положенных 1029, и потому к выдаче оказалось 259 вместо 359 р.

Много раз я мусолил эти цифры, и не мог найти Сергеевой ошибки: Кругом все торопились, и лишь один я чего-то пытался понять в "очевидном". Наконец, я сдался,

спросил у Володи: "Согласен? - Да-да, конечно!" - Ну, давай, что ж поделаешь..."

За моей спиной стали собирать складчину с присутствующих - по 26 рублей с каждого, и диктовать нам расписки. Расписка - Да, ради Бога! Написали, что, получив по 129 руб., претензий ко всем "нижепоименованным» не имеем. Я, правда, написал более точно: "что финансовых претензий предъявлять больше не буду", объяснив, что претензии, особенно морального свойства, у меня остались в избытке. Это пришлось внятно объяснять Валерию из академии. Кстати, Толя тут же начал требовать какие-то расписки от всех остальных, мотивируя: "А вдруг..." и мне подумалось: "Спешит, котюга!". Ну, наконец, нам выдали и собранные трешки - выдавал их Сергей. Я был наслышан про его картежные увлечения, и потому, не стесняясь, и очень тщательно пересчитал. Нет, деньги выданы правильно. Мы их тут же разделили пополам, потом я отдал Володе половину его телефонных расходов, и мы ушли, пожелав напоследок, чтобы таких несправедливостей больше у них не случилось. Ничего, стерпели.

На улице меня как будто отпустило: вдруг понял, что в чем-то я просчитался и даже вроде понял, где... Но снова запутался и убедил себя что показалось...Ночью долго не мог уснуть, пытался читать, потом вновь потянуло к бумагам и пересчетам, и только тогда я узрел ошибку в расчете. Я материалист, но тут несколько дней думал, что Сергей гипнотизировал меня, и на расстоянии не давал возможности понять изъян в расчете, пока сам не заснул и не потерял надо мной власти - чушь, конечно, но чему не поверишь вначале... Ругал я себя за эту промашку страшно: ведь теперь придется эти деньги собирать со всех снова. Когда дана уже расписка, и когда снова никого не соберешь. Да и сколько сил на это потратишь! И времени! И, тем не менее, надо было исправляться.

Выбивание остатков

Утром начал звонить, просить сложить заново три цифры, вычесть еще две и убедиться, что Сергей меня надул, недодав 100 руб. Толя, уразумев, сослался на то, что считал не он и ничего не знает: "Вот если все согласятся!" Один из главных счетчиков-активистов - Саша Я., признав ошибку, сослался, что ему некогда из Подмоскovie приехать, да и денег сейчас нет. И только Валерий из академии уверил, что если ошибка в самом деле произошла и счетчики это признают, то и деньги со всех "академиков" я получу - "можешь быть уверен, мы другие люди".

В общем, эти остатки пришлось нам с Володей выбивать по частям. После того, как обманувший меня Сергей из милиции напрямую по телефону мне объявил, что "с тобой, мол, я разговаривать на эти темы не желаю", и примерно то же ответил еще один, разозлен я был до крайности, и в очередном разговоре с Толей объявил, что вопрос этот ясен, собирать бригаду для обсуждения тут нечего, надо просто отдать каждому свою долю недоданной сотни (выходило по 9 р. 9к.). На тех же, кто не отдаст, придется писать на работу. Так и получилось.

Володя меня полностью поддержал. Мы сознавали, что ввязываемся из-за ста рублей в длительную нервотрепку и трату времени и сил, но надо было довести дело до конца. Замахнувшись - бей. Иначе в следующий раз такие Сергей будут уверены, что стоит только проявить побольше наглости и выдержки характера - и все сойдет у них с рук. И еще мне интересно было в ходе этих сборов выявить отношение каждого из членов бригады к произошедшему.

В начале следующей недели я встретился с двумя академиками. Так было непривычно видеть этих ребят в форме старших офицеров. Они отдали свою долю (третий это сделал через месяц после моего звонка уже домой - кстати, он был в числе "активистов- расчетчиков), а затем минут 10 поговорили. Валерий напрочь отрицал участие и в расчетах, и в махинациях Толи, да и знакомство их было случайным. Что

ж, возможно, я и ошибался в переоценке роли этого человека и потому, хоть с трудом, но признал и свою ошибку, а потом, окончательно пересилив себя, просто извинился за напрасные подозрения, прося учесть свое взбудораженное положение и то, что не мог сразу дозвониться до Валерия в первые дни и думал, что он меня избегает... Мое извинение Валерий принял с облегчением - ему не хотелось плохо думать обо мне, несмотря на очевидную обиду. Вся эта история обоим очень не нравилась, особенно поведение милицейских волков. В общем, расстались мы дружелюбно, хоть и сдержанно: им было неудобно, что невольно попали в паршивую компанию, а мне - что представлял Валерия, как одного из главных виновников. Кстати, я сознался и в том, что включил его в обвиняемые не только потому, что был твердо в этом уверен, но и по тактическим соображениям - понимая, что он наиболее уязвим, и потому окажет на бригаду наибольшее воздействие в сторону компромисса (так оно и оказалось).

Потом меня отправили в совхоз на подшефную работу и "сбор остатков" возобновился только в сентябре. Из обзванивания остальных стало ясно, что они ссылаются на мнение других: как все. Поэтому было важным выцарапать денежки у главарей, уже признавших факт обсчета. Сашу из Подмосковья взял на себя Володя, много раз звонил, тот все откладывал встречу. Наконец, Володя сам поехал к нему электричкой, нашел дом, но застал только жену - и объясниться с ней не решился.

Столь же неудачно проходили переговоры с Толей, который раз за разом ссылался на "отсутствие денег" и на желательность сбора бригады. Наконец, я попал на саму Валентину. Слава богу, трубку не бросила, как прочие. Объяснил, что вынужден звонить, а если пойму, что обещание Толи - очередной блеф, то буду вынужден писать на работу обоим. Валентина удивилась, что Толя не отдал десятки, которую брал у нее для этой цели (значит, опять пропил) и объяснила, что она отдавать какие-либо деньги мне не собирается, после нанесенных ей лично оскорблений и угроз

ареста, конфискации имущества, ругательств - все это со слов Толи. Настала очередь удивиться и мне, а потом объяснить: считаю главным виновником в произошедшем Толю, но до сих пор уверен, что все это произошло не без участия и ведома Валентины, а потому и считал возможным жаловаться и на нее. После ее уверений, что ничем таким Толя с ней не делился, и в расчетах она не принимала участия, я считал за благо поверить на слово - "извиниться", если это правда. Извинения были с готовностью приняты, и встреча с Толей - твердо обещана. Честно скажу, что, хоть и извинился, а нет у меня уверенности в невинности Валентины (как Валерия) - уж слишком умна и близка Толе эта женщина. Но даже если какие-то шансы моей неправоты есть - лучше извиниться. Тем более, что это делало Валентину союзницей. Действительно, через несколько дней Володя все же встретился с Толей и после долгих разговоров, по Володиному определению - "изворчавшись весь" тот отдал за себя и Валентину.

Получив деньги от 5-х из 11-ти, можно было сослаться на мнение большинства, включая бригадира. Теперь я приступил к переговорам с двумя преподавателями хим.вуза. Один из них отказался разговаривать со мной и Володей по "этическим мотивам", другой разговаривал много охотнее. Этот последний, Игорь, тоже считал себя обиженным, рассказывая, что ему из какой-то неучтенной в расчете премии (оказывается, была и такая!) выдали лишь 9 руб. вместо 30 р., а при выдаче основных денег просто обсчитали на 25 р. - он это обнаружил лишь в самолете, и потому о том молчит, но считает, что мне он выдавать ничего не должен - "пусть они расплачиваются, раз меня надули". Говорил, что сочувствует моей "борьбе с негодьями", но у него на это сил и времени нет, да и методы мои - в общем, не совсем этичны, пахнут вымогательством.

Я ему твердил, что даже по компромиссному, согласованному со всеми варианту, у него лично находится часть наших денег - и я прошу вернуть из нее только часть (9 р.), поскольку остальную часть его доли (26 р.) выплатили

остальные члены бригады, и это много больше, чем какие-то недоданные ему в премии рубли ...- Он снова поворачивал на прежнее, желая вместе с тем мне успеха и интересуясь "ходом борьбы". Наконец, мне это надоело, и когда я объяснил коротко: пишу на обоих в партком вуза и забываю об этих деньгах - согласился встретиться. Еще один тур убеждений, и, со вздохом, мне передаются 9 руб. со словами: "Ну, ладно, деньги, конечно, небольшие..." - Просто удивительно, как этому благополучному, разумному, убежденному в своей "этичности" интеллигенту, наверняка способному выбросить сотни рублей на ерунду вроде автомобиля - жалко этих 9 рублей! Удивительно. Ни малейших сомнений в этичности полученных им самим денег и упрямое желание, чтобы не он, а кто-то иной вел "грязную борьбу".

Еще через несколько дней мы получили очередную долю от второго "химика-этика". Теперь осталось не отдавших только 4 человека, из 11-ти - почти безнадежных, по нашей оценке. Надо было писать на них жалобу - дело очень неприятное, и потому мы непроизвольно тянули с ним: вдруг одумаются. Володя пробовал уговорить меня бросить все, не мараться, утешая - что "они все равно где-нибудь споткнутся и еще больше". Я не соглашался: чем раньше стукнуть, тем и им, и нам лучше будет, а перекладывать свой долг на других - не дело. Порешили в последний раз повоздействовать через телефоны, а потом уж делать этот непоправимый шаг. Мне особенно жалко было Сашу из подмосковной милиции: работал он хорошо, да и деньги бы отдал сразу, если бы не влияние Сергея. Поскольку у меня был его домашний адрес, то отправил его жене письмо с просьбой повоздействовать и избавить от осложнений его карьеру. Видно, не помогло, или не попало адресату в руки. На Володины звонки Сергей ответил окончательным отказом, не прореагировав даже на предупреждение: "Не взъщи, но будем писать на работу"; Саша Я. ответил матом; третий - тоже сотрудник МВД - ответил, что посоветуется с Сергеем и сам позвонит, но не позвонил и, наконец, до четвертого никак нельзя было

дозвониться на работу, а домашних координат его не было. Володя через сотрудников просил передать этому четвертому (между прочим, очень наглomu парню, из активистов-расчетчиков) наше предупреждение, а через день убедился, что этот текст ему передан. Так что все четверо были предупреждены о последствиях, и совесть наша был спокойна.

10 октября мы с Володей после работы засели за составление своей жалобы, уточнив предварительно адреса. Брат Володи, работающий в системе МВД, высмеял нашу затею, убедив, что наша жалоба не будет иметь никаких последствий, ибо там работают в основном провинциалы, люди грубые, жалоб на милицию идет очень много, и такие мелочи привыкли просто игнорировать. Мы соглашались с этой оценкой, ну что ж? - важно лишь самому сделать все возможное. Для большей действенности свою жалобу мы направили в Министерство внутренних дел, а копии - трем партбюро (четвертого мы не смогли узнать), рассчитывая, что даже если МВД бросит эту жалобу в корзину, то местные партбюро вначале встревожатся таким "высоким адресом жалобы" и сами предпримут посильные им меры. Документ был озаглавлен "Жалоба на недостойное поведение сотрудников МВД ... и примкнувшего к ним ..."

После краткого описания событий следовало следующее:

...И только упомянутые члены бригады - сотрудники МВД ... отказались исправить эту ошибку... они вполне сознают ошибочность перерасчета, но не желают возвращать положенные нам деньги, цинично опираясь на полученные обманном путем расписки. Ведь именно... Сергей... подключился к пересчету на последнем этапе и произвел неправильное суммирование причитающихся нам денег, шумел, что очень поздно, надо скорее кончать расчеты и старался нас запутать (что ему и удалось). В последующем он отказался не только отдавать деньги, но даже разговаривать на эту тему, пренебрегая даже тем, что мы вынуждены будем сообщать об этом на его работу. Видимо, он совершенно

уверен в своей безнаказанности. Видимо, он убедил в этом и остальных своих партнеров. Честно говоря, мы не ожидали такого поведения от своих коллег по шабашной работе, тем более от сотрудников МВД, готовых замарать свою честь, лишь бы не отдавать 9 руб.

Мы считаем несолидным такое мелкое шулерство для сотрудников МВД, считаем, что к ним необходимо применить соответствующие воспитательные меры, чтобы в будущем они не допускали таких позорящих МВД поступков.

Просим сообщить о результатах в установленные законом сроки во избежание дальнейших жалоб по адресу: ...

Дабы подчеркнуть принципиальность позиции, мы намеренно опустили требование оставшихся денег. Тем не менее, через неделю с чем-то ко мне пришел перевод на 9 р. от Сергея, а 3 ноября пришел такой же перевод от Саши Я., а еще вскорости и документ от начальника отделения милиции, где он работает:

Сообщаю, что Ваша жалоба рассмотрена, с тов. Я. ...

проведена беседа, предупрежден о недопущении в дальнейшем подобных фактов. Деньги, в сумме 9 р., он добровольно выслал в Ваш адрес.

От начальника отделения милиции, где работает Сергей Б., ничего еще не было, но думаю, с ним была проведена "работа" посуровее - и заслуженно. А из управления кадров МВД в адрес "т. Сокирко" поступила еще одна любопытная бумага:

Ваше заявление, поступившее в МВД СССР, поручено рассмотреть руководству Главного управления внутренних сил Мосгорисполкома, откуда и Вам будет сообщено о результатах.

Меня эта бумага и тревожит, и радует. Радует, что МВД откликнулось, и что на их сотрудников все же можно найти управу. Тревожит, не быть ли от этого беды: ведь все же жалоба - донос в МВД! А приведешь в действие эту машину, бог знает, кого она заденет и накажет - может, больше

невиновных? Кажется, нет, а все же тревожно и мучает сомнение в собственной правоте. - А надо было ли?

Итоги. Итоги еще не подведены окончательно, из московской милиции ответа пока нет, но думаю, что он будет довольно мягким, в духе уже присланного от начальника Саши Я. И думаю, что этого будет вполне достаточно для предупреждения будущего зла. Правда, остались еще двое незатронутых, не отдавших чужого - ну и бог с ними, они тоже будут предупреждены, что увернулись от наказания лишь случайно. Но какие мои предварительные и основные выводы?

Я называю шабашку 1982 г. - самой неудачной. И это действительно так, если судить по деньгам за затраченное время, силы и нервы. Но она не была нулевой в материальном смысле и была богата на жизненный опыт. Даже за вычетом недоданных нам 18 руб, каждый из нас заработал по 500 с небольшим рублей (вернее, получил от бригады), а за вычетом дороги и месячного питания мы привезли домой чистыми и в виде подарков - около 320 рублей. С учетом, что это заработок за четыре недели, что на еду надо тратиться в любом месте, такой результат - хоть и не похож на средний шабашный, но и лучше нулевого, нормальная оплата трудной работы. И такой результат - тоже хорошо.

Кроме того, мы пожили в экзотической стране, Володя познакомился с Самаркандом, я сильно загорел и научился кладке стен, мы познакомились с современными хозяйственниками и простыми узбеками и казахами. И самое главное: выдержали столкновение с нечестными людьми, сумев добиться пусть частичной, но победы, воспользовавшись помощью хороших людей (только с двумя из военной академии мне и хотелось бы оставаться в знакомстве) и помощью государственной власти. И хорошо, что власть пошла здесь навстречу нам, шабашникам, ограждая интересы честных шабашников от нечестных.

Значит, на будущее, нам особенно надо следить, чтоб не оказаться нечаянно в подобной же безнравственной ситуации (как очутились ребята из академии). Сейчас я

думаю: слава богу, что Толя нас пытался обсчитать на равных, без выделения, допустим, Володи в худшую сторону (поскольку к нему были претензии) - насколько мне сложнее было бы... Правда, думаю, что я выдержал бы и такой соблазн, но все же... Нет, только принцип равной оплаты равных людей, только коммунистичность может спасти человечность отношений.

И еще: на шабашку в Среднюю Азию, с ее разгулом хищнического, азиатского, нелегального капитализма, нет, рвачества, лучше не ездить. Очень трудно и сложно заработать большие деньги честно, по крайней мере, таким, как мы, шабашникам. Лучше оставаться в России.

Ну, а в этот год, заработанных нами небольших и потому хотя бы честных денег вполне хватило, чтобы оплатить летнее семейное путешествие в Белоруссию и Литву. И это хорошо!

Сценарий диафильма «Дустлик,1982г.»

(Первоначально этот диафильм был второй частью общего рассказа о поездках 82 года. Слайды с номерами 1-86 теперь выделены в диафильм «Харьков», куда мы сопровождали Витиного отца на встречу однополчан)

87. Шабашка в Средней Азии

88. Для путешествия с детьми нужны деньги, и потому с благословения жен мы отправились в Среднюю Азию, в ныне обводненную Голодную Степь.

89. Ранним утром 21 июня, радужно настроенные, прилетели в Самарканд, но вместо работы пришлось в первый же день гулять

90. по древнеазиатской столице и ее базару

91. поверхностными и ленивыми туристами.

92. 22 июня - выезд

93. В этом вагончике на окраине Джизака мы провели следующие два дня в тоскливом ожидании и жуткой жаре,

94. пока заказчик не решил нашу судьбу, отфутболив еще дальше и обнадежив большой зарплатой.
95. Районный центр этой голодностепской земли с неизбежным памятником Ленину напротив неизбежной милиции. Еще 10 лет назад здесь ничего не было, кроме пары казахских и одного узбекского аулов.
96. Вода перевернула жизнь, передала эту землю узбекам под хлопок. Сюда понаехали русские, татары, армяне, греки, цыгане и пр. И вся эта интернациональная буйная смесь под крепкой рукой азиатской милиции была объявлена городом Дустлик, что значит - "Дружба".
97. База Сельхозхимии, куда нас направили на ремонт подъездных путей, и где мы проболтались без инструмента и мастера еще пять дней.
98. Идет выгрузка нитрофоски или иной гадости. В тени вагона Аким - бригадир грузчиков. Жара, пот, разъедающая соль, но Аким смеется: за 400 в месяц - это очень хорошая работа. А вот разгружать ядохимикаты за 500-700 в месяц он никогда не пойдет. Там за год-два человек умирает.
99. Наконец, приехал дорожный мастер Алексей. За час все рассмотрел и отвел нам фронт работы.
100. Вдвоем мы начали вскрывать асфальт и разбирать вручную заржавевшие рельсы. Работали по-шабашному, с 8-ми утра до 9-ти вечера, стремясь наверстать упущенное время.
101. Только в обед или ближе к ночи мы позволяли себе купанье в мутном канальчике
102. вместе с аульскими ребятами.
103. Для жилья нам и будущей бригаде дали три комнаты на бывшей автобазе, где в первые дни мы расчистили от хлама двор,
104. обустроились, как могли, навесили замок, провели свет - не столько для себя, сколько для приезжающей бригады. Под густой кроной айвы и инжира сколотили из автомобильных кузовов громадный стол и лавки, и от того хорошо стало.

105. Но главное чувство было иным. Очень беспокоила нас неизвестность. Мастер Алексей так больше и не появлялся. Обещанного инструмента и техники не было, аванса тоже. Азиатские обещания двоились и казались обманом.

106. Еще больше тревог было связано с приездом московской бригады. Пока ее не было, мы могли только начать работу, а ее появление все откладывалось, повергая нас в тихое отчаяние: что, если совсем не приедут? - Ведь сами мы этой работы не поднимем. Неужели все зря?

107. А если приедут, а работа не пойдет, окажется обманом - как мы сами будем смотреть в глаза ребятам, оказавшимся невольными обманщиками? Как оправдаемся в своей расторопности?

108. Но вот, наконец, ребята приехали. Теперь нас стало 12 здоровых мужиков и одна хваткая женщина-повариха. Среди них три старших офицера-академика, три работника МВД, два вузовских преподавателя, да и остальные - люди ученые, инженеры.

109. Со второго дня врубились в работу на базе, а поняв, что рассчитывать только на нее опасно - нанялись по соседству и на другие объекты - строить столовую, а потом и бетонировать пол в ПМК.

110. Почти две недели напряженной работы сблизили нас с прежде незнакомыми людьми, такими же москвичами, заинтересованными в заработках для семьи, как и мы.

111. Особенно здесь, когда поднимали стены по кирпичику, под жарким солнцем, когда раскаленный кирпич шипит от воды, как сковородка, а раствор сохнет почти на лету. Для меня эта стройка особенно дорога. Впервые преодолел свою "скромность" и работал не подсобником, а каменщиком, на деле овладевая древним мастерством.

112. Конечно, вперемежку с общими авральными и бетонными работами

113. или блаженным умыванием здесь же, в баке воды для раствора.

114. Наш дом рос. Рос и объем сделанного и на базе, пусть не так, как хотелось бы. Двигались и иные работы.

115. И это вселяло в нас спокойную уверенность, что все будет хорошо, и даже маленькую гордость: все же мы работали для людей и, конечно же, надеялись, что они тоже нас уважают и не обидят.

116. О, конечно, здесь было не без ругани, не без ссор и даже "выяснений отношений" - но шабашная коммунистическая работа все сглаживала, выковывая трудовое братство, сродни дедовским артелям.

117. А что - разве плохие мы дети своих отцов на этих стенах? Ну, хотя бы этот бравый сержант милиции Саша?

118. Или фатоватый и чуть ленивый, но такой обаятельный милицейский лейтенант Серега?

119. Но почему столь непрочным оказалось это трудовое братство, разлетелось под ветром денежной неудачи?

120. Вот наш бригадир Толя Лямзин с женой Валей - это хозяева бригады, которым мы сами доверили всю власть над собой, и не могли не сделать этого.

121. Валентина - весьма примечательная женщина. Она не только повариха - она убирала дом, обстирывала, закупала и обменивала продукты. Зная местные обычаи и языки, она установила связи

122 и с соседями, и с милицией, от родственников за 100 км доставала спецодежду и документы.

123. А еще важнее, что Валентина была главным советчиком Толи. На стройплощадке Толя бывал редко, а время свое проводил в начальственных кабинетах, имея при себе неизменный "дипломат" с нашими паспортами, деньгами и иногда - "подарками начальству".

124. Так уж мы воспитаны, что испытываем только благодарность людям, взявшим на себя опасные и не совсем чистые функции отстаивания наших интересов в жестком мире азиатских начальников.

125. 20 июля окончился наш трудовой месяц. Вечером, напутствуемые поручениями бригады и пожеланиями доброго пути, мы с Володей собрались в Москву.

126. А утром уже ходили по Ташкенту, радуясь скорой встрече с прохладной Москвой, но мыслями все еще оставаясь в бригаде.

127. Здесь, в Ташкенте, мы имели на руках только 100 рублей аванса, не покрывшего даже стоимости дороги, - и немалые тревоги за оставшихся ребят: не надует ли их Азия?

128. Но не тогда, а лишь через три недели в Москве мы узнали, что не только Азия бригаду, но и бригада в лице бригадира и его актива, обманула нас двоих, заплатив в 3 с лишним раза меньше оставшихся, меньше двух сотен за месяц шабашного труда. Конечно, мы стали спорить и выцарапали примерно столько же,

129. но все шабашные воспоминания теперь перечеркнуты денежными страстями, в которые бригадир обдуманно втянул всю бригаду.

130. Вот Саша Яковкин, мой коллега-каменщик. Сначала спокойно обсчитал нас, а потом азартно торговался, когда был вынужден согласиться на пересчет. Последние же зажиленные 9 рублей пришлось вытребовать прямо через его милицееское начальника.

131. Вот Бартонь - компанейская "душа общества", а в Москве, в конце пересчета, как опытный картежник, сумел передернуть итоги, выдав нам в доплату не 360, а 260 рублей. С него эти деньги также пришлось получать через милицию.

132. Но что еще хуже, что и порядочные, хорошие ребята были втянуты в безнравственное противостояние с нами, и потому расстались мы с некоторыми отнюдь не дружественно. И это - наша главная потеря.

133. И, наконец - руководящая пара. Герои нового экономического времени, забывшие мораль коммунистическую и не приобретшие буржуазной; москвичи, вдруг обернувшиеся разновидностью азиатского начальства.

134. Я теперь решил больше не ездить на шабашки в Самарканд, в Азию. Наобещают много, а потом обманут.

135. Ведь Азия строилась подневольным трудом, под властью всяческих царей и вождей, где человек мог выжить лишь обманом. Говорят, так было и будет.

136. С этим трудно согласиться, вспоминая наши встречи с великолепными памятниками труда и хорошими простыми людьми.

137. Вспоминаю знакомых узбеков и казахов в Дустлике и

138. строительную неудачу на одном из таких подворий, когда возводимая нами из сырого земляного кирпича терраса рухнула.

139. И стыд перед древними строителями, способными из непрочного местного материала и в условиях деспотии работать все же хорошо, на века.

140. Дустликские дети с визгом-хохотом вместо ледяной горки съезжают

141. на голых полах по мокрой глине. Им жить в будущем под азиатским

142. начальством, но среди заветов древней культуры и упорного труда.

143. И нам невозможно поверить, что их будущее трудовое братство не смоем повадки московски-азиатских хапуз,

144. прибавив к культуре веков новые труды и достижения...

Сценарий диафильма «Шабашка в Новом Узене.1983г.»

1-2. Из впечатлений пустынных встреч

3. Я не собирался в этом году на шабашку, оставив отпуск для похода с детьми на Мезень, а отгулы мечтал истратить на чтение и жизнь

4. на даче, где еще с весны, вот с этой поездки с друзьями меня ждали дом и земля, манила возможность спокойной работы по своей воле и

5. надежда во всем разобраться, понять.

6. Журнал № 1. "Шабашка - 83"

Но неожиданно возник казахский вариант. Позвонил давний шабашный бригадир: "А может, вместо севера, снова на юг? Условия? - Сам понимаешь... Можно на месяц, лучше раньше..."

7. И я соблазнился. Хотелось реванша за прошлогоднюю неудачу.

8. В ночь на 6 июня мы уже прилетели в Шевченко, столицу Мангышлака, знакомую еще по 79 году. Но вместо того, чтобы дать погулять по его улицам

9. и выкупаться в его холодном море, нас встретил прораб Андрей и, не мешкая ни минуты, повез 150 км юго-восточней - в центр нефтяной

10. пустыни. Только раз остановил, когда заводской автобус пересек самую глубокую в Союзе 130-метровую впадину и взобрался на соседний кряж - чтобы и нам осмотреться, и шоферу - присесть - размяться,

11. да и самому белоголовым орлом обозреть привычные места, а главное - дать остыть мотору перед следующей сотней км пустыни, где

12. жухлая зелень держит жизнь только у задвижек на водопроводе из Шевченко.

13. Прибыли в столицу нефтяников - районный Новый Узень. Не доезжаем до центра и сразу сворачиваем на окраину к местному гиганту -

14. Казахскому газоперерабатывающему заводу. После очередной аварии-взрыва здесь форсировали реконструкцию компрессорного цеха. Но новейшие французские компрессора нуждались в однопролетном помещении. И вот недавно выстроенный двухпролетный цех взорвали, а для сверхсрочного изготовления новых фундаментов пригласила шабашников, т.е. нас.

16. Таковы причины нашего появления здесь, на бывшей автобазе у заводского огорода, превращенного нами в площадку для изготовления металлической опалубки и

бетонного литья. Работать мы начали сразу после обеда в тот же день, успев только оформить технику безопасности, пропуска и общежитие. Успеем еще выспаться. Ведь мы же шабашники, а значит, утерянное время - наши же утерянные деньги...

17. И понеслась месячная непрерывка с 8-ми утра до 10-ти вечера. Ни вздохнуть, ни охнуть. Трудно, конечно, особенно на жаре, но зато сейчас - хорошо...

18. И в самом смелом сне не привиделось бы мне, что как шабашник я окажусь на такой важной стройке, связанной с международными обязательствами Советского Союза. Что нам, шабашникам - и такое доверяют. Впрочем, меня тешил не патриотизм, а удовлетворение от реального признания системой такой формы свободного экономического труда, истинного, а не газетного подряда, как шабашные бригады, восприимчивые старинных русских артелей.

19. Правда, числились мы не шабашниками, а работниками стройуправления. Правда, не все просто было в нашем положении и не так уж безусловно было наше признание. Скорее, нас не хотели признавать, но желали во всю использовать. И все равно, в душе жила немалая гордость: хотя презираете нас, а нашими руками все это содеяно. Только хорошо ли все, что мы делаем?

20. В бригаде было 12 человек. Из них только четверо приехали в первую смену: два интеллигента - чернорабочими (это я с Володей), и два рабочих-специалиста (Коля с Сережей). Да еще Андреич, конечно - вот и вся бригада, работавшая в июне, по крайней мере, за восьмерых... Все перевернулось в этом мире, но стало с головы на ноги и, может, мы приобрели истинную ценность, только став помощниками у Сергея

21. и Николая. Согласен, звучит страшиновато, по-китайски, но нас это не обескураживало, напротив, давало возможность овладевать рабочими навыками, крепить силы, ставило в правильные отношения с людьми.

22. Впрочем, мы появлялись на площадке и в более открытом, даже, скорее, обнаженно-интеллигентском виде. Андреич ругался за технику безопасности - но ведь жарко! Он ссылаясь на азиатскую специфику, на смущение черкешенок-огородиц, закрытость казахов, но мы ведь - русские, и прилетели сюда по доброй воле, с открытой душой, т.е. телом.

23. Признаюсь: мне особенно повезло. Пользуясь своим положением старшего в июньской смене, преодолевая глухое сопротивление Андреича, я занимался даже газовой резкой и электросваркой, и тем сильно поднял степень своего самоуважения.

24. Но главное наше с Володией приобретение - это общение с Николаем и Сережей - молодыми, ловкими в работе и уверенными в себе ребятами, недавними москвичами из лимитчиков. При всем своем превосходстве над нами они были удивительно скромными и чуткими в общении.

25. Коля, наш профессор по сварке, не забывал подшучивать над собственной похожестью на плакатных героев труда, развешанных по всей Москве.

26. Сергей - "гонщик", экскаваторщик, бетонщик - несмотря на молодость, отец двоих (по крайней мере) детей (впрочем, Коля - тоже), кавалер двух трудовых орденов-медалей и пр. и пр., тоже не мог обойтись без смеха и вышучивания самого себя с вечной присказкой: "Ну, ниче-ниче-ниче-ничего...", без флирта с молодыми огородницами или, проще,

27. айналайнами. Вон, они видны... Конечно, когда наш прораб испарялся с площадки, потому что понять интерес кого-либо к этим якобы "грязным азиаткам" было выше его сознания белого человека. Впрочем, еще больше разделяла нас с Андреичем авторитарность его повадок и в работе, и на отдыхе. Он мог, например, пойти на ненужную выпивку, но вот на единственную и согласованную с бригадиром в Москве

28. поездку к морю он так и не дал согласия. Пришлось пойти на самоуправство. Воспользовавшись его пятничным отъездом к семье в Шевченко, мы в субботу рванули работу

до предела газорезательного ресурса, а воскресенье сделали отдыхом.

29. Утром, без всякой подготовки, отправились в Новый Узень, надеясь попасть на ведомственный автобус к морю. Намеченный автобус мы прозевали. Магазины были

30. закрыты. Только напоследок и удивительным образом купил эту удивительную книгу про русский Север Белова "Лад". Как шутил потом наш московский знакомый, ее следовало бы хранить в пустыне,

31. а вот продавали в пустыне...Смотреть нам что-либо в этом удивительном, роскошном для пустыни городе, а на деле таком провинциальном и грустном - было нечего, и мы решились идти пешком 70 км до моря, надеясь на попутку.

32. Так и вышло. Полчаса хода и час с небольшим попутного автобуса доставили нас к вожделенному морю.

33-35. День свободы на фетисовском берегу... Единственный день воспоминаний о 79-м годе с детьми на таком же мангышлакском берегу, день тоски неразделенных с Лилей впечатлений. Море здесь ровнее, т.е.

36. теплее - с островами на горизонте и отвесами материка за спиной. Весь день писал письма, бегал по окрестностям и разбирался...

37. Что изменилось за прошедшие 4 года? - Со мной почти ничего, со страной - многое. Ушел Брежнев и с ним, надеюсь, ушло принципиальное нежелание идти на радикальные реформы. Но будущее пока неясно.

38. Да, провозглашены новые эксперименты, взят курс на бригадную форму труда по конечному результату, т.е. на контролируемое шабашничество. Только выйдет ли что путное? И кто будет определять конечный результат? - Вот что важно... Начальственное самодурство? Собственная корысть?

39. - Или объективный контроль рынка, т.е. нынешнего народа, и суда совести (Бога), т.е. интересов будущего человечества? Только как понять? Где же искать ответы, как не в опыте предков?..

40. Заглохшая в колючках дорожка привела меня к заброшенным жилищам, может, остаткам старого Фетисова, прижавшегося к холмам для защиты
41. от штормовой волны и сбора редкой дождевой воды. До сих пор в распадке зелени больше. Старого Фетисова уже нет. Исчезла пустынная деревня каких-то русских и казахских рыбаков, растворился их опыт жизни... Смерть духа - страшна...
42. А может, их дети, а с ними - память - живы? - Наверное, так, нельзя грешить сомнением в бессмертии души людей, здесь живших. Наших предков. Может, подобно лесковскому очарованному страннику, они, взамен богоспасаемых пустынь Севера, вдруг оказались в пустыне юга, строили
43. дома, ловили рыбу. А сейчас их потомки строят города и добывают нефть...
44. Нет, не могу примириться, что отдыхающие на берегу жители Нового Узеня - лишь временные постояльцы, однодневки вроде нас, своекорыстные наемники, зашибающие деньги и мечтающие лишь об отъезде.
45. Что этот берег никому не дорог, что он бездуховен и беспамятен. Быть этого не может! Рано или поздно, а настоящие люди возьмут свое, заселят и очеловечат эту землю, станут ей родными.
46. И жаль только, что нас среди них почти не будет. Мы, нынешние шабашники, как колобки без почвы: приехали-уехали... Какая от нас память? - И стало муторно в себе: пора кончать шабашить на стороне, пора о своей подумать...
47. К вечеру распрощались с морем, оторвались-таки и покатали опять
48. в жаркую пустыню, родину казахов и верблюдов. Их тут много - и частных, и государственных, вернее, ведомственных. Они даже к нашей раб. площадке приходили, гордо, как послы, или даже как учителя пустыни.
49. А завершился этот единственный день черным дымом в пустыне перед самым подъездом к Узеню. Мы не знали, что случилось там? -

50. Авария? Или прощe - бесхозяйственность?.. Но никого из попутчиков в автобусе этот дым не трогал. И только через две недели,

51. урвав час времени от обеда, я отправился на разведку, в обход завода, по каким-то верблюжьим тропам. И оказалось, что на берегу целого озера неиспользованной нефти из черной земляной трубы горит ненужный сегодня попутный газ - ценнейшее сырье. Жар не позволял мне подойти

52. ближе, но я знал: возмущаться глупо; наверняка, и это "аутодафе" запланировано технологией, оправдано несбалансированностью планом, нехваткой транспорта, емкостей, мощностей, черта и дьявол. Вишь, как шпарит, выжигает шансы на существование будущих детей.

53. Се ля ви... Так уж жизнь устроена. Даже на модерновом, космической серебристости ГПЗ постоянно пляшут огнистые языки - как выражается Андрич - наших несбывшихся джинсов и рубашек. И это уж точно, предусмотрено проектом и планом, приравненным у нас, как говорится - к закону. Безумному, бездумному закону, расточающему эту пустынную землю,

54. сжигающему почву будущего... И я в этом, свободный шабашник - как наемный винтик ГПЗ, активный участник? Так хорошо быть шабашником или плохо? Угодно Богу или дьяволу? Неужели за всю свою жизнь я так и не пойму этого? Так и не удастся мне сделать свою жизнь осмысленной и доброй?

55. Возвращался я через окружающие завод свалки. Частые авария и еще более частые реконструкции выбрасывают за ворота завода массу изуродованного и просто списанного оборудования - год за годом. Так что скоро это новейшее предприятие будет, наверное, не просто

56. окружено свалками, а погребено в них. Нам же эти завалы отброшенного труда были даже удобны: нужно что, не надо связываться с муторным снабжением, пошел на свалку и добыл.

57. "Ниче-ниче-ничего... Переживать только не надо..." - А кто, Сережа, тогда переживал? Это только сейчас, на слайды глядя - что плохо мы

58. все же живем, раз и наши тамошние труды кто-то скоро взорвет, бульдозером на свалку бросит и по ветру память развеет...

59. А пока мы добились большого "успеха": заложили первый большой фундамент... Когда пришел сюда директор ГПЗ, то пожелал иметь такую штуку под Бюст Ленину на заводе...

60. Был выполнен и заказ сторожа Казбека. Как только мы завезли под его охрану металл, он сразу заказал: "Мне нужен большой топчан... для детей, для гостей... Андреич Казбекову правоту понимал, но угрюмо отмахивался на потом. А Казбек все улецивал сварщика Колю. Наконец, воспользовавшись очередным отъездом Андреича и моим

61. попустительством, топчан был "сварен". Коля даже написал сваркой: "Дяде Казбеку от Коли. г. Москва". Старый Казбек победил... Бывший директор школы, старый партиец, домой он уходил только в западноевропейском костюме... Андреич ворчал: "Какой он партиец, старый басмач, обыкновенный казах и имя его поддельное, на деле какой-нибудь "бай". Мы не возражали, кто его знает, дед и вправду жаловался на бесполезность партийных взносов, но дружбу ребят с ним это не нарушало.

62. А испортились отношения лишь тогда, когда Казбек вознамерился повторить топчан - для соседа, поменьше, но наткнулся на единодушный отказ. Пытался дед что-то собирать сам, но ничего не вышло, злился, ругался и делал мелкие пакости, подтвердив в целом несимпатичный мне скепсис Андреича. Нет, Казбек одевался много чище нас, был почти местным европейцем, интеллигентом, но, может, именно потому и оказалось столь пустым наше общение с ним, почти ничего от памяти и опыта его земли.

63. Наверное, я сам виноват, но не сложились отношения и с Андреичем, украинцем по происхождению, но выросшим и привыкшим к пустыням и до сих пор неспособным с ними

расстаться. Пробовал вернуться на "щиру Украину", но там - все куркули, бандеровцы, а на Мангышлаке все друзья и готовы помочь в беде... Но эта романтическая идиллия людских отношений, по Андреичу, не распространяется на казахов, туземцев, стоящих как бы вне круга белых людей. От его реплик просто несло Кипплингом, благородством плантатора-южанина.

64. Андреич - работающий и творческий человек, изобретатель и рачительный хозяин, нефтяной механик и строительный прораб, любящий работать не только головой, но и руками. Золото, а не человек - для подрядной

65. бригады. Однако подчиняться ему как руководителю нам было сложно. При внешней мягкости-скромности он был самолюбив и давил характером сталинской выделки. Где уж тут говорить о смысле нашей жизни?

66. И вот прошел наш месяц. Приехала основная бригада - старые шабашники, такие же интеллигенты, которых я знаю и по Хабаровску, и по Печоре, и по Мангышлаку.

67. Наконец-то приехал "бугор", заменивший Андреича на площадке.

68. Основная бригада заработала сразу, перенимая наше хозяйство и переводя его на свой ритм. Жаль, что совместных с ними дней было мало. Жаль, что через три дня мы уезжали, оставляя ребятам и свои пожелания успеха, и свои надежды. Да, конечно, надежды на хорошие деньги

69. тоже. Ведь уезжали мы в Шевченко, к московскому самолету не с плюсом, а с приличным долгом семье, и только от конечных результатов бригады

70. зависело наше оправдание - хотя бы перед семьей.

71. Что же касается более важного оправдания перед людьми и миром, то об этом надо еще думать и обращаться к опыту северных предков.

Разные сценарии диафильмов 70-х

Сценарий диафильма «Наши встречи со Средней Азией»

Перепечатывая дневник 66-го года, я удивлялся, насколько за прошедшие годы мы стали суше и рассудочнее, насколько старше. Сейчас наши суждения, может, обоснованней и глубже, но гораздо беднее непосредственными впечатлениями. Как быстро и легко мы сходились с людьми в своей молодости, как жадно и неразборчиво вбирали весь открывшийся мир, пусть даже без разбора. Что делать: рассудок сушит чувства. И в отношениях наших к Средней Азии это началось сказываться очень давно.

Путевые слайды 66-го года были сгруппированы в два диафильма, но не сразу, а лишь спустя два года, в одну из пауз бурного 1968 г. Диафильм «Фаны» писался легко и просто, по дневнику. Сказались только уже прошедшие два года: Фаны стали любимым воспоминанием, а стержнем диафильма стала не путевая гордость - зазнайство, а светлая печаль по уходящей молодости.

Гораздо труднее сколачивался сценарий «Среднеазиатских городов». В дневнике была зафиксирована лишь сумма разрозненных впечатлений любопытного туриста от встреч с людьми. На слайдах же осталась история в архитектуре. Диафильм требовал исторических разработок. Этого же требовало мое тогдашнее настроение.

1968 год - подписи под протестами, чехословацкая весна, меморандум Сахарова, а потом войска в Праге, суд над демонстрантами, отказы. От смелости - к страху, от радости - к горю, от надежды - к отчаянию. После августа 68-го

преобладало второе, а мысль билась: «Почему?» Знакомство с русским Севером, с историей Новгорода и Пскова толкало на признание: Россия изначально была Европой, страной традиционной свободы и вечевой демократии. Но все испортило влияние Востока, Азии: Азиатчина. Образ Сталина и Мао Цзе-дуна постепенно совместился у меня с образами Чингиз-хана, Тамерлана и других, менее великих восточных деспотов.

Так, архитектурные памятники среднеазиатских городов, постройки деспотов и их слуг, вдруг стали для меня символами азиатчины и сталинского деспотизма, виновником всех наших несчастий. Мотив обвинения стал центральным стержнем диафильма, целью (может, неосознанной) - нагнетание ненависти к азиатчине и Азии. Эпизоду с холерным карантинном была придана трагическая окраска. Им начался диафильм, и им закончился. А в виде вступления был показан Куня-Ургенч, разрушенный Чингизом. Даже светлые кадры нашего путешествия по Аму-Дарье были призваны подчеркнуть: «Не верьте Азии! Она оборачивается карантинном». Все же основное содержание: картины Ташкента, Самарканда, Бухары, Хивы разворачивались как воспоминания сидящих в карантине пассажиров и размышлявших на тему о неизбежности азиатского деспотизма (Самарканд), о неизбежной отсталости и догматизме азиатской учености (Бухара), о фатальном застое (Хива). Кончался диафильм, правда, обвинением нашей собственной азиатчины, но по настрою он слился с отрицанием всей Азии. И в этом обернулся противоположностью нашим первым впечатлениям и дневнику.

Так получился этот почти пропагандистский диафильм, один из худших у нас. И не только для зрителей, но и для нас самих. В него было вложено столько чувства, столько наиграно боли (на деле относящейся не к Азии, а к сталинщине), что самому было стыдно слушать эту мелодраматическую рисовку. А главное, - в нем странно дисгармонировали мрачный текст и

радостные в целом кадры, страдальческие интонации и наши внутренние добрые воспоминания.

Задача 68-го года замутила и исказила впечатления 66-го. Но чем дальше, тем больше я осознавал нашу неудачу. Показ этого диафильма практически прекратился. Концепции вины Азии, как таковой, начали у меня проваливаться в тартарары. Стало проясняться, что в отсталости России Азия виновата не больше, чем Европа.росло понимание, что деспотизм, азиатчина совсем не тождественны Азии, ее культуре, что, наоборот, когда пытаются силой переделать Азию (или Россию) - в Европу, получается злейший деспотизм-азиатчина. И напротив, уважение и развитие исконной азиатской культуры - демократично, свободно - это и есть западный стиль жизни. И потому все старые памятники в древних азиатских городах, запечатленные на наших слайдах, - не противники нам, а близкие друзья и союзники.

А диафильм - стал нам противником. Спасти его можно было только переделкой, на которую мы и решились после второе поездки в Среднюю Азию, после повторного посещения Самарканда. Очень захотелось сопоставить свои новые и старые впечатления - в одном фильме. И не скрывать собственной эволюции. Так появился второй, расширенный текст диафильма «Наши встречи со Средней Азией», куда прежний диафильм вошел составной частью. Только кадры Куня-Ургенча и Фирюзы, связанные с персидской культурной традицией, ушли в диафильм «Огонь Баку»...

Примечание: текст 1966-68г - в кавычках.

1-2. Наши встречи со Средней Азией (1966-1976)

3. *10 лет назад впервые поезд вез нас на встречу с таинственной глубокой Азией.*

4. *И что хотели, то увидели: и красивые Фанские горы, и древние города, и экзотику восточного быта. Наелись впечатлений до отвала и были очень довольны своей поездкой вдвоем.*

5. Мы начали с Ташкента, где в первый раз столкнулись с узбеком, ненавидевшим русских, и почувствовали, что значит тезис: «горит земля под белым человеком».
6. Самарканд ошеломил нас великолепием тимурских развалин.
7. Бухара удивила многочисленностью и сохранностью средневековых медресе-училищ.
8. А Хива - нетронутостью всего старинного быта.
9. 10 дней мы провели в Фанских горах, удивительных по красоте вершин и расцветке горных озер.
10. На долгие годы Фаны стали нашим любимым воспоминанием.
11. Возвращались домой мы по Аму-Дарье и через Арал. Но послушайте наш старый диафильм:
12. Часть I. Аму и Арал
«Водичка Аму-Дарьи. Снилось она мне потом, не раз. Сплошная глина. Такой тяжелой воды нет ни в одной реке мира.
13. Еще больше поражает изменчивость расхода. Не верится местным, что вот в этом месте река обмелела настолько, что из Ходжейлы в Нукус на танцы ходили по колено.
14. Но больше поражает мощь воды - откуда у реки в пустыне такая скорость и сила? На наших глазах она сбрасывает в воду огромные глыбы земли и тут же уносит их прочь. Буквально на наших глазах сжирался берег.
16. Еще назад два года перед поселком были бахчи и огороды, а вот теперь река бьется рядом с домами. И все ждут конца. Ведь именно так смыла Аму-Дарья город Бируни, смыла, несмотря на громадные усилия по спасению старой столицы Каракалпакии.
17. Отсюда мы начали свой водный путь на Север.
18. Два дня тащился маленький колесный «Новороссийск» с караваном в 4 баржи.
19. Расстались мы с ним только в Аральском море. Это были замечательные дни. Проезд - бесплатно, каюты - бесплатно,

питание - с командой, не то, что бесплатно, а с уважением, как гостям.

20. Команде работы хватало, ну, а мы вместе с капитаном наблюдали за нею с мостика. Только на седоусого капитана-узбека можно было смотреть целый день и удивляться его патриархальной простоте обращения с подчиненными и знанию повадок Аму-Дарьи.

21. А что стояли рассказы о местных джунглях - камышовых тугаях, где водятся фазаны и кабаны, а ранние - тигры.

22. Эти камыши с бесконечным однообразием тянутся по обе стороны реки, и только облака саранчи над ними.

23. Однако встречаются и люди. Юрты каракалпаков. Вся команда отправилась к этой юрте на туй - помолвку: водка и плов, дыни и лепешки. Мне тоже разрешили сесть в круг с мужчинами, но пришлось укрывать голые ноги.

24. Ради туйя караван, не задумываясь, пристал к берегу на несколько часов.

25. А ночью снова остановка - для сна.

26. А разве мы забудем покупку у рыбаков усачей по рублю штука?

27. А усачевую разделку и засолку? Для нас этот кадр олицетворяет все приволье и сытость незабываемых тех дней.

28. Однако на берегах Арала был установлен холерный карантин, и нам пришлось вернуться самолетом назад, добраться до Ашхабада, и лишь оттуда - домой, пообещав себе вернуться вскоре».

29. Не удалось нам приехать в Среднюю Азию на следующий год. Желание увидеть Русский Север, а потом и всю страну - пересилило. А потом, в размышлениях над русской историей, всплыло старинное обвинение Азии в застое и плохом влиянии на Русь. Наша первая радужная встреча стала окрашиваться в мрачные тона. А когда мы делали диафильм, то это настроение вылилось в какой-то вымученный, ложный пафос. Вот послушайте начало того диафильма в отчаянном 68 году:

30. *«Аральское море! Прекрасный Арал! Море в пустыне - само пустыня.*

31. *Со своим морским флотом из двух судов всего лишь.*

Однако нам не удастся уплыть на этом корабле, хоть и остается всего пять сотен километров, чтобы вырваться домой, в Европу, прохладный и уютный дом.

32. *Но этот путь закрыт! И нас увозят с корабля. В Кара-Калпакии залятье, холерный карантин. Насильно нас везут, в тоске жестокой, к жару и пыли, тяжелой вони базаров и грязной детворы, к ужасным воспоминаниям о старой Азии - надменности эмиров-ханов и тучности наставников и мулл.*

33. *Не надо этого! С нас хватит Азии с величием Тимуров и Чингизов, и правоверности ее довольно! Домой, скорей домой, в наш скромный и прохладный мир.*

34. *И море нам сочувствует, спокойно. Но люди не пускают из Азии, как будто встарь, как будто вернулись времена побегов неудачных из страшной басурманищины. Вот берег близко, но сколько времени придется нам томиться на этих берегах?*

35. *Сейчас попали мы в Муинак, вцепившийся в песчаные наносы Аму-Дарьи, поселок без воды и зелени, без прочной связи с внешним миром. Короче говоря, холерный карантин грозил нас задержать надолго в Кара-Калпакии, и мы бежали через юг».*

36. *Тягостно и стыдно слушать сегодня самого себя. Но, говоря о нашей встрече со Средней Азией, я не смею скрыть, каким был раньше, не смею подновлять. Что было в 68 году, то было. И потому, послушайте концовку.*

37. *«Мы приехали, чтобы самим увидеть грозную и ненавистную страну, что долго давила нашу родину и изменила ее судьбу. Нам это не удалось. Лишь в Самарканде вспоминали это, глядя на руины тимуровских построек.*

38. *Однако, уже в море, болтаясь на барже, в ожидании морского путешествия, мы поняли, что не там искали страну единой веры и мирового культа, войны и гибели людской, что*

Бухара, Хива и Самарканд здесь не причем. Так что же, Азия мертва? И не грозит нам больше? Наверное, так.

39. Давно ушел от нас последний Тимур - Сталин, забрав с собою в смерть ужасы и рабство. Давно уже свободны мы и не боимся собственного слова, письма и мысли. И даже наследники Тимуров нам страшными не кажутся. Ни те, что дома, ни те, которые с китайских стен грозятся размозжить нам головы цитатниками Мао.

40. Спокойно спится нам на барже - ведь завтра предстоит безоблачное счастье пути домой... Однако, вспомните: на утро нас, спокойных ротозеев, захватит Азия врасплох и потянет властно к себе на берег, в холерный карантин. И, ради бога, будьте дальновидней».

41. С годами я изменился во взглядах на азиатскую вину. В русской отсталости скорее виновен Запад, а вернее, наши предки и мы сами, а правильнее - срединное положение, география, судьба! И нечего искать виновных!

42. А когда привелось прочесть книгу казахского поэта Оджаса Сулейменова «Аз и я», где он сводит счеты с такими, как я, невольными хулителями Азии, - мне стало нестерпимо стыдно.

43. Просто исправить этот диафильм было б слишком легким наказанием. Сохранить его и выявить для всех свою ошибку, это тяжелее, но и полезнее. Поэтому мы сохранили весь старый текст.

44. «Часть II. Древние столицы».

45. Самарканд. 1966 г.

46. Для кого как, а для нас восточный город начинался с базара.

47. Мы долго бродили мимо его рядов и лавок.

48. Для полноты ощущения пили зеленый чай.

49. И смотрели, как это делают другие.

50. Жадно, радостно впитывали мы впечатления. Ну, как было не удивляться спокойствию, с которым орудует торговец мясом в клубке роящихся ос?

51. А как было не заглядеться на дело чеканищика по меди, который работает сосуды, как и тыщи лет назад, или, скажем, во времена Тимура.

52. Гробница Тимура - знаменитый Гур-Эмир, и сегодня окружена легендами и суеверным почитаньем. Чего только не рассказывали нам о мавзолее величайшего человека, который сделал Самарканд столицей мировой империи, строил и украшал его, свозил сюда богатства мира, золото и драгоценные камни, оружие и утварь искусных ремесленников и рабов.

53. Нам говорили о сильнейшем запахе роз в Тимуровой могиле, о несметных богатствах, вывезенных из мавзолея. И это, наверное, лишь малая доля легенд, связанных с именем Тимура.

54. Так почему же этот садист, хромоногий изверг, весь в крови с головы до пят, до сих пор жив в памяти народа и будет жить? Почему именно с ним олицетворяются прекраснейшие памятники той эпохи, труд народа, в то время как имена самих строителей давно пошли прахом? В чем же тогда справедливость народов? Их потомков?

55. Да что там правители и ханы - в памяти народа остались дети и жены ханов, сами ничего не значившие. Только прихоть истории нарекла именем Биби-ханым - китайской принцессы и жены Тимура - огромную и роскошную мечеть.

56. Но, как и все великие замыслы тиранов, эта постройка, начатая по личному указанию Тимура, оказалась внутренне непрочной, тяжелой и рухнула уже через несколько лет после возведения.

57. Рухнула, оставив нам память о талантливости и героизме рабов-строителей, и о невежественной гордыне и идиотской непреклонности преобразователя и покорителя мира с его лозунгом: «Кто сомневается в нашей власти и щедрости, пусть посмотрит на наши постройки». Вот теперь мы и смотрим!

58. А теперь отправимся в мавзолей других самаркандских повелителей, менее грозных, но избегавших давать своим подчиненным невыполнимые задачи.

59. В ансамбле Шах-и-Зинда - 11 мавзолеев, и строились они в течение двух веков. Невзрачные и серые снаружи, внутри они полыхают яркими красками, фантастически сложными узорами каменной резьбы, майолики, терракоты и пр.

60-61. Почему придумана масса ученых названий, но это не убавило их способность восхищать и радовать любого человека.

62-63. Триста ступеней ведут наверх вдоль мавзолейной роскоши к могиле «святого и живого» царя Куссон-ибн-Аббаса. Он был идеологом, проповедником ислама, как единственной на свете истинной веры, и по преданию, дух его до сих пор живет в одном из глубочайших колодцев мавзолея.

64. И сейчас паломники-мусульмане ходят сюда за обычные музейные 10 копеек, шарахаясь в сторону от туристских толп. Ходят, утверждая Аббасову память, подтверждая, что и проповедником «единственно истинной веры» может быть обеспечено бессмертие. Но почему же, почему у этих азиатов в такой чести народной лишь тираны и проповедники, Аббасы и Тимуры? Но успокойтесь. Мы слишком уж сгустили краски. Ведь живы имена великих ученых, поэтов и философов народа. Ведь жив великий Улугбек!

65. Регистан - это центр города. Это его старый торговый кремль и монастырь из трех старинных медресе.

66. И первое среди них, старейшее, всего на 100 студентов, построил Улугбек в 1420 году. Он положил начало.

67. Глухие стены снаружи отгораживали мир науки от шума, а внутри в просторный двор входили художры-каморки студентов.

68. Говорят, что в этом медресе преподавал сам Улугбек, хотя он и был великим ханом Самарканда и внуком самого Тимура.

69. Но, прежде всего, он был ученым, защитником науки и искусства, а роскошь его построек - лишь дань обычаям.
70. А вот другие медресе, построенные много позже, уже не стали светильниками точных знаний и науки. В них главным стали лишь детали учений и украшений.
71. Это медресе «Шир-дор», что значит «тигры и солнце».
72. А это - «Тиля-Кари» - «покрытый золотом».
73. Улугбек не имел наследников в своей стране.
74. Он был крупнейшим астрономом, на сотни лет опередил Европу, он был поборником науки и гуманности. И Азия за то его сожрала, убила руками сына, равнившегося к власти.
75. Обычная история с убийством ученого в те средние жестокие века. Но если в Европе после такого убийства наука продолжала жить в других: в монастырях или в городах, или княжествах отдельных, то здесь она погибла вместе с Улугбеком.
76. И в этом вся трагедия, что не было наследников. Покорному народу его наука не была нужна, а фанатичным муллам, поборникам «единой правой веры», она была противна.
77. Вот этот звездный секстант муллы разрушили и засыпали, как только не стало Улугбека. Зачем им звезды? Лишь в наше время раскопали и частью восстановили инструмент.
78. Его обсерватория! Мы смотрим с парапета мемориала Улугбека на это маленькое здание. Внизу - огромный Самарканд. Он был всегда! А дальше - громадный азиатский материк - и в нем одна лишь капля улугбековской учености. Какая темь над миром! Какая чернота! Как страшно!
79. В ней все погибло. Сам Улугбек и его дело. Попытка начать науку, просвещение. Росток прогресса может удаться не сразу, не везде. И много будет неудач, пока блеснет успех. Но потому - славна попытка Улугбека!
- 79а. Мемориал Улугбека стоит на холме рядом с обсерваторией и посвящен ему от имени узбекского правительства. Кажется, что такой почести не удостоился

никто из среднеазиатских древних. Но Улугбек достоин этого. Дело его удалось в Европе. И вот теперь оттуда наука завоевывает мир. И Азию, конечно.

80. Бухара - 1966 г.

81. Бухара - крупный промышленный и вузовский город, знаменитый с X века.

82. С эпохи саманидов, от времени которых остались труды бухарца Авиценны и этот мавзолей «Исмаила Саманида». Удивительно гармоничное здание. Кирпичиками, как ковром, сотканы стены.

83. Веками правоверные мусульмане твердили: - священная, благословенная, благородная Бухара - источник знания, мудрости и веры.

84. И до сих пор в городе существует духовное мусульманское училище - лишь слабый отблеск прошлой мощи университетской Бухары с 10 тысячами студентов-мусульман.

85. Самым большим из всех училищ было медресе Кукельдаш. В нем училось 300 студентов. За 15-20 лет учебы, они запоминали наизусть тексты и премудрость 132-х священных книг.

86. А большие книги не имелось, ибо муллы тщательно оберегали чистоту мусульманского учения от любых ревизионистских нововведений.

87. Нам странно слышать о таком методе обучения, способном лишь убивать поэзию и ум. Но не забудем, что это - Азия.

88. Каждое бухарское медресе - это не храм науки, а скорее полит-духовное училище, готовящее армию идеологов, способных убеждать народ и, если надо, то вести на бой с «неверными» «гяурами» или умниками.

89. Каждое из бухарских медресе давало цель и веру, а больше ничего не нужно. Ведь впереди сияющее счастье рая, а сейчас пусть будут только эти стены, каморки, книги, скудная еда, седобородые имамы, благочестивые ходжи. Так было раньше.

90. Сегодня правоверный с тоской смотрит на опустевшие святыни благословенной Бухары. А новое ему противно.
91. Какой позор! В святых жилищах поселились семьи, прорезали глухие стены в окна и оглашают музыкой людей.
92. В старых торговых куполах торгуют книгами безбожников.
93. Дымят чудовища-машины, не столько пылью, как бензиновой гарью. Железные дороги, самолеты, неверные гяуры полонили землю, лишили святости Бухару. Какое горе для народа, его души и будущего счастья.
94. Так думает, наверное, правоверный, но изменить он ничего не может. Исчезла сила прошлых лет, когда веками все по-старинному стояло.
95. А я почти не жалею, что меняются нравы и обычаи, ведь вместе с восточной экзотикой исчезает и пыль, грязь, бедность, скученность, болезни и память о страшных тюрьмах, о жестокости в них палачей.
96. Арк - типичный средневековый замок-крепость - резиденция бухарского эмира.
97. Его глинобитные стены сохранились не полностью, и от всех зданий внутри осталась лишь небольшая часть.
98. Каким же бедным и хилым выглядит так называемый тронный зал, похожий слегка на декорации в театре. Нет, трон был, и Лиля не зря себе рисует картины склоненных подданных.
99. Все это было. Решетка на камнях трона.
100. Решетка входа в тронную святыню - тоже правда. Но фальшь здесь в самом главном - в поддельном могуществе бухарского эмира.
101. Мы это четко ощутили, бродя по залам летнего эмирского дворца в Махасе вблизи Бухары.
102. Каждый зал отделан по своему. Это - белозеркальный зал.
103. Вазы, подарки, часы от русского царя - рядовая коллекция туземного царька.

104. Да, собственно, эмир таким и был. Его дворец нам показался восточным подобием усадеб Шереметьева - та же пышность, богатство на липовой основе, штукатурка по дереву. Старинным и грозным величием уже не пахнет.

105. И это к лучшему! Мы это знаем, ведь чем бедней живут сверху, тем богаче и сытнее живут внизу!

106. Мы бродим по бухарским улицам, большие вечерами, когда смягчается жара-удушие. Ходим по безрадостным и серым бугристым переулкам и тупикам, собирая предметы быта мусульманского Оксфорда

107-111.

112. Прощаясь с Бухарой, мы пришли к Ляби-хауз, к извечному месту отдыха бухарцев. Хорошо здесь, уютно от деревьев, воды и старинных зданий. Это - ханака Диван-беги.

113. А напротив - медресе Диван-беги.

114. И на обоих зданиях - тонкий виртуозный рисунок на фоне ярких красок...»

115. Сегодня, перебирая старые кадры, мы думаем, в чем правильно, а в чем неправильно судили о бухарской учености. И судим себя словами Сулейменова:

116. «Молодая цветущая Европа, морща носик, рассматривает из окна вагона хромую, согбенную старуху Азию. Трудно юной эгоистичной особе поверить, что морщинистая баба-яга некогда была энергичной дерзкой красавицей.

117. И тяжелые драгоценности, которые она вынесла к поезду на продажу, украшали когда-то ее гибкую шею и бились, сверкали на высокой груди. И звонкую речь ее слушала древняя Греция и старцы Египта».

118. Принимая эти слова на себя, следует вспомнить, что такие духовные училища-зубрилища были не только в Бухаре, но и в Европе. Не только медресе, но и монастыри. Дело не в Азии или Европе, а в средневековом догматизме, везде ужасном.

119. Но ведь из монастырей, из споров богословов и схоластов и родилась европейская философия и новая наука. Пусть это был очень долгий путь логической науки.

120. Наверное, история считает роскошью повторяться. Один раз родившись на христианской почве, новая наука сделала ненужной схоластику Бухары в этом смысле, да и любую другую схоластику. Опоздали мусульманские медресе, опоздали партийные школы.

121. Однако может они нужны и сегодня? Хотя бы для переходного обучения людей, повязанных традициями и к иному не способных? - Не знаем.

122. Но, глядя на эти восточные университеты, вспоминая нудность звучащих в них поучений,

123-124. не забудем, что живущая в них Азия - наш прямой родственник, почти прародительница.

125. «Хива - 1966 г.

126. Хива долго не покорялась русским войскам, и, даже признав себя русским вассалом, последний хан Эсфандияр продолжал строить свою столицу вплоть до 1920 г., когда был обезглавлен басмачами за измену Исламу и переговоры с красными.

127. Минарет Исмаила был выстроен в 1913 г.

128. А эта европейская почти постройка с хивинским орнаментом появилась в 1912 году.

129. А этот конус, в просторечии - «коротышка» - память о грандиозных планах хана построить высочайший минарет. К счастью, не хватило всех денег Хивинского ханства.

130. Хива оказалась в стороне от дорог и это «спасло» ее от новых кирпичных построек. И сейчас хивинцы строят дома с наклонными стенами и угловыми башенками,

131. и обязательным узором на деревянных дверях.

132. По-прежнему тянутся в Хиву на базарный день арбы с огромными колесами, истошно кричат ослы, под крышей чайханы роятся тучи мух, шумит цветисто-халатное кипение базара.

133. Во внутреннем городе Ичан-кале торгуют лотки под куполами ханского тима и караван-сарая.
134. По-прежнему ходят мусульмане в старые мечети и медресе, даже не притворяясь экскурсантами и радуясь на
- 136-137. сохранность всех орнаментов.
138. По-прежнему почитаем и храним мавзолей Пахлавана Махмуда, богатыря, героя и поэта.
139. Приходят, чтобы поклониться его надгробью.
140. По-прежнему границы внешнего города Душан-кале не вышли за свои пределы, а старые ворота служат проездом для местного транспорта.
141. По-прежнему целы глинобитные стены Ичан-кале, хотя и обвалена часть стен для удобства проходов, но восстановить легко можно.
142. И только древние бани Ануша заброшены и молчаливы.
143. Да, страшно запустела ханская резиденция Куня-арк. Хозяина уже нет давно. Все осыпается, ломается, зелени, может, и не было, ковры унесены, вода в бассейне исчезла, как исчезли и красивые наложницы из айвана-гарема.
144. Не лучший вид из тронного зала. Только здесь Хива мертва и ясно, что Хива-столица больше не поднимется, но Хива торговая, ремесленная, мусульманская - жива».
145. Есть в марксистской теории такое понятие «азиатский способ производства». Оно неразрывно связано с определениями: неизменность, застойность, традиционность.
146. Старые среднеазиатские столицы как раз и демонстрируют нам эту застойность в течение веков.
147. Ну, а в XX веке? - Что ж, концентрация власти и нетерпимость официального учения остались в той же, если не в большей силе. - А это главное... Однако поостережемся делать сразу выводы. Посмотрим новые столицы.
148. Часть III. Новые столицы.
149. «Ташкент - 1966 г.

150. Говорят, по столице судят о всей стране, но у Ташкента совсем европейский вид,

151. а после землетрясения, следы которого мы часто видели, он станет еще более современным.

152-155, 156. Что же осталось от Востока? - Немного. Шумит и волнуется вечный базар.

157. Носят женщины местные шелка.

158. Не пустуют недавно выстроенное медресе и

159. еще в сталинские времена воздвигнутый театр Алишера Навои.

160. И многие из ташкентцев продолжают жить вот в таких убогих глиняных домишках того же возраста».

161 Ашхабад. 1966-1976 гг.

Лишь одной ночью да утром в аэропорту ограничилось наше пребывание здесь в 76-м году. Зато 10 лет назад мы гуляли здесь больше двух суток. По этому проспекту Свободы, бывшему Сталина, а еще раньше - Свободы.

162. Купались в недавно прорытом к городу Большом Каракумском канале, бродили по Ботаническому саду,

163. ходили в музеи и на выставки, глазели на фонтаны и памятники,

164. не особенно задумываясь, кому они и зачем, а просто удивляясь роскоши туркменской столицы.

165. 8 рядов деревьев - прохлада даже в жаркий день.

166. Солнцезащитная архитектура, перепевы порталов медресе и мечетей, тонкие деревянные колонки, традиционные мотивы в европейских зданиях.

167. Нечто подобное мы видели еще при Сталине на сельхозвыставке в Москве. И эти детские воспоминания наводят настроение праздничного представления, выставки богатства будущего.

Но все это лишь на главных улицах.

168. Десяток метров за такое здание, и начнутся редко ремонтируемые дома, а то и бараки, а еще дальше -

169. пустыня, времянки, кибитки, Азия...

170. Центральная площадь Ашхабада, города-сада, который нам так понравился. Не похож он был на древние столицы, с их глиной и изразцами.

171. В глаза бросились только различия. И душу наполнял торжествующий оптимизм. Это было в 1966 году.

172. Алма-Ата. 1976 г.

В Алма-Ату мы прилетели ночью, проспав ее в придорожных

173. кустах. Но этот снимок сделан еще в Домодедово, где мы переживали отложенный полет. Летишь самолетом - не забудь взять палатку!

174. А утром следующего дня, вышли на первую экскурсию в Алма-Ату. Ну, здравствуй снова, Средняя Азия!

175. Здравствуй, базар. - Фрукты дороги. Но мы не изменяем своей мечте. Загружаем сетки яблоками, дыней, грушами, виноградом, хлебом и

176. двигаем к центру, в парк, к музею, поглядывая на высящиеся прямо над городом Тянь-шаньские горы. Завтра нам предстоит близкое знакомство с ними.

177. Доходим до собора. Пожалуй, эта резная игрушка из Тянь-шаньских елей - главная достопримечательность. Спокойно выдержала страшные землетрясения.

178. Вечный огонь в парке - память о героях формировавшейся здесь памфиловской дивизии. Грудью защищали они кремлевские зубцы - здесь это выражено просто. Неизбежный пионерский караул вызывает почему-то стыд, а не гордость.

179. В Волгограде или Севастополе, где люди хранят память о тяжести военных лет, такой караул еще может быть посильным для чувств нынешних ребят, для их гордости за отцов. Но когда вечный огонь становится модой или приказом, а караул - рутинной обязанностью, то что, кроме затупывания естественной памяти и гордости, может получиться от этих маршировок?

180. На главных улицах Алма-Аты остановлен транспорт, для торжественной встречи вывели школьников, служащих: «Кунаев принимает Брежнева».

181. Приехал он лишь к вечеру. Встречающие освобождено приветствовали, остальные без транспорта, чертыхаясь, шли пешком. Тогда мы и подумали: и здесь прогресс налицо. Раньше выезды владык тоже обставлялись очень пышно, но масштабы сегодня и расходы существенно выросли.

182. Нынешняя столица Казахстана, бывший город Верный, возникла более 100 лет назад, как первая опорная крепость в рывке русских колониальных войск на юг. Отсюда, с Востока до Каспия, началось «добровольное» присоединение к Европейской России среднеазиатских государств в пику английскому господству в Индии. Верный был распланирован по-военному и в своей одноэтажной части остался совсем русским городом.

183. Но имя Алма-Ата? Но памятник Абаю и другим казахам? Это просто фасад. Да, Абай сегодня смотрит на удивительные изменения в своем народе. Такого он себе, наверное, и представить не мог. Но разве об этом он мечтал? Разве это схоже с привольем, свободой и счастьем в родных степях?

184. Сзади Абая стоит дворец спорта с огромным портретом под гигантской золоченой крышей под пагоду. В другом месте, другим русским божеством смотрит лицо другого Ильича. И разве этого желал Абай своим казахам?

185. Да, красивы улицы Алма-Аты. Но мы уже другие. И наше удовольствие от красивого зрелища не утверждает примитивный оптимизм: в новых зданиях - новый дух! Теперь мы видим расхождение архитектурного модерна с тягуче прочной традицией восточной власти и бесправья. Ведь эти здания строились не людьми, а центральной властью. Только если раньше Тимур брал образцы и самих строителей из Ирана и Багдада, то теперь их выписывают из Москвы и Европы.

186. Неясная тревога возникает: красив город, отстраиваемый центральной властью. Но ведь он лишился средств и места под солнцем другой, не казенный город,

который мог бы возникнуть тут, если б строился свободно, по желанию людей, их воле...

187. Фрунзе. 1976 г.

В столицу Киргизии мы попали через неделю после Алма-Аты, после горного похода.

188. Автобус доставил нас на турбазу, и на пустыре за ее забором мы поставили свою палатку. Великое дело - турбаза!

189. А утром, по заведенному порядку, фруктовый базар, музеи.

190. На наше счастье, исторический музей работал. Но слишком невежественны мы были, чтобы с толком овладеть его богатством. Нас интересовала история в событиях и людях, а нам предлагали антропологию и этнографию.

191. А вот музей искусств был закрыт и нам остался лишь сам город, как основной музей.

192. Городская история совсем проста. Еще одна русская крепость Пишпек была переименована в честь родившегося здесь Фрунзе. Под стеклом хранится его родной дом.

193. В парке рядом - множество маленьких елок с табличками посадивших их высоких партийных товарищей - «лично» или «по поручению», как у Брежнева.

194. От ЦК тянется фешенебельная улица - стекло, бетон, модернистские палисадники-скверы. Дом политпросвещения, пропаганды, министерства, партикола...

195. Мы поначалу удивлялись: чем ретроградней учреждение, тем более модернистскую, более западную форму оно себе выбирает. Что это? - Разложение? Прогресс? Нет, скорей завистливость хозяев.

196. И еще мы осознали: именно отсталость среднеазиатских республик влечет руководство - свое отбросить, чужое перенять, да побыстрее, радикальней и решительнее. Сильной властью.

197. Но чем быстрее мы примемся «догонять» и разрушать свое, тем больше оснований для укрепления деспотизма, азиатчины. Нам говорят: улучшим жизнь, догоним. Но это

значит: копировать Запад в технике, сохранять Восток в жизни.

198. Нет, нет, не слушайте. Мы сами запутались в своих сомнениях и подозрениях. Зеленый ухоженный город, мы можем лишь догадаться, что он мог бы быть самобытнее.

199. И выразительнее в иных условиях. И лишь грустим о неразумной спешке. А может, мы просто постарели и потому не можем всякое новое считать прогрессом?

200. Все новые столицы Средней Азии разительно отличны от старых. Между ними нет связи, преемственность почти фиктивна. Волей руководства воздвигнут здесь Запад по форме и в этом, как ни странно, одно из тяжких обвинений.

202. Часть IV. Фергана. 1976г

203. Увидев 10 лет назад долины Зеравшана и Хорезма, на этот раз для главной встречи со Средней Азией мы выбрали Ферганскую долину - самый древний и большой оазис трех народов сразу: киргизов на горах, узбеков в котловане, таджиков у ее горла.

204. Поля, селенья, снова селенья, сады и виноградники, и хлопок, хлопок, хлопок! Труд, труд, работа из года в год, из века в век. Тысячелетья...

205. В цепи тяньшанских и памирских гор Фергана - второе понижение после Иссык-куля, но заполненное не морской водой, а бесплодным без воды песком.

206. Вода здесь, в общем, есть, и не только с ближайших гор; но и от Сыр-Дарьи.

207. В прошлый раз мы видели Аму-Дарью, а в этот - познакомились с Сыр-Дарьей. Могучая река, водное изобилие. А выше по течению - изобилие безводной Ферганской пустыни. Для ее освоений не хватает лишь техники и человеческих рук. Даже на эту небольшую и густонаселенную долину - не хватает рук!

208. Близлежащие плоскогорья кажутся пустыней, но это не так. Здесь весной выпадают дожди и сеют хлеб

209. и, конечно, пасут скот. И не только.

210. Идет добыча угля, руд, нефти, перерабатывают ее на химию... Фергана - это целый отдельный мир и может жить самостоятельно, как это и было раньше.
211. Однако, сейчас в Фергане главное - хлопок. Пахтакор! Монокультура! Госпожа и владычица ферганцев. Сентябрь - начало уборки, и везде мы видели склоненные в полях фигуры.
212. Заботливо поливаемые и подрыхляемые летом кусты хлопчатника нежно расцветают, и к осени его цветы оборачиваются ватными
213. коробочками семян. Ловкие пальцы разворачивают коробочку и срывают свою белую добычу.
214. И так куст за кустом, между за межой, гектар за гектаром, быстрее и быстрее, одной, нет, двумя, тремя руками, зубами.
215. Пока не придет автомашина, чтоб каждый сдал свой сбор и мог разогнуться малость. Колхозники, студенты, школьники, рабочие, служащие. С середины сентября вся Фергана на поле.
216. Мы надеялись увидеть, как работают комбайны. Но говорят, им еще рано. Капризны и прихотливы, не то, что дешевые руки.
217. И было даже стыдно глядеть на согнутые спины из окна автобуса, как будто то были рабы на обозреваемых туристами плантациях. Приходилось повторять себе - мы же в отпуске, домой вернемся - пошлют на картошку...
218. Везет нас автобус по Фергане. Тонко ухмыляется интеллигентный шофер: «Желаете увидеть басмаческий город Коканд - пожалуйста, покажу!» И усмехается над его головой Сталин в генеральской форме...
219. Крутит дорога меж полей и селений. Остановки делаем лишь в крупных городах, которых здесь так много, что они порой сливаются в один.
220. Это - Маргелан, родина знаменитого Бабура, первого из индийских императоров - Великих Моголов. Старорежимный

город. 1976 год - мимо проходят две женщины в глухих темных чадрах, однако, заснять в упор я не решился.

221. Истратил кадр на чайхану. С 66-го года вид чайханной публички, конечно, изменился. Халатов и чалмы стало меньше, чем пиджаков и мундиров. Однако чай пока пьют.

222. И снова мелькают придорожные кусты, дома и люди. С Востока на Запад и с Севера на Юг. Мы посетили два райцентра, два областных города и, наконец, Коканд.

223 Узген

В древнюю столицу Караханидского государства, а ныне

224. районный центр Узген мы попали поздним вечером, в проливной дождь. И потому вместо палатки ночевали в закрытой гостинице.

225. Утро было неприветливым. Где-то внизу бежит Кара-Дарья. А земля пучится остатками древних жилищ, могил, размытых укреплений, давая лишь зацепку глазу, лишь повод разгуляться воображению о некогда грозной крепости на великом шелковом пути из Китая в Европу.

226. Дожило до нас немного: минарет, да три мавзолея. Украшены они вязью кирпича не хуже древних мавзолеев

227. Саманидов или хорезмшахов.

223. Конечно - это провинциальная культура. Ведь Узген был столицей небольшого государства и недолго.

229. Но в том-то и соль, что искусство везде искусство. И в провинциальной глуши оно может стать иной раз плодотворнее мировых столиц.

230. Небогат прошлым современный Узген, но мы не пожалели, что сделали сюда крюк.

231 Ура-Тюбе

«Древней его только Шахристан» - так отрекомендовал нам город зав. народным (т.е. бесплатным) музеем.

232. Зав. утверждал, что эти холмы над городом тоже суть древние крепости, но ничего стоящего мы там не нашли, только вытопанные, выжженные плещи.

233. А вот это - раскопки в Шахристане. Но и здесь, кроме ям, мы ничего не увидели.

234. Конечно, это не Крым, не Греция с культурой тесаного камня, а Азия с необожженным кирпичом и глинобитными стенами. Все рушится и разрушается. Здесь жизнь уходит быстро в землю, сметая за собой следы.

235. И кажется, что все холмы сложены из глины старых построек. Черета людей берет ее и строит из нее, чтоб после бросить, все позабыть и снова взяться за прежнее.

236. Мобильность эта, «прогрессивность» в азиатском духе многим не нравится. Нам - тоже. И все же не забудем упрек Сулейменова: было время, и звонкую речь ее слушала древняя Греция и старцы Египта.

237. В какой пропасти отсталости сидит сейчас Китай! Но сколько веков его мудрость, технология, изобретательность насыщали Европу! А может, это разные вещи: мудрость и благосостояние? Изобретения и умение их эффективно применять?

238. Многие тысячелетия живут здесь люди, мало материальных следов от них осталось, и, тем не менее, археологи что-то находят, разбирают нити прошлого, тянут их в будущее. В будущее вот этого самого Шахристана и Ура-Тюбе, и Ферганы, и всей страны и мира.

239. В Ура-Тюбе мы приехали ночью и по заведенному порядку вышли за его пределы, поставили палатку под каким-то деревом.

240. А утром оказались под старым орехом в заброшенном саду.

241. Яблоками и грушами этого сада мы потом два дня питались. Есть все же прелесть в бродячем образе жизни.

242. И вот, сбросив рюкзаки в музей и выслушав рекомендации, мы пошли на поиски обещанных архитектурных чудес. Плутали в восточных улицах с революционными названиями.

243. Однако найденная огромная мечеть нас разочаровала. Реставрационные леса стоят, видимо, не один год, а за ними трудно что увидеть.

244. Несколько красивых деревянных айванов небольших мечетей сильно застроены и недоступны.

245. И только дойдя до конца города, до средневековой меж холмов дороги, мы отказались от поиска и повернули назад - просто поглазеть на старый город.

246. Вот он - Ура-Тюбе, еще не тронутый районной реконструкцией. Памятник старой Азии, встречи с которой мы так ждали.

247. Конечно, новое проникает и сюда: шифер на крышах, скорая помощь на машине, горячий хлеб в государственной лавке, но это - не самое главное.

248. Нам кажется, что даже когда люди переберутся в стандартные пятиэтажки нового города, они не станут богаче и свободней.

249. Как ни странно, но начало освобождения людей мы угадывали лишь в новых постройках старого города. В том, как люди сами, на основе опыта отцов, но по-новому красиво и удобно строят свой дом. И уж, наверное, надолго. И уж, наверное, не дадут разрушить ни грому, ни горисполкому. Бог им в помощь.

250. Ош

251. Ош - киргизский областной город. В нем нам запомнилась причудливая гора над главной улицей и нудная блочная архитектура в остальных кварталах.

252. Снимать не хотелось. Лишь пару кадров для порядка. Вот река в центре города.

253. А над ней вместо традиционной чайханы с тенистым двориком стоит бетонный ресторанный куб: «Не хуже, чем у людей».

254. Не видим мы здесь старого, а новое построено впопыхах и неуместно. Зато когда сломают - жалеть не будут. Объект для переделки. Азия в бетоне.

255. Ленинабад Совсем другим нам показался древний Ходжент.

256. У него очень глубокая история. Еще жива в парке над Сыр-Дарьей Ходженская цитадель. Как заняли ее когда-то русские войска на время, так и не ушли. Даже из развалин.
257. Две с лишним тысячи лет назад Ходжент звался Александрией Эсхоте, т.е. Крайней крепостью, поставленной Македонским у входа в Ферганскую долину.
258. Для него эта долина, а с ней и будущий Ходжент, была Эсхоте - пределом обозреваемого мира, его северо-восточной гранью. Дальше на север - бесплодные пески.
259. Сейчас Ленинабад служит южной Эсхоте для другой великой державы. Не придет ли ему пора стать западным Эсхоте для еще одной - Китайской империи? Один раз, в 1758 г., это уже было. Как будто пуп земли здесь. Но не будем гадать, лучше посмотрим сам город, а для удобства будем звать его истинным именем - Ходжент.
260. Ходжент На кадре центральная площадь и областной краеведческий музей в мечети-медресе. Попасть внутрь не удалось, и мы лишь обошли его кругом.
261. Из расспросов стало ясно, что таких кварталов в Ходженге больше нет, что, сделав Ленинабадом, его сильно перестроили.
262. А на этот квартал рука не поднялась, и память в камне сохранилась, а с нею достоинства Ходженского происхождения и мудрость его истории. И это преобразжает.
263. Напротив музея стоит огромное здание под старину, под медресе. Конечно, стилизация, конечно, подделка. Но подкупает, что это крытый рынок, удобный для людей, что идут навстречу их материальным и духовным нуждам.
264. И выходя из его огромного зала с авоськами, нагруженными персиками и виноградом, мы, не теряя из вида купол мечети, проникаемся симпатией к древнему Ходженцу, как-то сумевшему уберечь свою память - залог будущей духовной независимости. Ключ к Фергане, перекресток на великой шелковом пути, Ходжент, живет и здравствует!

265. Конечно, город в своей центральной части стал европейским.
266. Зелень, цветы, таджикская ухоженность его облагораживают для людей.
267. И даже тяжелой красоты постройки от сталинских, наверно, времен в цветах и на просторе не давят. Теперь и они память о прошлом, правда, близком.
268. Там, в Черемушках, за Сыр-Дарьей, через которую перекинут новый мост, возможно, все иначе. Но мы туда не ходили.
269. Вернулись к центру и толкались в уличной толпе, любясь таджикскими девочками. Прощай, Ходжент!
270. Коканд Знаменитая узбекская столица сейчас лишь один из райцентров одной из пяти здешних областей, а когда-то подчинял себе Ташкент. Но в наших глазах, он стал главным зрительным фокусом всех ферганских впечатлений.
271. После вечерних гуляний ночевали мы, как обычно, за городом, у обочины какой-то дороги, на помидорном поле, и утром мимо грохотали телеги.
272. Зато встали с солнышком и примчались к музею до его открытия.
273. Музей во дворце последнего независимого правителя Ферганы Худояра-хана. Когда-то он был лишь небольшой частью огромного квартала ханской резиденции, выстроенной Худояром в 1875 году, незадолго до сдачи власти русским благодетелям.
274. Обычно русские представлялись спасителями народов от гнета кровожадных туземных правителей. В Коканде же они явились на помощь хану, осажденному своими подчиненными. Однако, результат был тот же: город взят, восстание подавлено, а спасенный хан потерял фактическую, а потом юридическую власть, а затем и резиденцию.
275. А дворец великолепен! Представляем, как было жаль его хану. Преобладание орнамента зелено-желтой краски выделяют Коканд в нашей памяти особым цветовым пятном.

276. Конечно, дворец сейчас подновляется, но эта реставрация скорее упрощает, осовременивает его под музейную бутафорию, чем выявляют прошлое.

277. Кокандский музей почти неотличим от типового советского музея. Здесь есть весь набор: от оленьих чучел и кремневых стрел до стахановских бригад и последних социалистических обязательств. И лишь где-то в одном из средних залов примостилась история независимого Коканда.

278. Увиденное нами напоминает чем-то бухарский, хивинский и даже бахчисарайский дворцы. И наверно, это получилось из-за глубокого внутреннего сродства всех наших небольших восточных ханств. Их основа - военная сила ханской дружины, басмаческой банды. От европейских ружей и восточной выносливости - их местные победы, но деспотическим, традиционно азиатским было ханское правление.

279. Недолговечным был рассвет кокандской власти, ее подмял под себя еще более сильный хищник. Однако власть белого царя и его губернаторов, мало что внесла нового в отношения людей. За Худояром - белый царь, за ним Сталин. Меняются хищники, их оружие, меняются дворцовые стили. Востока же суть остается.

280. Но не впадаем ли мы снова в грех очернительства? А ведь Коканд нам нравится. И музею мы радовались, и людям, в него пришедшим - ведь пробудившийся в них интерес к родной истории - лучший залог духовного освобождения от азиатчины, этого бездумного бега на месте.

281. Нет, не чернить, а хвалить нам хочется Коканд, прославлять его тенистые улицы и скверы.

282. Ароматные фруктовые ларьки, чайханы и шашлычные,

283. поэтичные могилы и архитектурные памятники,

284. соседство нового и традиционного в одной крепкой жизненной уязке.

285. Нас особенно удивили распространенность и сохранность в городе дореволюционной архитектуры псевдорусского или модернистского стиля.

286. *Ведь Коканд не был резиденцией русских властей, однако, в эпоху капиталистической России для хозяйственного развития важно было не место пребывания губернатора или управителя, а скученность народа, рабочих рук. И вот оказалось, что старый Коканд более пригоден для самостоятельного развития, гражданского и промышленного строительства, чем новые губернские столицы.*

287. *Разнообразные банки, правления, союзы, училища, гимназии. Теперь в этих помещениях, увешанных мемориальным досками, располагаются советские учреждения. И, слава богу, что районный статус не дает им средств ломать старые дома для строительства современных коробок.*

288. *Старые русские кварталы в Коканде остались в наследство от короткого, но плодотворного времени, когда, лишившись звания столицы, его жителям оставили право устраивать свою жизнь по собственной воле. И они устроили ее хорошо.*

289. *Европейские улицы здесь тесно соседствуют с восточными, доброжелательно глядяваясь друг в друга и готовясь к естественному соединению.*

290. *Ходить по восточным улицам нам было интересно и днем и*

291. *вечером, когда старинное изречение: «Мой дом - моя крепость» выглядело особенно убедительным.*

292. *Не надоело заглядывать украдкой через открытые двери во внутренние дворики, как будто там скрывалось что-то таинственное, а не обычный советский быт,*

293. *и доброжелательно рассматривать прохожих.*

294. *Ведь традиционная одежда даже у пожилых исчезает на памяти одного поколения. Вот такая школьница старого Коканда уже не вернется, наверное, к бабушкиному наряду.*

А впрочем, кто знает. В Ходженге мы видели, как носят девушки национальный наряд - как вызов, как самоутверждение.

295. Обычно мы бродили по этим улицам в поисках какого-либо медресе или мечети.

296. До революции их было около трех сотен, но в гражданскую войну, во время столкновений различных революционных течений, автономистов, басмачей и прочих - многое было разбито, а в пору всяческих культурных революций разрушено до конца.

297. Но что дожило до наших дней - теперь сохраняется, правда, иногда своеобразно. Вот мы натолкнулись на здание знакомых форм, но выкрашенного в больничный цвет. Вывеска гласит: районное управление по ремонту сельхозтехники. Радушные хозяева приглашают посмотреть. Да, это бывшее медресе. Механические, сварочные и другие мастерские коптят сталактитовые купола.

298. В бывшее училище мусульманского духа, а ныне часть материального производства свозится на переработку металлолом и среди них вот эти согбенные, в чалмах изваянья. Их сняли с памятника кокандскому поэту, убитому фанатичной толпой в начале века.

299. Теперь стоит памятник в сквере одинокий. Нет с ним рядом его убийцу, и весь эффект пропал. Так здесь защитили добродетель, унизив тем искусство.

300. Мы ходим по Коканду, глазеем на Азию, щупаем ее руками, интуитивно, неизвестно зачем, как будто роемся в собственной истории, в своих истоках.

301. Стены старинного квартала приводят сначала к действующей мечети,

302. а потом к мусульманскому кладбищу. Очень выразительным нам оно показалось. Эти ровные, врытые друг в друга глиняные надгробья-саркофаги так безлики, как и захороненные под ними подданные восточного владыки. Без имени и знака.

303. А над ними только два больших ханских мавзолея. Каждый из них красив.

304. Не трудно отвлечься от серого окружения этих мавзолеев, от мысли, что величие одного обусловлено нивелировкой остальных.

305. И потому мы с удовольствием замечали более поздний разнбой. Добрый знак!

306. Кокандское кладбище демократизируется. Большие здесь не построят пышных гробниц, но не будет и единообразия и ритма серых могил. Это значит, что живут и умирают большие не подданные, а люди!

307. Старик идет в огромную городскую мечеть. Он входит в ее

308. обширный тенистый двор, а поскольку службы еще нет, то он, наверное, займется какими-то полезными в этом особом мире делами.

309. Было время, и мечети служили лишь пропагандистскими центрами насильственной идеологии. Сейчас другое дело: вера в Магомета - стала верой меньшинства, а поддерживать ее и сохранять, значит, защищать свое право на свободу совести и мысли, значит, растить в себе самостоятельного человека.

310. Да, все перемешалось в старой басмаческой столице... Под стройным минаретом разбросаны

311. ярмарочные ларьки и магазины.

312. На узких улицах с трудом разъезжаются повозка с бабаем и автомобили.

313. На современную, в бензиновом чаду улицу выходит кузница с тысячелетней технологией работы.

314. Мимо медресе спешат на занятия студенты. Идут, как ни в чем не бывало. И никому из них уже не приходит в голову мысли о разрушении старого, о тотальной перепланировке. Время культурных революций прошло.

315. Автобусы делают остановку: «Каменный мост». Но вместо древних камней сейчас через реку проложено бетонное недоразумение со звездами на столбиках - плод энтузиазма 40-х годов. Осталось лишь название. До воскрешения моста в камне далеко.

316. Однако, что уцелело, то сохраняется. Тянутся нити традиций, нити понимания, растет воля к действию и развитию. И постепенно Азия, возвращаясь к своим истокам, вспоминает свою давнюю звонкую речь, становится по духу, как Европа.

317. Часть V. Вторая встреча с Самаркандом. 1976 г.

318. Из Ферганы мы выбирались домой через юг, через горы и Самарканд, потому что стало ясно, что без повторения встречи с мировой столицей Тамерлана не будет полной нашей радости.

319. Едем на попутках, как и 10 лет назад, в Фаны.

320. Дорога Ленинабад-Душанбе круто серпантином взбирается на перевал в Зеравшанском хребте. Внизу остались домики последней перед перевалом гостиницы, и лишь

321. памирская, давно знакомая арча сопровождает нас по склону.

322. Прекрасная дорога. Но тяжело гудит мотор. И неудивительно - перевал 3378 м.

323. Да, пешком здесь пришлось бы попытаться. И от таких мыслей сладкой кажется езда в машине.

324. Взобрались на перевал - и без остановки вниз, вниз, в долину Зеравшана. Спускаться пешком полегче, и потому утомительным кажется подпрыгивание в пыльном и тесном кузове.

325. Но вот распахнулась долина Зеравшана со своими разноцветными горными склонами - предверьем многоцветных Фан.

326. А вот и знакомый Зеравшан! Обедать мы заехали в Айни.

327. 10 лет назад мы сюда не добирались, и потому с интересом оглядываемся. Недавно ему присвоили звание райцентра.

328. У центральной площади - старинный минарет. Он сложен из сырцового кирпича, испытал множество землетрясений и все равно стоит почти тысячу лет. Завидное качество.

329. Айнинский минарет нам напоминает, что
330. долина Зеравшана - одна из самых древнеобжитых долин.
331. Она была вся в лугах и лесах и кормила массу народа. Но тысячелетия рубили лес на строительные нужды Самарканда и Бухары, сплавляя вниз по Зеравшану.
332. Пока не извели лес полностью, а долину сделали пустыней. Попробуй теперь, восстанови ее!
333. Мы катим вниз вдоль Зеравшана. Вечером будем в Пенджикенте, а к ночи успеем в Самарканд. Все складывается очень удачно.
334. И, как 10 лет назад, мы жадно оглядываемся по сторонам на Зеравшанские причудливые горы, на мелькающие таджикские кишлаки с их неизвестной нам жизнью.
335. И как в прошлый раз, мы оглядываемся, чтобы при удачном повороте увидеть снежные вершушки Фанских гор и главную вершину - Чимтаргу. Здравствуйте! Фаны! Здравствуй, наша молодость! Вот мы и вернулись, нет, не к вам, вернулись в Среднюю Азию, но как приятно, что и на вас, горы, нам удалось хоть издали посмотреть.
336. В Пенджикент попали на закате солнца и не узнали город. Он вырос, стал красивым, почти курортным. А через 70 км. - Самарканд. В предчувствии его мы теряем рассудительность, как будто обречены на спешку.
337. И потому проходим мимо музея, потом вдоль главной улицы до конца и там, остановив попутную машину, едем ночевать
338. на самаркандскую турбазу. Снова, снова, снова - как 10 лет назад.
339. Самарканд 1976 г.
- 340-343, 344. Мечеть Хозрета стоит высоко на холме древнего города.
345. С ее ступенек отлично видна панорама города.
346. Здесь мы стояли ранним утром и не могли сдвинуться от благоговения. Здравствуй, любимый город! Вот мы и вернулись. Каким же ты стал за эти годы без нас?

347. 10 лет назад эта мечеть не была реставрирована - сейчас она блестит ухоженностью и благородной чистотой.
348. Да, благородством, потому что именно по уважению к предкам, по верности их заветам, по чистоте могил и памятников узнают благородство народа.
349. Перед нами лежал почти родной, известный в главном город. Нам не нужно бежать по нему сломя голову, чтобы все успеть, увидеть, а можно просто спокойно
350. пройти, куда повернет улица и прихоть желания.
351. Ну что ж, мы снова начали с Гур-Эмира. В прошлый раз не удалось, так в этот раз проникли внутрь мавзолея и даже в подземелье.
352. Постоянно влечет к себе загадка власти. Тимур - прообраз всех Сталиных, а Гур-Эмир - прекрасный образец высотных зданий.
353. Жестокие властители, в крови и лести, короче - мерзавцы, они становятся обычно под старость большими меценатами для великого искусства. Примеров много. Самарканд - один из самых ярких. Что это - ирония судьбы? Или Нищие прав, что красота замешана на силе власти и слабости рабов?
354. Этот вопрос возник у нас 10 лет назад на этом самом месте, а вот сейчас пришел ответ: «Нет, ни Тимур, ни Сталин не были создателями красоты, они всегда были и остаются лишь ее погубителями».
355. Да, Тимур согнал со всей Ближней и Средней Азии в свои столицы умельцев-мастеров. Он сделал их рабами. Да, вместе они соорудили самаркандские чудеса.
356. Но насколько больше и лучше они б работали каждый на своем месте, в свободе и радости! И скольких прекрасных зданий лишился мир в целом, чтобы возник только один Тимуровский Самарканд.
357. Как и раньше, вокруг Гур-Эмира узкие и бедные восточные улицы, они иллюстрируют тезис: диктатура может лишь сконцентрировать в одной точке красоту и богатство за счет обнищания окружающего мира.

358. Но недаром мы в Самарканде второй раз и можем, не торопясь, пройти к менее известным, не тимуровским, а обычным старинным постройкам. В этот раз перед нами может открыться другой, не царский, а человеческий Самарканд.

359. 10 лет назад к этим развалинам в огородах нельзя было подойти. Сейчас они приглашают к себе удобными подходами, асфальтированными дорожками и площадками.

360. Развалины зовутся Ак-сарай - прибежище последних Тимуридов, уже не грозных повелителей полумира, а провинциальных управителей.

361. Постройки местных мастеров не выдерживают, конечно, сравнения с Гур-Эмиром или Регистаном.

362. Так что же? Согласимся ли мы с Ницше, что для великого искусства нужна великая сила и власть бестии.

363. А эти здания не признаем?

364. Почувствуем ли в них поэзию естественной, привольной жизни простых людей?

365. Старые улицы Самарканда! Мы перестали видеть в них застойную Азию, что-то чуждое и ненавистное: они стали нам близкими и родными, как улицы старых русских городов, как наше прошлое, из которого растет наше общее с Самаркандом будущее. И не консервировать эти улицы, не разрушать их под модерн нам хочется, а просто развивать их жизнь, растить. Так, как это делают сами самаркандцы, заменяя глину в стенах - кирпичом, землю на крышах - шифером, муэдзина - телевизором.

366. Новые улицы Самарканда! Они не кажутся нам утомительно новыми, оскорбительно европейскими. Город имел сходную с Кокандом судьбу: столица в древности, при русских он был избавлен от великих административных тягот и развивался стихийно, как было удобно самим горожанам. И потому он тенист, налит водой в арыках и товарами в ларьках (в которых, нам говорили, много бухарских и самаркандских евреев). И раньше так было, и сейчас.

367. И вот мы вышли к еще одному неизвестному раньше объекту - женский мавзолей Ишрат-хона (дом радости) для поздних Тимуридов.

368. Удивительно гармоничные развалины! Как будто время выступило здесь в роли талантливого ваятеля, вытесавшего из когда-то целого мавзолея романтический и красивый памятник прошлому. Рядом, невидимое в кругу деревьев, на кладбищенском поле стоит другое неизвестное нам чудо -

369. мавзолей арабского юриста Абдал-Мазеддина. Мы ощущали теплую благодарность к творцам этого маленького рая.

370. А ведь строился он веками. На могиле IX века построен этот мавзолей в XII веке, перестроен в XV, а в XIX веке построили вот эту мечеть с деревянными колонками. Непрерывность традиции создала это прохладное чудо культуры.

371. Хватит ли сил у самаркандцев развивать таким чудом весь город, хватит ли у нас понимания и любви для России?

372. В Регистане Лиля разговорилась с двумя энтузиастами: местный лейтенант Ахрон показывал любимый город своему двоюродному

373. брату из Казани. Лиля и Ахрон сошлись, конечно, на безудержной любви к Самарканду, и потому часть дня мы ходили вместе.

374. Естественно, что были на базаре. Хотелось повторить зеленое чаепитие, как 10 лет назад. Но вот наглядный урок уродливого прогресса - вместо традиционного чая, самаркандская чайхана могла предложить нам только пиво.

375. Господин план торговой выручки сумел испортить нам настроение. Да разве только нам? Роскошен самаркандский базар, правда, дают цены. Знать, зажиточно живут в городе, хоть и жалуются простые люди, что грабят их перекупщики продуктов, спекулянты.

378. Однако беспредметны эти жалобы. Рынок есть рынок, и если он дорог и если спекулятивен, то виноваты уродские условия.

379. Над самаркандским рынком, как и 10 лет назад, нависли грандиозные развалины соборной мечети Биби-ханым. Как будто обозначают и осеняют его.

380. Ахрон, как любезный хозяин, не преминул сводить нас к Биби-ханым, невзирая на идущий ремонт и запретительные знаки. Впрочем, этому никто из строителей не удивился.

381. Раньше мы думали, что Биби-ханым так и суждено навеки остаться руинами. Как приятно было увидеть восстановительные работы, которые идут быстро, не то, что в русских монастырях.

382. Пройдет немного времени, и Биби-ханым станет такой, какой ее не видели даже строители. И такая модернизация нам нравится, потому что она равна развитию.

383. Уже сейчас территория Биби-ханым считается музеем. Закончится реконструкция, и сюда, к каменному «корану», будут ходить толпы людей, всматриваться, вдумываться, вспоминать свою историю.

384. В этот день мы не пошли в мавзолеи Шах-и-Зинда, не захотели накладки ярких впечатлений. Лишь издали раскланялись с их куполами. 10 лет прошло, а мы помним ослепительное чудо Шах-и-Зинда в мельчайших деталях.

385. Этот же современный музей весь посвящен Афрасиабу - так звался в древности, при Македонском, наш Самарканд, столицы Согдианы, тогдашней Средней Азии.

386. Он стоит близ раскопок на старом городище.

387. Вот это поле с остатками валов и россыпью черепков от глиняной посуды и есть Афрасиаб. Средневековый Самарканд передвинулся со временем на запад, оставив предков мертвому полю - обычная для Азии судьба.

388. Теперь археологи с ней спорят и возвращают Самарканду предков. Чем дальше, тем рельефней и яснее.

389. И вот встают из поля стены, жилища, предметы, облик, жизнь.

390. На горизонте Афрасиаба виден профиль Самарканда, вершины Биби-ханым и Регистана. Отсюда видишь все: пыль, в которую Азия стирала свою тысячелетнюю историю,

руины, в которые она превращала жизнь в средние века; мы сами и наши современники, которым стало нужно прошлое. Вот почему сегодня мы так тоскуем по истории и так благодарны людям, восстанавливающим прошлое даже в Азии, даже из глиняных руин и пыли.

391. И снова Регистан - средневековой центр торговли и ученья. До сих пор функционирует торговый купол Чор-су.

392. 10 лет назад нам представлялось, что Регистан был в очень хорошем состоянии. Оказывается, то не было пределом восстановления. Прделав колоссальную работу; расчистив до первоначального уровня дворы, реставраторы сделали здания выше, еще более торжественными.

393. Расчищены и площади рядом с Регистаном. Они превращены в сквер, начинающийся концертным залом, открытым самаркандским звездам и куполу Тиля-кари».

394. Дальше - парк. На огромном мозаичном панно - в символических знаках и фигурах изображены главные события жизни Афрасиаба-Самарканда.

395. А вдоль панно идет аллея самых мудрых и почитаемых восточных поэтов. Ведь многие из них здесь жили, и современный город гордится ими и приписывает себе их славу, пользуется их смехом и мудростью.

396. Восстанавливаются в Регистане средневековые художры. Наверное, когда-нибудь они будут превращены в комнаты музеев, архивов, библиотек, хранилища культуры, открытые для всех людей. Свободных, раскованных людей, потомков современных самаркандцев.

397. Сотни лет этой двери, наверное. Но служит она, голубушка, до сих пор исправно. Старые испытанные вещи служат надежно. В их долголетии как бы заключен залог и нашего бессмертия. Сейчас мы, а затем - мы в образе наших детей, внуков, правнуков будем открывать эти двери...

398. и входить в дворники самаркандских медресе. Тогда они станут еще краше, а по своей сути те же. Такие же бессмертные, как и мы.

399. *Заканчивать этот долгий на 10 лет и длинный на 5 республик фильм нам хочется новым самаркандским куполом.*
400. *Чудеса солнечных тигров Шир-дор*
401. *и звезд медресе Улугбека*
402. *теперь венчаются голубым куполом Тиля-кари.*
403. *Венчаются, как фактом успешной реставрации,*
404. *как знаком живой связи с прошлым,*
405. *залогом воскрешения и вечной жизни!*
406-407.

Сценарий диафильма «Тянь-Шань + Иссык-Куль»

1. Тянь-Шань + Иссык-Куль

2. 4 - 11 сентября 1976 г.

3 -6, 7. Участники

8. похода

9. По мотивам повестей Ч.Айтматова

10-11. »Белый пароход» - слушайте Айтматова

12. *«Мальчик огляделся по сторонам. Кругам скалы, камни, леса. С высоты, с ледников бесшумно падали сверкающие ручьи.*

13. *И только здесь, внизу, вода будто обрела, наконец, голос, чтобы вечно, неумолчно шуметь в реке...*

14. *А горы стояли такие громадные, такие беспредельные...*

Мальчишка чувствовал себя в ту минуту очень маленьким, очень одиноким, совсем затерянным. Только он и горы, всюду высокие горы...

15. *Солнце уже склонилось к западу на озерной стороне. В эту пору обычно на Иссык-Куле появлялся белый пароход. Мальчик направил бинокль к самому дальнему видимому месту и затаил дыхание. Вот он!*

16. *Там, впереди, на темно-синей кромке Иссык-Куля, появился белый пароход.*

17. С трубами в ряд, длинный, мощный, красивый. Он медленно и величественно шел своей дорогой, неведомо откуда и неведомо куда. Было долго видно, как плывет пароход, и мальчик долго думал, как он превратится в рыбу и поплывет к нему, к белому пароходу...»

18. Нет, мы не видели белый пароход на Иссык-Куле,

19. мы и сейчас не знаем, где Сан-Ташский заповедник, куда пришла Пречудная Мать-Олениха. И сам лесной кордон в Джеласайском ущелье, где жили дед Моммун и мальчик - мы тоже не видели.

20. Зато мы видели Северный Тянь-Шань - родину киргизов, а вместо Оленихи встречали ее потомков, киргизов-бугинцев...

21. Смотрели мы на все это любящими глазами автора «Белого парохода» и от боли его оторваться не могли...

22. Подходы. На маршруте мы вышли поздно ночью. Алма-Атинский автобус довез нас до Медео, а в горы через высотную противоселевую плотину поднимались сами, часто оглядываясь на огни знаменитого катка и опасаясь милицейских заслонов.

23. Но, слава богу, благополучно добрались до леса у пустующей после селя турбазы Горельник и поставили палатку.

24. День первый. Талгар.

25. Высовываем головы из палатки. Вокруг тянь-шаньские ели. Здравуемся. Говорим, что много наслышаны и рады провести в их обществе часть своего отпуска. Последние приготовления

26. и в путь через Алма-Атинку до

27. лыжной базы Чимбулак, и дальше вдоль канатной дороги вверх к небу, на Большой Талгарский перевал.

28. Мы ожидали большой усталости от первого дня, есть опыт. Но нынешняя слабость превзошла все ожидания.

29. На тяньшаньском солнце мы дышали, как рыбы, никли, как спущенные пузыри. Подъем казался бесконечным, жара невыносимой, в сухой безводности ущелья затаилась вражда.

30. *И какого черта мы лезем сюда, два старых дурака? - Ну, ладно, пусть не старых, но ведь и не молодых уже. Каждый раз в горах встает этот вопрос, и каждый раз я стыжусь искреннего ответа: для утверждения себя перед людьми, перед горами!*

31. *Огромные, почти беспредельные горы! Мы можем быть с вами вровень... Какие бахвальные слова. Но именно за ними мы идем сюда.*

32. *Ноги поднимаются медленно-медленно. Дыхание все труднее, остановки все чаще. И, кажется, что мы так и не взойдем на этот ерундовый перевал, что мы будем скоро топтаться на месте.*

33. *Ну, нет, мы все же влезли на Большой Талгар, чуть отдохнули и на подгибающихся от усталости ногах поплелись к Малому Талгару.*

34. *Конечно, мы здесь для утверждения своих сил и молодости, как будто горы могут передать нам частицу их вечной жизни, как будто общение с ними целебно, способно сделать нас сильнее и независимей.*

35. *Как будто здесь, в киргизских легендах и трагедиях, мы можем найти ответы на что-то свое, важное.*

36. *Перед вами - Малый Талгарский перевал.*

37. *С перевала мы, прежде всего, смотрим наш завтрашний путь вверх по реке до вон тех дальних снежных гор, поближе к нашему самому высокому перевалу через Заилийский Алатау. Потом будет долина Чилик и еще один снежный перевал через горы Кунгея, прежде чем мы спустимся к восхитительному теплему морю.*

И, конечно же, мы будем там.

38. *Даже телевик плохо приближает ревуций в далеком низу Левый Талгар. Потом был утомительный спуск в эту пропасть на стертых ногах...*

39. *Но вот и долина. С опаской проскакиваем мощные селевые потоки*

40. *и, подойдя к воде Талгара, ищем себе стоянку.*

41. *Костер, палатка... и ожидание солнечного завтра.*

42. День второй. Подъем

43. Этот день пологого и длинного подъема не был для нас очень трудным.

44. В лесу, до Солнечной поляны, идти было просто приятно,

45. а выше, на моренах, буднично тянули рюкзаки вверх.

Ногам - работа, зато голове - свобода.

46. Без особого интереса проскакиваем мимо отдыхающих братьев-туристов. «Привет-привет». Вежливые распросы, знаки благодарности и скорее дальше.

47. Но вот наше сердце замирает от вида приближающегося всадника: «Киргиз? Хозяин этих гор?» - Нет, это пока еще русская девушка из экспедиции гляциологов. Живут они в горах подолгу. А как живут? Влияют ли на них горы, как на нас - целебно?

48. Но в памяти у нас лишь повести Айтматова о здешней жизни и, конечно, - внук Моммуна.

49. «На кордоне больше не было детей, и потому в друзьях у мальчика была сама тьяншаньская природа: высокая трава и камни...

50. Камни были разные: «вредные или добрые», «хитрые или глупые».

51. Мальчик быстро бежал, перепрыгивая через кустики и обегая валуны, нигде не задерживался ни на секунду, ни возле высоких трав, ни возле камней, хотя знал, что они могут обидеться и даже подставить ножку.

52. Я приду потом - крикнул он на ходу «Лежачему верблюду», так он называл рыжий, горбатый гранит, по грудь ушедший в землю. Обычно мальчик не проходил мимо, не похлопав своего Верблюда по горбу: «Ты, мол, обожди, а я отлучусь по делу».

53. Но самый любимый камень - это «Танк», несокрушимая глыба у самой реки. Так и жди: кинется «Танк» с берега и пойдет, забурлит река,

54. закипит белыми бурунами. Танки ведь в кино так и ходят: с берега в воду и пошел».

55. Среди растений тоже - любимые, смелые, боязливые, злые и всякие другие. Колючий бодяк, например, - главный враг.

56. Мальчик рубился с ним десятки раз на дню. Но конца этой войне не было видно.

57. Бодяк все рос и умножался.

58. А еще были верные друзья ширалджины, готовые закрыть его в любую минуту от невзгод, а главное, что они не заслоняли небо.

59. А еще была река и купанье. И чтоб мальчика не унесло бешеной водой, дед Моммун сделал для него запруду из камней. Целый день их таскал и возился в холодной воде, потом кашлял всю ночь.

60. Зато теперь мальчик купался, не боясь, мечтая натренироваться и стать рыбой,

61. чтоб уплыть в озеро-море к белому пароходу, к отцу-матросу: «Здравствуй, папа, это я, твой сын...»

62. Много было друзей у этого обездоленного мальчишки, может, больше, чем у городских ребят с их пластмассовыми игрушками и детсадовскими затеями.

63. А дед Моммун, может, стоил для него больше, чем для городских детей родители-бабушки, вместе взятые.

64. Киргизский миф

А еще у мальчишки была дедова сказка про Мать-Олениху, которая давно-давно, еще в Сибири, спасла двух последних киргизских детей от лютых врагов, выкормила их своим маральим молоком и привела сюда, подарив киргизам эту Тянь-шаньскую родину.

65. И пока чтили киргизы-бугинцы свою Мать-Олениху, по ней считали себя братьями и берегли ее детей, как братьев, счастливы были они.

66. Но все изменилось с недавних пор. Испортились люди, забыли благодарность к Матери-Оленихе, начали губить ее детей, и потому ушли маралы за далекие горы. А, вместе с ними, ушло простое счастье киргизов.

Хозяином жизни становится город или же те, кто о нем мечтает, как объездчик Орозкул, хоть маленький, но начальник.

67. Говорит Орозкул:

«Эх, там, в городе жизнь, как жизнь. Начальство там какое ездит по улицам... Туда б двинуться, там бы где пристроиться, там умеют уважать человека по должности. Раз положено, значит, обязан уважать. Больше должность - больше уважения. Культурные люди! Эх, взыграл бы я, как сытый конь на овсе!

Заставил бы себя уважать... «Орозкул Балажанович, разрешите войти к Вам в кабинет?»

68. Орозкул ненавидит свою жизнь. Она не по нем, и все вокруг кажется ему устроенным несправедливо. Пусть провалится этот мир, где все устроено не так, как положено Орозкулу по его достоинствам и должности: «Ну-ну, поползай у меня, поползай - злорадствовал Орозкул, поглядывая на Моммуна. - Ух, нет у меня большей власти, не таких бы крутил в бараний рог! Не таких бы заставил ползать в пыли. Дали бы мне колхоз или совхоз. Я бы навел порядок... Распустили народ, а сами теперь жалуются. «Председателя, мол, не уважают, директора не уважают...» Дураки, власти недостойные! Разве ж с ними так надо обращаться? Было ведь времечко, головы летели, и никто ни звука. Вот это было - да!. А что теперь?»

69. Орозкул - это тип. Это образ очень многих людей от Сталина до самых мелких начальников в нашей жизни. Мерзло жить в их власти. Дед Моммун привык, покорно терпит; а вот мальчик... мальчику еще только предстоит с ней столкнуться.

70. Когда свершилось чудо и Мать-Олениха привела в ущелье своих сынов-маралов, мальчик заклинал ее принести на своих рогах колыбель с долгожданным ребенком для тетушки Бекой и Орозкула.

71. Но именно тогда Орозкул убил ее в этих местах, убил на мясо. И даже хуже: через Сейдемаха заставил деда Моммуна убить ее. Это случилось, и мир перевернулся для Мальчика.

72. Вы знаете, что с ним произошло потом? Не в силах перенести кромсание тела и головы Оленихи, кровь на камнях, надругательство над святыней-сказкой: бессилие и позор

своего деда, он уже не понарошку, а взаправду превратился в рыбу, чтобы уплыть к Белому Пароходу.

73. Белый пароход. Реальное судно на Иссык-Куле, воображаемое место службы не менее воображаемого Отца... Но нет, для мальчишки Белый Пароход - это мечта о светлом будущем! Из старой сказки о премудрой Матери-Оленихе он тянет нить в будущую сказку. И нет между ними противоречия. Белый Пароход - это тоже Тянь-Шань, письмо в будущее, и из этого самого будущего он должен подать руку помощи своему прошлому, Матери-Оленихе... За тем и бросается в воду ослепший от горя маленький повстанец.

74. Холодно, холодно нам в тянь-шаньском мире молчащих камней. Холодно от гибели мальчика, от убитой матери-Оленихи, от злобы и предательства. Холодно от гибели бессмертной природы: трава вытаптывается, леса вырубаются, зверей выбивают.

75. Бог знает, когда придет черед погибнуть вот этим тянь-шаньским склонам: ведь они громадны, а человек мал, но аппетиты техники растут ужасно быстро...

76. Мы давно уже прошли долину Талгара, переправившись с трудом и риском через его истоки, и начали утомительный подъем по каменным моренам.

77. А где-то здесь, выйдя к питьевой воде и клочку травы на камнях, мы заночевали в усталости, стараясь согреться, избавиться от холода Тянь-Шаня и его хозяев.

На завтра - перевал.

78. День третий - перевал Тогузак

79. Перевал - 4200 м. - сравнительно простой, но проходит через самое сердце северо-тяньшанских суровых гор. Морены, ледник, снег, осыпи с севера и

80. 8-ми км ледник Богатырь с юга. Никогда мы еще не сталкивались с такой ледовой мощью. Высота, как в Фанах, но насколько тут холодней. Ведь ближе к северу, к Сибири.

81. Почти полдня мы провели в снегах. Морозец прихватывал за руки, но мы не успевали мерзнуть. Торопились.

82. Наш путь вы сами увидите на этих слайдах, а вместо ненужных пояснений попробуем поглубже разобраться.

83. Мы встали засветло и вышли спозаранку, хотя был туман и мел снег, надеясь на утреннее солнце... Но что я снова про поход? - Ведь надо говорить о главном.

84. Не знаю, как кого, а меня угнетает больше судьба деда, его покорность. Ведь от нее сломался внук. Мне стыдно за него, как за себя. Но откуда такое чувство?

85. Мы выросли в ледовую эпоху, когда вместо легенды о Пречудной Оленихе в наши души вкореняли миф о «Сталине - отце любимом».

86. Но потом случилась смерть Хозяина. Настала оттепель. Побежали ручейки сомнений. И души потянулись к старой вечной красоте идеалов и сказок. Из замороженных болванов мы все же выросли в людей. Каких, однако?

87. Уж сколько времени прошло, а оттепель так и не стала весною. И льда не меньше в нашей жизни. То мы течем распутицей, то замерзаем сосульками. Холодно во льдах простому человеку...

88. Давно уже нет великого истукана, но наша жизнь по-прежнему застужена мелкими и средними Орозкулами. Как будто глыба льда разбилась на мелкие, неистребимые осколки.

89. И мы живем среди них, нет, не живем, а мерзнем, привыкли, притерпелись и даже... способны посмеяться над горячими и беззащитными мальчишками, которые не в силах терпеть собачий холод и жизнью своею топят лед. Какая ж это гадость - смеяться над ними!

90. Какая гадость - подчиняться всяким Орозкулам! Ежечасно, ежедневно, всю жизнь! Какая гадость жить без смысла, без своей цели и служить кому угодно, лишь бы не себе!

91. Да, гадость...

92. Вот вам пример: три года я работал под началом одного из Орозкулов, и даже был у него в друзьях, видел всю механику его власти, но только сильнейшая личная ссора заставила в

него внимательней всмотреться и обнаружить удивительное совпадение маленького начальника с великой традицией России от Грозного до Сталина.

93. Тогда-то я и понял, что можно искренне и даже откровенно считать себя антисталинистом, но в жизни в реальных действиях служить разным Орозкулам и укреплять традицию.

94. Вот почему мне холодно и неудобно после разговоров о дедушке Моммуне.

95. Открылся перевал. Вот и удача: вместо обещанного снега - осыпь.

96. По камням на крутом склоне взобраться много легче, чем по фирну.

97. Взгляд с перевала. Вот и победа! Так буднично и хорошо нам стало.

98. Ах, если б можно было жизнь пройти, как это поле перейти, самим, вдвоем, без указаний и подчинений Орозкулам!

99. А горный холод - он не коварен, он преодолим, идти быстрее только надо и будет хорошо.

100. Не хватает объяснений. Давайте посмотрим еще раз на 101-102. ледник Богатырь, по ходу бега - сверху вниз, встречаясь и прощаясь сразу.

103. С боков втекают в Богатырь иные ледники, как будущие реки. Да, общий сток Богатыря по камням не пройдешь. Поэтому, мы заранее забираем вправо по леднику, на будущую тропу.

104. Наконец, из-за поворота видим конец льда, само ущелье, и балдеем от неожиданности. Ледник кончается огромным озером среди отвесных осыпей. Сумеем ли пройти?

105. Глаза боятся - ноги идут.

106. Вот и конец льда, скатились на рыхлую и грязную морену,

107. а потом и к озеру. Идем вдоль его кромки, ежеминутно ожидая срыва в ледяную воду. Обошлось ногами только.

108. Льдины царственно плавают в этом жидком продолжении Богатыря.

109. А здесь пришлось остановиться перед ледовой стенкой и лезть в обход, с трудом и страхом.

110. Хотя природа не коварна, но любит неожиданности, вроде этой. Однако мы были вместе, вдвоем, и справились с неизвестностью спокойно.

111. Прощаемся с соседями Богатыря и начинаем привычный путь вниз,

112. сначала по моренам,

113. затем по подстриженной скотом траве.

114. А вот и цель на сегодня. Внизу - Чилик. Тепло и хорошо. И этой радостью мы заглушаем вскрытый перевалом холод в нас самих.

115. День четвертый. Долина реки Чилик

116. Нам советовали сразу после спуска идти на ближайший перевал Джетыгор, чтоб побыстрее поход окончить.

117. Но нам хотелось посмотреть одну из красивейших тянь-шаньских долин, встретиться с киргизами.

118. А еще хотелось немного отдохнуть от спуска и подъема. На дневку в своей спешке мы не имели права,

119. а вот нормальный походный день ровной и удобной дороги вниз, с хорошей остановкой на обед, мы заслужили!

120. Чилик. Он течет между двумя главными хребтами Сев. Тянь-Шаня и принимает в себя половину его стока.

121. В его мутные ледниковые воды с этих склонов втекают хрустальные ручьи и речки. Множество их нам пришлось пересечь.

122. И каждый раз это было интересным развлечением.

123. А у этого говоруна мы всласть пообедали и

124. любовались долиной - широкой, просторной и щедрой на цветы и травы, настоящим раем, как он понимался казаком у Бабеля.

125. Да вы посмотрите сами, порадитесь, прежде чем встретиться с миром киргизов, погрузиться в мир Айтматовской печали.

126-135.

136. Ч. Айтматов «Прощай, Гульсары».

137. Дождь начался с вечера, едва дождавшись нашего ужина, шел всю ночь, а утром мы обнаружили вокруг свежий снег,

138. высветливший окружающие склоны. Наши ощущения были схожи с чувствами айтматовского героя:

139. «За ночь развело, разнесло непогоду, и утром горы шагнули к Танабаю в свежем снегу на вершинах. Как им шел снег!

140. Они стояли в поднебесье в безупречной своей чистоте - отчетливые на свету и в тени, будто только созданные богом. Там, где лежал снег, начиналась синяя бесконечность.

141. А в его глубине, в далекой-далекой сини проступала призрачная даль Вселенной. Танабай поежился от изобилия снега и свежести, и тоскливо стало ему».

142. Нам в то утро не было тоскливо. Ведь Танабаю надо было идти работать в дырявой кошаре, а нам предстояли туристские радости. Вот только переправа через мощный Иссык страшила.

143. И вот мы шагаем на переправу. Наш перевозчик - мальчик лет 15-ти с соседнего стойбища добросовестно отработал будущую поллитровку для взрослых:

144. 8 раз пересек реку: перевозя рюкзаки и нас.

145. Как ни кричал я Лиле выглянуть из-за спины Болота, из-за рева воды и сосредоточенности страха, она не слышала

146. И это понятно. Когда испытываешь телом силу горной воды, то невозможно быть уверенным и в силе лошади, притом нагруженной двумя людьми, когда вода захлестывает брюхо. Но все кончилось благополучно.

147. Вот он, наш перевозчик Болот. Он уже не мальчик из «Белого парохода» и скоро станет взрослым, спокойно примиряя блистающий тянь-шаньский мир с людской грязью. А может, станет Танабаем, а может, убежит из гор...

148. Болот возвращается к себе. Потом у нас было еще много встреч с конными, и не только конными киргизами, но уж ни разу я не решился их снимать в упор или спросить имя, не

говоря о большем. И потому, нам придется снова обратиться к айтматовскому тексту:

149. «Отошла зима, отошла на время, чтобы показать пастухам, что жить на свете не так уж трудно. Будут теплые дни, скот нажирует тело, будет вдоволь молока и мяса, будут скачки в праздники, будут будни - окот, стрижка, выхаживание молодняка, кочевка, а между всем этим у каждого своя жизнь -

150. любовь и разлука, рождения и смерти, гордость за успехи детей и огорчений при неутешительных вестях о них из интернатов.

151. Мало ли чего будет, забот всегда предостаточно, позабудутся на время зимние невзгоды. Джуты, надежи, гололедицы, дырявые юрты и холодные кошары останутся в сводках и отчетах до следующего года.

152. А там опять грянет зима - на Белой Верблюдице домчится, разыщет пастуха и покажет ему свой норов. Все припомнит он, о чем на время позабыл. И в двадцатом веке зима ведет себя все так же...»

153. Еще вчера на подходе к Чилику мы видели первую кошару для скота и поразились примитивности и убогости этой постройки. Ведь на деле это просто полузакрытый навес. Как может скот зимовать здесь - непонятно.

154. На самом Чилике мы увидели такие же сооружения, и в гораздо худшем состоянии, а что это значит на деле, лучше снова послушать Айтматова, историю жизни Танабая, коммуниста, одного из первых организаторов колхоза, фронтовика. Он был табунщиком, исправно тянул работу, хотя и скандалил порой с парторгом по праву старой дружбы:

155. «Ты на меня так не смотри, я тебе не фашист! Где сараи для табунов, где корм, где овес, где соль? На одном ветру держимся! Разве ж так нам велено хозяйствовать? Посмотри, в каком рванье мы ходим, посмотри на наши юрты, посмотри, как я живу. Хлеба досыта не едим. На фронте и то в сто раз лучше было».

156. Но когда его перебросили на чабанство, стало еще хуже: «Ничего хорошего он не ожидал, но чтобы кошара для расплода стояла с провалившейся камышовой крышей, с дырами в стенах, без окон, без дверей, чтобы ветер продувал ее вдоль и поперек... Нет, этого он не ожидал. Вокруг уже не было почти снега, а в кошаре лежали сугробы.

157. Загон, сложенный когда-то из камней, тоже лежал в руинах... С самой войны, должно быть, все здесь было заброшено. Справлялись кое-как с окотом овец и уходили, кинув все дождем и ветрам.

158. На крыше сарая пригорюнился кособокий прикладок гнилого сена, лежали кучи разбросанной соломы - вот и весь корм и вся подстилка для ягнят и маток, если не считать двух неполных мешков ячменной муки, да ящичка с солью, что были свалены в углу. Там же, в углу, было брошено несколько фонарей с разбитыми стеклами; ржавый бидон с керосином, две лопаты и обломанные вилы. Так и хочется облить все это керосином, сжечь к чертям собачьим и уйти отсюда, куда глаза глядят!

159. Ходит Танабай, спотыкаясь о мерзлые кучи навоза, и только повторяет, как помешанный: «Да как же так можно?... Да как же так можно?... Да как же так можно?...»

160. «Началась страда чабанская - окот! Круто, жестко, как в обороне, когда нечем отбиваться, а танки идут...

161. Стоял Танабай поутру на пригорке перед выгоном отары и молча смотрел по сторонам, словно оценивал свои позиции. Ветхой, никудышной была его оборона. Но он должен был стоять. Уходить ему было некуда.

162. На хребтах, скованных сплошным льдом, лежала зима. Ей было рукой подать сюда... Небо было серое, в серой стылой мути. Ветер поддувал низом. Пустынно было вокруг, горы, кругом горы. Холодно на душе от тревоги. А в кошаре-развалюшке уже мекали ягнята...

163. С тех пор, как началось это бедствие, Танабай потерял счет времени, счет гибнущему на его глазах приплоду. Ягнята

появлялись на свет и в тот же день околевали в слякоти и навозной жиже. А те, что оставались, кашляли, хрипели, их поносило.

164. Осиротевшие матки орали, бегали, топтали тех, что лежали в потугах. Во всем этом было что-то противоестественное, чудовищное. Хотелось кричать этим глупым овцам: «Остановитесь, не рожайте! Остановитесь!!» Но они, мекая, котились одна за другой, одна за другой, одна за другой...

165. И поднималась в душе его темная страшная злоба. Поднималась, застилая глаза черным мраком ненависти ко всему, что творилось здесь, в этой гиблой кошаре, к овцам, к себе, к жизни своей, ко всему тому, ради чего он бился тут, как рыба об лед. Зачем мы разводим овец, если уберечь их не можем? Кто виноват в этом? Поседел и постарел Танабай. Отныне - старик ему имя».

166. И когда в ущелье прибыло инспектирующее начальство - районный прокурор со своими поучениями, взбешенный Танабай бросился на него с вилами: «Дайте мне добраться до этого манана в кожанке!» ... и только случайность спасла испуганного барина. Танабая исключили из партии с формулировкой: «Ненавидит наш строй, ненавидит колхоз, ненавидит соцсоревнование, плюет на все это, на нашу жизнь, достоин 58-й статьи»... И еще, слава богу, что вернулся в родные места.

167. Вот вам еще одна трагедия из здешних мест. И вслед за Танабаем мы спрашиваем: «Кто виноват? Кому это надо?» Айтматов не отвечает, а мы легко находим ответ: «Большим и малым Орозкулам это надо; сами Моммуны и Танабай в этом виноваты...»

168. Шагая долиной Чилика, а потом, взбираясь боковым ущельем на следующий перевал, мы пытались объяснить увиденное и прочитанное, объединить собственным разумением открытые Айтматовым тьянь-шаньские трагедии. И вот что мы придумали:

169. Киргизы - молодой народ с древней кочевой культурой и недавним опытом общения с государством и технической цивилизацией. И трагедия состоит в том, что даже в этих глухих долинах начинают рушиться их родовые традиции, религия и нравы.

170. Помните, как Мальчик любил летний приход кочевий, когда он с дедом спускался на луг к приезжим и дед говорил: «Добро пожаловать на летовки отцов и прадедов! В благополучии ли скот и души, в благополучии ли детвора?» Деда все знают, и он всех знает. Ему хорошо...

171. А какой поучительный разговор был у мальчика с шофером-солдатом, не знающим имен своих семерых предков. «А зачем это - удивлялся солдат, - вот я не знаю, и ничего, живу нормально».

172. «Дед говорил, что если люди не будут помнить отцов, то они испортятся. Никто тогда не будет стыдиться плохих дел, потому что дети и дети детей о нем не будут помнить. И никто не будет делать хорошие дела, потому что все равно дети об этом не будут знать».

173. - «Ну и дед у тебя! - искренне удивился солдат. - Только забывает он тебе голову всякой чепухой. Не слушай ты его. К коммунизму идем, в космос летаем, а он чему учит? К нам бы его, на политзанятия, мы бы его мигом образовали».

174. Да уж, где тут тягаться дедовым заветом - с «космосом и коммунизмом». Дедовы заветы гибнут.

175. Город губит горы. Гибнет этика родового братства, извечного горского благородства и демократии, неминуемо гибнет, сменяясь пресмыкательством перед силой чужой цивилизации. Бывшие свободные люди превращаются в рабов или прямо злой волей, как Моммун, или самой системой бессмысленной работы, как Танабай.

176. Справиться с техникой и насильем развитой цивилизации может только развитая этика народа, сотворившего эту технику. Вот в чем истоки тянь-шаньских трагедий.

177. Эти великолепные люди, эти прекрасные ребяташики - будущая ударная сила сталинистов, будущая дикая дивизия.

Недаром в Средней Азии так много открытых приверженцев «Отца родного». И это нам надо понимать.

178. День пятый. Сютту-Булак. Утром мы продолжали подниматься безлесным ущельем к последнему перевалу.

179. Веками здесь содержится скот, и вот лесистое ущелье превратилось в подобие хлева: вытоптано, унавожено. Если уж киргизы такое с горами сделали, то что же сделает будущая цивилизация? - Строет начисто?

180. Слава богу, мы не доживем до тех апокалиптических времен. И сейчас мы еще можем взобраться по естественным камням, прикрытым вчерашним снегом.

181. Идти опасно и трудно. Пасмурь вверху собирается опять сыпать снегом. Туман, и прямого пути не видно. Но это нас не пугает - надо лишь держаться правой стороны, как говорят все описания.

182. В тумане вылезли на правый, совсем ненужный нам ледник, растратив силы на крутом подъеме.

183. Ледник был в трещинах, едва прикрытых снегом. Со страхом обошли его кругом. Потом в отчаянье остановились и, дождавшись краткого разрыва в тумане, убедились в своей ошибке.

Огромная, опасная ошибка! Вместо прохождение перевала и ночевки на южном склоне, мы до вечера едва успели спуститься с предательского ледника и, выбрав в снегу площадку,

184. заночевали в предельной усталости. Были ль деморализованы? - Наверное, нет, но прежняя самоуверенность исчезла.

185. Закат обещал на завтра сносную погоду. Но после такой ошибки-неудачи, столь неожиданного урока, мы перестали говорить определенно: сумеем ли найти перевал или нет, дойдем ли до Иссык-Куля или вернемся назад к Чилику? Отдохнем или поморозимся? Будут ли завтра силы и, вообще, не случится ли беды в ледовой трещине? - Все мысли, темы и трагедии айтматовых людей вдруг отодвинулись задачей собственного спасения. Скорее спать!

186. День шестой.

187. Ночь прошла на удивленье хорошо. Мы согрелись и проспали 10 часов. Солнце пробивает туман, освещая нам первые километры. Надо торопиться.

188. Оглядываюсь назад на злосчастный вчерашний ледник. Отсюда и при солнце он уже не кажется мрачным, даже засыпанные трещины не пугают. Но мы уже не верим этой простоте. Дай бог, выбраться из этих милых ледников!

189. Пока я возился на спальной площадке, вбивая в рюкзак мороженую палатку, Лиля ушла вперед тропить снежную целину.

190. Сил почти не осталось, шаги даются с большим трудом, на счет до сотни. Часто переводу дыхание, не снимая рюкзака, но все же медленно догоняю Лилю, чтобы идти впереди. Догнал.

191. Целина теперь моя, и опасность трещин, и неизвестность пути - тоже. Вчера я был впереди и заблудился, но Лиля и сегодня доверяет мне дорогу, и это возвращает уверенность.

192. А вот и радость! Мы увидели издалека шест-указатель тропы, а потом скелеты павшего скота. Ведь у киргизов здесь обычная скотоперегонная дорога, а мы заблудились на ней и еле тащимся.

193. Уже виден перевал, но мы боимся в него поверить. Неужели за ним и вправду выход к Иссык-Кулю, благополучному концу вчерашних страхов и нынешней одышки?

194. Но как бы удачно все ни кончилось на этот раз, вчерашней слабости, когда не мог идти, как надо, мне не забыть. И кто гарантирует, что такая слабость не может приключиться и в городе, в беседе с КГБ, допустим. А там ведь не остановишься, не переведешь дух. Это страшно.

195. Нет, лучше осторожность, лучше отступить, когда себя не знаешь, лучше даже не идти на перевал, чем рисковать жизнью или душою в городе.

196. На этом плато я зациклилась на мысли: «Ладно, горы, отпустите с миром на этот раз. Больше не будем легкомысленными. И вообще, пора ходить с детьми.

«Блажен, кто смолоду был молод,

Блажен, кто во время созрел...»

197. Ну, а в городе? - В городе тоже надо быть разумным. Ведь, в сущности, тьянь-шаньские трагедии - это наши собственные темы. И Орозкулов, и Моммунов, и Танабаев в Москве мы видели больше, чем в Киргизии. Танабай бросается с вилами, Мальчик - в воду, другие - в отчаянный бунт. Нет, нет, такое не для нас.

198. Это - не перевал, а только предперевальный гребешок по колено в снегу. И как только овцы здесь ходят?

199. Вот и сам перевал, слава богу, еще не в тумане. И, словно в насмешку над нашим пыхтеньем, как доказательство, что мы действительно на скотской дороге, стоит мостик через бергшрунт.

200. Дотрагиваюсь до его перил, оглядываюсь. Лиля идет ровно и трудно, воля - ее главный двигатель. Кричу: «Лиль, я потихоньку пойду дальше». Еще десятки метров подъема, и перевал будет позади. «Спасибо, горы, что отпустили нас!»

201. Вот - вид с перевала на Южный Кунген. Отсюда снова начинается ущелье Сютту-Булак, но уже южное, и реки текут прямо в море. Скоро, как только обойдем ледниковое озеро, мы сможем увидеть его.

202. Я не считаю себя сентиментальным, но в эти минуты готов был расчувствоваться. Все хорошо, все хорошо! Впереди у нас лес и ягоды, купание и фрукты Ферганы, вся жизнь. А больше рисковать не будем.

203. Какой-то зверь недавно прошел по заснеженной тропе, и мы благодарно пользуемся его путеводной нитью.

204. С каждой сотней шагов идти и дышать легче, расслабляется воля, выпуская из заточения всякие разные чувства: «Ай да мы, ай да молодцы!» - Это уже вылезло вперед наше извечное хвостовство.

205. А у первой травки проклюнулась и грусть. Обычная грусть расставания с маршрутом, с летом, а тут еще и грусть прощания с горами.

206. Что ж, 10 лет мы ходим в горы вдвоем. Фаны, Сев.Урал, Карпаты, Крым, а в Хибины, Кавказ, Алтай, Саяны - с друзьями. Чего ж еще? - Пора завязывать. Уйти добром самим, пока не вынесут ногами.

207. Правда, мы обещаем, и сами себе не верим: трудно представить себя без горных впечатлений. Но убеждает горький опыт: трудно вернуться вновь по обещанию, а не вернуться много легче, жизнь сама затянет. И потому мы смотрим на это новое ущелье в последний раз.

208-212.

213. У этого небольшого лесного озера мы обедали и отдыхали три часа, а Ли кончала путевой дневник.

214. Рядом с озером проходит расхожая дорога и множество овечьих троп. Проезжают всадники и исчезают, нас не замечая.

215. Выше мы уже встречали конных киргизов, даже здоровались за руку... но кто они? Орозкулы или Танабаи? Каждая встреча вновь возвращает нас к трагедиям Айтматова. Может, и глупо бросаться в воду, иль с вилами и словами-кулаками на орозкулю глыбу. Но разве можно успокоиться на этом?

216. Там, между склонов, в хорошую погоду отлично виден Иссык-Куль. Сегодня озеро неотличимо от серых облаков и наших смутных мыслей. Да знает ли ответ сам автор киргизских повестей? Вот вы послушайте его «мечту»: «По зову мальчика, Кулубек примчался на грузовике, выскочил из кабины с автоматом наперевес: «Выходи, гадина, конец тебе! Становись к стенке. За то, что убил Мать-Олениху, за то, что ты вырубил ее рога, на которых она приносила люльку, - тебе смерть!»...

217. А когда Мальчик ступил в воду, автор воскликнул: «Ты ушел, не дождался ты Кулубека. Как жаль, что не дождался ты Кулубека».

218. Нет, нам совсем не нравится автомат Кулубека. И его «к стенке» тоже не подходит. Как и вилы Танабая. Как и собственная спешка. И, мне кажется, что и Айтматов в душе тоже это чувствует. Недаром он завершает повесть обращением к Мальчику:

219. «Одно лишь могу сказать теперь - ты отверг то, с чем не мирилась твоя детская душа. И в этом мое утешение. Ты прожил как молния, однажды сверкнувшая и угасшая. А молнии высекаются небом. А небо вечное. И в этом мое утешение.

220. И в том еще, что детская совесть в человеке - как зародыш в зерне, без зародыша зерно не прорастает. И что б не ждало нас на свете, правда пребудет вовеки, пока рождаются и умирают люди.

221. Прощаясь с тобой, я повторяю твои слова, мальчик: «Здравствуй, Белый Пароход, это я!»

222. Долина Сютту-Булак впадает в долину Аксу. Здесь кончился наш пеший маршрут. Первая же попутная машина по хорошей дороге довезла нас до Ананьева.

224. Захватив с базара фрукты, мы мыли их в иссык-кульской воде, слышали ее шелест и вглядывались, вглядывались в этот «аквамарин в серебряной оправе гор». Сидели до темноты, а когда на противоположном берегу зажглись огни, поднялись и пошли ставить палатку в парке. В предчувствии утра.

225. День седьмой - воскресный!

226-233.

234. Об этом дне сладостей и развлечений зачем рассказывать. Смотрите сами.

235. Мы не будем пересказывать восторги путеводителя о горном море с особым климатом. Кто видел сам - тот радовался, а кто не видел - у того эти радости впереди.

236. Позади нашего облепихового парка видны снежные горы. Мы пришли оттуда, из края конных киргизов.

237. Здесь тоже есть кони, но мотоциклов больше. Котловина Иссык-Куля населена больше русскими, чем киргизами.

238. Да и сами приозерные киргизы становятся больше русскими по обычаям и языку. Помните мечтания Орозкула о своих будущих городских детях:

239. «Городские дети умнее. Дома говорят только по-русски, станут они забивать себе голову деревенскими словами». Киргизы становятся русскими по складу жизни и страху. Разговор с киргизкой - не этой, а охранником в Пржевальске - убедил нас в том.

240. На берегах Иссык-Куля, среди московских туристов, где лишь кони на дальней косе

241. да привязанный к будке фотографа последний верблюд Прииссык-Куля напоминают о специфике,

242. мы почувствовали себя в сфере обычной городской культуры. И потому Тянь-шаньские трагедии снова превратились в привычные «проклятые вопросы».

243. Киргизия пока приемлет оба решения: и прагматичное - «покориться», и идеальное - «биться». Но ведь оба ответа ведут к одному и тому же, и получиться может в результате только гадость.

244. А думается, что не надо ни стрелять Орозкулов, ни служить им рабски, а нужно просто научиться жить помимо них и без них, свободно и независимо, по-европейски.

245. Только тогда мы сможем надеяться на встречу наших внуков со светлым будущим: «Здравствуй, Белый Пароход - это я!»

246. Уезжали с Иссык-Куля мы вечером следующего дня через Пржевальск. Автобус шел уже по южной стороне озера, и по обыкновению мы тихо прощались с увиденным:

247. До свидания, Иссык-Куль! До свидания, Тянь-Шань! До свидания, Айтматов!

248. Однако закончить диафильм придется не этим традиционным прощанием, а разговором в автобусе с московскими туристами: «Да, эта повесть - очень сильная вещь. Вся она - о несовместимости детской чувствительности и жестокости взрослых». Вот вам и все

их понимание и Тянь-шаньских трагедий, и собственной жизни.

249. А значит, и их видение будущего, их «Здравствуй, Белый Пароход, это мы!» А что они с ним сделают?

Сценарий диафильма «Огни Баку»

Идейным стержнем этого диафильма стала книга Симашко, купленная нами в Алма-Ате, ее подспудная мысль о закономерностях революционного развития, иллюстративный материал – слайды, отснятые в Баку и в Суруханах. Однако тема столь громадна, что мы привлекли к нему дополнительные слайды, главным образом, из старого среднеазиатского диафильма, и включили в его состав [«Посещение Нахичевани в 1969 г.»](#) – ранее самостоятельный маленький диафильм. Личное мое убеждение – этот диафильм итоговый.

1. Встреча с Персией.

2. Огонь Баку

3. Мазда Баку.

4. По мотивам романа Мориса Симашко.

5. В Баку мы попали в самом конце отпуска, прорвались сквозь нехватку времени и самолетные трудности. И правильно сделали: без Баку нельзя считать завершенным даже беглое знакомство со страной. Ведь здесь – ее истоки.

6. Баку – столица, самая роскошная из наших азиатских столиц.

7. Баку и его промыслы – один из важнейших революционных застрельщиков в России.

8. Баку – из бойких и быстро растущих капиталистических городов Российской империи, первая нефтяная база мира, главный осветитель России.

9. Баку – начальный пункт парома и база Закаспийской железной дороги – главного пути русских вглубь Средней Азии, к Тибетской вершине мира, к своим и мировым истокам.

10. Баку - прежняя столица ширван-шахов, вассальных подданных Ирана и вечных посредников в контактах с Севером. Отсюда, с юга Каспия, веками возили на Север изнеженно-кровавые поветрия застойного Востока.

12. Баку и весь Азербайджан издревле и изначально - часть Персии, провинция Ирана, поэтому смотреть на прошлое Баку, означает знакомиться с историей арийского Ирана от Ахменидов до последних шахов.

13. Баку с его нефтеносной почвой, тысячелетним промыслом и вечными огнями попутных газов - священная земля для всех огнепоклонников, древнейшей мировой религией зороастризма, учения восстаний и борьбы. Здесь, в древней Мидии, огонь Справедливости - Мазды зажегся задолго до рождения Христова и пошел гулять по свету.

14. Мы лишь кратко перечислили то, что было нам интересно в Баку. Ну, а теперь скажите: возможно ли такое богатство ожиданий перевести на язык обычных наших слайдов? - Нельзя, наверное, но мы все же попробуем. На помощь призовем все, что имеем.

15. И даже этот черно-белый кадр, сделанный в Фирюзе 10 лет назад. Соединим здесь впечатления от посещений староперсидских, а ныне советских областей, где сохранился хотя бы отблеск древнего Эранишахра: Хорезм и Туркменский Хоросан в 1966 году, Нахичевань - в 1969 г. Мерв и Баку - в 1976 г.

16. Часть I. Огонь.

Но поведем мы свой рассказ все же с Баку, вернее, с храма огнепоклонников в пригороде его - Суруханы. Ибо огонь - всему начало.

17. В Европе эта фраза известна еще от Гераклита: Все движется, исходит от огня и вновь к нему возвращается кругами. Но и огонь умирает, уходя в воду и землю. Великое становится низменным и обыденным. Но не навсегда!

18. Настанет день, и огненный смерч поднимается вновь из Воды-Земли. И снова все охвачено огнем.»

19. Именно так говорил этот древний грек, отец знаменитой диалектики - революционного оружия! Но что общего между диалектикой, Огнем и красным петухом восстаний?

19. Нельзя доказать, можно почувствовать: есть истина в его догадке и между прозорливым, неорганически живым огнем, будущей стихией восстаний и презрительной усмешкой всеразрушительной диалектики есть связь - родство. Без сомнения!

20. Во всем мира огонь смертен. Он сжигает ему доступную органическую жизнь и умирает до нового шанса. Здесь же, в Суруханах-Баку, он вечен. В земных глубинах, где, говорят, и сейчас из неорганических пород рождается органическая нефть, эта протожизнь. Она рождается внизу и поднимается наверх, где растекается по земле, включаясь в биожизнь, если бы не Огонь! В Суруханах газовые фракции нефти горят вечным пламенем, в секунду прогорает то, что жизнь проживала бы столетия.

21. И именно здесь, в древней Мидии, родилось поклонение единому и вечному Огню, здесь начал говорить и проповедовать основатель зороастризма - Заратустра.

22. О чем? - Мы не знаем. Неизвестные знаки на плитах храма не говорят с нами. Да и вряд ли помогла б нам расшифровка письма не столь уж давних строителей храма - индусов-персов, последних огнепоклонников в мире.

23. Священные книги Авесты или фантазии Ницие о речах Заратустры, конечно, дадут больше. Но еще лучше - реальная жизнь, вернее - история жизни огнепоклонников.

24. Огнепоклонство стало государственной религией при Ахменидах, создавших срединную империю Эранишахра. Всеочищающий огонь Мазды, космический символ абсолютной правды, позволил достославным Ахменидам собрать под свои знамена массы народа, фанатически верных, и двинуть их на разрушение - чего б вы думали? Какого мирового зла?

25. - Первой развитой мировой цивилизацией в Междуречьи, во главе с первым капиталистическим центром - знаменитым

Вавилоном. «Мене, мене, текел, упарсин» - чертила чья-то рука огненные буквы, предупреждение последнему правительству Вавилона на пиру у Валтасара. «Близок твой конец, вавилонская блудница» - радовались иудеи, будущие преемники религии Огня в иной, уже духовной форме единого Бога-Отца. И скоро Вавилон был взят войсками пришедшего отсюда, из Мидии, царя Кира!

26. Огненная справедливость восторжествовала! Как хотите, но здесь Библия ведет речь о первой коммунистической революции против капиталистического разврата. Извечный антагонизм! «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем!»

И потом, когда Христос в своей революции изгонял торговцев из храма, он уже опирался на долгую традицию огненных пророков. Но и Христос был совсем не последним в этой длинной череде. Мы это знаем. Когда рабы или варвары говорят о справедливости, они имеют в виду равенство со свободными и богатыми соседями, а чтобы установить это равенство, у них есть обычно только одно безотказное средство - **Огонь**.

27. Первая Персидская деспотия, поклоняющаяся уравнительному Огню-Мазде, долго грозила завоеванием античной Греции, но, в конечном счете, сама пала под ударами Александра Македонского и его греческих и парфянских преемников. Мечты об огненном уравнительстве ушли далеко вглубь чаяний персов, тлели беспокойными очагами восстаний против жирной Земли-Воды эллинистических преемников.

28. Но недаром говорится: Огонь бессмертен! Как только ослабло Римское влияние, в Персию вновь вернулся зороастризм государственной религией. Цари династии Сасанидов, возрождая былое величие своих арийских предков, вернули народу и его мечты о красном огненном братстве. Не только в Мидии-Азербайджане, во всей Персии запыхлели жертвенные огни великой Мазде, пока только в храмах, лишь как символ, пока не пришел Маздак. Но, прежде, мы должны

показать остатки Персии, как она сохранилась в пределах наших границ.

29. Часть II. Изначалье

30. Мавзолей Саманидов в Бухаре - прямой потомок храмов Сасанидов - богат и изыскан, противоречит, казалось бы, суровым вкусам огнепоклонников. Где стихия огня? Где простота и равенство?

31. Разве что в одноцветности сырцового кирпичика. Разве что в однообразии узора. - Но эффект все равно получился исключительный.

32. Куня-Ургенч Вблизи небольшого районного города нынешней Каракалпакии лежит громадное городище на месте столицы хорезмшахов, окраинных восприемников Сасанидов.

33. Правда, они уже стали мусульманами, но в своей культуре продолжали хранить персидские традиции.

34. Однако процветающий Куня-Ургенч был разрушен уже в средние века новыми управителями.

35. Мы знаем его лишь как хана-завоевателя, забывая, кем он был в своей родной Монголии. «Кто не знает Темучина, бывшего раба, которой присвоил себе имя Чингиз-хана, что означает «посланный небом»! Он объединил все татарские племена, назвал их монголами (непобедимыми), а вождей их сварил живьем в котлах. Он не прощает тем, кто осмеливается стоять перед ним, не согнув рабски спину. Он мстит непокорным, преследуя тех, кто когда-либо боролся с ним, и вырезает весь род его до последнего младенца. Он не терпит на всей земле никакой другой воли, кроме его каганской воли».

36. Гибель Куня-Ургенча. От огромного города Чингиз-хан оставил лишь каменные мавзолеи-жилища мертвых. Остальное приказал затопить, сжечь. Да, огонь-уравнитель поработал здесь на славу, хотя его новый герой и не считал себя огнепоклонником. Нет лучшего памятника для него, чем куня-ургенчское городище.

37-40. И лишь три островерхих мавзолея свидетельствуют о прежней, еще сасанидской жизни.

41. Персия - богатая цивилизация на основе древнейшей из развитых религий, средоточие мировых караванных путей с Востока на Запад и с Севера на Юг, города, цветущие торговлей и ремеслами. Это вам не какое-нибудь английское и японское захолустье. Она - центр земли!

42. Так почему же раз за разом обламывалась ее роскошь, обваливались здания? Почему обломки сасанидского великолетия оставались лишь на окраинах великой империи, да и те вскорости заносились песком?

43. Как эти ворота - единственная сохранившаяся часть некогда огромного ургенчского караван-сарая. От базаров и ремесленных мастерских осталось только поле, одно поле рядов с захудалой районной деревней.

44. Зайдем в один из куня-ургенчских мавзолеев, подумаем на древних плитах... Да, Чингиз-хан, да, были и другие завоеватели. Но можно ли объяснить трагичные судьбы и Персии, и Турции, и России, и Китая, и всей Азии, их конечную отсталость - лишь внешним нашествием Чингиза ли, Тимура ли? Не правильней ли искать главную причину внутри самой культуры, ее огненной веры и застойных традиций?

45. Прекрасны мавзолеи Куня-Ургенча. Взгляд вверх на окна в куполе. Они льют свет, как и прежде. Прольют ли они нам свет на судьбу персидской цивилизации?

46. Прекрасны мавзолеи Куня-Ургенча. Даже в его более поздних, уже типично мусульманских образцах, вроде этого мавзолея Суфи, хранятся эстетические традиции ургенчских школы.

47. А разве такая преемственность видна лишь в архитектурных школах? В религиях она еще явственней.

48. Да, башни молчания сменились минаретами, маги - служителями огня - муэдзинами. Поклонение живому и материальному сменилось

49. молитвами невидимому Аллаху в мечетях. Но основа у мусульманства осталась та же - огненная, еще более

воинственная. Таково уж свойство огня - умирая, возрождаться.

50. Нет, сасанидский и мусульманский Иран, отнюдь не по названию только исповедывал огненную идеологию и не только при внешних завоеваниях охватывался пожаром.

Чаще очистительный огонь восстаний возрождался в нации самостоятельно. Книга Симашко рассказывает об одном из самых сильных и развитых огненных движений мага Маздака в 5 веке при царе Каваде.

51. Однако такие движения повторялись впоследствии: и восстание Сумбад-мага в 755 году, и абу-Муслема в Хоросане, и Мукани в Средней Азии, и Бабека в Азербайджане и т.д. и т.п., не говоря уже о Европе и тем более, о современных революциях. Их тоже можно рассматривать как потомков того персидского огня.

52. Любой старый персидский город свидетельствует о таких восстаниях, о своей хронике царя Кавада, о борьбе красного Ктесифона, тогдашней революционной столице, о песне Красного Слона, с которой растекались по стране красные деристденаны... Поэтому мы и решаемся рассказать Вам историю маздакидов на виденных нами персидских городах.

53. Первая встреча с самим Ираном. 1966 г.

В 1966 году мы проехали зайцами в приграничную Фиразу, тогда еще закрытую курортную котловину в Копет-даге.

54-55. Гуляли по ее платанным аллеям, гадали о будущем этой недавно иранской земли

56. Веками Фирюза нежилась в теле персидского Хоросана, лишь иногда подвергаясь опустошительным набегам слуг злого Аримана, кочевников из северных пустынь Турана. Теперь она, казалось бы, совсем пропала и включена в состав Туркмении-Турана. Однако, это скорее пропал Туран, отказавшись от кочевья.

57. Туркмения-Хоросан 1976 г.

А в 1976 мы видели Хоросан из окон неторопливого красноводского поезда.

58. Но что может уловить фотоаппарат в железнодорожной зоне? - Телефонные столбы? Верблюдов рядом с шоссе?

59. Колючую проволоку первого ряда первой зоны приграничной полосы?

60. И мчащиеся в столбах пыли танки закаспийских вооруженных сил с другой стороны поезда? Невеселые все эти картины!

61. Оживились мы только, проезжая древний мервский оазис и его старую крепость в нынешнем Байрам-али.

62. Река в преддверии пустыни, жаркое солнце и плодородные земли придают Хоросану и Мерву, как его давнишней части, особый колорит жизненности: самый тонкий хлопчатник, самая качественная твердая пшеница, самые сладкие дыни и т.д.

63-64, 65. Но бог с ними, с мервскими достоинствами. Для нас он важен лишь как место контакта Ирана с туранской степью, с внешним миром. Степь, несомненно, была мощным резервом для борьбы за Мазду и Правду. История царя Кавада об этом прямо свидетельствует:

66. Когда знатные князья свергли коммунистического царя, он бежал. И бежал через Хоросан и Мерв в туранские степи к кочевникам-кейсакам.

67. Там он нашел полную поддержку и сочувствие, набрал войско и вернулся в родной Эраниахр, довершив славную революцию почти поголовным уничтожением знати.

68. Так из века живущая родовым коммунизмом Степь подала в те годы руку помощи коммунистической революции в Иране, обеспечив ее победу. И, возможно, так случилось неоднократно. То ли набегами и грабежами, то ли военной помощью внутренним уравнителям, но великая пыльная Степь неизменно поддерживала уравнительный огонь Мазды в Земле Ирана, как ветер раздувает пламя костра, конечно, не сознавая, что он творит. И хорошо, что вокруг Англии и Японии не Степь, а море.

69. Да, Степь великая, бескрайняя, недоступная великим царям и потому свободная, трудная для управления и потому - щедрая, казалось - вечная... Но сейчас ее уже нет.
70. Разве только отблески-воспоминания в национальных плясках, да отблески в характерах-привычках.
71. Вездесущая армия, вездесущие колхозы - все это охватило без остатка. Все теперь стали подданными, везде воцарился великий СССР-шахр. Неоткуда раздуть огонек Мазды... И этот «печальный» вывод наполняет меня надеждой.
72. 21 сентября 1969 г.
73. Посещение Нахичевани
- 74-75, 76. еще утром прохлада гор Армении
77. а днем - пыль, жара
78. Азия!
- 79-80, 81. Впереди горы Ирана приближаются с пугающей быстротой. Одна надежда, что пограничный Аракс задержит машину
82. А сзади грозит непостижимой загадкой Змеиная вершина Илан-дага.
83. Предчувствие нас не обмануло. Нахичевань оказалась закрытой республикой, а ее бдительные граждане доставили нас в «столичное» министерство внутренних дел.
84. Ведь как любое независимое государство, Нахичевань требует въездных виз и разрешения нахичеваньского посольства в лице московской милиции...
85. Нам повезло. Капитаны КГБ еще не видели здесь туристов и потому, вместо азиатской ямы, ночь мы провели в лучшей гостинице города с правом проживания одни сутки.
86. Воскресное базарное утро.
87. Наш единственный в жизни нахичеваньский день разделился между базаром, гостиницей и ходьбой
88. по плоскому, глиняному, пыльному, безводному, захолустному восточному городу и
89. его старой крепости. Давняя провинция Ирана Нахичевань последние несколько веков держалась независимым ханством,

пока русские походя не захватили это провинциальное захолустье. Черепки и глина! Что в этом интересного?

90. Разве что легендарная могила прародителя нашего Ноя, забытая в Нахичевани, да мавзолеи знаменитой нахичеваньской школы, так живо воспринявшей в себя островерхую зароастрийскую традицию?

91. Однако хватит туристских радостей. Приступим к изложению событий полуторатысячной давности, рассказанных Симашко...

Часть III. Огонь - справедливость

Вольемся в свиту византийского посольства, едущего ко двору царя Кавада.

92. «Два диперана из царской канцелярии и 14 персидских латнеков-азатов в конном строю с пиками сопровождали их. Ктесифон был пуст. Высокие стены скрывали за собой дома и сады. Лишь однажды приоткрылись тяжелые ворота, настороженно выглянул старый перс в кольчуге и сразу же затворил ворота...

93. Уже на выезде из дворцовых кварталов увидели мертвого. Человек валялся совсем голый, и внутренности его были выедены птицами. Раньше такого не было у персов. Кони мотали головами и останавливались. Люди лежали в светлой пыли, прямо на дороге. Крючьями стаскивали их с баши Молчания и не успевали». Седьмой год великий голод в Эрране...

94. На гуннском базаре кучами лежали нечистоты скотские и человеческие. Рядом с туранскими лошадьми продавались рабы-персы, в основном - дети. ...И вдруг базар заколебался. Вдох прошел по толпе, и люди устремились к храму -

95. «О, Маздак! О-о..!» Маг в красном одеянии заговорил о темных силах зла, которые доводят людей до смерти. Самые отвратительные из них - жадность и своекорыстие! - Маг резко выбросил руку вперед, указывая на мертвого. «Кто съел хлеб у этого человека? Кто забрал природой отведенную ему женщину?»

96. Речь Маздака Ровными кольцами укладывали цепь страстной варварской логики. «Справедливо ли, что один

имеет больше другого? Зло случайно. Оно исчезнет, когда все на земле будет распределено поровну...»

97. Не один год продолжалась революционная проповедь Маздака и его ученых друзей - диперанов, прежде чем

98. наступила Красная Ночь - Революция! Когда вынес Маздак из главного храма священный огонь Арамат и разбил его на факелы «любителей правды - деристденавов. А взамен таинственного раньше космического света Мазды крикнул в толпу все разрешающую суть: «Правда - это хлеб и женщина!» С этой правдой и растекались революционные отряды пожаром по всей стране, разделяя запасы хлеба и распределяя женщин знати».

99. Вот что хранят за собой эти островерхие зданья. Без всякого труда узнаем мы свою историю, революцию, ее героев. Как легко обвинить автора в преувеличении и в искажении! И как трудно осознать, что события 493 года в Красном Ктесифоне в главном - не отличаются от событий 1917 года в Красном Петрограде и Москве.

100. Как просто отбросить саму возможность этого! И смотреть на восточные города и храмы, как на экзотические игрушки, а не на своих возмутительных сродственников.

101. А, может, вам поможет совмещение слайдов этих зданий и отзывов из энциклопедий? Брокгауз и Ефрон: «При Каваде возникла коммунистическая секта маздакидов, проповедовавшая полное равенство, общность имущества и женщин».

102. «Б.С.Э.»: Маздакизм - это движение крестьянской и городской бедноты за равенство всех людей, общность земли, рабов и имущества, равенство потребления, а так же за свободные браки среди членов общины».

103. «Советская историческая энциклопедия»: Маздак признавал за добром разумность и закономерность. Зло же он рассматривал, как хаос и случайность. Это делает возможным и нравственно необходимым уничтожение случайного зла и насильственное осуществление данного Богом всеобщего равенства. Осуществляя свою программу,

Маздак стал верховным жрецом Огня и самым приближенным лицом к царю Каваду.

104. Но, конечно, тем, кто не захочет верить, свидетельств этих будет мало. И нахичеваньские персидские постройки не свяжутся с историей. А мне было достаточно простого чтения, чтобы поверить: это - правда! Да, в главном так оно и было! И в Красном Ктесифоне, а потом в Красном Париже, Красном Петрограде, Берлине и еще в тысяче «красных мест», потому что такова огненная природа человеческой жажды справедливости.

105. Именно так: от голода и неурядиц шли за безусловной, немедленной и действенной правдой к Маздаку измученные люди.

106. Именно так: от неустойчивости своей власти и ненависти к своеволью своих князей великий царь царей покровительствовал проповеди Маздака и поощрял его борьбу за равенство и коммунизм... Но, послушайте и дальше!

107. Именно так: вспыхнув, огонь борьбы уже не может не сжигать все вокруг себя вплоть до самих поджигателей. А зона революции расширяется до крайности разрухи и до собственной гибели. Именно так.

108. Часть IV. Справедливость с кулаками. И вот мы в столице Мидии - Азербайджана.

109. Взъерошенные от самолетных неудач и грозящих неурядиц дома, брели мы Приморским бульваром, дошли до старой мусульманской части города и

110. выйдя на верхнюю площадку Девичьей башни, себе сказали: «Баку - очень даже ничего!»

111. Направо - европейский город, взглядом неохватный.

112. Прямо - порт и море, Каспийское море, древнерусская Хвалынь - главный путь из России в Персию и Индию.

113. Сзади - части древних стен старого города.

114. А слева видны крыши типично восточного города - Старого Баку - Ичери-шехер, небольшим амфитеатром приютившегося на берегу Бакинской бухты. Посреди разросшегося, теперь уже замиллионного города.

115. Сверху видны старинные мечети, армянский храм, реставрированное торговое подворье. Старая жизнь:

116. торговые ряды, купола бань и прочая экзотика. Мы даже не предполагали, что в Баку так много всяческой старины.

117. Спустимся скорей к ней, пробежимся по узким улочкам, потрогаем руками, вдохнем воздух, разбудим прошлое.

118. Но, прежде, оглянемся на Девичью башню, это циклопическое сооружение, наверное, самое древнее и самое прочное в Баку. Удивительны и незнакомы для нас и форма ее, и фактура кладки, мрачность черных арийских стен, почти немецкая аккуратность... Прямо пахнет на нас Ассирией, Ктесифоном, Берлином.

119. Однако стоит она в восточном городе и окружена множеством восточных легенд. Одна из них легла в основу балета «Девичья башня». Она рассказывает: ширван-шах строил эту башню в память и в горе о своей возлюбленной и одновременно дочери, которая, узнав, кто ее отец, бросается в море... Вполне восточный сюжет. Но мне вспоминается другая, уже реальная история, рассказанная долгое время жившим здесь парусным мастером голландцем Яном Стрейсом:

120. У знатного подданного ширван-шаха сбежала одна из многочисленных жен, кажется, полячка. Однако польскому посольству пришлось выдать ее властям, а те - мужу, который, в назидание остальным женам, содрал с нее живьем кожу и прибил ее к стене...

121. Девичья башня получила свое название, наверное, более прозаичным образом. В дни опасности она прятала в свое темное брюхо девушек и женщин, как самую дорогую и легко теряемую добычу. Но жизнь изменяется, а слова остаются и понимаются уже по-новому. Вот попробуйте сами: раз самая главная, самая мощная башня в мусульманской крепости зовется «Девичьей», следовательно...

122. Как ни привыкли за 10 лет странствий к восточной экзотике, но старый Баку поразил нас сохранностью своих старых зданий: караван-сараяв, мечетей, минаретов, домов.

123. Идем от одного минарета к другому. Что ни шаг, то ступеньки вглубь XVIII, XIV, XII, XI веков... Здесь, на Востоке, меняются только временные таблички. Суть остается такой же, как и вид у этих минаретов.

124. Привычные к Среднеазиатскому соседству роскоши и нищеты, глазурированных ярких плиток и глиняных стен, здесь мы всматриваемся в непривычную каменную добротность всех древних построек, отмечаем однообразие серого и черного цвета камней. И снова запахло древним Ктесифоном, сасанидской глубиной, черным дворцом царя царей Кавада.

125. Многие из старых зданий прекрасно функционируют до сих пор, конечно, несколько видоизменив прежние задачи. Вот перед входом в бывший караван-сарай Лиля моет руки.

126. Доброжелательные хозяева приглашает внутрь, где в каждой художке на коврах расположилась ресторанная роскошь. Но цены - бог мой! И мы ретируемся...

127. Это - одна из самых широких улиц в Старом городе. Веранды и виноград не могут затемнить ее до конца.

128. Другие улицы много уже - иногда это просто лестничные марши между европейскими домами, выросшими на восточной планировке. Но все же они - не тупиковые, а выводят, в конце концов, на простор.

129. Странно и удивительно ходить по этим улицам, где жители располагаются со своими домашними делами на ступеньках улиц, как в своей прихожей, где за марлевой занавеской на двери, стоит чья-то кровать, где все улицы - одно сплошное общежитие, почти коммуна.

130. Дом на доме, веранда на веранде, дерево на дереве, поколение на поколении - сколько лет плодоносит бакинская земля и этот человеческий муравейник? И какие здесь люди?

131. Когда-то отсюда пошла по миру кольцами вера в Огонь-Справедливость. Сегодня здесь живет миллион людей. У них осталось что-то от огнепоклонников?

132. С XII века Баку делит с Шемахой звание столичного города ширван-шахов. Правда, Шемаха чаще пребывает в

этом качестве, поэтому на Руси ходят легенды не о бакинских, а о шемаханских царицах.

133. Однако морское положение и нефть закрепили за Баку столичную роль, а землетрясение, уничтожившее Шемаху, сделало Баку единственным наследником всей старой культуры.

134. Это - дворец ширван-шахов. Внутри него - мавзолеи святых и ученых. Диван-хона - судилище, мечети, бани... в общем бакинский музей истории. Не будем вдаваться в подробности политики ширван-шахов.

135. Ведь интересует нас, как в старом городе (среди богатства) и за его стенами (среди лачуг и голытьбы) тлело и развивалось стремление к Справедливости.

136. Архитектурой и духом старый Баку был и остается персидским городом, прямым потомком Сасанидов - поклонников Мазды. А чтобы узнать о мыслях, чувствах и надеждах людей - прибегнем к реконструкции Симашко, проникнем внутрь дворцов:

137. «Дипераны разных служб были тут: врачи, художники из царских мастерских, судьи и молодой арийский маг...Персы, сирийцы, иудеи не различались... Друг над другом смеялись легко и беспощадно. Разлились вперемежку арийское упрямство и иудейская спесь, армянская страсть... А заспорили сразу, как пересохшая трава вспыхивает от одной молнии: «Маздак!» На лицах у всех был отсвет красного мага...

138. Сперва заговорил Розбех: «Слово поработило мир, наполнило его ложью. Кого насыщают наши молитвы? Кому нужны наши расчеты планет? - Лишь идущий за быком в поле правдив. Они, сеющие хлеб и кующие железо, должны править миром.

139. - А разве не нужен людям красивый рисунок на ткани? А разве человек, рассчитавший плотину в Дизфуре, не накормил многих людей? - Хлеб нужен людям, а не красота. Все мы, дипераны: судьи, лекари, астрологи и поэты - только рабы и прислужники богатых и пресыщенных. Мыслью не вспашешь

поля! Но доброе слово учит нравственности... - От хлеба и женщины нравственность».

140. Розбех опрокидывал диперанскую трусость перед настоящим делом: «Если насилие во имя справедливости, то оно становится угодным Мазде». Все кивали головами, в глазах стояли слезы, стискивали кулаки... Кабруй рванул струны; гордый прекрасный голос его наполнил комнату. Они подхватили... Красный слон мчится вперед, сметая все на пути, рушит стены дасткартов - усадеб, втаптывает зло в землю, а впереди занимается светлая заря...»

Таковы были и должны были быть идейные споры, чтобы сломать моральные запреты старых религий, чтобы расчистить путь и разобрать охранительные заслоны перед огненной ересью о равенстве и братстве.

141. А вот диспут уже на высшем уровне, в присутствии самого царя царей: «Какая разница, кому поклоняться: арийскому огню, иудейской книге или гуннским камням? Это только различные формы стремления к Правде, т.е. к делу. Природа создала людей равными и следует вернуться к первозданной правде. - Но Платон...» заспорили о логических фигурах,

142. Мздак все стоял, чуть расставив ноги под красной тогой. Легкая улыбка была в уголках его рта, но слушал он внимательно. И лишь потом короткой фразой остановил спорящих: «Нет, высшая сила, безусловно, есть. Это Бог, природа или материя, назовите, как хотите. Четыре силы в ней: Различение-познание, уравнивающая Мудрость, покоряющая время Память и цель - Радость. Они управляют путем семи сущностей: Власть, Управление, Хранение, Исполнение, Разумение, Рассуждение, Служение. А семь вращаются по извечному кругу 12 действий: произносить, давать, брать, нести, питаться, двигаться, пасти, сеять, бить, приходить, уходить, пребывать твердым. Соединение этих 4-х сил с 7-ю, а через них с 12-ю и есть свет правды!»

143. Научная правда Мздака: «4+7+12» «Авраам вдруг понял необычную силу великого мага. Ясные серые глаза под

огромным лбом не ведали сомнения. Да, «4 через 7 и 12» - и свет разгонял тьму. Это была та правда, которую ждали на площадях.»

144. А теперь для контраста отправимся в «народ». «Неумеющие читать понимали правду Маздака не просто как заученную истину, а всем существом... Иного не было для них в этом мире, бесконечность которого признавалось даже самим Маздаком: 4 через 7 и 12 и только!

145. Когда Авраам попытался возразить, гончар запрещающе поднял правую руку. В спокойных глазах его светилась разумная вера: «Ты просто никогда не работал руками, красный диперан. Родившись, я начал мять глину... и мну ее 35 лет. У меня не может быть сомнений. Если я поверил, значит, это правда».

146. Не только персидскими мечетями заполнен старый город, не только персы-арийцы спорили и возмущались под его сводами. Армянские храмы, христианские часовни, индийские молельни, еврейские синагоги. Баку, как и вся Персия, был многонациональным котлом народов, где инородческие меньшинства были наиболее деятельными и угнетенными, наиболее образованными и готовыми к взрыву.

147. «Соци + наци = ?» На социальные проблемы, классовые конфликты накладывались национальные страсти и противоречия, умножаясь, нет, возведя в степень остроту будущих расправ. Так было и не могло быть иначе. Вглубь веков тянется антисемитизм, но не меньше лет и традиции «Красных Абрамов».

148. Часть V. Путь огня (Разин в Баку).

150. Приморский бульвар

151. Городской пляж

152-154, 155. Они выкатывались на берег разгульной и пьяной толпой для грабежа и убийства. Такими помнят наших предков-казаков Степана Разина персидские селенья, вот эти берега.

156. Вот что свидетельствует очевидец голландец Ян Стрейс: «Отсюда они пошли на Астрабаи и Баку, взяли их

врасплох, изрубили все, что им попало под руки, сожгли дома и имущество. В Баку они нашли много хорошего вина, которое поделили между собой и начали весело пить, пока не прогнали их персы».

157. Несколько лет Разин вел жизнь каспийского особого владыки. Но не прочной была его независимость, ибо к другому он стремился, к Огнесправедливости в родной России, не царем приказал себя величать, а батькой: «За дело, братцы! Отомстим барам... Я пришел дать вам свободу и избавление, и будете вы сами по себе!»

158. «И за борт ее бросает...» И они взялись за дело, его братцы: брали обманом города, грабили, убивали тысячами, подавив в себе всякую жалость.

159. В тот раз факел Мазды не зажег холодной России. Разинщина была растоптана, но тысячи искр от пожара рассыпались в народе удалыми песнями и думами о стенькиной справедливости, восстаниями и бунтами, пока не пришло время полной победы.

160. Судьба России Велика равнинная Россия, но только с Севера и с Юга она всегда имела выход к морю. Холодные моря Севера связывали Россию со свободной Европой. Однако влияние с Юга оказалось сильнее. Связь по Черному морю с Византией принесла в Россию систему деспотического правления, засеяла ее семенами государственного рабства.

161. А по Хвалыни-Каспию был занесен огонь Мазды. Так холодная Россия стала новой Византией и новой Персией одновременно - величайшей в мире деспотией. Так предопределилась русская судьба!

162. В эпоху, когда окончательно сложилась великорусская народность, когда рождалось ее самосознание, Каспий был ее единственным свободным морем. И за голубой его дорогой таились диковинные страны - Персия, Индия. Именно Каспий был тогда морем-окияном с островом Буяном, с шемаханскими царицами и грозными Салтанами. Сюда же настойчиво стучалась Европа, через русские двери, чтобы

наладить кратчайший путь через Россию-Каспий в Иран-Индию.

163. Но не получилось из Каспия великого транзитного пути. Сначала купцов грабила пошлинами Москва, а потом дочиста обирала казацкая вольница. А восстания совсем привели Россию к деспотии, а торговлю - к нулю. Затянулись пленкой времени легенды о Хвалынском окиян-море. Оно стало обычным Каспием, пустынным водоемом. Но не забылась занесенная в Россию Стенькой персидская зараза...

164. Часть VI. Огонь-зло

165. В большой и современный город Баку начал превращаться с 1860 г., когда стал губернским центром, но скорее через год после этой даты, когда, освободив крестьян, Россия стала капиталистической страной. За 30 последующих лет Баку вырос с 13-ти до 100 тысяч жителей.

166. И «главная причина» - жирной массой лежит на волнах прибоя, пропитала всю землю. Здесь - самое первое известное людям нефтяное месторождение. Давно, тысячи лет назад стали добывать ее, черная кожаными мешками из сотен колодцев вместо сегодняшних скважин и насосов.

167. Потом добычу усовершенствовали, и нефть повезли не мешками, а железнодорожными составами и танкерами. Нефть была нужна пореформенной России, нефть была нужна техническому прогрессу западного мира. И Баку давал эту нефть, как дает стране до сих пор, - миллионы тонн с помощью тысяч рабочих. Половину мировой добычи нефти производил Баку к началу нашего века. Вот какой была тогда Россия.

168. И вот почему рос в Баку и его пролетариат. Они стекались сюда со всей страны - разоренные крестьяне, неудачливые ремесленники, оторвавшиеся от жизненных корней, - легко воспламеняющийся народ.

169. Гостю в Баку сначала трудно поверить, что его европейские дореволюционные кварталы, эти позднеклассические и модернистские дома, составляющие,

может быть, большую часть бакинского очарования, возникли всего за несколько десятилетий.

170. Легкая нефть и дешевый труд давал большие деньги новым миллионерам, с пышностью нуворишей отстраивающих свои дома и свой город.

171. А в красивых домах взращивалась и высокая культура. Цвела интеллигенция - правда, оранжерейно - на почве русской и европейской образованности.

172. Но в этих европейских домах жили в страхе перед социальными и национальными спорами. Рабочие-азербайджанцы резались с армянами-торговцами. Все было непрочено на этой огненной почве...

173. Вокруг Баку и сегодня расплодился хаос серых домиков, в которых живет немалая часть бакинцев, а до революции здесь стояли, наверное, настоящие лачуги, или еще хуже, бараки-общежития, где любой рабочий терял последние остатки крестьянской культуры и традиции.

174. Да и в городской скученности, ужасной и сейчас, простые клерки и работяги были далеки от мировой культуры. Их стремление к чему-то высшему легко переходило в зависть обездоленных и ненависть к кричащей роскоши

175. парадных проспектов.

176. Мы знаем, что такое уже бывало в великом Эраншахе. Обездоленные люди рядом с изобильными дворцами. Мы уже знаем, какие мысли и настроения разгораются от этой пропасти. Диперанские разговоры тысячелетней давности можно перенести в начало века, лишь поменяв маздакизм.

Сценарии диафильмов о Восточном Кавказе

Азербайджанцы (Бакинская любовь)

1. Восточный Кавказ, 1979, ч. 1

2. Азербайджанцы

3. Девичья башня

4. Еще в 76 году мы ощупывали ее гладкие стены, удивлялись округлым обводам и цветистым восточным легендам.

5. Но были моложе и заняты другим, и потому зрительным центром тогда стало иное - храм огнепоклонников - памятник древней коммунистической веры в огонь справедливости Мазды, от которой пошли гулять по всему свету красные маги, огненные пророки и революционные пожары.

6. Поэтому Баку, тысячелетиями снабжавший людей нефтяным и иным огнем, столица Азербайджана, что по-древнеалбански значит страна огня, нам увиделся тогда лишь источником всемирных революционных трагедий.

7. Но прошло время, распалась наша увлеченность одной темой, и потому, когда в марте 79 года судьба послала меня в командировку, то совсем с иными настроениями бродил я по бакинским улицам...

8. К тому же шел длинный дождь, огни в храме были погашены, и я сочувствовал туристам. Для меня же небесный холодный душ был благом, он залил в душе вопросы огня-революции и окончательно вернул меня

9. к бакинской людской толчее...

10. Из поэмы Дж. Джабарлы "Девичья башня" (пер. Брика).

11. Словно тайны гнездо, над Кузгуном,

Наклонясь у прибрежной косы,

Предается в унынии думам /Молчаливая "Кыз каласы".

И пресыщена жизнью и скорбью, Как невеста далеких времен,

Ныне плечи гранитные горя, Нашу жизнь озирает сквозь сон.

12. И страданье, и радость проходят,
/А минувшее скрыто от нас,
И однако порою в народе, /Приходилось мне слышать рассказ,
Что в былом охранял неустанно, /Запирал дочь-красавицу хан,
Что наследник враждебного хана
Был к ней страстью большой обуян.
13. И старик, негодуя и споря,
И стремясь заградить к ней пути,
В синих водах Хазарского моря /Эту башню велел возвести.
Окружив неподкупною стражей, /Заточил он невесту туда,
От ашика и жадности вражьей
Дочь прекрасную скрыв навсегда...
14. Если в Москве идут посмотреть ленинский мавзолей, то в
Баку Девичью башню - предсмертную гробницу царевны.
Экскурсанты долго поднимаются, останавливаясь на этажах,
останавливаясь у картин с эпизодами этой легенды, чтобы
подготовиться к выходу наверх,
15. чтобы прочувствовать последний акт этой жестокой и
извращенной любви хана-отца к дочери Дурне.
16. Так прощай же, земля дорогая, прощай, башня Девичья ты,
И, кудрями лицо закрывая, /Кыз бросается вниз с высоты,
И, как падший с небес астероид, /Тонкий стан обнимает хазар.
И валы безмятежно покоят /И качают божественный дар.
17. В этой легенде больше всего потрясает сама поэтизация
кровосмесительной любви хана к дочери своей Дурне.
Обычная любовь юноши и девушки кажется скучной и
пресной перед этой восточной страстью.
18. Она возносит девушку до гаремной любовницы грозного,
великого повелителя, а юношу низводит до робкого мальчика
у их ног.
19. Захочу - человеческой кровью Будет раб орошать этот сад.
Я сковал племена и сословья, /И покорен мне сам шарият!
Непомерны и гордость, и слава, /И прекрасны владенья мои,
Но великое знамя ислама /Отдаю я богине любви.
20. Ты - владычица хану отныне,

Я - слуга, что любовью томим,
Снизойди же, как с неба святыня,/И отдайся желаньям моим.
21. А когда Дурна пытается остановить повелителя-отца
ссылкой на Бога и мораль, хан гордо отвергает предрассудки,
провозглашая произвол сверхчеловека прямо в масштабе
Вселенной.
Пусть нежданною скорбью карая, /Мир потопит слезами беда,
И пускай от народа и края /Не останется здесь ни следа,
Пусть вращенье земли прекратится
И весь мир превратится в погост,
Страшный суд пусть повсюду творится,
И не станет ни солнца, ни звезд
22. Родом тюрк я, и клятв не нарушу,
Даже чувствуя вечную ночь,
И ничем не принудишь ты душу/Ненасытную страсть
превозмочь!
23. ЦК КП Азербайджана
24. Сотни струй, звеня, дрожали./Зурны хриплые визжали.
Далеко был слышен треск, /Далеко был виден блеск.
25. Все вертелось в визге, в лязге/И скользили в легкой пляске
Жены ханские в саду,/Словно утки на пруду...
26,27. А существует ли сегодня тип восточной невероятной
красавицы? Прекрасная и... Дурна... Величайшее влияние на
хана и величайшая униженность и покорность. Она способна
выпросить у сладострастника-отца постройку Девичьей
башни, а потом, в порыве отвращения, убить себя, но не может
бежать с любимым юношей. Такими их сделала ханская
власть, а они сами рождали потом новых ханов. Так было.
28. А теперь? Кто они, нынешние бакинки? И чем восточные
чувства отличаются от наших?
29. Бакинские девушки.
30. В Баку была весна, а я был снова молод и одинок. Но, как в
первой молодости я боялся смотреть на девушек, так и теперь
боялся даже фотографировать. Но... надо было!

31. Я метался то за одной, то за другой, и все-таки щелкал, кого придется, чтобы потом были слайды, на которых можно вспоминать восточные стихи.

32. О прелесть! О краса! О полевой цветок!

Но к прочим женщинам Аллах весьма жесток:

Он дважды изваять такой красы не мог.

К лицу ль тебе наряды?..

Твой стан, как кипарис, бутоны уст влажны,

И, кажется, зрачки всегда изумлены,

И кудри вокруг чела - затмение луны,

А брови с месяцем соперничать вольны.

К лицу ль тебе наряды?

33. Это стихи придворного поэта 18 века Ширвани из Шемахи.

Но традиция цветистого воспевания женских прелестей идет глубоко в века.

34. Площадь, на которую смотрит литературный музей - одна из самых красивых, и я с удовольствием совмещаю на кадре изваяния давно умерших, но вечно живых поэтов с правнучками тех, кому поэты посвящали свои стихи.

35. Вот рубайи Хагани из XII века:

Служить я страсти больше не хочу./Я сердце горечи учу,

Как смеет мотылек влюбиться в солнце,

Когда не в силах победить свечу?

36. А вот Насими, родившийся в XIV веке:

Напой меня, кравчий, весенним вином,

Я сребристую деву ишу.

Торжествует цветенье, но нет еще роз

На ланитах любимой моей.

Если хочешь ты скрытые тайны узнать,

Если хочешь проникнуть в ничто,

Ароматы цветов пусть расскажут тебе

О начале миров и вещей.

Если хочешь, о немлющий, чтобы сейчас

Все на свете открылось тебе.

Ты мелодию взяв, отыщи в глубине

Все законы движения в ней.

37. А это Хабиби, XV век:

Кудри, брови и ресницы, родинки твои
Со стихами из Корана я сравнил в мечтах.
Хабиби пленен тобою, пусть горька любовь
/Вместо слез алмазы блещут у него в глазах.

38. Вот Вагиф - главный визирь карабахского хана - XVIII века:

Пылали б негой наши вечера, /Не знала б страха сладкая игра,
Чтобы всю ночь, ласкаясь до утра, /Рассказ любви сплетать с
тобой вдвоем.

39. И грустит Видади - современник и друг Вагифа:

Возлюбленная прекрасна - она истлеет в земле.
Рот ее нежно красный - и он истлеет в земле,
Локон на шее страстной - тоже истлеет в земле
/И раз ее образ ясный должен истлеть в земле,
Мне чашу подай, виночерпий, всему наступит конец.
Нас сгложут могильные черви - всему наступит конец.

40. Разными были судьбы этих поэтов. Одни, как древний
Насими, или недавний Сабир, были революционерами,
проповедниками свободы и равенства, нищими и мучениками.
С Насими вот содрали кожу, но умирал он со словами: "Аллах
- это я"...

41. Другие, напротив, близки к власти, были "царями поэтов",
как Хабиби, главными министрами, как Вагиф. А Хатаи вот
история знает как великого Исмаил-шаха, основателя империи
Сефенидов. Таков поэтический диапазон.

43. Пожалуй, среди них только средних и благополучных
людей нет.

И хоть судьба выбирала им или жребии мученичества, или
бремя деспотической власти, но в своей главной сути, я вижу,
восточные поэты одинаковы: равно безудержны в
прославлении чувственной женской красоты, и в
противостоянии миру людей.

43. Вот как ощущал свой мир шах Исмаил, Хатаи:
До сотворения мира началом начал был я

Тем, кто камней драгоценных ярче сверкал, был я.

Аллахом, который небо и землю зачал, был я.

44. Потом я стал человеком, но тайну свою хранил. Тем, кто в сады Аллаха первый попал, был я.

Я, Хатаи безнадежный, истины свет постиг...

45. Такова здешняя стихотворная традиция, такова история культуры этого европейского с вида города. Может, современные бакинцы плохо знают свои древние стихи, но души их сформированы ими. А каковы их душевные запросы, культура, почва, таким будет и будущее этих людей. Таков Баку в своей потаенной сути...

46. А так ли это? - Эти быстрые девушки, так ли уж разительно отличаются от москвичек? А может, технический прогресс, всепроникающая мода и европейские стандарты давно уже уничтожили их восточную основу, и никаких таких проблем здесь больше нет? И может, все мы тут европейцы, а любовь наша проста и свободна?

47. От гулянья по бакинским европейским и азиатским улицам, мои сомнения только углублялись. Я начинал даже спрашивать: "А сами-то мы кто? Москвичи и москвички? Разве не с Востока? И разве культ личности, а раньше царское могущество не русскую сформировало душу?"

48. "Да, азиаты мы с раскосыми и жадными глазами" - разве не про нас сказано? А загадка русской женщины - героинь Достоевского и героинь "Народной воли" - разве не из восточного репертуара?

49. Ну, что он говорит?? Какая связь между нашими советскими женщинами, неважно где, в Баку или в Москве, но везде задавленными продуктовыми сумками, очередями, службой, домом и... гаремными томными красавицами? Господи, да что он говорит?

50. "Пери, шафранная роза, легкий зефир, алмазная звезда" - разве можно услышать или хотя бы почувствовать это в современной изнурильной толкучке?

51. Да, я думаю, современная женщина, нет-нет, да и взгрустнет о тех временах, о тех гаремных садах, где женщин

лелеяли и ими восхищались. Там они хоть были женщинами, а не выючными животными.

52. Вот-вот, а что я говорил? Живы, живы идеалы восточной красоты и культа в наших душах, и сколько ни зубри английский, все "азиаты мы с раскосыми глазами". И европейская наука и даже культура этого не изменит, ведь они не способны воздействовать на самое глубинное, на то, о каком мужчине мечтает девушка и каких красавиц воспевают поэты...

53. А что касается толкучки и тяжелых сумок, то это лишь подчеркивает нашу восточную специфику. Всегда так было. На одну воспеваемую и идеальную красавицу приходилось тысячи женщин,

54. задавленных работой до безобразия, пчелок, лошадок, как хотите. И чем выше был идеал, чем красивей поэзия, тем больше тяжесть я униженность большинства.

55. Восхищаясь восточной красотой и силой, мы часто забываем их подкладку и бьемся в парадоксах нераздельности красоты и деспотизма. А тем из нас, кто в восторге перед восточной культурой и мощью западной техники, надеется запросто соединить одни их достоинства, не надо забывать,

56. с каким огнем они играют, не надо забывать, что за восточной идеальной красотой неизбежно следует аркан-веревка деспотизма.

57. Рассуждение о роли технического прогресса. Баку с его нефтяными вышками и качалками - древнейший нефтяной промысел мира, древнейшая база технического прогресса. Я не смеюсь: так и было. В Европе еще кутались в шкуры, а из Баку уже развозили по цивилизованному миру нефть - земляное масло - для освещения, медицины, оружия. Так, знаменитый "греческий огонь" был доведен до уровня грозного оружия, наподобие наших "Катюш", с помощью которого Византийская империя смогла выстоять даже против арабской революции.

58. Сегодня нефть отсюда выкачивают миллионами тонн. Главное горючее нынешней цивилизации и чудовищной силы

сверхдержав. Так было, но так и есть... И ничего не изменилось. Ничего...

59. Мы заморочены фактом, что техника идет со свободного Запада, и думаем: чем больше техники, тем больше свобод. Но забываем, что это только для создания техники необходимы свободные ученые, свободные изобретатели и предприниматели, а для использования этих машин достаточно лишь простого соединения труда, нужна лишь производственная дисциплина трудовых армий.

60. А раз так, то неизбежно выискиваются новые ханы - руководители, а список их "великих и прекрасных" преобразований достигает уже космических высот... Оживленная нефтью и иными природными ресурсами, новая техника дает новым ханам не только возможность для войн и укрощения подданных, но и для воздвижения очередных красот и чудес, дворцов и резиденций, утонченного искусства и изощренной поэзии, очередных Девичьих башен.

61. Правда, нынешним бакинским правителям пока еще не дают открыто развернуться. Так, смена распоясавшегося Ахундова скромным Алиевым свидетельствует, что общесоюзный контроль еще способен

62. тормозить рост восточных пристрастий на бакинской технической и нефтеносной почве. Но разве общую тенденцию пересилить? Разве не к тому же идет не только в Баку, но я в Москве?

63. Почему нас не убеждает пример почти всех восточных деспотий, почти везде основанных на научно-технических успехах: ирригация долин и обработка кирпича и камня в Двуречьи и Египте, воинская тактика, административное искусство, машины и дороги - в Риме и Византии? Почему не убеждает пример собственных технических преобразователей - Ивана, Петра, Сталина?

64. В мире как бы существует разделение труда и жизни между Западом и Востоком. Нации свободных новаторов и буржуев нацелены на познание материального духовного и технического мира, на овладение природой, ради создания

новых орудий и технологий в конкуренции, ради выживания свободного человека на свободном рынке.

65. Другое дело - стиль жизни так называемых развивающихся, т.е. вечно отсталых стран, нацеленных совсем на иные, вне рыночные, сверхчеловеческие цели, идеалы нравственного совершенствования,

66. величия, мудрости, красоты, - извечных высочайших ценностей Востока, где труд и использование западной техники - лишь средство, а не самоцель. И вот оказывается, что для восточных ценностей и идеалов не нужен свободный человек, не нужен. Вот в чем ужас!

67. И опять мне слышен негодующий голос оппонентов: "Неужели в деспотизме виноваты лишь восточные ценности? Неужели правы оголтелые западники, и всем нужно "сбривать бороды", менять свои основы, строить в Баку протестантские церкви?"

68. Я поспешно соглашусь; "Конечно, ничего перенимать вопреки себе не надо. Ибо отказаться от своей веры, основ и почвы - еще хуже, окажешься беззащитным перед деспотизмом.

69. А паразитическое прозападничество всегда вызывало презрение хороших людей, как у Сабира или его друга Сихата. Вот что он писал в конце прошлого века:

70. Хоть при случае он - мусульманин,

Он - обманщик, и вид его странен.

Вот он шляпу "а ля гранд" надевает,

"А ля шик" - по бульвару гуляет.

По-французски, по-русски лопочет,

А по-тюркски и слышать не хочет .

...Нахватался месье "политесу"

И считает, что он уж профессор.

Фельетон прочитал он в газете,

И болтает о всем белом свете.

В Канте, в Марксе "вкус он находит",

А Гюго для него "не подходит",

Все вокруг "дикари и скотины",

Только он - "просвещенный мужчина".

71. Врун несчастный, ничтожный и пьяный,

Он обходит всю ночь рестораны,

В кошельке его пусто бывает –

В том народ он тогда обвиняет.

...Он от глупости скоро взорвется.

И дурак, кто с таким поведется".

Но где же тогда выход для восточных народов?

72. Думаем, что проблема эта ложная. Нет генов деспотизма, нет деспотических народов, а каждый, именно каждый народ имеет в изначальной глубине ценности свободы, независимости существования, любви равных... К свободе есть у всех наций лишь один путь - вернуться к собственной изначальной свободе,

73. какими бы ни были их политические системы и религии. В этом все равны: и христиане - грузины и армяне,

74. и мусульмане-азербайджанцы. Мы в этом убедились, путешествуя по северокавказским азербайджанским селам и городам.

75. Да и как забыть, что свободными демократическими странами уже стали Испания и Италия на базе обновленного католичества, буддистская Япония и индуистская Индия?

76. А в скором времени такой пример могут показать православная и марксистская Югославия или мусульманская Турция. Надо только искать истоки в собственной вере, в собственных традициях. И не столько в модерновом Баку, сколько в сельском, горном и степном исконном Азербайджане. И не столько в модных прозападных искусствах, сколько в самой, на поверхностный взгляд, восточной, но исконной стороне азербайджанской поэзии, сильной у каждого из крупных поэтов.

77. Низами. Низами - царь средневековых восточных поэтов.

Для Азербайджана он значит не меньше, чем Пушкин для России, Шота Руставели для Грузии. Памятники ему установлены в селам и городах, так то сначала даже

раздражаешься. Но, познакомившись с его поэмами, начинаешь радоваться встречи с ним.

78. В 12-м веке Азербайджан был окраиной деспотической Персии, поэтому Низами не имел даже права творить на родном тюркском языке. И все же знаменитейший поэт, учитель и образец для многих народов, в глубине оставался азербайджанцем, хотя и был вынужден писать на фарси.

79. Вот поэт получает заказ от шаха на новую поэму, и вдруг видит в послании шаха "такие слова": Но пойми:

Для чьей отрады, для чего лица

Ты нанизывал свой жемчуг из ларца?

Нам не приличен тюркский твой язык,

Наш двор к простецким нравам не привык...

80. Прочел я... Кровь мне бросилась в лицо.

Так значит, в ухе рабское кольцо.

И не поднять из мрака мне чела, /И на глаза, как пелена, легла.

Но как мне быть. Душа раздвоена

Мысль широка, дорога к ней тесна.

И узок вход рассказа моему, /Хиреет речь, зажатая в тюрьму.

Мне площадь, как ристалище, нужна

Для вольной джигитовки скакуна.

Такая радость, ведомая всем, /Мне не дана - вот отчего я нем.

81. Изящество и легкость - вот узда,

Чтоб речь была подтянута тверда.

А от печали рабской и цепей /Она звучит тяжелей и слабей...

...Иной народу нужен разговор:

Чтоб слово было сердцем рождено,

Чтобы звенело радостью оно,

Рожденное без радости мертво.

Но шах велит, чтоб именем его

Закованный в наряд чужих прикрас

Я все же точно выполнил приказ...

Какими бы ни были шахские приказы, Низами был великим и потому народным поэтом.

82. Его красавицы тоже живут в башнях, но с обликом типичной восточной Дурны они сходны лишь внешне. Как

сходны старинные сторожевые башни в поселке Мардакяны на северном берегу Апшерона с Девичьей башней в столице ширван-шахов Баку. Стоят сегодня эти сельские башни среди расплзшегося курортного поселка загадочными гигантами и настраивают нас в такт легендам Низами.

83. "Далеко в славянской стороне
Был веселый город в вышине.

Падишаха там стоял дворец,

84. Во дворце взлелеял дочь отец..

Как колдунья, дочь была умна,

Как зеленый кипарис, стройна, /Слаще меда свежие уста,

И ясней, чем месяц, красота.

...К вспоенной небесным молоком,

Каждый к ней любовью был влеком. /Золотом и силою грозил.

85. Видя, что их руки так длинны, /Что им сила с золотом даны,

Для себя нашла она утес, /Что вершину до неба вознес.

Стены на вершине возвела, /Словно на скале еще скала.

86. Путникам закрыты все пути, /Никому до замка не дойти.

Дева мудростью напоена, /В миг решала все дела она:

Был ей ведом нрав планет и звезд,

Для нее любой вопрос был прост.

Знала, в чем характер всех людей,

Знала, где начало всех страстей.

Почему вода порой кипит, /Почему огонь порою спит.

Где в мужчине мужества зерно, /И кому быть мудрым суждено.

И, поняв начало всех причин, /Отвратила сердце от мужчин.

Колдовство железа и камней /Встало на путях, ведущих к ней.

Всех, кто здесь сокровища искал,

Грозный меч на части рассекал.

87. Это уж совсем иной тип идеальной красавицы - умной, смелой, образованной, сильной. Она выше всех мужчин - настоящая девушка-звезда. Но такая высота не унижает мужчин. Именно такая звезда творит из юноши Шах-заде - героя народа.

88. Но вместе с тем девушка-звезда проявляет чудеса ума и воинского упорства лишь для того, чтобы выбрать достойного

себе супруга, лишь для того, чтобы стать матерью детей замечательного человека: "Колдовские чары - лишь предлог, /Чтобы трус желать меня не мог".

89. Это совсем другая любовь, расчетливо-жестокая, но счастливая, жизненная, ибо от нее рождается великий народ. А что может быть величественней этой цели для любви? Совсем иное в окружении девушки: шах-отец - не насильник, а лишь советчик. А народ - не покорное быдло, а активный защитник юного героя. И это - в творении великого мусульманского поэта!

90. И вот нашелся единственный герой, выдержавший жестокий отбор девушки-звезды. Он изучил и разрушил все преграды,

91. взял крепость, разгадал загадки...

92. Рассмеялась девушка в ответ, /Натянула на руку браслет,
Молвя шаху: "Встань, и дело сладь, /Не хочу томить его опять.
Я себе в мужья его беру. /Выиграла я свою игру.

Славный будет у меня супруг,

Не сравнится с ним никто вокруг.

Мудры мы, умны у нас друзья, /Знает он, чего не знаю я...

93. Полилось веселье через край,

Амброю дышал дворец, как рай...

Сел напротив розы кипарис,

Пировал на свадьбе весь меджлис.

94. Шах друг другу подарил детей, /Дав супруга дочери своей.

Поступил он с нею, как хотел, /Лик ее стыдливо заалел.

И пурпурной стала белизна, /И женою сделалась она.

95. Красный блеск одежд проник сквозь мрак

Увенчало счастье этот брак.

В красном платье шел жених в поход

/Красным и прозвал его народ.

Подобало прозвище ему, /Не имел он равных по уму.

Стал он всех могучей и умней,

Стал он красным, полюбив людей.

96. Интересна география этой легенды. Низами поместил замок девы в страну северных славян, а красным цветом героя

как бы предвосхитил красные звезды современных азербайджанцев. Но, по-моему, его место скорее в горах азербайджанского Кавказа и Карабаха, прибежище азербайджанской независимости и первичной культуры.

97. Персидские мотивы. Кроме башен Низами, апшеронский курорт Мардакяны знаменит творениями другого великого, но уже русского поэта.

98. В настоящую Персию Сергею Есенину хода не было, потому он довольствовался лишь здешней, каспийской экзотикой для создания цикла стихов на "персидские мотивы". Есенин, может, самый любимый и глубинный поэт русского народа, но думается, что здесь, в Мардакянах, он оказался восточнее даже старого Низами.

99. Жить, так жить, любить, так уж влюбляться.

В лунном золоте целуйся и гуляй.

Если ж хочешь мертвым поклоняться,
то живых тем сном не отравляй.

100. ...До свиданья, пери, до свиданья!

Пусть не смог я двери отпереть.

Ты дала красивое страданье, /По тебе на родине мне петь.

До свиданья, пери, до свиданья.

101. Персидские мотивы не случайность в есенинской жизни, они как-то стыкуются и с его скандальными загулами, и с гибелью на манер бакинской Дурны, да и не только с судьбой Есенина.

102. И думаешь: как бы нам, русским, не оказаться деспотичней и восточнее даже Ирана-Азербайджана. Да, так, наверное, оно уже и есть... Если, конечно, смотреть в корень. Тогда и окажется, что персидские мотивы выражают совсем не Персию, а наши собственные, русские устремления. Сам же Азербайджан несет в себе совсем иное - издревле и в главном.

103. Вот русский поэт сожалеет:

"Мне не нравится, что персияне

Держат женщин и дев под чадрой.

Лунным светом Шираз осиянен.. /Или они от света застыли,

Закрывая телесную медь? /Или, чтобы их больше любили,

Не желают лицом загореть,/Закрывая телесную медь?
Дорогая, с чадрой не дружись,/Заучи эту заповедь кратко...

104. А первая азербайджанская поэтесса еще XII века, глубин средневековья востока, вторит ему совсем иным голосом:

105. Приковать нас к старику нельзя
В келье, как в гробу, закрыть нельзя!
Пусть кудри девы выются цепью, /Цепью приковать ее нельзя!

106. Опять Есенин обращается к бакинке:
"Ты сказала, что Саади /Целовал лишь только в грудь.
Подожди ты, Бога ради,/Обучусь когда-нибудь..."

107. А знаменитая Натаван, поэтесса уже XIX века оборачивается к нам не гаремной любовницей, а великой матерью:
"Мой сын, разлуки злой огонь вздымается во мне,
Душа, как слабый мотылек, горит на том огне.
Так в каждой песне соловья тоска по розе есть,/Так в каждом возгласе души, гремящей в тишине,
Порыв печали и тоски и скорби о тебе,
Звучит и в темноте, и в лучезарном дне".

108. Разлетаются в дым наши восточные мифы и иллюзии, персидские мотивы, и это прибавляет критичности к себе и благожелательности к самим азербайджанцам.

109. Дорога на Кубу и Кусары - 1979г. В сентябре 79 года с северного Азербайджана мы начинали путешествие по Кавказу, осуществляя свое давнее желание побывать в азербайджанской глубинке.

110. От железной дороги в старую столицу Кубинского ханства мы уходили еще вчерашним поздним вечером по этому широкому шоссе, где между тополями вдалеке мелькала плоская снежная вершина Царь-горы - Шах-дага, главной на Восточном Кавказе. Не очень скоро нас подхватил автомобиль молодой азербайджанской многодетной пары. Наши автоблагодетели выглядели так респектабельно и

111. богато в мужском благоухании и женской парче, и так советовали бояться хулиганов, что можно было подумать, что мы попали на Дикий Запад. И даже утренние встречи с

азербайджанцами, как в самой Кубе, раньше ханской, а теперь районной столице, так и

112. в лежащей напротив Еврейской слободе, не могли вернуть нас к привычной географии Восток-Запад.

113. Центральная площадь Кубы под снежниками приблизившегося Шах-дага окружена приземистыми постройками еще прошлого века и очень похожа на типичную русскую провинцию. Только вместо крестов - полумесяцы. Кубинское ханство стало наисильнейшим в Азербайджане перед приходом русских. В ту пору неустойчивого равновесия между дряхлеющей Персией и рвущейся к расширению Россией азербайджанские ханства возникали как воплощение мечты народа о независимости.

114. Однако поиски независимости обернулись, в конечном счете, переходом в подданство очередной монархии. Обычная для Азии трагедия... Столица Куба выстроена первым ханом Хусейном в 1735г., а уже в 1806 году присоединена к России.

115. Самая старая из сохранившихся постройка - бани XVIII в.

116. А мечети - и вовсе XIX века. Сегодняшняя Куба переделывает деревянные кварталы да городские многоэтажки, перемальвает окрестных правоверных в стандартных советских граждан, заменяя персидскую поэзию и ислам на русскую культуру и марксизм.

117. Поэтому мечети в Кубе из символов чужой, арабской идеологии, превратились в символы национальных корней и независимости для всех, преодолев даже свою невзрачность.

118. Много лет назад, полюбив Армению с ее трудолюбивым народом, мы стали противопоставлять ей Азербайджан - от одного лишь вида горожан в Нахичевани. В этот же приезд встречи и знакомства с азербайджанскими крестьянами убедили нас, что они домовитей и зажиточней наших русских. - Богаче земля и щедрей их природа? - Это верно. Но ведь урожай надо взять, а землю поддерживать! Так что когда даже их собственные поэты говорят о природной лени и невежестве, то не очень верится...

119. Но почему? - Невезды мы!/Не жаждем вырваться из
тьмы,
Не верим светочам своим. /И шариат от нас далек,
И вся наука нам не впрок!/Забыли мы свою звезду,
Хотя способны мы к труду./Сидим же сотни лет подряд,
Затмивши лень твою, Багдад!/Сидим и, опустив губу,
Клянем, клянем свою судьбу./Но "Труженик, - сказал Пророк,
Любимец Бога" - Мой Восток!

120. Из Кубы мы выехали в сильно обрусевшие Кусары,
121. оттуда в долину лезгинского Самура и по его притокам
Ахты и Гдым-чаю, обогнув снежные горы, снова вышли в
Азербайджан, в южную часть Алазанской долины, владения
когда-то могучего щекинского ханства.

122. г.Щеки (Нуха)

123. В отличие от башен Апшерона, здесь строились обычные
боевые башни и стены. И хотя вид их менее романтичен, но
зато боевое прошлое жестче и честнее.

124. Сама география этой степи, защищенной горами, ставила
в особицу эту землю, звавшуюся когда-то Албанией. А
кочевавшие в ней свободные народы играли иной раз для
южных деспотов охранную и ударную роль вольнолюбивых
казаков. Такое противоречие между внутренними
демократическими традициями и службой деспотам - беда не
одних азербайджанцев. Вспомним наших донцов и кубанцев,
или швейцарцев в Европе...

125. Да сколько раз мы убеждались, как крепко хорошее
связано с отвратительным, что сомневаешься, а правильно ли
мы понимаем, что такое хорошо, и что такое плохо.
Вот так разговаривали герои народного эпоса азербайджанцев-
огузов XII века с противниками-христианами:

126, Пустых речей не трать, гяур-собака.
Собачьё пойло в миске будешь жрать, гяур-собака.
Ты хвалишься своим конем, гяур-собака,
Моя коза-пеструха мне дороже.
Ты хвалишься, что крепок твой шелом,

Моя баранья шапка мне дороже.

Ты хвалишься своим копьём, гяур-собака,

А для меня простая палица дороже.

Ты хвалишься зазубренным мечом, гяур-собака,

Моя дубинка для меня дороже.

Что ж, подходи, валяй, начнем, гяур-собака!

Замутилось от страха в глазах у гяуров и пастух уложил 300 гяуров!

127. Да, говорили они нетерпимо, но свободно. В эпосе простые пастухи воюют лучше ханских сыновей, а женщины мужественней мужчин и на глазах врагов готовы даже бестрепетно есть мясо своих сыновей, чтобы не поддаться врагу.

128. Потом эти стены, и горы, и живущие в них люди породили и героев Низами Шах-заде, и Девушку-Звезду ...И пришел Дедэ-Коркуд, сложил песню, сказал слово:

129. "А теперь я скажу прорицание, хан мой! Да не сокрушатся твои снежные, черные горы! Да не будет срублено твоё тенистое, крепкое дерево; да не иссякнет твоя вечно текущая, прекрасная река; да не заставит всемогущий Бог тебя прибегнуть за помощью к злодеям! Пускай твой серый конь не устанет скакать, пускай твой чёрный булатный меч не иступится от ударов, пускай твоё острое копьё не сломается в битвах! Пусть жилищем твоего белобородого отца будет рай, пусть жилищем твоей седокудрой матери будет

130. горная обитель. Да не расстанутся они до конца с чистой верой, да услышат говорящие "аминь"! Ради твоего белого лика произносим ныне молитву из пяти слов, да будет она услышана! Да не обманет Аллах твоей надежды! Да соединится сущее в одно, да стоит сущее твердо! Да будут прощены твои грехи ради лика Муххамеда избранного, чьё имя славно!"

131. Столица Щекинского ханства, прежде звавшаяся Нухой, стоит здесь с XII века. Сейчас она - большой, расползшийся по равнине город, а раньше теснилась к горам под защитой стен крепости.

132. Сразу за крепостью расположен дворец щекинских ханов. По замыслу и плану он проще Бахчисарайского, но по отделке и витражам...

133. Как они полыхают, Бог мой!!!

134,135. А реставратор этого полыханья - Ашраб Расулов.

136. Его мастерская устроена в старой мечети и в домике рядом, а работы его украшают залы в Баку и Дербенте, Москве и Ленинграде. И сын его наследует мастерство отца.

137. Огромный подъем мы испытали от встречи с азербайджанскими мастерами, от краха предрассудков о мусульманской поголовной лени и рабской психологии. Судьба открыла для нашей приязни и любви и эту прекрасную страну.

138. А азербайджанские старые стихи наложились на щекинские витражи и слились в образ высокой и нужной нам всем культуры...

Стихи другого великого поэта - Физули - XVI века.

139. В наш век не взыскан почестью поэт

Поэзия давно сошла на нет.

Так безнадежно пала до конца,

Что люди презирают речь певца.

140. Как мне ужиться с веком, не пойму.

Я страшно одинок. Я чужд всему.

Унижен, обесславлен, заклеямен,

Лишен парадных прозвищ и имен...

Но возвеличу звание свое! /Пусть песнь больна, я вылечу ее!

141. Столь оскорбленный всем, что есть вокруг

Хочу сейчас, не покладая рук,

Исполнить данный некогда обет

/Таков слуга гармонии - поэт:

Труд - вопреки влечениям среды.

142. Именно так: труд вопреки всему на свете! И разве не подает нам тому пример современный провинциальный Азербайджан и его город Шеки? И в своих древних дворцах и

143. в более поздних караван-сараях, выстроенных уже при русских,

144. и в нынешней высотной гостинице, но больше всего в крепких
145. единоличных домах-особняках, населенных потомками азербайджанских крестьян и поэтов.
146. Когда поэты древности вошли
В зеленый мир, в цветущий сад земли,
О, как сверкал нарядный этот мир,
Как чашечки цветов качал зефир.
Но сорваны цветы - а я бедняк,
Нашел терновник в современных днях.
147. Когда они гуляли ввечеру,/Вино играло в чашах на пиру,
Все выпито из звонких чаш, и мне
Остаток мутный видится на дне...
Но жажда велика. И эту муть
Я выпью, чтобы счастье вернуть...
148. К вечеру мы выехали на Северо-Запад вдоль Кавказских гор, вверх по течению Алазани, чтобы через азербайджанскую часть долины выбраться в грузинскую Кахетию.
149. г. КахиСледующий на нашем пути райцентр Кахи не был раньше ханской столицей и сейчас выглядит благополучным поселком.
150. Лишь останки небольших крепостных стен.
151. Да запомнилась конфетная мастерская, где быстрые и щедрые руки черноглазых Золушек-пери тянули из упругой леденцовой массы тонкую сладкую змейку и отсыпали горсть ярких конфет удивленным туристам.
152. Зато у автобусной станции мы встретили храм - первый знак близости христианской Кахетии. Он нам напомнил, что до арабского
153. завоевания в 8-м веке Албания была христианской и что само мусульманство вышло из христианства, как то в свой черед имеет античные корни...
154. Продолжая путь, зарываемся в века. Следующая остановка через 15 км - село Лекип, с развалинами античного
155. или первохристианского храма 6-го века. Они сильно заросли, разрушаются буйной зеленью, и мы поражаемся этой

прожорливости живого. Без реставраторов храм недолго проживет.

156. Храм в плане - крупный. Таким же круглым был армянский Звартноц. Однако на уровне середины прошлого тысячелетия трудно бы говорить о грузинской, армянской или азербайджанской принадлежности. Этот храм - их общее античное достояние. Мусульмане, христиане, иудеи имеют общие духовные корни. И всем созвучны стихи Хагани:

157. Так обратись к развалинам - и ты услышишь,
Как плачет из глубин невнятный голосок.

Вглядись, как медленно крошатся эти зубья.

158. Все временно. Все - тлен. Всему назначен срок.

Топчи нас, человек. Мы, как и ты, истление.

Мы, как и ты, ковер для всех идущих ног...

159. Здесь истина жила. Ее не пощадили.

Поплатится ли тот, кто с нами был жесток?

Изменчива судьба, или ее ломает

Тот, кто обуглил наш возвышенный чертог?

Не смейся над моим рыданьем, - помни, путник,

Кто слез не проливал, тот низок и убог.

160. Хозяин сада-участка, на котором разместился храм, стихов нам не читал, но щедро угощал плодами сада и огорода и рассказывал,

161. как мог, что знал, невольно открывая поэзию крестьянского труда.

162. В этот вечер, отказавшись от трех приглашений ночлега, мы поставили палатку среди ежевичной колкости. Яркий свет огромной луны, крики незнакомых зверей и птиц, незнакомые запахи

163. и мы, уставшие, переполненные...

164. ...А ранним прохладным утром автобус повез нас дальше.

165. г. Белоканы. Предпоследний азербайджанский город на нашем пути порадовал самой красивой и разукрашенной из виденных в Азербайджане мечетей, наверное, для того, чтобы еще раз призадуматься о роли

166. ислама в нашей жизни...

167. Мечеть окружена плодоносящим садом и благоговейным уважением всех проходящих для раздумий людей. И понятно: нет веры крепче ислама. И нет строже мусульманской морали. Этому не мешает многоженство, паранджа и восточная "красивая" любовь. Напротив, все связано воедино. Впрочем, как и в иных религиях.

168. Только в исламе эти полюса необычайно глубоки и широки. Ислам родился в самой Азии, как идеологический союз торговой буржуазии и коммунистических-воинственных кочевых племен,

169. воспитался на античной культуре, сохранив ее и передав Европе. Но сам, к сожалению, подпал в дальнейшем под бремя восточных традиций. И все же в исламе есть все, а главное - сохраняются изначальные народные ценности свободного труда, независимого существования, любви равных - потому нам симпатичны его приверженцы.

170. г. Закаталы. Еще один город на нашем пути - Закаталы, показался очень обрусевшим и современным.

171. От старины в нем осталась, пожалуй, только эта 600-летняя чинара близ главной площади.

172. Город известен своей мощной крепостью на взгорье, в которой до революции стоял сильный русский гарнизон и была даже устроена тюрьма для "революционных смутьянов", в том числе и матросов с "Потемкина".

173. Уже давно ушел с горы гарнизон, а в бывшей крепости теперь школа-интернат. Но русские так и остались преобладающим городским элементом. Однако, скорее сами азербайджанцы становятся

174. русскими. Процесс русификации, вернее, интернационализации, начавшийся в начале века, не прекращается и сейчас.

175. (Из Кудай) Не верят идолам, не чтят Христа из Назарета, И Магомет им не пророк... Что за народ такой? По узким улицам брожу, толкаюсь по базарам. Как человек здесь одинок, как жить в толпе такой?

176. Конечно, наблюдалась у поэтов и смешная реакция на новизну в поведении азербайджанок, как, например, у революционного поэта Закира

177. Мало женщинам теперь своих мужей,

Подавай им сотни новых, да свежей.

Развратило их бесстыдство наших дней –

Без штанов гулять готовы! ...О позор!...

Матерей не лучше дочки - у девиц

Краски спрятаны и кисточки для лиц.

Тем, кто хочет образумить озорниц,

"Пошел ты..." - отвечает бабий хор.

178. Конечно, такое негодование нам смешно, но и быстрое превращение томных восточных красавиц в разнузданный "бабий хор" тоже удручает, и потому, заканчивая диафильм, лучше мы снова вспомним азербайджанскую деревню.

179. Село Баш Дашагыл. Когда мы пришли в Азербайджан через горы, то в селе Баш Дашагыл

180. нас повел к себе ночевать колхозный бухгалтер на пенсии, сельский интеллигент, фронтовик, а ныне сторож и охотник. У него скромная рыжеволосая жена - мать троих взрослых дочек и двоих сыновей. Поздним вечером, они водили нас на свадьбу, а утром провожали на автобус в Шеки.

181. Нам запомнились их благородные лица. Дочерям, удивительно приятным девушкам, образованным, трудолюбивым, энергичным, настоящим звездочкам, возможно, суждено будет разгореться для людей и детей маленькими солнышками.

182. Мы желаем им истинной любви, любви двух равных и развитых существ, где девушка по праву выше и значительней юноши,

183. но только для того, чтобы стать его любимой и в детях продлить свое и народа бессмертие, чтобы возвысить его и себя до непостижимости... Как это сказано у Льва Николаевича Толстого:

184. "...От пятилетнего ребенка до меня только шаг, от новорожденного до пятилетнего страшное расстояние, от

зародыша до новорожденного - пучина. А от несуществования до зародыша - непостижимость". И мы знаем, что эта главная непостижимость есть человеческая любовь.

185. Та любовь, какую описал гениальный Физули, которая слилась для нас с мужеством кавказских башен и нежной красотой цветов.

186. Они вошли без собственных имен/

В сказанье тех неведомых времен.

Я назову Мейджуна и Лейли

Растеньями, что в муках расцвели.

187. Он - юный месяц, чья печаль верна,

Она - золотая спелая луна.

Он - падишах безумья своего,/Она - царица гурий для него.

188. К нему немилосерден черный рок,

Она - летучий беглый ветерок.

Его глаза - кристально чистый ключ,

Ее глаза - сулящий радость луч.

Он мастерски свою расставил сеть,

Чтоб ею, певчей птицей, овладеть.

Он - томный вздох унынья и обид

Она - как жемчуг в раковине спит.

189. Гордится он жемчужиной своей,

И чем она дороже, тем скромней.

Влечет его неумолимо к ней,

Она к нему - все ближе, все тесней.

Их стройные, как лилии, тела,

Навек немая нега обвила.

191. Коснулся оселка стальной кинжал.

Огонь по тленной нитке пробежал.

Как две струны, натянутых на саз,

Двойная их гармония слилась.

192. Меджнун увидел нежный лик Лейли,

В нем волны удивленья выросли,

И он плашмя к земле, как тень, приник.

И перед ним, ослепшая на миг,

193. Она почувствовала, не дыша,/ Как улетает из нее душа.

194. Конец

195. Какой же будет бакинская любовь?

196. этих девушек?

197-200

Лезгины

1. Восточный Кавказ, 1979г. ч.2

2-3. "Последний день шабашки на Мангышлаке вместил в себя перелет через море, осмотр Махачкалы и

4. вечерний переезд в Дербент. В темноте мы дошли до городского пляжа, растянули палатку и заснули, ожидая назавтра солнце, купание в холодном море и давно загаданную Витей встречу со старинной крепостью.

5. Честно скажу, мне была тогда не до нее. Весь поход меня давило предчувствие сгустившейся в Москве беды - следствия, а может быть, тюрьмы. Но разве знала я тогда, да знал ли Витя сам, что опыт Дербента как-то ему поможет?

6. Пустынен утренний пляж, приятно Каспийское море, и сегодня ничем не напоминает о грандиозных битвах у главных ворот Кавказа,

7. об уникальном морском порте с гаванью, окруженном мощными стенами. Время, люди и море уничтожили этот удивительный порт, но зато пощадили другое "чудо света" - городские стены от моря до гор Кавказа

8-9,10. Дербент - мировая крепость и Вавилон

11. Отшагав три городских километра, мы поднимаемся к цитадели Нарын-кале. Люди здесь жили всегда, от каменных и бронзовых времен, по крайней мере, пять тысяч лет назад. Археологи пишут, что первая крепость на этом холме была выстроена, видимо, предками лезгин и окрестных горцев. Уж очень удобно здесь в племенных стычках. За тысячи лет жизни люди наносили 10 м мусора, перемежаемого поясами угля от пожарищ.

12. Археологи все это почтительно именуют культурными слоями, раскапывают, увозят находки в музей, оставляя на

месте лишь строения. То мусульманские бани, то, как здесь, основание еще домусульманского, христианского храма.

13. Но мировое значение это укрепление приобрело, когда появилась сама мировая история, когда в конце VIII века до Р.Х. на первые рабовладельческие цивилизации Ближнего Востока: Вавилон, Палестину, Египет из-за Кавказских гор нахлынули с северных, европейских степей, скифы... Библия и средневековые авторы звали их "гоги и магоги". Первые армии и первая госбезопасность не могли выдержать столкновения с бесстрашными массами первобытно-коммунистических кочевников. А за скифами шли гунны, аланы, хазары, русы.

14. И оказалась, что именно здесь Кавказские горы ближе всего подходят к морю и что крепость на их последнем отроге способна подзадержать продвижение огромного количества тогдашних ковбоев. Звали в античные времена эту крепость Гелдой. Но не сразу нашлись силы для строительства мировой крепости Дербент. Оно началось только через тысячу лет, в VI в., в ходе преобразования Персидского государства, после маздакистской коммунистической революции в эпоху шаха Кавада, разбудившей в освободившихся людях фанатизм и силы для такой великой стройки.

15. О понятии «коммунизм». Вглядываясь в древности Дербента, можно думать не только о практике коммунистов древности. Можно разметать клубок причин, приведших и к возникновению идеологии научного коммунизма.

16. Дербент-Библия-4-й источник марксизма. Пропуская изредка кочевников, Дербент помогал еврейским пророкам вызволить из вавилонского пленения свой богоизбранный народ и создать Библию,

17. укрепить веру в заветы и книгу. А не допуская кочевников в массу, Дербент защищал цивилизацию, заодно и создателей Библии от физического уничтожения. Как известно, от Библии пошли христианство и ислам, а от них в наше время - научный коммунизм.

18. Так на стыке Степи и цивилизации начиналась историческая жизнь лезгин, в союзе и подчинении Югу. Дальновидные правители южных деспотий им помогали, недалекие старались подчинить себе, и тем ослабляли собственную оборону.

19. Внутри цитадели вместо музея функционирует лишь музейная касса, да чадающая шашлычная, но мы не очень о том жалеем. Что могут сказать нам скудные и недостоверные стенды? У отца истории Геродота записаны только слухи о Каспийском походе, известие о взятии Дербента-Гелды Александром Македонским оказалось легендой, знаменитый римский полководец Помпей так и не дошел до Каспия, а еще более знаменитый император

20. Нерон хоть и вправду готовил мировой поход ради устройства в Дербенте римской ключ-крепости, но не успел, был свергнут. И, кажется, только император Византии Маркиан, действительно, присылал сюда строителей. И уж бесспорными создателями доныне сохранившихся стен и крепости являются великие цари сасанидского Ирана - Езигерд, Кавад и сын его Хосров.

21. Дед Езигерд начал глиняную стену от крепости до моря, но был выгнан хазарами. И только Каваду путем всеобщей трудовой мобилизации персов и лезгин удалось развернуть грандиозное строительство: кроме двух городских стен, 40 км Даг-бары вглубь Кавказа, две стены южнее, по 30 км каждая. А главное, Дербентские стены он начал строить навечно, по-арийски, из камня.

22. Завершить, отшлифовать их и довести до ныне видимой вечности довелось сыну его Хосрову.

23. С тех пор и живет персидское название из двух понятий: "бенд" - преграда, стена и "Дьер", т.е. двери-ворота, а вместе - двери в преграде, регулируемые ворота, стена для насилия, ворота для идей и товаров - главное условие существования мировой цивилизации. Стена-граница должна быть с дверью для идей и товаров, но и ворота-регулятор не могут быть без стены-преграды.

24. Правда, через век с южного тыла на сасанидский Иран напали и завоевали его арабы. Но довольно скоро и их ислам оказался новой религиозной формой маздакизма-коммунизма.

25. Через век арабы превратили-таки Дербент в базу своей священной войны с неверными на Кавказе, исламских подвигов, начиная со знаменитого полководца Масламы. И говорит историк: "В огромном халифате, превосходившем размерами Римскую империю, было много ворот, но важнейшими... являлся Дербент. И не случайно его правители отправлялись отсюда на халифский престол".

26. От крепости на три с половиной км к морю тянутся две крепостные стены. Сейчас их еле различишь в современной застройке, но между ними 300-400 м азиатского города, Вавилон с его радостями и горем. Ссылный декабрист Бестужев-Марлинский с восторгом писал:

27. "Заря ахнула от изумления, взглянувши на него впервые: это был поток камней и грязи с трещинами вместо улиц, которых сам почтенный строитель не распутал бы среди бела дня. Все дома родились слепыми, все их черепа были сплющены под адской пятой, все они пищали от тесноты,

28. ущемленные между высоких, длинных-предлинных стен. Все вместе походило, одним словом, на огромного удава, который под чешуей домов растянулся на солнышке и поднял свою зубастую голову крепостью Нарын, а хвостом играет в Каспийском море".

29. Батырай:

Я обвит бедой вокруг,/ Как Дербент, глухой стеной,

Горем горьким окружен,/ Как морями белый свет.

О страдания мои,/ Вы - страданья беглеца,

Что, покинув отчий дом,/ В скалах прячется немых.

30. Нам интересны люди, живущие, а, значит, и продолжающие жить в дербентских стенах. Какими были предки лезгин? Каков их опыт для нас и мира?

31. Ныне, конечно, многое изменилось. Дворец персидского сардара, а потом полунезависимого дербентского хана

разрушен и ожидает музейной реставрации. Сама же власть необратимо перебралась вниз,

32. в новые кварталы. Правда, город не велик по нынешним масштабам. До полей окрестных колхозов-совхозов рукой подать, особенно, если напрямик, через кладбище. Вон оно, лежит серой плешью в окружении одноэтажных пригородных домов. Взгляд с высоты не только обзорен глазу,

33. он как бы разверзает пропасть у нас под ногами. Раньше эта высота давала жителям чувство величия и радостного превосходства над врагами. Но нам теперь - лишь чувство неудовлетворенного любопытства и непонимания: покосились внизу каменные столбики, молчат непробудно. Были люди - стали камни, а живые спешат мимо по своим делам, без чувств и понятий. Одна вот лошадь приостановилась, да, может, призадумалась.

34. Мы покидаем Нарын-калу, спускаемся к мертвецам поближе. Идем, как в гости к самой истории. Со страхом и чуть со стеснением.

35. Что мы про них знаем? Знаем только, что были здесь и персы, и таты, были армяне, но больше всего, конечно, местных албанов-лезгин.

36. Нам известно, что первые гарнизоны и строители Дербента, персы, были людьми особой, государственной веры - зороастризма. Вместе с персами в Дербент пришли и горские евреи, или, как их теперь называют - таты.

37. Легенды горских евреев ведут свой род прямо от Авраама, от того его колена, которое из вавилонского пленения было не возвращено в Иерусалим, а выслано на север великой тогда Ассирийской державы, ближе к Каспию и Кавказу. Они не только выжили, но сохранили свою веру - иудаизм, и даже передали ее частью северным кочевникам-хазарам, став у них управителями и интеллигентами. Правда, в веках, таты утратили свой древний язык-иврит, стали говорить на татском варианте фарси, по виду стали неотличимы от персов, а потом и горцев, научились действовать кинжалом и красть невест. Может, потому слово "таты" толкуется, как

"приспособившиеся". Когда персидские шахи завладели и выстроили пограничный Дербент, они переселили с собой и полезных евреев-татов. Правда, превращение их в грозных и гибких хазарских царей, персы, наверняка, не предвидели.

38. Правду сказать, существуют сегодня и таты-мусульмане, которых больше, так что в литературе не всегда поймешь, о ком идет речь: о татах - горских евреях? - тогда их всего 30 тысяч у Дербента, Кубы и иных кавказских городов. Или речь идет о татах, давно принявших ислам - тогда их число перевалит за триста тысяч... С одним из татов, Аликом Пейхасовым, мне пришлось неделю просидеть в бутырской камере, и убедиться: приспособленность предков-татов не помешали вырасти красивому, самоуверенному, в общем - хорошему, пусть и проходимистому парню...

39. Но еще больше было здесь в те времена христиан. Ведь закавказские страны - Армения, Грузия-Албания-Азербайджан были первыми странами, принявшими христианство, даже раньше Византии и Рима. И именно здесь у Дербента умер и похоронен просветитель Армении и Албании епископ Григориас. Христианство дало албанам-лезгинам великую национальную веру в противовес официальному персидскому зороастризму. Но вот первого и сильнейшего арабского натиска албаны не выдержали. Нет, скорее были просто сметены силой, физически вырезаны. Выжили только те, кто подчинился, стал мусульманином. Как ни странно, но судьба храбро и до конца сражавшихся и легших в эту землю коренных албанов-христиан

40. была много тяжелее, чем, например, судьба не сопротивлявшихся, заранее согласных на вторую роль татов-иудеев. Уцелевшие в исламе потомки албанов вечно несут в себе проклятье памяти о духовном изнасиловании, об измене своей первоначальной христианской вере. Изменившим хуже, чем приспособившимся. И потому, может, лезгинам, потомкам хрупких албанов, сложнее жить, чем гибким татам.

41. Но до чего же тяжела мудрость гор...

Батырай: Пусть у храброго отца /Не родится робкий сын,

Ибо должен будет он/Дать отпор врагам отца.
Пусть у робкого отца /Не родится храбрый сын
Ибо должен будет он /Разделить позор отца...

42. Сегодня в Дербенте и по всей стране господствует совсем иной вариант религии Огня и Мазды-справедливости, северный. И не только в официально-монументальном виде, но и вот в таком, сугубо частном

43. варианте народного сталинизма. Выстроенный кем-то "родник здоровья" любовно украшен свежим портретом последнего Генералиссимуса. Но ведь и раньше Огонь Мазды горел не только у сословия жрецов, ученых и воинов, но у крестьян, у торговцев и ремесленников. Так что жив, еще жив самый первый дух дербентских стен - маздакизма...

44. Мусульманство же стало играть роль неофициальной, только терпимой веры. Соборная Джума-мечеть - самое старое из сохранившихся в Дербенте зданий. Она построена на месте более раннего и, наверное, разобранного христианского храма, и вобрала в себя его черты. Старшее поколение лезгин и иных мусульман-дербентцев и сейчас мечеть считают главной осью своей жизни.

45. У молодых - более сложные отношения с религией предков. Им труднее выковать свою ось жизни. Вместо традиционного коня в небольшом ханстве в эти отношения теперь вклинился автомобиль (и даже самолет) - в общении джигита с бывшими гяурами. Взамен священных текстов в медресе им приходится заучивать ортодоксальный научный марксизм в "университетах".

46. ...Живы в Дербенте и христианские храмы. Разгромленное тысячу лет назад, христианство смогло поднять голову только с приходом русских два века назад - уже как официальная религия русских управителей.

47. С начала нашего века в Дербенте появляется множество армян, спасавшихся от турецкой резни, а, значит, возводятся и армянские храмы. Прямо над базаром, над армянской торговлей, как своим финансовым основанием.

48. И мы с удовольствием наблюдаем за работой каменщиков, занятых, как и полторы тысячи лет назад, основанием города, каменным, церковным, т.е. главным человеческим строительством (реставрация).

49-50.

51. Наверняка живы в городе и традиции татского иудаизма, хотя мы сами и не познакомились с их строителями. Только догадывались, фантазировали и вспоминали рассказы нашего хорошего знакомого, азербайджанца Чингиза, выросшего на этих улицах.

52. Его тонкие оценки татской активности, сознание приобщенности к мировому еврейству и, значит, западной культуре, намек на свободу выезда, некоторое даже зазнайство от своей "природной" интеллигентности и предназначения.

53. Лезгинам же Чингиз давал более насмешливые и сердитые характеристики - как вышедшим из деревень туповатым и хитроватым служакам и чиновочитателям, боязливым и, одновременно, наглым, если в скопе... Говорят, мол, если таты - это горские евреи, то лезгины - это вроде горских украинцев, а что может быть противнее украинского старшины в армии?

54. ...Мы идем по дербентским улицам теперь вниз. От верхней Нарын-кала к наинижнему в мире Каспийскому морю, идем мимо дербентцев, осторожно вглядываясь в нынешних хозяев тысячелетнего мирового города. В этих вечных евреев-книжников, лезгин-службистов, армян-торговцев, русских взамен персов.

55. Стекаем по притихшим от полуденного зноя извечным улицам к морю и думаем о здешней цивилизации, о каких-то неизменных правилах ее существования...

56. Как понять их, чтобы научиться и научить детей жить в великих державах

57,58 счастливо, т.е. свободно и радостно?

59. День второй. - В долине Самура, главной реки Лезгинии.

60. Из Дербента мы выехали автобусом вглубь лезгинских гор, сделав, правда, крюк для посещения более южных Кубы и Кусары, ставших ныне азербайджанскими городами.

61. Дорога Север-Юг, пробитая еще скифскими табунами, римскими и иранскими когортами, ныне превратилась в оживленное благоустроенное шоссе к Ирану. Но нам туда не надо.

62. Вот и зеленая пойма Самур-реки. Шоссе чуть разворачивается и продолжает бег к югу, а мы сворачиваем на запад, начиная непрерывную цепь знакомств с народами Восточного Кавказа - лезгинами, аварцами, чеченцами и ингушами.

63. Через час ожидания, на маленьком юрком автобусе ПАЗ попрыгали почти проселком к самурьим истокам. Всего час - а как все изменилось! Взамен виноградников у моря - выжженные горы, взамен шоссе - пыльная грунтовка, взамен важных и равнодушных пассажиров "Икаруса" - смеющиеся и любопытствующие лица - "А вы к кому?"... Так быстро, и уж почти деревня. Пусть лезгинская - а деревня, глубинка, отдохновение сердцу.

64. Горы становятся выше, дорога - ухабистой, пассажиров все меньше, пока автобус не сворачивает куда-то, а мы пересаживаемся на попутку и катим дальше, с новыми попутчиками, все более проникаясь симпатиям к этим самым лезгинам.

65. В нашем детстве это имя было окутано тайной и страхами, потом осмеяно, а на самом деле это такие славные и скромные люди - лезгины... Ловим их объяснения, шутки, выражения глаз, пытаюсь увязать с прежними представлениями.

66. У родника, где нас угощали, рассказали, что обустроен он в благодарность за исцеление, другие - в память о родителях... Говорили о паломничестве старух на святую гору Шалбулдаг, о приношении даров - как при язычестве - и никто не смеет их взять, иначе погибнет. Вот уже два самолета здесь разбились,

грехи наши тяжкие... И, конечно же, рассказы и жалобы про сегодняшнюю жизнь.

67. Одни жалуются: главное богатство долины - яблоневые сады, себя не оправдывают, не дают сводить концы с концами. Заработки малы, даже бесплатность колхозных яблок и прочей продукции не помогает, да и тяжело идти на кражу людям. Потому сманиваются в город лезгины,

68. пустеют самурские аулы, а есть и совсем брошенные - и в горах, и в долине. Слушая их, становится страшно: не отсохнут ли совсем лезгинские корни...

69. Другие негодуют: народ изворовался, молодежь в безделье погрязла, все в город норовят. С работой бедлам, начальство руководит плохо, нигде нет никакого порядка, вот только при Сталине порядка было больше и цены снижались... А мы огорчались, как будто снова очутились в городе, в среде интеллигентных тоскливых разговоров... Так кто же они, лезгины, - из деревни, или из города?

70. Проезжаем один аул за другим, меняются попутчики, связь лезгинской деревни и Дербента становится нам все яснее. А потом и Джамиль из Гдыма подтвердил: они - бывшие горожане, изгнанные или убежавшие в горы еще при арабах тысячу лет назад... Не дачники, а беженцы после исламского взрыва. Может, отсюда и специфика лезгинского характера? Тоска по мировому городу Дербенту: миролюбие - желание избежать смертельных битв и выжить, что соседями иной раз оскорбительно толкуется как трусость...

71. Думаю, тут уместно вспомнить лезгинский народный эпос, где первая неожиданность: главным героем лезгин оказывается не воин, а ашуг (певец) Лукман из Худата... Он является в Дербент, отгадывает загадки ханской дочери-красавицы, побеждает ее в песнях и женится, добивается счастья.

72. Но позавидовал этому счастью кубинский хан, подстерегли его слуги молодоженов на берегу Самура, поэта избили и бросили в реку, а красавицу - в гарем, к ханскому сыну потащили... Потом, конечно, все кончилось

благополучно. Бике-ханум смогла выстоять и сохранить верность мужу даже в гареме, а Лукмана пожалел Самура, спас, снова он стал играть песни на деревенских свадьбах.

73. И даже когда Лукман встретил на дороге невесту откуда-то взявшееся лезгинское войско, собравшееся мстить за него и отнимать Бике-ханум, он бросается отговаривать от похода:

"Не нужна война - в ней пользы нет ничуть.

Вам же за участие / Я желаю счастья!

Только б Лезгистан расцвел как райский сад,

А войны не надо,/ Войны - хуже ада!"

Его все же не слушают, готовится решительная битва за его жену, но и тут ашуг Лукман вдохновенно мирит: "Дураки всяки,/ прок ли в смертной драке?

Заклинаю вас, кончайте эти войны!

Радует нас песня, а не клич разбойный...

И уговаривает-таки: вместо битвы, враждующие засыпают... А Бике не спит - исхитрилась она как-то выйти на волю никем не замеченная, идет куда глаза глядят. Услышала голос Лукмана - вот и встретилась с мужем, тут и легенде конец. Все обошлось без всяких войн.

74. Вот вам мечты "бедных лезгинских жилищ".

75. День третий - "Ахты - лезгинский город".

76. В огромном и прохладном августовском яблонево саду на берегу Самура, напротив давней общинной столицы, а ныне райцентра Ахты, мы провели вечер, ночь, утро.

77. Сквозь яблоневые ветки смотрели на утренний Ахты, каменный муравейник вокруг трехэтажного куба главной мечети. А если прищурить глаза и включить воображение, то нетрудно представить прежние, очень давние времена, когда садом сплошь цвели все эти горы и исконным, природным, т.е. райским, от Бога. В них-то и жили вольными обществами предки нынешних лезгин - лезги, или, по античным источникам, леги. Жили и строили - не только Дербент под персами, но и для себя - Ахт.

78. Говорят, Ахты был всегда, и уже в 6-м веке выступал против персов Кавада и Хосрова, и, конечно же, был за то

жестоко наказан... А о походах и жестокостях покорителя Кавказа, арабского полководца Маслама бен Абдул-Мелика страшно и говорить, ужас остался в веках. И потом, в длительный период покорности ширван-шахам, а потом - кубинскому и дербентскому хану, Ахты испытывал разрушительные кары. После одной из них, в 1620 году, город лежал в развалинах 8 лет.

79. Но воскрес, поднялся и снова управлял 11 аулами ахтынской общины... Так разве не заслуживает пристального внимания опыт такого жизнестойкого, выносливого народа, выживающего после катков любых цивилизаций, любых деспотий и империй?

80. Сначала мы идем к русской крепости, в которой сегодня расположен какой-то радио- или электрозавод (может, первенец лезгинской индустрии) и куда шастают ахтынцы на работу в три смены.

81. Возведена она была в 1839 году, когда Николай I начал вести планомерное удушение Кавказа с трех сторон: черкесов от Черноморья, чеченцев с севера от Грозного, и дагестанцев с востока, из Дербента. Русские провели сюда дорогу, овладели старой Ахтынской крепостью и воздвигли

82. рядом свою - как базу карательных экспедиций. И ведь крепко стали, раз и навсегда! А Ахты сделали местопребыванием русского начальника Самурского округа.

83. В 1848 году, в пору наибольших успехов войны газавата, имам Шамиль сделал попытку большими силами овладеть гяурской базой, в которой заперлись 400 русских солдат под командой полковника Ф.Ф.Рота. Однако нерегулярные тысячи конных джигитов ничего не смогли сделать с европейской выучкой и мощью имперского огня. Русские дождалась помощи, а в последующие годы перешли в неуклонное наступление на горы, не оставляя там и щелчки для сопротивления... Лезгины были "замирены" одними из первых горцев.

84. Вот тогда-то, наверное, Шамиль и высказал в сердцах презрительную оценку, оставшуюся несмываемым пятном на

репутации лезгов. Он сказал примерно так: "Много на Кавказе правоверных мусульман, много народов. Среди них чеченцы - самые смелые, аварцы - самые верные, а вот лезгины - самые трусливые". Не полная, и потому несправедливая оценка. Пришло время, и сам Шамиль, в "незапятнанной чалме", сдался

85. русским в Гунибе. А потом из ссылки призывал горцев присягать на верность России - ради самой "жизни на земле"! Нет, не трусость это была, а опыт подчинения ради выживания, "героизма на коленях", и может, без принятия такого опыта в наш ядерный век, эпоху не простых империй, а сверхдержав, и жизнь на земле прекратится... Вспомните хотя бы популярный на Западе лозунг: "Лучше быть атомизированным, чем коммунизированным." - А так ли это?

86. Возвращаемся в Ахты... по бетонному узкому мосту - одному из первых не только здесь, но и по всей России - ведь выстроил его какой-то итальянец еще до революции. Давно бетон стал рутинным делом, а здесь, в этом воплощенном каменном средневековье,

87. он выглядит для нас неслыханным прогрессом. Вчерашним вечером мы въехали в Ахты стараниями местного ОБХСС-ника - почти потаенно, в закрытом фургоне для муки, и когда, ошалелые и белые от муки, выскочили на улицу

88. отряхиваться и отплеиваться, то обомлели от смеха и громкого разговора множества людей на балконах. Это сейчас, в жару, они пусты. А вечером заполняются, преимущественно, женщинами, в оживленном общении, что-то обсуждающих. Даже наше смешное появление не надолго приостановило их беседы.

89. Ахты именуется селением. А на деле, конечно, это кавказский, горский город, не азиатского, а скорей, европейского средневековья, и потому

90. его горизонтальные "авеню" пересекаются лезущими вверх "стрит", что превращает город в сплошной небоскреб. Одной из таких стрит-лестниц мы поднимаемся к большой мечети, ныне ставшей музеем.

91. Статус музея - народный, бесплатный, но он огромен и великолепен. Как объяснил его чуть хвастливый, вернее, увлекающийся директор, музей занял второе место в Российской Федерации. Правда, над некоторыми объяснениями директора о найденных им саркофагах из Египта или ядрах от Чингиз-хана, или над пояснениями к амулетам, как они действуют и от чего помогают - мы про себя улыбались.

92. Но разве директор не прав, что это самый народный, и, кажется, самый лучший музей, который мы только видели? Таковы лезгины с их врожденной любовью к знаниям: музей и школы, история и просвещение - в их сердце,

92а. в центре их интересов. До войны только в Ахты действовали 13 рядовых мечетей-школ. А Большая Мечеть была для ахтынцев вроде лезгинского

93. университета для пастухов и садоводов... Сегодня же взамен мулл и муталибов - музей, школы и лезгинские поэты... Послушайте стихи двух знаменитых лезгинских поэтов.

94. Етим Эмин, шариатский судья, "Не ведающему о мире".

Разве с книгой не ведя знакомства,
Можно стройность мироздания знать?

Можно ли, не заводя потомства,
Радость брачного слиянья знать?

95. На равнине - зной, в горах - прохлада,

Добрый - мягок, злой - иного склада.

Разве может разоритель сада /Плодосбора ликование знать?

...Речь твоя, Эмин, людей тревожит.

Берегись, - а вдруг властям доложат?

Кто не странствует, тот разве может

Радость дальних расстояний знать?

96. А вот что писал поэт-рабочий Гаджи Ахтынский

Весь мир снует вперед-назад./ А ты ни с места, Дагестан.

И даже камни говорят./ Что ты беспечен, Дагестан.

Весь мир не покладает рук,/А нам с тобой не до наук.

97. Одним лишь только занят друг -/

Своим желудком, Дагестан.

Перевернись вверх дном весь свет,
Разбейся в прах - нам дела нет.

Нам только б набрести на след /Животной жвачки, Дагестан.
Над шахматной доской застыть, /На сборищах поговорить,
Посплетничать - вот наша прить, /Вот наше дело, Дагестан.

98. О, мы и нужное вершим, /Но, совершив, разносим в дым.
Мы слова общего двоим /Вдвоем не сложим, Дагестан.
Над этой ночью вековой, /Над этой тусклотой мирской
Да вспыхнет мысль твоя звездой
Чтоб стал ты садом, Дагестан!

99. Раскин, о знание, лучи, /Мужчин и женщин обучи,
Чтоб не блуждали мы в ночи, /Чтоб стал ты садом, Дагестан.
Слова, рожденные в крови, /Ты бреднями не назови:
Гаджи страдает от любви /К тебе, беспечный Дагестан.

100. После музея и магазинов, не дождавшись попутки, мы
уходим из Ахты пешком - уже знакомыми городскими
улицами, а потом мимо пригородных

101. глинобитных дувалов. Где-то в глубине сидит мысль: у
лезгинов ведь был поэтом и Сулейман Стальский,
прославитель Сталина. Наверное, это тоже входит в традицию
национального приспособления.

102. Пытаемся понять, а значит, относительно - и принять.
Но, не можем, сердцу, как говорится, не прикажешь. С этими
впечатлениями, затруднениями мы и покинули Ахты.

103. Сразу свернули с течения Самура вверх по его притоку
Ахты-чай, чтобы потом по ручью Гдым подняться к перевалу
через Главный Кавказский хребет. Нас немного пугала
неизвестность перевала и всей дороги, и томило предчувствие
встречи с еще большей лезгинской

104. глубинкой: ночевки, разговоры, понимание - а значит, и
любовь. Предвестниками этого чуда были и клочки огородов
среди камней, где так видны и условия жизни, и характер этих
людей - великий труд каждого, тщательность.

105. И женщины с детьми, несущие чистую воду для питья из
дальнего источника за километр от жилья... Так что же

заставляет их так любить, таким трудом держаться за свою скудную землю?

106. Конечно же, нам повезло. Единственная в сутки гдымская грузовая машина нас подхватила, втиснула в свое месиво людей, мешков, мебели, чемоданов, все в огромном количестве, друг с другом сцепленное, на ухабах подпрыгивающее, друг над другом подшучивающее и поддерживающее... Кажется, нигде за весь поход нам не было так весело, так интересно и счастливо, как в этой разбитой, прущей вверх по речке Гдым, почти без дороги машине - среди таких внимательных, ироничных и интеллигентных людей - обитателей одного из самых высокогорных кавказских миров.

107. Впереди встреча с горной общиной Гдыма, которая высыпет на встречу с машиной чуть не в полном составе. Впереди ночевка в лезгинском доме - ведь мы уже в машине были приглашены учителем гдымской средней школы Тагиром.

108. Горная община Гдым

109,110. Утром, после ранней прогулки, завтрака и сборов, фотографируемся на память. Слева - хозяин, глава семьи Тагир. Рядом со мной - его тихая Салтанат. А между ними дочери с подружкой и младший сын. Старший сын в армии. Милые это люди, радушно нас принимали, жаль, что ответные визиты в Москву им недоступны, а переписка быстро выдохлась.

111. В отличие от своей, почти не говорящей по-русски и никуда не выезжавшей Салтанат, Тагир служил, видел свет, Москву проезжал, учился в Махачкалинском пединституте, выписывает русские журналы и может вести почти все предметы в школе. Чуть хвастливый и простоватый, но очень славный.

112. Принимал гостей из Москвы он по максимуму лезгинского шика, даже чуть смешно. Тагир - истинный сын гдымского общества. Здесь могилы его родителей и дедов, с

незапамятных времен, хотя его друг, историк Джамиль убеждает, что лезгины живут здесь всего тысячу лет.

113. Мы стоим над Гдымом, над бедными террасированными полями этой суровой, но древней цивилизации. Смотрим на дом Тагира, выстроенный им своими руками из окрестного сланца и дальних, из-за перевала, бревен (штука - четвертной). "Раньше аул был выше по склону, я один из первых начал строиться после войны на этом месте, за мной другие, а теперь вот все", - и он улыбается гордостью отца-основателя

114. "А не боишься, - коварно спрашиваем, - что дети уедут? Вот старший женится в городе?" - "Нет, - отвечает он, - обязательно вернется. Сам-то я ездил, и вернулся, и у других так же. Нигде ему лучше не будет". Потом добавляет: "Скоро рудник в соседнем ущелье откроют, дорогу проведут, работы много... Обязательно вернется".

115. Так какой же силой обладает гдымская любовь к детям, умение окружить их заботой, уютом, рукотворной красотой, если они возвращаются на свою бедную родину, где им теплее и лучше, чем на всем белом свете? Разве это - не высший балл в оценке жизненного опыта лезгинского мира, его значения для нас?

116. В отличие от аулов по более богатому Самуру, обезлюденных приморскими соблазнами, Гдым цветет, строится, не думает умирать, сдаваться. Выдержит ли? Не скурвится ли, когда дотянется и сюда дорога-щупальце, обоснуется рядом чужеродный рудник? Ведь до сих пор именно изоляция хранила Гдым, а что будет, когда женщины и дети зачастят в город?

117. У Гдыма в будущем есть лишь одно спасение. Западного, скандинавского типа: пока не поздно, вбирать в себя мир и стать культурней, лучше города. Чтобы вернуться в него стремились не только свободные мужчины, но и свободные женщины, все дети.

118. Много мы видели на Кавказе умирающих селений. Гдым - исключение. И как же нам не пожелать своим лезгинским хозяевам счастья и будущего?!

119. К 11 часам мы распрощались и зашагали вверх по Гдымчаю - к перевалу на юг. Нас сопровождают до развилки Тагир с другом. Беседуем. С сожалением оглядываемся на далекий уже Гдым.

120. Проходим мимо праздничного многолюдья и многобаранья - стрижка овец, сбор шерсти - основной здесь урожай, главная статья вывоза и основа ремесла. Салтанат и ее дочери не только ковры ткут. Мы уносим ее подарок - детские вязаные чупячки.

121. Нас, в сопровождении двух уважаемых учителей, весело приветствуют, как гостей, вся гдымская община. Видно, что туристы здесь редки, еще не надоели, и мы наслаждаемся этим фактом на все сто.

122. Однако главное впечатление - заключительный разговор с историком Джамилем, которого мы про себя определили интеллигентом без всяких скидок на провинциализм. Он сразу чувствует наш интерес и потому говорит о главном и необычайно уверенно, даже красиво, как давно выношенное:

123. "Нет, мы - лезгины, обречены. Когда-то мы были христианами и бежали в эти горы, чтобы выжить. Правда, выжили, хоть и стали мусульманами, душа только помнит. Эти горы вокруг и люди в них - это ведь сплошь беженцы.

124. А вот сейчас, когда опасностей нет, народ будет стремиться спуститься снова к удобствам приморья. Лезгины будут уходить вниз и потеряются там. Но станут ли они счастливее в городах? Без веры и традиций, с одним лишь заветом выжить во что бы то ни стало?"

125. И мы согласны с Джамилем в том, что спасение лезгинов - именно здесь, в свободном общежитестве их с горами, дорастивая здесь деревенские миры до современной нации. И в этом роль гдымских интеллигентов-просветителей, Тагира и, особенно, Джамиля, - решающая. В их руках - спасение лезгинского имени в веках. Успеют ли?

126. Мы ничего не говорим такого Джамилю и Тагиру, только в последний раз благодарим их за проводы и

гостеприимство, прощаемся и продолжаем путь к перевалу уже в одиночестве.

127. Лезгинский табор

128. Поднимаемся ущельем, движемся к космосу, проворачивая в голове тяжелые мысли в уже почти безжизненных горах - о самом страшном, о конце жизни на земле в ядерном потоке... Лезгинский Гдым, может, спасется в этих суровых горах, а мы? Теперь?

130. А может, народам надо сдаться на милость мировой ядерной власти - ради всеобщей жизни? Ведь все что угодно, даже быть американизированными (как думают многие из нас) или "коммунизированными" - как страшатся на Западе - лишь бы спасти будущее детей, лишь бы не быть превращенными в атомы. Может, надо даже согласиться стать рабами у новых повелителей ядерного и космического оружия?

131. Но разве только в отказе от собственной веры был ответ лезгин? Разве не в их бегстве в горы и отказе от озверевшей цивилизации? Разве не в упоре на теплоту человеческого родства в суровых горах - самое ядро их "героизма на коленях"? И может их опыт, претворившись в опыт современных мирных движений, таких, как партии "зеленых" в Европе - все же спасет наш зеленый мир?

132. Последний серьезный подъем к перевалу мы ведем прямо по плотному, зачерневшему от августовского солнца снежнику.

133. Удобная и приятная дорога - снег летом. Да еще ожидание близкого перевала.

134. Вот он - пересекается ровной и удобной тропой, почти дорогой.

135. А по ней весело топают караван лезгинских детей, возвращаясь с азербайджанского юга, с летних богатых пастбищ в школу соседнего села Хнев. Ведь через день 1 сентября. Ребятишки и даже девчонка в красном - босиком, и камни, и снег, им, наверное, - нипочем. Счастливые дети!

136. Но вот они переходят на другой склон начинающегося ущелья и, не мешкая на перевале, подобно нам, быстро, весело, привычно спускаются

137. вниз, домой, чтобы там в своем высокогорье продолжить свой духовный рост.

138. Нас же крутой спуск ведет в лесистый юг Закавказья. Длинный, длинный до умопомрачения спуск. После него наши ноги неделю не могли отойти от усталости.

139. Вон, далеко внизу виднеется поляна, у края которой мы только и смогли остановиться на обед и отдых.

140. На другом ее краю - летовка и балаганы с семьями лезгинских пастухов. У этих женщин мы чаевничали, слушая их пересуды-рассказы, и отдыхали. Последняя встреча с лезгинами, уже просто в первобытном

141. таборе. В драном палаточном вигваме живут пастухи, их жены и дети на свежем воздухе и молоке... Хорошо живут, как на даче - но без споров и коммунальных дрызг. Так нам показалось...

142. Живут в общении с рекой, лесом, пастушьими собаками и стадами. Библейские времена еще длятся в горах Лезгинии...

143. Высоко над этой летовкой в горах мы проходили мимо одинокого чабанского приюта у родника для людей и овец. Какой-то горец отделал камнем и бетоном (как он только смог?) и родник, и оригинальный купольный приют, о смысле формы которого мы и тогда, и сегодня

144. продолжаем строить догадки. Как смогла приземлиться в лезгинских горах эта непальская ступа, эта космическая тарелка? А может, и права теория кармы, и именно в лезгинов переселяются последователи индуусской кротости и непротивления злу насилием? Может, строитель этого приюта был в прежней жизни великим зодчим индуистских храмов? Да, кто знает, что и как связано в этом мире и где в следующем поколении могут очутиться буддистские ступы или кому пригодится лезгинский опыт жизни.

145. Етим Эмин. Терпенье - беднякам,/Похлебка - старикам, Осанка - молодцам,/Свет солнца - мирным дням

О, как подходит!

146. Недужному - уход,/Воителю - поход,
Отважному - почет,/А соколу - полет,/О, как подходит!

147. Преданья - людям гор,/Неправде - приговор,
Волне морской - простор,/Зурне - лихой танцор,
О, как подходит!

148. Любви - безмерный срок /И верности залог,
А миру - ложь, подлог,/И зыбкость, и порок,
Писцу - бумаги клоч,/Чернильный пузырек,/О, как подходит!

149. Конечно, прав Етим,/Твердя стихом своим:
Свет мудрости - седым,/Цвет жизни - молодым,
Богатство щедрым сим,/О, как подходит!

150. Конец.

Аварцы (Чабаньи горы). Начало.

1,2. Восточный Кавказ,79г. ч.3

3. "Дагестан принадлежит большой истории, как Рим, Бородино, Перекоп... Не могу не пытаться объяснить сегодняшнего горца тем удивительным наследством выдержки и упорства, которое позволило ему 50 лет размахивать кинжалом перед лицом русской империи на глазах всей Европы. Народы, учитесь у горцев, на что способны люди, желающие остаться свободными», -Карл Маркс. В 1848 году, колеблемом революциями, К.М. даже надеялся, что "своим кинжалом он свалит с ног всеевропейскую жандармскую собаку".

4. "Кавказ ... явится могучей преградой, о которую разобьются все силы реакции... В диких горных ущельях слышен не только вой ветра, но и революционная песня затаенных надежд истинных сынов демократии... То, что во время Шамиля, борьбы горцев за свою независимость, бледнеет перед тем воодушевлением, которое охватило сейчас все народности Кавказа". С.М.Киров. 1918 г.

5. "Дагестанский народ в лице красных партизан в боях с Гоцинским защищал советскую власть, доказал преданность

красному знамени. Высокое доверие было оправдано дагестанскими народами в будущей борьбе против наших общих врагов". И.Сталин, 1920 г.

6. "Потомки легендарного Шамиля наносили немецким захватчикам могучие удары. В героической защите Кавказа есть немалая доля заслуг и воинов-дагестанцев". Комдив Сызранов. 1943 г.

7. "Можно привести еще много высказываний Маркса и Энгельса о том, что Шамиль не был демократом, что он являлся орудием в руках султанской Турции и английских колонизаторов. Как тогда понять позиции историков: Дружинина, Панкратовой, Заходера, Сечкиной, Закс и др., превозносящих мюридизм и его вождя - Шамиля? Разве поджигатели войны американо-английские империалисты не используют религию в борьбе против авангарда прогрессивного человечества - Сов.Союза?" М.Д.Багиров, 1950 г.

8. День 1. Подъем.

9. В Аварстан, главную часть Дагестана, мы поднимались с юга, от многолюдной грузинской деревни Шилда. За спиной мы оставили знакомство с историей якобы восточных азербайджанцев

10. и якобы трусливых лезгинов. Впереди нас ждал опыт жизни аварцев. Но вот остались на пасеке попутные пчеловоды, и мы продолжили свой путь в страну Шамиля самостоятельно.

11. 125 лет назад именно этим ущельем двигались отряды Шамиля в попытке соединиться с единой Турцией. В те годы Крымской войны Европа поднялась в защиту Турции и союзных с нею горцев. Это был пик надежд на победу Шамиля.

12. Однако Европа быстро замирилась с русскими под Севастополем, а горцы, получив в Грузии отпор, откатились назад по этой же дороге, прихватив в плен семью "русского" генерала Чавчавадзе.

13. Не предвещая приемы пропаганды XX века, Шамиль без смущения писал турецкому главнокомандующему Омар-паше: "Я выходил к вам с большим войском, но невозможно было наше соединение по причине сражения, бывшего между нами и грузинскими князьями. Мы отбили у них стада, имущество, жен и детей, покорили их крепости и с большой добычей возвратились домой. Радуйтесь и вы!"

14. А еще раньше из похода под Грозный мюриды привезли вождю в дар семью армянского купца, дочь которого, Ани, вознеслась до положения любимой жены самого имама, великого "демократа и героя Европы", полубога между небом и землей... Только была ли счастлива сама Ани от такой нагорной высоты?

15. Кадрия: "Путь к себе".

Сквозь гул безумный ваш,/ Кавказские потоки,
Мне б словом прорасти,/Нанизывая строки.

16. Мне б словом прорасти, /Как давнее поверье,
Намереваюсь сквозь/Вершин высокомерье.

Сквозь шепот буйных трав/ И красные тюльпаны,
Покрывшие собой/ Альпийские поляны.

17. Сквозь тайнства и даль/Всех птичьих перелетов,
Сквозь тонкий смысл страниц/И толщу переплетов.

Как стебель, прорасти/Я рвусь сквозь вековое
Народа моего/Молчанье роковое.

Был мир таким, как есть,/Мной принят нелукаво,
И мне не доверять /Его лишаю права.

18. Но странное дело. Перечитывая это стихотворение, чувствую некоторую отчужденность. Похоже, я есть меньшая личность, более восточная женщина, чем эта горская поэтесса...

19. Зная справедливость французской пословицы (во всем ищи женщину), фильм о характере аварского народа мы начали с облика горской женщины.

20. И раньше горская женщина совсем не походила на забитую мусульманку из гарема. Вот свидетельства начала прошлого века: Декабрист А. Бестужев:

«Дома горцы тихи, гостеприимны, радушны, не прячут ни жен, ни дочерей, за гостя готовы умереть... Но когда приходит нужда обороняться - никогда я не видел столько крови и храбрости на столь малом пространстве... Полюбуйся на смелость женщины.

21. Пули жужжат как мухи, а им и горя мало! Дстойные матери и жены богатырей!

22. Не только войнами, время Шамя было сурово и законами. Не раз Шамиль твердил народу: "Человек, не исполняющий законы шариата, не исполняет повелений Бога. Такой человек не должен жить ни минуты. Я сделаю что-нибудь противное шариату, сейчас же рубите мне голову. Если вы не будете исполнять законов, я буду вам рубить".

23. Но вот знаменитая Анхил Марин. Родилась близ Гуниба в 1840 году, ее молодость прошла в государстве Шамя, но ее песни - о любви - свободны и дерзки. И хотя по легенде ей зашили рот, на деле она умерла уже в XX веке 65 лет отроду.

Держать все равно мне перед Богом ответ,
Приди, ясноокий и, чтоб ни случилось,
Сольемся с тобой мы, забыв целый свет,
/А после сдадимся разлуке на милость.

24. Ужель осквернится мечеть оттого,
Что я появлюсь в ней, хоть я не святая?
Иль тень упадет от греха моего
На тех, с кем несется ладья золотая?..

25. На кручи взлечу, поселюсь вдалеке
От пестрых ворон и всезнающих улиц,
На сваях жилище построю в реке,
Чтоб сплетен не слышать кудахчущих куриц.
Шипящие гадины, долго иль нет/
Вонзать в мое имя вы будете жала?
Пусть пальцами тычет в меня хоть весь белый свет,
Пройду, не сутулясь: кремневой я стала.

26. Но вот мы и распрощались с грузинским лесом, выбравшись на открытые пастбища, преддверье Дагестана.

Встретившиеся пастухи показывают, прежде всего, наверх, дорогу к источнику Шамиля, и рассказывают,

27. как страдало когда-то здесь войско Шамиля без воды. Но вот ударил святой имам посохом камень, брызнула ключом вода и не иссякает до сих пор во имя Бога.

28. И так все время: камень Шамиля, башня, дорога, крепость, беседка... Каким бы ни был этот суровый человек, он сформировал народ и остался в нем навеки.

29. С трудом мы поднялись над чабанским табором и вышли на длинную дорогу до пологим хребтам-полонинам, постепенно влезая в грозовую серость. Так начался наш путь по Аварстану:

30. Гамзат Цадаса:

Всех длинней у того дорога, / Кто в наплывах солнца и тумана
Вдалеке от отчего порога / Ищет человека без изъяна.

31. Неужели поэт так мудр, что подобно М.Я., смог угадать нашу главную слабость - поиски идеальных людей и порядков вдали от собственной земли и дома? Неужели и наша дорога будет бесконечно длинной, в бесплодных наплывах тумана и поисках, а дома - не найдем? Аварцы ведь находили...

32. Р. Гамзатов: Путник, помнишь ли отца?

Иль похож я на глупца?

Белым днем и под луной / Мой отец всегда со мной.

- Молодец, коль связь времен / Держишь, честью наделен,

Отделив от правды ложь, / Ты в пути не пропадешь!

33. Путник, помнишь ли ты мать? / - Грех ее позабывать.

Белым днем и под луной / Всякий час она со мной.

Если мать с тобою, / Ты Преисполнен доброты.

И готов вину простить, / Зло на сердце не таить.

34. - Путник, есть ли в честь заслуг / У тебя надежный друг?

- Белым днем и под луной / Верный друг всегда со мной.

- Впрямь завидная чета: / Два меча и два щита!

35. - Путник, сердце мне яви, / Может, нету в нем любви?

- Белым днем и под луной / Всякий час она со мной.

Дорог, путник, вижу сам, / Ты земле и небесам!

36. День 2. Чабаньи горы

37. Вчера вечером при спуске мы едва убежали от дождя к чабаньему становищу, к которому так же спешили овечьи цепи, подгоняемые лаем собак. Под криком хозяина они присмирели и пропустили нас, а мы очутились в сухости и тепле бурок и горячей еды.

38. Наше намерение держаться отдельной палаткой было сразу сломано. И так сладко было отдаться их отеческой безрасчетной заботе, что спали мы долго-долго, как в детстве.

39. А сейчас вот вышли смотреть, как Магомет и Константин режут барана. Только что он стоял, доверчивый и красивый.

40. И вот уже перерезано горло, прошли судорога, свежевание, разделка - и псы жадно лакают лужицу крови, тело вывалено мясом из овечьей шкуры и холодно стекленеют еще недавно живые глаза. Ритуальное и реальное убийство в нашу честь... Смерть ради жизни... Очевидное зло ради добра. Одно из самых простых, самых основных нравственных противоречий жизни.

41Р.Гамзатов:Ты безгрешна до того,/Что почти святою стала.
Не загрызла никого,/Никого не забодала.

Дважды в год тебя стригут /До последнего колючка.

И однажды в пять минут /Шкуру начисто сдерут,

Бедная овечка,/Бедная овечка!

42. Человек родился: пир! /- И венчаешь ты шампуры.

Человек покинул мир - /И осталась ты без шкуры.

Настежь дверь пред кунаком, /Идохнула жарко печка.

Укус смешан с чесноком, /Изапахло шашлыком

Бедная овечка, /Бедная овечка!

43. Не было шашлыка и специй. Было вареное горячее мясо и вареное тесто - доотвалу, и с собой в дорогу. Была короткая, чуть напоказ, грызня, а потом умиротворенность пяти сильных чабанских псов с их давно уже установленной иерархией, так похожей на некоторые городские сообщества. Наконец, был еще праздник человеческого общения с Магометом из Хунзаха и Константином из-под Махачкалы.

44. Магомет из Хунзаха - как Иван из Москвы. Устроив нас, ночь он провел среди овец и жуткого волчьего воя -

расплодилось их уйма! Магомет трогательно любит семью, стеснителен в общении с нами, но, видно, решителен и смел. Надо - зарежет, не моргнув, барана. Надо - не дрогнув, сам пойдет на смерть.

45. Гость для горца - как звезда в зените.

Только в горы, помните о том,

Хлеба и вина вы не берите -/Встретят вас и хлебом, и вином.

..Вы с собой оружие не берите./На дорогах до седых высот

Каждый горец - ваш телохранитель./Сам погибнет, но друзей спасет.

46. Константин нам показался более разговорчивым и более столичным. Он пожилой и добрый, наверное, хлебнул и военного времени, и следующего за ним.

47. Р.Гамзатов "Мой Дагестан"

Веками учил ты и всех, и меня

Трудиться и жить не шумливо, но смело.

Учил ты, что слово дороже коня

А горцы коней не седлают без дела.

48.Основную часть этого дня мы шли верхними дорогами, держа "Кавказ под собою" с аулами в глубоких пропастях. Изредка на склонах виднелись

49. отары, значит, были там и чабаны, почти кочевники, древние - и такие молодые, красивые люди. Давний фильм "Русская свинарка и дагестанский пастух" совсем не случайно выбрал для прославления эту пару: лучшую женщину и лучшего мужчину:

Они в горах живут высоко /С времен Пророка ли, Бог весть,
И выше всех вершин Востока /Считают собственную честь!

50. Полгода отшельниками живут чабаны в горах, почти святыми, под властью великого воспитателя-Природы. Возвращаясь с гор, они тушуются, теряются среди хитрого люда, вынуждены жить по правилам испорченных городов, невольно подчиняясь им.

51. Но представьте, что найдется человек, знающий, "как надо!", и скажет, что чабан должен не слушаться, как ребенок, а напротив - исправить заблудших в разврате горожан,

привести их к правилам горской жизни. И тогда привычная к кинжалу рука не дрогнет...

52. О смелом, что крови испил с коня,
О храбром, что мяса вкусил с клинка,
О старом, совсем не забытом событье
Скажу вам всю правду, лишь не торопите...

Народ их встречает, покинув жилища.

Пускай охранит их Аллаха рука!

...Кази, врагов истребляя полки,/Окрасил потоки Самура-реки,
Надолго оставив там отблеск пожаров.

Кази-богатырь, истребитель каджаров!

53. И такие люди находились в истории -от Магомета и Чингиза до Хомейни и Пол Пота... А в этих горах таким пророком был Шамиль.

54. Мы спускаемся с последнего обрыва и через клочки полей и огородов попадаем во двор горского бунгало, где нас встречает бабушка - первая аварка. Законы гостеприимства незыблемы, и вот ее помощницы - девушки

55. школьного возраста выносят айран, творог, лепешки... Поглощая угощение, не могу не восхищаться двумя будущими горскими красавицами, пока еще Золушками. И, думаю, имею право продекламировать по случаю аварского лирика Чанку:

Когда б за стройность награждал невест/
Правитель, восседающий на троне,
Ты не один уже имела б крест,
Как самый храбрый в русском гарнизоне.

56. Когда б красою плеч определить
Царь степень чина повелел в указе
И стал в горах погоны нашивать
Была бы ты - наместник на Кавказе.

57. Шутки шутками, говорим мы себе, продолжая уже недалекий путь к Бежте, а этим милым девочкам предстоит стать мудрыми горянками, матерями, главной народной связью.

58. В горах джигиты ссорились, бывало.
Но женщина спешила к ним, и вдруг

Платок мужчинам под ноги бросала,/И падало оружие из рук.

59. О, женщины, пока в смертельной злости

Не подняли мечей материки

Мужчинам под ноги скорее бросьте

Свои, в слезах намокшие, платки...

60. День 3. Бежта

Путь до Бежты даже по хорошей дороге оказался длинным и душным. А ночью случилась такая гроза, такие ливни и сотрясения гром-молний, такой силы, какой мы никогда раньше не слышали, и благодарили судьбу, что находимся не в палатке, а под надежной аварской крышей.

61. Утром, сырым и пасмурным, с трудом решились расстаться с блаженной мягкой постелью в отдельной комнате и через лабиринт второго этажа добрались до галереи к речке, ставшей за ночь почти Ниагарой.

62. Только взамен индейцев на ее берегах мелькали красные фигурки женщин, бегали дети, изредка и неспешно дефилировали величественные всадники и еще более величественные милиционеры... Налаженная жизнь, почти цивилизация.

63. Но в какой связи эти всадники и милиционеры с воинами и наибами Шамиля? - Жаль, что не дано нам проникнуть в суть этого мира, даже поживи мы здесь не один день, а месяцы.

64. Ночная гроза размыла и засыпала во многих местах дорогу - единственную связь Бежты с внешним миром, и лишь следующей ночью мы смогли выбраться

65. из бежтинского ущелья, наяву ощутив замкнутость бежтинского мира.

66. Понятно стало, почему в горах выросло так много разных народов - чуть ли не в каждом ущелье. И какое же было чудо, когда в годы Шамиля эти общины-ущелья стали единым народом, славной, всемирно известной горской нацией! Такие сторожевые сигнальные башни заменяли нынешние радио и спутники, вызывая изумление у русских. Вот отзыв 1868 года:

67. "Здесь всякий переход из аула в аул, от общества в обществе - своего рода подвиг, риск, и, во всяком случае, большой труд, а между тем общение замечательное. Вести, новости разносятся в горах с изумительной скоростью и приказания начальства, власти, исполняются здесь так же быстро, как бы страна перекрещивалась телеграфными проволоками".

68. Нашим хозяином и провожатым по Бежте был Нуджамин - вон стоит с моим рюкзаком за плечами, рядом с двоюродным братом. Студент педвуза в Махачкале, Нуджамин очень гордится родными местами, предками - красными партизанами, родичами, домами, обычаями, всей этой землей.

69. Он-то нас и подхватил вчера на дороге к Бежте, повел в дом своего дяди, а утром непременно хотел угостить обедом в родном доме - в соседнем с Бежтой ауле,

70. поразительно напомнившим нам Закарпатье.

71. В доме была только сестра, ей и пришлось накрывать нам на стол. Хотя делала она это внешне почтительно к брату и его гостям,

72. но нам нетрудно было заметить, что на самом деле выполнение такого обычая ей уже не нравится и вполголоса она что-то ему выговаривает. Да и вправду, трудно современной девушке выдержать обычай, по которому брат в любое время может привести в дом незнакомых людей, будет сидеть с ними и разговаривать, ожидая, когда ты, сломя голову и отбросив собственные планы, станешь им готовить и подавать. И почувяли мы, что не могут долго держаться и в этой глубинке старые аварские обычаи. Прошли времена традиционного разделения обязанностей, когда каждый горец был прежде всего воин, защитник женщин и детей, а редкий гость с ним - его соратник и брат.

73. Сейчас этого уже нет и, наверное, отомрет такое широкое гостеприимство мужчин и тяжелый труд женщин. И все же жаль, если совсем исчезнут открытость и широта аварских мужчин, если уменьшатся выносливость и сила аварских

женщин. Нет, не могут они окончательно исчезнуть - жив будет аварский характер.

74. С удовольствием снимаю семью каких-то Нуджаминовых знакомых. По-доброму завидую их добротности, хотя, конечно, сам никогда не решусь покинуть добровольно Москву.

76. Но знаю: даже нам с Лилей, выросшим в полугородских условиях, жить счастливо - способней, чем нашим, уже совсем городским детям.

76. Расул Гамзатов понимает это:

77. Благодарю кремнистый краж родной,
За то, что воспитал меня ты строго.
Пастушью плеть повесил надо мной,
Чтоб о себе не мнил я слишком много.

78. Кремнистый край родной, благодарю,
Он отучал от слюнь, от кислой мины,
Он брил без мыла голову мою
/Опасной бритвой поперек щетины.

79. Моих незрелых виршей тиражи
Он чабанам вручил на самокрутки.
Он научил меня народной шутке.
Он полуправду ненавидел больше лжи.
Благодарю, кремнистым край родной...

80. Вот так же, полтора века назад, аварский аул Гимры воспитал и Шамиля:

Когда над верхнею губою у Шамиля белел пушок,
И босоногою гурьбою Шамиль командовать лишь мог,
Сказал о нем еще в ту пору/Старик гимринский как-то раз:
"Дымиться он заставит порох /И будет гром на весь Кавказ!

81. Но дело не только в порохе, далеко не в нем, Шамиль для Кавказа был не только полководцем, но, прежде всего, Имамом, духовным вождем, Сталиным и Хомейни одновременно.

Удивительная закономерность, но, чтобы вдохновить чабанов, объединить горские миры в единую нацию, необходимо было, прежде всего, новое заморское учение, отменяющее все

прежние противоречивые заветы-адаты ущелий. Таким учением для Кавказа стал мюридизм,

82. зародившийся в благословенной Бухаре. Бухарец Хас-Мохаммед видоизменил старинный суфизм и принес в Дагестан как мюридизм.

Грубо говоря, это учение о трех степенях совершенства. Первой могут достигнуть и добровольные миряне, если будут соблюдать закон Корана - шариат. Второй степени может достигнуть только мистик, избравший "тарикат", т.е. путь единения с Богом через умерщвление плоти и беспрекословное послушничество у старца-имама. На этом пути можно достигнуть третьей ступени совершенства и стать самому имамом.

83. С 1823 года начала готовиться исламская война на Кавказе. Имамом стал талантливый Гази-Мухаммед, который спустя шесть лет после начала своей проповеди имел уже 15 тысяч послушных себе мюридов - настоящую партию-армию. Он-то и объявил русским - газават - священную войну. В числе его сподвижников был и Шамиль. Так началась история длиннейшей и тяжелой для России войны.

84. В основе сопротивления горцев оказывается стремление к таким простым идеалам, как ясный закон-справедливость для мирян и безусловное повиновение "партии мюридов"... Т.е. что-то вроде сталинизма... И очень важно понять, почему столь жестокое учение

85. привлекло сердца простых и очень хороших людей - чабанов, горцев, живущих в своих горах и аулах извечной крестьянской, как говорят сегодня "самодостаточной" жизнью...

86. Наверное, дело тут не только в детской задиристости Шамиля, и даже не только в тоталитарности занесенного с Востока учения. И не только во внутренних причинах развития горского общества - ведь тыщи лет эти аулы жили невидной миру жизнью и могли бы так жить следующие тыщи. Но пришло к ним нечто, сломавшее привычное и потребовавшее отпора. И этим "нечто", как я думаю, был

приход русских соблазнов. Вернее, как и везде во всем мире - приход через русских Запада.

87. Нет, нет, спешу оправдаться перед Западом - это невольная его вина, а может, с моей точки зрения - невольная заслуга, что от прихода русских кавказские миры неожиданно для самих "освободителей" начали рушиться и приходиться в грозное движение.

88. Вот и кончился наш третий день, начавшийся так светло гостеприимством Бежты, но наполненный, в основном, выжиданием на попутках перед расчисткой очередного дорожного обвала. Уже почти в темноте нам и еще двум аварцам пришлось испытать на себе непреклонность воли дагестанских милиционеров, снявших нас с грузовика (мол, не положено), не обращая внимания ни на просьбы, ни на осуждающие вздохи шоферов.

89. Ночевать в узком ущелье, почти на дороге, было невозможно, и мы вместе шли оставшиеся 12 км до Аварского Койсу в темноте...

90. Осталось только утешать себя, что при Шамиле было б хуже и за нарушение шариата давно б уже бросили в Койсу.

91. А тут -мы все же дошли до селения и, никого не тревожа, поставили палатку у какого-то огорода.

92. День 4. Хунзах

93. Недолго мы спали. Одной из первых ранних попутных машин покатали вниз -быстро, лишь иногда увязая в овечьих отарах.

94. После селения "Советское" ущелье кончилось и шоссе заплетало по широко раздавленной долине, в которой помещается уже не одно-два горских общества, а целая страна.

95. Аварцы всегда были ведущей народностью в стране гор. Их язык даже служил межнациональным средством общения в Дагестане, как русский в России. Сейчас эту роль выполняет русский язык, и потому Расул Гамзатов беспокоится о существовании аварского языка. Но вот роль аварцев, как крупнейшего в Дагестане народа, растёт. Если до войны

аварцев в республике было меньше пятой части, то теперь - приближается к трети.

96. Аварские селения на склонах рыжих гор, как птичьи гнездовья - не заустевают, держатся верностью земле. Если не лезть совсем уж в седые глубины истории, то можно сказать: страна аварцев веками жила на основе своих обычаев, подчиняясь миром выбранным судьям-кадиям и политической власти выборного нуцала, одновременно служивших арабскими или иранскими наместниками. Жила независимо и традиционно.

97. Конечно, были и набеги завоевателей с севера и юга, были и внутренние ссоры, была, наверное, и домашняя эксплуатация соплеменников. И, тем не менее, убежден - это была свободная, в основе, здоровая страна. И существовала она до 18-го века, т.е. до петровских реформ, давших России силы распространяться и на Запад, и на Восток, и на Юг. С Турцией, правда, тогда не вышло, зато Каспий был захвачен в 1722 году одним ударом. Потом русским пришлось частично отступить, но равновесие жизни кавказских народов было поломано.

98. Оставшись без иранской уравнивающей руки, местные правители ринулись в кровавую борьбу за сферы влияния. Верх довольно быстро взял аварский нуцал, с XV века считавший себя независимым в неприступном плоскогорье за этими склонами. Он объявил себя аварским Омар-ханом и набегами наводил страх на соседей. Даже азербайджанские ханства и грузинские царства предпочитали платить ему дань.

99. Но этого было мало. На золотые халаты и наложниц хватало, а вот на закупку европейских благ и оружия - денег было мало. Приходилось выдавливать их и со своих, а те - не давались... Вот и создался обычный букет негативщины для народа, "осчастливленного контактом" с более высокой цивилизацией: утрата им демократической старины и угроза "вторичного порабощения".

100. К тому же еще и казаки вытесняли кавказцев с плодородных равнин в бесплодные камни. Жить становилось хуже, а поборы - больше. А когда беки и ханы признали русское подданство (а это случилось довольно скоро), к лишениям материальным присоединились мучения моральные.

101. За первую четверть XIX века созрели условия для горской революции: для пламенной проповеди Кази-муллы, для отчаянных повстанцев Гамзат-бека и, наконец, для властной крутости "отца отечества" Шамиля.

102. Дальше наш путь лежал по Аварскому Койсу до поворота на Гуниб, откуда прямая дорога уходит на нынешний Буйнакс, бывшую шемахальскую столицу, и еще дальше - на Махачкалу-Тарки. Но мы оставим современность и Махачкалу напоследок, а расскажем сначала о своих выходах вправо и влево от реки.

103. Начнем с главной дороги Шамиля - с подъема влево на Хунзахское плоскогорье, неприступной стеной стоявшее долгие годы перед горскими революционерами. Первый имам Кази-мулла так и погиб в штурмах русских крепостей, имея в своем тылу несдавшейся эту ханскую резиденцию...

104. Кончился наш нудный пеший переход по пустынной жаркой дороге. Нас подхватывает попутный грузовик и прет прямо на стену, на штурм, наполняя душу восторгом. Вперед, на неприступную аварскую твердыню! Скоро мы увидим и столицу ханов, и родной аул Расула Гамзатова, от которого большинство из нас и узнало о существовании на свете аварцев.

105. Родился я в горах, где к ущелью
Летит река в стремительном броске,
Где песни над моею колыбелью /Мать пела на аварском языке.

106. Она тот день запомнила, наверно,
Когда с глазами, мокрыми от слез,
Я слово "мама", первое из первых,
На языке аварском произнес.
Порой отец рассказывал мне сказки

.Ни от кого не слышал я таких
Красивых и волшебных. По-аварски
Герои разговаривали в них.

107. Поразительная для гор картина открылась нашим глазам,
как только машина вскарабкалась на подъем. За обрывистыми
сбросами, в которые ручьи и речки срываются жемчужной
пылью,

108. тянулась слабо-холмистая равнина с низкой крепостью
на бугре и разбросанными вокруг селениями. В одном их них,
Цада, и стоит родная сакля Гамзатова, ныне музей.

109. Старый Гамзат писал домой из Москвы:

Все чаще мне снятся ручьи, перевалы
Все чаще мне снятся цадинские скалы.
У той бы мне печки погреться немножко,
В духовке которой печется картошка!
Подняться б на крышу, любимые дети,
Родной наш аул наблюдать на рассвете!

110. Но мы не пошли в Цаду, не искали музей. Мы вообще
мало пробыли в древней столице Хунзаха, оказавшейся вблизи
довольно рядовым поселком... Как будто оказались где-то на
среднерусской возвышенности, где современность тоже
уничтожила почти все следы великой истории. Только два
примечательных места запомнил наш фотоглаз - водопад и
русскую крепость с башней Шамиля.

111. Бог знает, почему ее так называют, имела ли она какое
отношение к знаменитому имаму, больше штурмовавшему
Хунзах, но она дает повод нашей памяти вернуться в годы,
когда огромная армия мюридов, поднявших-таки трудовой
Дагестан на борьбу, стояла в ущельях перед Хунзахским
плато, готовясь к взятию ханского дворца.

112. Невелики были силы защитников старой ханши и ее
сыновей. Но и революционные массы не могли сразу
преодолеть свой обет верности ханской власти, сломать свою
мораль. И извечное противоречие всякой революции.
Последняя надежда избежать катастрофы - если старые власти
поймут людей, а они-таки сохранят в себе приверженность к

закону и порядку. К сожалению, в истории таких чудес я не припоминаю.

113. Первый имам еще не решился на штурм ("массы не были готовы"), и потому, наверное, Кази-мулла оставил хунзахскую занозу в теле исламской революции, а потом погиб. А вот его преемник, Гамзат-бек взял этот "грех" на себя лично. Он выманил на переговоры сначала младшего ханского сына, потом старших и, шантажирую на страхах материнского сердца правительницы, без боя поднялся на плато - занял, наконец-то, ханский дворец.

114. Только тут ханша узнала, что старший ее сын убит, а на упреки обезумевшей от горя матери, была тут же обезглавлена и сама вместе со своим последним защитником, полковником русской службы, Ибрагимом Сурхан-беком. Так, традиционная аварская власть, пошедшая на союз с русскими, была, наконец-то, сломана, а вместе с ней была надломана и душа аварского народа, отдана во власть бешеных мюридов, брошена в пучину длительной гражданской и национальной войны, чтобы через долгие мучения придти к новым основаниям своей верности - уже Шамилю.

115. В том же году, сын бедного горца и кормилицы аварских ханов, их молочный брат, Хаджи-Мурат со своим братом Османом отомстили за смерть молочных братьев дерзким убийством Гамзата прямо в мечети на глазах охранников. Осман погиб, а Хаджи-Мурат сумел не только добить кинжалом имама, но и отбиться от преследователей, а потом поднять оскорбленных хунзахцев. Мюриды были перебиты и потеряли Хунхаз. Кровь ханов была отомщена, чувство справедливости было спасено.

116. Но сама ханская власть отмерла. В 36-м году перешел к своему врагу Шамилю Хаджи-Мурат, аварский герой, став шамилевым храбрейшим полководцем, а в 1843 г. последний русский гарнизон едва успел унести ноги из Хунзаха. В том же году Шамиль изгнал и рассыпал по Кавказу ненавистных ему староверных хунзахцев. С этого года до последнего, 1859-го, Хунзах был верен Шамилю, хотя тот и сбросил в пропасть

последнего аварского царевича. Но уже была сломана аварская мораль и некому было мстить за эту смерть... Попытка же русских после покорения Кавказа восстановить ханскую власть оказалась смешной и ненужной. В 1863 году выжившей из ума последний аварский хан Ибрагим в этой вновь выстроенной русскими крепости был отрешен от власти, а Аварстан стал просто округом русской империи. Народ окончательно забыл своих ханов. Героями его преданий стали теперь Шамиль и Хаджи-мурат - но не как враги, а как соратники.

117. Особенно отчаянный и мятущийся Хаджи-мурат. Через гениальную прозу Толстого он стал и нашим литературным героем. Он воевал и с Шамилем, и с русскими. изменял и тем, и другим, погиб от русских. Но вот заветам аварской чести и удали, сродственности со своим народом он не изменял. Этот портрет переснят нами там, в горах, из родового альбома Али-Муси из Кахиба.

Повесть Толстого точна и документальна, но есть в ней одна художественная деталь, она западает в душу: сравнение жизни Хаджи-Мурата с сильным репейником-"татаринном", раздавленным русской телегой-крепостью... - и, тем не менее, выживающим,

118. но изломанным, уродливым... Не трогайте, не трожьте, не мешайте - вы, цивилизованные придурки! - я помню, с каким чувством снимал этот репейник на самой родине Хаджи-Мурата.

119. Вот заключительные слова толстовской повести: "Гаджи-Ага, наступив ногой на спину его тела, с двух ударов отсек голову и осторожно, чтобы не запачкать в кровь чувяки, откатил ее ногой. Алая кровь хлынула из артерии шеи и черная из головы и залила траву. И Карганов, и Гаджи-Ага, и Ахмед-хан, и все милиционеры, как охотники над убитым зверем, собрались над телами Хаджи-Мурата и его людей. В пороховом дыму стоявшие в кустах, весело разговаривая, торжествовали свою победу. Соловьи, смолкнувшие во время стрельбы, опять защелкали, сперва один близко, и потом

другие на дальнем конце. Вот эту-то смерть и напомнил мне раздавленный репей среди вспаханного поля».

120. От крепости мы шли к гигантскому обрыву, куда вечными слезами срывается хунзахская река. Ведь до сих пор вода здесь - драгоценна. И потому не будет кощунством сравнить этот водопад с неиссякаемым источником аварской памяти о Хаджи-Мурате.

121. Р.Гамзатов:

Пять раз моя прострелена папаха
Наиб, достойный сабли и коня,
Хаджи-Мурат я, родом из Хунзаха,
Как пять молитв, пять песен у меня.
И первая для матери, чтоб знала, /Моя еще не срублена башка,
И скакуна мне удаль оседлала, /И неразлучна с саблею рука.

122. Вторая песня схожая с молитвой,
Для Дагестана, чья бедна земля,
Где наречен был, вознесенный битвой,
Я - правою рукою Шамиля.
Хочу, чтобы земля родная знала: /Моя еще не срублена башка,
И скакуна мне удаль оседлала, /И неразлучна с саблею рука.

Аварцы (Хунзах, Ботлих). Продолжение.

123. День 5. Ботлих - долина Андийского Койсу. Веселый почтарь на своем побитом фургоне вчерашним поздним вечером прокатил нас по плоскогорью от Хунзаха в селение Хааки,

124. уже на спуске к Андийскому Койсу, а в обратный путь развернулся прямо у главного источника, не этого, мимо которого мы прошагали утром, а в центре селения - но с такой же очередью кувшинов, ведер, бачков и их разноцветных, весело общающихся хозяек. Здесь у водозабора мы и почувствовали "глубинку". Хорошо еще, что не приходится ходить по воду далеко в горы.

125. Г.Цадаса:

Сколько невзгод приходилось терпеть без воды.

Девушек сколько калеками стало у нас:
Воду за два километра таскали в кувшинах,
Женщины наши, пожалуй, полжизни своей
Жили, согнувшись под грузом кувшинов на спинах.
Горную воду наука в аул провела!
Радуйтесь, женщины-жены, и сестры, и дочери!
Прочь уберите веревки с кувшинов своих.
Можете выбросить даже запасные бочки.

126. Ан нет, рано еще выбрасывать веревки и запасные бочки.... Ночевать нас зазвал к себе пожилой хозяин благополучного дома, где были и ковры, и телевизор, и много хороших детей.

127. Но держится этот дом не на хозяйине-балаболе, а на жене-акушерке - уважаемом человеке... Вот вам и восточная женщина в глубине мусульманских гор! Старшие дочери уже учатся в городе.

128. Младшая же утром показывала нам, как ткут ковры - в свободную минуту, в охотку, а надоест - зовут подружек и быстро хором доводят узор в песнях и разговорах. А потом она будет помогать. Так и ткется ковер жизни неутомимыми женскими руками.

129. Вот мы и доехали до Андийского Койсу, срединной рекой меж Чечней и Аварстаном, главными оплотами Шамиля.

130. Был воскресный день, все на базаре, потому дорога не пылила. С час мы ждали попутки, когда меня атаковали своими неожиданными вопросами любопытные девчонки. Какие песни поют москвичи, какие я знаю. А эту?

131. Не выдержав ожидания, пошли пешком, рассудив, что "дорогу осилит идущий". И девчонки пошли за нами, отставали и снова нагоняли, смеясь и распевая для нас "Гимн Советского Союза", как известную им русскую песню.

Просили мы их свое петь - стеснялись.

132. По дороге то мы, то они забирались в колхозный сад,

133. а то нас самих сборщицы забрасывали сочными яблоками и персиками. И мы ловили сыпавшуюся с неба благодать.

134. А потом была грузовая попутка и быстрое петляние по горным дорогам до Ботлиха.

135. В 1834 году состоялось Андийское собрание мусульман - ученых, старейшин и иных почетных людей горских обществ. Съезд, который официально провозгласил Шамиля своим имамом, руководителем, а выбор свой подтвердил 20-летней войной и последующей народной памятью.

136. Райцентр Ботлих. Из "Антологии..."

Я скажу вам правду о тех, кто смел
Кто царя, кто солдат его одолел"
Один Цухадар не сдаётся на милость.
У стен его русская армия остановилась.
И Меликов пишет: "Эй, Ника-кади!
Сдавай Цухадар! К нам на службу иди!
Ты будешь людьми уважаемый кади.
Друзей твоих лучших представим к награде.

137. Когда ж ты не сдашь подобру Цухадар,
На площадь большую, где нынче базар,
Нагрянут дружины, взывая о мести,/Бесчинствуя, ваших красавиц бесчестя.

Святыню мечети, в которой у вас
По пятницам дважды свершают намаз,
Они осквернят, не бывать в ней молений:
Казачьи кони заржут у ступеней.

138. И едва слова эти раздались,
Сотни удальцов за оружие взялись.
Сотни сот на святом Коране поклялись,
Не щадя головы принять газават,
Сотни сотен с женами разошлись,
Говоря, что в Джвар не вернутся назад.
Будут биться, вражьи круша полки,
Будут драться, пока не погнутся клинки...
Нет, не прервется Корана власть,

/Нет, не придется исламу пасть!

139. Наша попутка въехала в удивительный Ботлих, старинную столицу окрестных андийских народов, красных мусульман

140. и омусульманившихся русских на крышах.

141. Воскресный полдень уже прошел и многолюдный базар, извечное стихийное народное собрание уже расходилось, насытившись обменом и общением, материальным и духовным. Бьющая ключом жизнь расплзалась по соседним ущельям.

142. Только этот красный парень вцепился в нас, непонятно и суетливо что-то нам говорил, успокоившись, лишь когда мы нацелили на него и родичей фотоаппарат. Обычно улыбочивые и шумные люди, хотя и считают себя наследниками сурового Шамиля. Так ведь и наши поклонники Сталина - тоже обычные, веселые люди...

143. Ботлихскую мечеть в тесноте домов не сфотографировать во всей красе. Не без труда она вписывается в настоящее советского Дагестана.

144. Но в годы войны и революции роль ее была иной. Тогда даже суды были шариатскими и, значит, красный партизан Курбан Али был борцом за мусульманский закон, а знаменитый Гамзат Цадаса даже служил шариатским судьей в Хунзахе. Революция была для горцев временем исполнения законов Шамиля.

145. У ворот мечети попробуем подытожить свои знания о Шамиле с помощью справки из энциклопедии Брокгауза: "Шамиль - знаменитый вождь и объединитель горцев Дагестана и Чечни в их борьбе с русскими за независимость... Одаренный блестящими природными способностями, он слушал лучших в Дагестане преподавателей грамматики, логики и риторики арабского языка и скоро стал считаться выдающимся ученым... -

146. Менее религиозный, чем Кази-мулла, менее торопливый и опрометчивый, чем Гамзат-бек, Шамиль обладал военными талантами, большими организаторскими способностями,

выдержкой, настойчивостью, умением выбирать время для удара и помощников для исполнения своих предначертаний. Отличаясь твердой волей, он умел возбуждать горцев к самопожертвованию и к повиновению его власти, что было для них особенно тяжело и непривычно. Превосходя своих предшественников умом, он, подобно им, не разбирал средств для достижения своих целей.

147. Он понимал, что главной его поддержкой является низший класс народа, а потому и старался всеми средствами привязать его к себе: с этой целью он учредил должность муртазеков из людей бедных и бездомных, которые, получив от него власть и значение, были слепым орудием в его руках и строго наблюдали за исполнением его предписаний.

148. ...Шамиль хотел подчинить народы Кавказа партии духовенства, как общепризнанному авторитету в делах неба и земли. Чтобы достигнуть этой цели, он стремился к упразднению всех властей, порядков и учреждений, основанных на вековых обычаях, на адате. Основой жизни горцев, как частной, так и общественной, он сделал шариат, т.е. ту часть Корана, где изложены гражданские и уголовные постановления

143. Связав исламом, как цементом, все дикие и вольные общества Дагестана, Шамиль отдал управление в руки духовных и при их помощи установил единую и неограниченную власть в этих некогда свободных странах. А чтобы было легче выносить его иго, указывал на две великие цели: спасение души и сохранение независимости от русских. Время Шамиля называлось у горцев временем шариата."

150. К вечеру мы уходили и уезжали попутками из Ботлиха в Чечню - страну, которая, пожалуй, выдержала главную тяжесть той самой войны с русскими, которая сделала чеченцев под именем черкесов героями демократической Европы. Но об этом - в следующем фильме.

151. В андийском мире каждая деревня могла оказаться особым сообществом, и даже особым народом со своим языком, а отношения между ними не менее запутанными, чем

у народов Европы или Африки. Именно здесь мы оценили физически, глазом, значимость определения: "Дагестан - гора народов". Бесконечная вселенная, где селения - как

152. созвездия. Мы проносимся мимо, просто потому, что слабы и не способны многое увидеть и понять. Дай Бог разобраться хотя бы в теме Шамиля, так близкой к отражению в теме Сталина. Хорошо ли, что аварцы до сих пор считают себя народом Шамиля, этого деспота? А хорошо ли, если советские люди будут считать себя верными Сталину? Что стоит за его портретами в домах и автобусах? И что вообще стоит за любовью к вождям прошлого, к Наполеону во Франции, Перону в Аргентине, Мао в Китае?

153. Также интересно, что любовь к Шамилю осуждалась у нас во времена Сталина. Как раз в послевоенный разгар культа личности Сталина, официальная оценка Шамиля изменилась. Взамен "руководителя борьбы горских народов против царизма и крупных феодалов, в 1955 году БСЭ выдала следующую "научную" оценку:

154. "ставленниками англо-турецких захватчиков были имамы Гази, Гамзат и, особенно, Шамиль... Движение Шамиля было антинародным, опиравшимся исключительно на насилие. Господствующее положение в имамате Шамиля занимали крупные феодалы и представители реакционного духовенства..."

154а. И нетрудно догадаться, чем вызван этот поворот, когда целые народы, в их числе героические чеченцы, были оболганы, как пособники немцев, и высланы на исчезновение и умирание в азиатские спецпоселения. Легко понять, почему этот поворот прошел в официальной науке и прессе так быстро и успешно - несогласные могли просто исчезнуть в тех же лагерях. Понятно, что теперь мы эту насильственную оценку отвергаем. Но не забудем, что в ней самой тоже было немало правды. Не забудем кровь народов на Шамиле, его террор против несогласных, разорения и выселения целых общин, тесные связи и поиски покровительства в Турции и Англии (что вполне понятно и естественно), его набеги и

ограбления соседних стран, а после пленения - моления о верноподданности царю, а значит, измену собственному делу накануне смерти. Все это было, все это - документальные факты.

155. Но не забудем, что кроме исторического Шамиля, еще большей реальностью обладает народный миф о Шамиле, и с ним нельзя обращаться сплеча. Это хорошо понимал старый Гамзат Цадаса, когда предупреждал своего сына Расула: "Не трогай Шамиля!"

156. Правда, тот по молодости и конъюнктуре не послушал, казнил в стихах Шамиля и англичан, зато потом всю жизнь каялся публично перед народом в этом главном грехе своей жизни. Даже зная всю правду о Шамиле, лучше вслушаемся в оценки старого Гамзата (1945г.)

157. В храбреца, чей подвиг смелый
Карлом Марксом оценен,
С бранным визгом мечет стрелы /Тот, кто разума лишен.
Кто осудит человека,/Что в горах гремел как гром,
Кто сражался четверть века /С притеснителем-царем?

158. Выдумки пустые эти отвергает вся земля:
В наших саклях даже дети знают имя Шамиля!
Горцев доблестных возглавив, он в сраженье их повел
Крылья мощные расправив, воевал он, как орел.

159. День 6. Кахиб и Гоор - горские бывшие города
Путь в Гоор и Кахиб столь же крут, как и в Хунзах, также долог.
Сегодня на перегибе в узком месте дороги, где раньше стояли
стражей защитники страны Кахиб, ныне открыто.

160. Только вздохни воздух поглубже, поправь рюкзак и
распахни глаза шире навстречу живым селениям и вымершим
городам.

161. Я солнце пил как воду /Ступая по нагорьям лет,
Навстречу красному восходу,/ Закату красному вослед.

162. В краю вершин крутых и гордых
/Где у сердец особый пыл,
Я звезды пил из речек горных,/Из родников студеных пил.
Из голубой небесной чаши/В зеленых чащах и лугах,

Я жадно воздух пил сладчайший,/Настоянный на облаках.

163. Кроме нынешнего цветущего Гоора и такого же Кахиба, существуют до сих пор старые, покинутые Гоор - верху, вон, на гребне,

164. и Кахиб -ниже. И таких "парных" деревень в глубине ущелья много.

165. Завершить вчера пеший подъем с Койсу нам помешал совхозный пожилой бухгалтер, подхвативший меня с рюкзаком на своем мотоцикле и принявший нас у себя дома в Кахибе, как дорогих гостей.

166. Почему? - Да у нас даже вопроса такого не возникало. Гостеприимство гор воспринимали как должное, привычное, как будто приехали к родственникам в деревню. В путевом дневнике я написала: "Старинная культура традиций и мудрость Али-Мусы, трудолюбие и верность ее хлопотливой, доброй Айшат, матери семерых детей, сделали возможным такое полное счастье, видимое любому прохожему за версту. В дагестанском селе нам посчастливилось встретить не только духовно родственных людей, но и образец себе для подражания".

167. По мечети в центре домов видно, что новый Кахиб не так уж и молод. Действительно, он стал выселяться с соседних отвесов после окончания кавказских войн. Так что сегодняшний Кахиб - плоть от плоти старой горской культуры. Особенно, в доме Али-Мусы, сына муллы,

168. хранителя арабских книг и устных заветов. Правда, в 30-е годы мечеть закрыли, но в войну отца Али-Мусы вызвал секретарь райкома и прямо-таки обязал в интересах Родины снова стать ее настоятелем. Оказывается, война сопровождалась не только восстановлением православия, но и ренессансом ислама.

169. Из архива Али-Мусы я увез на слайде портрет его деда, известного в Дагестане исламского ученого, жаль, забыл имя... А вот мнение арабиста мирового класса Крачковского:

170. "Дагестанские ученые уже в 17-18 вв. владели всей полнотой арабского наследия своих веков. В равной степени

их интересовали науки грамматические, а при широком энциклопедическом охвате большинства ученых нередко можно было встретить среди их произведений трактаты по математике или астрономии».

171. Сегодня старые арабские книги - лишь сокровища, хранимые энтузиастами, как Али-Муса, или отделены от народа в научных хранилищах столиц. Практически забыта арабская письменность.

172. И только на кладбищах, да на доске памяти погибших в войну односельчан мы видели таинственную для нас арабскую вязь

173. Но остались предания, остались сходки стариков на додекане и, наверное, многое иное, не увиденное нами, что цементирует сегодняшнюю жизнь с прошлым джаамата и не дают народу распасться:

Почтительно выслушай стариков, /Беседующих с тобой,
Потому что богатая мудрость веков/Приходит с седой головой.

А сам не спеши им давать совет,/Делиться открытjem своим,
Быть может, много десятков лет /Все это было известно им!

174. Поднявшись высоко, мы обнаружили справа от привольно раскинувшегося нового Кахиба - старый, прилепившийся к затемненным скальным отвесам, высветленным ячеистым ребром. Только после войны люди окончательно оставили его. А между обоими Кахибами, невидимое отсюда - родовое и неизменное, непокидаемое кладбище, к которому мы будем сейчас спускаться, но в памяти этот вид остался обобщенной картиной горского мира, его самообеспеченной, экологически чистой и мудрой жизни.

175. Кахиб стал для нас главным аулом Дагестана. Через мудрость Али-Мусы стала понятной и мудрость дагестанских поэтов:

176. Считалось встарь: нет краше смерти,
Чем за отчизну умереть,
И вы мне, юноши, поверьте, /Что так считаться будет впредь.

177. Поступка недостойного следы

/Не смыть слезами собственной беды,
Лишь только наши честные поступки
/Даруют миру добрые плоды.

178. Тому друзей иметь не сложно,/Кто от рождения не глуп,
Чье слово каждое - надежно,/Взгляд ясен и карман не скуп.

179. Ругать пред чужими родню
/Нет в этом ни прока, ни чести,
Как ты ни тряси пятерню,/Останутся пальцы на месте.

180. Дело делай свое, как всегда ты,
И спокойствие в жизни храни,
Чем бы ни были ночи чреватые,/Чем чреватые бы ни были дни.

181. От кладбища совсем близко старый Кахиб. Но мы уже
растратили свое утреннее время и не пошли к его опустелым
печальным домам, предпочтя общение с живой памятью среди
могил живших там людей. Вспоминали пронзительные строки
Расула:

182. Тобой, отец, гордился я немало
И лишь тебя боялся одного,
А кем теперь гордиться, как бывало?
По-прежнему бояться мне кого?

183. И вдруг над материнскою могилой
Раздался голос, излучая свет:
"Отцом и впредь гордись, сыночек милый,
/Его лишь бойся до скончанья лет!"

184. Только один мост через каньон горного ручья связывал
старый Кахиб с миром. Отличная была естественная крепость,
непреодолимая для любого завоевателя. Любого, кроме
русского царя, потому что у того оказались в избытке и годы,
и храбрые солдаты, и западные науки.

185. Теперь мы своими глазами видим, что старый Кахиб был
не только деревней, а как бы укрепленным муравейником,
почти городом Солнца средневековых утопий. И вот он
покинут и разрушен. Как будто после атомной бомбы или
после очищения от людей Пном-Пеня красными кхмерами.

186. Мы видим с безопасной высоты, как с самолета,
фантастическую, выжженную солнцем картину разрушенной

цивилизации. Что-то с ней произошло. Хорошо, что мы знаем: здесь люди не были уничтожены физически - пока здесь не было ни атомной, ни полпотовской социальной бомбы. Но разве они не грозят реально всему нашему будущему?

187. Разве не стоят в соседней Чечне и иных кавказских землях каменные селения, опустевшие после поголовных выселений 44 года, в ходе которых вымерло почти сразу до половины выселенных - масштаб, вполне соизмеримый с недавним полпотовским "социальным экспериментом"? Можно, конечно, тут же вспомнить о миллионах раскулаченных.

188. Но давайте лучше продолжим воспоминания о Шамиле, который тоже выселил столичных жителей Хунзаха. Вспомним его расправы с "отступниками", вспомним разорение под корень торгового Чоха. Вспомним и его борьбу за культуру со светской, отступившей от корана интеллигенцией, когда он бросал в воду стихи и их авторов.

189. Р.Гамзатов "Надпись на книге секретаря Шамиля»

Пить вино и женщин петь когда-то

Запретил Шамиль в родных горах...

И когда б имам рыжебородый

/Вдруг воскрес, у прошлого в чести,

Он мою, плененную свободой, /Повелел бы голову снести.

190. И она скатилась бы в ущелье.

/"Можешь там, - послышалось бы вслед,

Дьявола ты слушать наущенья,

Женщин петь и пить вино, поэт!"

191. И все же! И все же! Аварцы славят Шамиля, связывают с его именем все свои подвиги и славу!

192. "Антология..." И в долине Согратля герои сошлись,

Удальцы наши лакские собрались.

193. Акушинцы пришли, и даргинцы пришли,

И аварцы пришли, и кюринцы пришли.

Как потоки бурных весенних дождей,

Как в ущельях малые родники

Наполняют сухое русло реки,

Так и ненависть клочкотала в бойцах.

Словно бурный поток, бушевал Хунзах!/
194. ...Чуть рассветным лучом блеснул небосвод,

Загудели ущелья тесные гор,

Взбудораженным ульем со всех сторон

Как за роем рой, за отрядом отряд -

Отовсюду навстречу друг другу спешат.

195. И на каждой горе, за каждой скалой/
Старцы, дети, старухи той порой

Груды наваливали из камней,

Чтобы камнями пришельцам давать отпор,

196 Ну, а жены по скатам и выступам гор

Глыбы каменные поставили в ряд,

Будто воины это, мужчины стоят!..

197. И считал имам не зря: /Лучше смерть в лихом бою,

Чем в неволе у царя /Коротать позорно век...

198. А наместник слал не раз /Донесения царю,

Что вот-вот возьмет Кавказ /И захватит Шамиля.

199. В небесах орел парит, /Кто возьмет его живым?

Кто имама полонит, /Если при оружьи он?

200. День 7. Гуниб. И снова Аварское Койсу, дорога вдоль

него, спешащая к приморским столицам, бывшим Темир-Хан-

Шуре и Тарки, нынешним Буйнаксу и Махачкале.

201. Когда дорога добегает до Хиндахского, или в

просторечии - Красного моста - известнейшего места

ожесточенных схваток и дипломатических переговоров, мы

соскакиваем с попутки на дорогу в Гуниб,

202. в левое за мостом ущелье. Через 8 км зигзагов узкого

скального распила раскрывается солнечная долина.

Следующая попутка пересекает Кара-Койсу, тремя

серпантинными поворотами преодолевает первый подъем,

203. и мы попадаем в нижний Гуниб, небольшой,

современный районный поселок с гостиницами, турбазой,

магазинами, учреждениями и пр. и пр.

204. Над ним - скальные отвесы верхнего Гуниба, где

держали последний бой мюриды Шамиля. Пристроив

рюкзаки, мы, не медля ни минуты, лезет вверх, прямо в лоб, как лезли в прошлом русские солдаты-апшеронцы.

205. Эти крепостные стены и даже "ворота Шамиля" выстроены русскими уже позже. Все равно для дагестанцев и нас они символизируют, прежде всего, 25 августа 1859 года, когда отсюда выехал Шамиль в сопровождении оставшихся у него мюридов - в плен к ожидающему его русскому главнокомандующему - князю Барятинскому...

206. Так закончилась эта странная и страшная война - война с исламской революцией за реставрацию власти аварского хана, - война горцев за независимость против подчинения их русскому царю, жандарму Европы и тюремщику народов - борьба против происков турецкого и английского империализма, за прогрессивное присоединение кавказских народов к единому русскому государству -и священный газават против русских гяуров... -нет, священная война кавказских народов вместе с русскими братьями против гонения Шамиля на светское искусство и западную культуру.

207. Так окончилась величайшая смута в русской империи, что приветствовали даже ее великие революционеры. Чернышевский, узнав о пленении Шамиля, с облегчением воскликнул: "Слава Богу, теперь Кавказ не будет ежегодно поглощать по 26 тысяч русских солдат; одна из тех язв, которые истощали Россию, закрывается..."

208. Правда, мы знаем, что кавказские войны завершились только через 5 лет, когда колонны русских войск, выселавших западных горцев на Кубань или в Турцию, соединились в Черкессии, очистив ее от людей для русской колонизации.

209. Выбираясь из разногласия противоположных оценок, мы доверяемся интуиции аварского народа:

Мы взлететь хотели, братья, /Над вершинами хоть раз,
Но сломали наши крылья /И в тюрьму швырнули нас.

210. Ой, как львы, неустрашимым,
Чьи сердца стремились вширь,
На спине связали руки, /Гонят в черную Сибирь!

211. Да, мы знаем, что не только русский безостановочный натиск привел к падению государства Шамиля. Знаем, что он так и не смог справиться с произволом своих ближайших соратников, этих новых партийных беков, что помощь Турции и Англии были больше словесной, что попытки организовать в горах оборонную промышленность были малоуспешными:

212. из полсотни орудий, отлитых в Ведено с помощью русских солдат, перешедших на сторону горцев, в строй вошла только четверть, но, правда, безостановочно действовали три пороховых завода, в том числе и здесь, в Гунибе. Знаем, что горские народы смертельно устали за эти годы: ведь 25 лет горское войско, максимум в 30-60 тысяч человек, боролось с врагом в десятки раз мощнее.

213. В последнем году, после замирения Чечни, главнейшие соратники Шамиля перешли на сторону русских, так что смертельная защита верхнего Гуниба Шамилем и верными ему четырьмя сотнями мюридов могла стать только его заветом злобы и ненависти, как сделал это Гитлер.

214. Но Шамиль прекратил борьбу согласно желанию народа. Несмотря на свою суровость и жесткость, он не был изувером-фанатиком, потому и остался в памяти "отцом народа".

215. Вдоль ощерившихся глыб /Войско белого царя
Двинулось, чтоб взять Гуниб /В смертоносное кольцо.
И, предателям суля /Деньги черные свои,
На твердыню Шамиля /Шла бесчисленная рать.

216. ...И мюридов за собой, /Что привыкли к свисту пуль,
Был готов в последний бой /Доблестно вести Шамиль.

217. Но имаму в этот час /Дети преградили путь
И взмолились: "Ты о нас /Вспомни, праведный Шамиль!
Войско белого царя /Ты разгневаешь вконец,
И польется, как заря, /По ущельям наша кровь.
Позаботься, о имам, /О грядущей доле гор.
Сам решай, встречать ли нам /Утро завтрашнего дня?"

218. И не сказка то, а быль, /На людей взглянув вокруг,
Головой поник Шамиль /В незапятнанной чалме,

Нелегка судьба была,/Но оружие снял Шамиль,
Чтобы воля жить могла /У наследников в груди.

219. Чтобы помнили его /В незапятнанной чалме
И кляли в веках того,/Кто предателем прослыл".

220. Тревожной усталостью было заполнено наше ожидание
у Красного Моста попутки для дальнейшего продвижения по
Аварскому Койсу. Мы были полны тяжестью оправдания
Шамиля, несмотря на все его черные исторические тени. Были
угнетены тяжестью принятия опыта и судьбы аварского
народа:

221. Что за пыль там на дороге?/Что за люди там идут?
Не аварских ли героев /В ссылку дальнюю ведут?

222. Суждено ли мне быть в Дагестане,/Где осталась семья и
родня,

Где сидящие на годекане,/Может быть, позабыли меня?

223. Нет, сейчас не гонят, а возят. И не русские стражники, а
кумыкские милиционеры. Долго мы ждали попутку, но, когда
она остановилась, то не обрадовались. Это был серый
тюремный воронок. Но делать было нечего, и мне пришлось
усесться в кабине меж сытыми усатыми милиционерами,
наперебой развлекавшими рассказами,

224. как следует принуждать к покорности и верности жену.
Вите же пришлось сидеть в самой воронке с третьим
охранником напротив решетки с уголовниками. Это была его
первая и пока случайная камера, и мне, знавшей, что над ним
в Москве уже идет следствие, было очень тревожно. Всю
длинную дорогу заклинала: это - случайность, как прививка,
чтобы не пришлось испытать тюрьму на деле.

225. Однако жизнь не поддается заклинаниям, и через четыре
месяца Витю взаправду увезли - и мне уже нельзя было
заклинать, а надо было жить, действовать и продлевать
память, сберегая в душе Шамилевы Горы.

226. День 8.Махачкала - современная столица. Но вот мы и
добрались до Махачкалы, до монумента красному дагестанцу
Махачу, по которому переименовали это русское укрепление

Петрово-порт, рядом со старинной шамхальской столицей Тарки.

227. Сейчас Тарки стал просто пригородным поселком, и мы его даже не заметили, ограничившись посещением лишь этих "колониальных" кварталов.

228. Махачкала - конец нашего рассказа о пути аварского народа, о нынешних, правящих здесь наследниках Шамиля, ставших геройскими

229. Шамилевыми и Хаджи-Мурадовыми, Абуталибами и Гамзатовыми.

230. Наш день в Махачкале был разделен между пляжным морем и южным базаром, а в целом - занят просто жизнью, как таковой, отдыхом после

231. месячной шабашки, тем бездумным счастьем, что воспринимается иногда как конечная цель, а на деле это хорошо лишь как редкий перерыв

232. перед новым трудом и новой дорогой.

233. Махачкала - это праздничный перерыв в дороге, начальный и конечный пункт в наших путешествиях по истории кавказских народов. Махачкала - это современность и, вместе с тем, - будущее наше, общее с аварцами будущее.

234. Народ Шамиля стал частью современного мира, но каким он сделает этот мир? Конец.

Чеченцы-ингуши

1,2. Восточный Кавказ, 79, ч.4

3. Магомет Мамакаев "Сказание о горцах", 1965 г.

Опять я сердцем у подножья гор,

Опять к горам я обращаю взоры

А в памяти - недавний разговор,

Что все уже слышаны про горы!

4. Мол, натянул знакомую узду, В лохматой бурке скачешь в те же скалы,

Где пьют мужчины крепкую бузу, /А девы чернооки и лукавы.

Но всем, кому мой конь мешает спать,

Я признаюсь во избежанье ссоры,
Что я привык отчизну воспевать,
Лишь потому я воспеваю горы!

5. Здесь было все.

Жила, подняв мечи, моя высокогорная держава...
Лишь пименовской не было свечи
Ничья рука пера здесь не держала.
Но у подножья гор - жилищ орлов –
Мои седые прадеды и деды
Встречали государственных послов
Вели дипломатичные беседы.
Здесь знали цену и значенье слов.
Была неторопливой мудрость горцев,
Но кратки донесения гонцов,
Стремительны приказы полководцев.

6. И судьи здесь вершили приговор,
Суровые к измене и разбою,
И высоко палач над головой
Свой беспощадный поднимал топор.
Любовь к отчизне, совесть, долг и честь.
Здесь сыновьям внушали с колыбели
И прежде, чем учили пить и есть,
О мужестве над ними песни пели.

7. Прижав дитя свое к груди, /Протяжно пела мать:
"Мой сын, всегда вперед иди - /Позорно отступать!
И друга верного найдешь, /И победишь врага...
Но, если к дому повернешь, к уюту очага,
К невесте поспешишь своей,
Вернешься, пряча взгляд,
Пусть молоко груди моей убьет тебя, как яд!

8. И славил героев имена, /Защитников обиженных и бедных,
Ашуга безымянного зурна, /Бессмертные сказанья и легенды.
В семействе гор, ушедших в облака,
Они из уст в уста передавались,
Из сердца в сердце, из веков в века,
И годы шли - легенды оставались.

9. И полон я преданий прошлых дней,
Заветов горькой и великой жизни,
И навсегда слилось в душе моей
Понятье гор с понятием Отчизны!

10. Макажойская котловина. Знакомство с Чечней мы начали с Макажойской долины. Попутная машина поздним вечером высадила нас за перевалом. А в аул Макажой уже за полночь нас довез хмурый, неразговорчивый молодой шофер.

11. Но, узнав, что мы здесь чужие, спать будем в палатке, остановил у своего дома и, буркнув что-то выскочившей жене, укатил ставить машину. Так мы вошли в дом и испытали чеченское гостеприимство... Сдержанные чувства, деликатность или закрытость? Осталось у меня ощущение неналаженной жизни: вроде все есть - и дом, и дети, а счастья нет. Как будто прервалась давно настоящая жизнь страшным выселением - и ничем ее теперь не восстановишь.

12. Вместо многолюдья теперь здесь обитают единицы, утерян авторитет стариков, молодежь в основном - в городе или тянется туда. Неудовлетворенные жизнью - пьют, как наш вот хозяин. Вековые войны и даже высылку чеченцы преодолели, но вот по силам ли им окажется испытание цивилизацией?

13. Жизнь изменилась необратимо, люди и не могут вернуться в старый Макажой, лежащий теперь в развалинах, а живут в новых стандартных домиках. Так может, они уже и не чеченцы? Цивилизация отравила их? - Ну, нет, бытовые привычки меняться могут, но главные, нравственные,

14. духовные основы, мы убеждены, чеченцы сохраняют. Вот ведь рождает по-чеченски каждый год наша молодая хозяйка.

15. Духовные основы из разговоров с людьми выявить трудно, поэтому мы обращаемся к прежней жизни, к их истории, к поэзии,

16. к архитектурным свидетелям прошлого. Именно от них мы надеемся получить ответ: кто такие чеченцы?

17.18. Безлюдный Хой

19. 20. Высоко над дорогой в селении Кезеной в тот год еще мы застали хозяек одного единственного жилого дома - пожилую и ее дочь. На лето к ним приезжают подруги снизу, из городов - вдохнуть родным воздухом, пожить на воле. И ничего им больше не надо.

21. Мы разговаривали с ними. Светлые женщины, многое помнят - и из прошлого здесь цветения, и из жизни в ссылке.

22. Но поразила нас и выбила из равновесия страшная история, рассказанная уезжающей отсюда последней хозяйкой-вдовой. Муж и сын ее погибли совсем недавно, от кровной мести, здесь. И так страшно спокойно, так безучастно она говорила, как стена. Дочь лишь одна осталась - с ней и уедет в город, хотя кровная месть женщинам не грозит. Но как могут женщины жить сами в горах?

23. Ее муж, как и все здесь, был пастухом, колхозником по названию, и заспорил о пастбищах с соседом, ругался, предупреждал, грозил ружьем. Потом вдвоем с сыном встал на охрану собственности и убил. Приехал из города сын соседа, подстерег и убил сразу обоих, сам ударившись в бег. Но, кажется, ему теперь мстить некому, кроме государства.

24. Конечно же, кровная месть - это пережиток, и мы можем только пожелать ей быстрейшего исчезновения. Но, вместе с тем, нельзя не задуматься: а что станет тогда с чеченским характером? Ведь суровость и неуклонность возмездия в этом виде народного суда были

25. основой воспитания чеченской чести и честности, сдержанности и достоинства? Ведь на чем-то схожем, на правилах дуэлей выросли сначала дворянская честь, а потом - личное достоинство. И не растопчет ли наше лагерное правосудие такие же личностные ростки в чеченских горах?

26. Выезжали мы от гребной базы на озере Кезеной-ам. Подвозила

27. нас грозненская легковушка. Трое молодых людей были привычно сдержаны и ироничны. Из своей истории вспоминали в основном народного героя-разбойника Зелим-хана. Крепость Ведено их не интересовала,

28. а ведь это столица Шамиля времен его могущества. А в последнюю революцию шейх Узун-Хаджи объявил здесь столицу эмирата. Это, может, первое чеченское государство имело даже собственные деньги и свою армию, боровшуюся, главным образом, с белыми и их лозунгами за "единую и неделимую Россию".

29. Поэтому шейх вошел в союз с Советами, а его 5-й армией командовал коммунист. Однако общая советско-чеченская победа над белыми означала быстрым концом и независимого эмирата, а через 23 года - поголовное выселение в пустыни Азии и современное, вот это, запустение.

30. На берегу притока Сунжи, Хулхулсу, эти городские парни как бы вспомнили горские обычаи и угощали нас как гостей - вином и дыней и удивляли похвалами Сталину. Нам дико было слышать эти похвалы именно

31. от детей чеченцев. Правда, мы получили объяснение: Сталин не знал, во всем виноват Берия! Казалось, давно разрушена вера в Сталина,

32. и особенно у пострадавших. Но нет - чеченцы, братья аварцев, и хранят прежнюю верность, не только Шамилю, но и Сталину.

33. Столичный город Грозный.

34. Знакомство с историей чеченского народа, а вернее, вайнахов, как они, объединяясь с ингушами, себя называют, мы начнем со столицы их собственной республики,

35. с неизбежной центральной площади вокруг высшей Статуи.

36. Начнем с современности, чтобы лучше оценить прошлое, увиденное в горах. Словарь говорит: сегодня вайнахов уже около миллиона, из них пятая часть ингушей, остальные - чеченцы. Причем за XX век, несмотря на войны, убийства и выселения, они численно выросли в 4 раза.

37. В то время как, например, русские за это же время выросли всего в 1,5 раза. Так что еще неизвестно, чьим в веках окажется северный Кавказ и чем окончится спор, начатый генералом Ермоловым.

38. Река Сунжа. Построенная им в 1818 году для завоевания низовой Чечни крепость на реке Сунже, стала в наше время чечено-ингушской столицей.

39. Сложны до сих пор отношения с русскими, бывшими врагами, взрываются иногда открытыми возмущениями на базарах и милицейских участках,

40. но тут же старательно замиряются и забываются.

41. Лучше всего сложность этих споров выражается в борьбе за и против сохранения памятника основателю города и, одновременно, первому душеителю Чечни - генералу и гяуру Ермолу. Он стоит на улице как бы открыто, но в то же время и во дворе за крепкой стеной, потому что, говорят, много было ночных попыток уничтожить эту, так унижающую чеченское нац. чувство, каменную статую.

42. Ермолу - герой Бородинской битвы, друг декабристов, но вместе с тем - человек, талантами которого началось наступление царизма на Кавказе. От Ермолова пошла тактика неспешного, но основательного

43. военно-хозяйственного освоения края, связанного, прежде всего, с "добровольно-принудительным" переселением ингушей, а потом и чеченцев с гор на "плоскость", в большие "стратегические деревни", доступные русскому контролю. А еще вырубка диких лесов, прокладка дорог и боевых линий, жесткость в подавлении, привлечение на службу "квислингов", т.е. многие приемы подавления, так возмущающие нас

44. в XX веке, но изобретенные нашими героями еще в прошлом веке. Что ж тогда удивляться странностям чеченской нелюбви к генералу и непонимания его достоинств?

Из обращения аварца. Р.Гамзатова к грузину И. Андронику

45. Давай, Ираклий, рядом посидим,
/Поговорим о бурных днях Кавказа.

46. Покой и мир царят в любом ауле,
И дух былой мятежности угас.

Отчаянных, как некогда, под пули
Поэтов не ссылают на Кавказ.

Не скажем о Ермолове ни слова,
И предпочтем ему, как земляки,
Опального и вечно молодого
Поручика Тенгинского полка.

47. На памятник Лермонтову у грозненского университета никто не нападает. Его стихами о Кавказе и черкесах, т.е. о себе, чеченские поэты гордятся, как своим национальным достоянием. И они правы: - поручик Лермонтов был им военным неприятелем по долгу службы, но великим поэт Лермонтов стал одним из первых выразителей их души

48. и свободных нравов. И Мамакаев прав, когда свою Чечню благодарит за творчество Лермонтова:

Кто не воспел величие вершин,
Кому здесь вдохновенье не явилось?
Здесь Лермонтова сердце чаще билось,
Здесь волю славил он, России сын.

49. Поклон тебе, моя страна,
Что дух свободы вел их к этим склонам,
Они твои читали письма
/И отзывались вдохновенным словом...

50. Мы не долго пробыли в Грозном. Не сумев попасть в городской музей, отправились в горы.

51. Путешествие к Итум-кале. Этот огромный естественный музей одного из самых своеобразных наших народов, со своим жизненным путем, и собственной, еще до конца нераскрытой жизненной философией. У нас в запасе были путеводители и выписки из старинного словаря Брокгауза и Ефрона о национальных особенностях этого народа, которые и зачитаем вам, добираясь по долине Аргуна до Шатой и дальше до Итум-кале, где кончается дорога и надо идти тропой.

53. Брокгауз: "Чеченцы ... последовательно вели борьбу с ногайцами, калмыками, кабардинцами, кумыками и, наконец, с русскими... Озлобленные требованием русских о выдаче оружия, перешли на сторону известного Шамиля, под предводительством которого в течение почти 20 лет вели отчаянную борьбу против России, стоившую последней

огромных жертв. Борьба окончилась массовой эмиграцией чеченцев в Турцию и переселением остальных из гор на плоскость. Несмотря на страшные бедствия, постигшие первых выходцев, эмиграция не прекратилась..."

54. Но вот автобус из Грозного довез нас до русской крепости в селении Шатой, которое сегодня почему-то зовется Советским, несмотря на прежнюю громкую славу Шатоя, базы красных партизан. Нас же эта крепость больше интересует по ее главному назначению опорного пункта русской колонизации.

55. А как именно действовали каратели-колонизаторы, мы помним по отзыву Л.Н.Толстого в "Хаджи-Мурате". "Император Николай распорядился стеснять горцев вырубкой лесов, тревожить Чечню и сжимать ее кордонной линией.

56. Во исполнении этого предписания тотчас же был предпринят набег на Чечню. Отряд ...состоял из четырех батальонов пехоты, двух сотен казаков и восьми орудий. Колонна шла дорогой... Горцы поспешно отступали, отстреливаясь от преследующих их казаков. Отряд пошел вслед за горцами,

57. и на склоне второй балки открылся аул. Бутлер со своей ротой бегом вслед за казаками вошел в аул. Жителей никого не было. Солдатам было велено жечь хлеб, сено и самые сакли. По всему аулу стелился едкий дым, и в дыму шныряли солдаты, вытаскивали из саклей что находили, главное же, ловили и стреляли кур, которых не могли увести горцы.

58. Офицеры сели подальше от дыма и позавтракали, и выпили... После полудня велено было выступать... Песенники по ротам выступили вперед и раздались песни... На душе было бодро, свободно и весело..."

59. А вот тот же набег глазами горцев. "Вернувшись в свой аул, Садо нашел свою саклю разрушенной, крыша была провалена, двери и столбы галерейки сожжены, а внутренность огажена. Сын же его, красивый,

60. с блестящими глазами мальчик... был привезен мертвым к мечети на покрытой буркой лошади. Он был проткнут штыком в спину... Благообразная женщина... теперь в разорванной на груди рубахе... стояла над сыном и царапала себе в кровь лицо и, не переставая, выла... Дед сидел у стены разваленной сакли и, строгая палочку, тупо смотрел перед собой. Он только что вернулся со своего пчельника.

61. Бывшие там два стожка сена были сожжены, были поломаны и обожжены посаженные стариком и выхоженные абрикосовые и вишневые деревья и, главное, сожжены все ульи с пчелами. Вой женщин слышался во всех домах

62. и на площади, куда были привезены еще два тела. Малые дети ревели вместе с матерями. Ревела и голодная скотина, которой было нечего дать. Взрослые дети не играли, а испуганными глазами смотрели на старших.

63. Фонтан был загажен, очевидно, нарочно, так, что воды нельзя было брать из него. Так же была загажена и мечеть, и мулла с муталибами очищали ее. Старики-хозяева собрались на площади и,

64. сидя на корточках, обсуждали свое положение. О ненависти к русским никто не говорил. Чувство, которое испытывали все чеченцы от мала до велика, было сильнее ненависти. Это было непризнание этих русских собак людьми. И такое отвращение, гадливость и недоумение перед нелепой жестокостью этих существ, что желание истребления их,

65. как желание истребления крыс, ядовитых пауков и волков, было таким же естественным чувством, как чувство самосохранения. Перед жителями стоял выбор: оставаться на местах и восстановить со страшными усилиями все с такими трудами заведенное и так легко и бессмысленно уничтоженное, ожидая всякую минуту повторения того же, или,

66. противно и религиозному закону, и чувству отвращения, и презрения к русским - покориться им. Старики помолились и единогласно решили послать к Шамилю послов, прося его о помощи, и тотчас принялись за восстановление нарушенного".

67. Память. А теперь спросим себя, кем были бы мы, русские, без нашей совести - великого Толстого? Как бы нас следовало называть, если бы мы такое забывали и не каялись? Если бы слушали только сегодняшних пропагандистов о прогрессивности "присоединения Кавказа к России", о "вечной дружбе" и т.п...

68. Брокгауз: "Чеченцы считаются людьми веселыми, остроумными ("французы Кавказа"), впечатлительными, но пользуются меньшими симпатиями, чем черкесы вследствие их подозрительности, склонности к коварству и суровости, выработавшимися, вероятно, во время вековой борьбы. Неукротимость, ловкость, храбрость, выносливость, спокойствие в борьбе - черты чеченца, давно признанные всеми, даже их врагами.

69. В обыкновенное время идеал чеченца - грабеж. Угнать скот, увести женщин и детей, хотя бы для этого пришлось ползти по земле десятки верст и при нападении рисковать жизнью - любимое дело чеченца. Самый ужасный упрек, который может сделать девушка молодому человеку, это сказать ему: "Убирайся, ты даже не способен украсть барана!" Чеченцы никогда не бьют своих детей, но не из особенной сентиментальности, а из страха сделать их трусами.

70. Селение Итум-кале

71. Башня хутора Дере в ущелье Табичи."Живут чеченцы аулами... в еде умерены, довольствуются урюком, пшеничной похлебкой, шашлыком и кукурузной кашей. Главные занятия - скот, пчелы, охота, хлебопашество. На женщинах, положение которых лучше, чем у лезгин, лежат все хозяйственные заботы: они ткут сукна, готовят ковры, войлоки, бурки, шьют платье и обувь..."

72. "Во время своей независимости чеченцы не знали сословных разделений. В их самостоятельных общинах, управляемых народными собраниями, все были абсолютно равны. - "Мы все - уздени, т.е. свободные, равные - говорят чеченцы".

73. "Само название чечен ведет свое начало от названия Большой Чечен на Аргуни, служившего некогда центральным пунктом всех собраний. Сами чечены называют себя нахчой (люди, народ)...

74. Этой социальной организацией, отсутствием аристократии и равенством объясняется беспримерная стойкость чечен в долготлетней борьбе с русскими..."

75. Пешком вверх по Чанты-Аргуну. От Итум-кале вверх по Чанты-Аргуну до города солнцепоклонников мы шли пешком почти два дня.

76. Через 8км мы встретили аул Бичиги, почти семейный хутор. Ведь понятие колхоза в этих горах - чистая условность. И сегодня чеченец остается хозяином своего дома, стада, дела и, конечно, своей жизни... Как это и было раньше,

77. столетия и тысячелетия в этих горах, всегда. Семейная гала-башня - жилище и укрепление на случай войны и мести, а рядом - амбары и постройки для скота - чуть дальше - огороды, а уж за усадьбой - пастбища для скота и уголья для охоты - вот материальная база родового строя, чеченского коммунизма.

78. Долина Чанты-Аргуна превратилась в узкое лесистое ущелье, а дорога стала тропой, вьющейся то по дну ущелья, то поверху, раскрывая глазу горы, а голове давая время для вопросов и размышлений. Здесь уже нет русских крепостей, а только недоступные горы и башни.

79. Да вот еще - легендарный камень Шамиля. В самые тяжелые моменты своей борьбы, казалось бы, полных поражений, Шамиль скрывался здесь - и снова восставал, как Феникс из пепла.

80. Но нас сейчас интересует не Шамиль, а истоки чеченского бесстрашия, личного презрения к смерти - при такой невероятной жизнестойкости: веками противостоять степным нашествиям из Азии, четверть века изматывать величайшую империю мира, в наше, уже сталинское время, подвергнуться двойной катастрофе: мужчин уничтожали на фронте немцы, женщин и детей выселили в бесплодную Азию

мы, русские. - И, тем не менее, вырасти вчетверо, отстоять свои горы и обычаи...

81. А может и тут разгадка - в женщине? Как в Спарте, где источником мужества мужчин была требовательность матерей и невест, а частые мужские гибели восполнялись частыми рождениями, изнурительным плодоношением, героической материнской работой...

82. Ответ на такой вопрос могла бы, наверное, дать сама чеченская женщина, но, к сожалению, в молодой чеченской литературе еще очень робки женские голоса. И все же мы приведем один из них:

83. Стоят как великаны горы./Кто счет их древности ведет?

По ним река сбегает гордо,/На их вершинах мудрый лед...

Парят орлы всегда на страже/Безмолвья и величья гор.

Кто мне словами перескажет /Их молчаливый разговор?

84 Они зовут. В какие дали?/Они мне говорят. О чем?

У их подножья - сакли, сакли./И среди них - мой отчий дом.

Быть может, предки отмечали/Свои победы здесь, в горах.

Быть может, жены их встречали,/Держа младенцев на руках?!

И воспевали пондуристы -/Тех, у кого быстрее конь,

И из тропинок каменистых /Копыта высекли огонь?!

И полонянка молодая/Томилась на чужом седле...

Неужто я не разгадаю,/Что знают горы о земле?

82. Задолго до рожденья моего/плетались корни вековых традиций.

Орел справлял полета торжество

Чтоб я мечтала стать бесстрашной птицей.

Сбегали с гор весенние ручьи,

Чтобы потом я песню спеть сумела.

И обнажали воины мечи,/Чтоб я в своем бою не оробела.

83. Я с перевала в прошлое смотрю,

Страницы жизни прожитой листая

С тобою, мой читатель, говорю,

Я, женщина чеченская, простая.

86. Ночевали мы, может, в самом узком месте, в неумолчном шуме Чанты-Аргуна, так и не успев выбраться из стальных отвесов. И снились пройденные днем чеченские рыцарские замки:

87. М.Мамакаев:

В темном ущелье Чанты-Аргуна,
Там, где вздымаются скалы в зенит,
Замок незыблемо в мире подлунном,
Словно Атлант, несгибаем, стоит.
"Замок семи храбрецов" ему имя –
Памятник славы Дзумса боевой.
Если бы не были стены немыми,
Много про век рассказали бы свой:

88. Я ж, восхищенный искусством высоким
Предков, создавших, могучий, тебя
Нынче пишу эти бледные строки.
Каждый твой камень замшелый любя.

89. Против тебя были слабы аскеры,
Шаха персидского сталь и свинец.
Не покорил тебя жадный без меры/
Царь из царей, сам железный Хромец.
"Детям природы для полного счастья
Разве нужны властелины с мечом.
Предпочитаем коварной их власти
Прелесть земную в краю дорогом".

90. Вот как приветил Дзумса Тамерлана/Хан, говорят,
огрызнулся тотчас

"Ну и колючка, народ этот странный!
Добрый аллах пусть печется о вас!

91. Так ему с замком пришлось распрощаться
А чтоб Дзумса его трусом не счел
И чтобы другом Дзумса величаться,
Дал ему шашку, с которой пришел.

92. "Песен над бурным Аргуном немало
Грустных и полных огня рождено
Скорбнее ж той, что сейчас напевала

Тихо чинара, не пелось давно.

Мы не станем читать всю поэму о чеченских Ромео и Джульетте. Не знаем, какому варианту ее отдать предпочтение.

93. По одному из них, у семи братьев, в "рыцарских битвах не ведавших страха", в замке томится сестрица, солнцеликая Непси, ждет, когда, по обычаю-адату, женятся старшие братья:

"Семеро братьев, и все не женаты

Даже не мыслят о том ни один.

Тешатся битвами, блеском булата

Будто нет жен для отважных мужчин.

94. Вот о чем думает Непси украдкой,

Перебирая концы своих кос.

Словно в горах, всех отгадок отгадка

Глаз не сводя, все глядит на утес.

95. Что из того, что любовью полна ты,

Что без любимого гаснет твой взор.

Необоримы законы адата!/Строги законы Чантийских гор!

96. Однако ее любимый Эльдар погибает в поединке с барсом в ущелье, а Непси крадет другой рыцарь - Гамар из рода Пешхи. Братья Непси отступают, поверив уверениям Пешхи, что Непси добровольно осталась с Гамаром.

97. Но сама Непси бежит и, обнаружив в Чантийском ущелье погибшего возлюбленного, обрекает на смерть и себя.

Юная Непси полуночью синей

Замок Гамара покинула с тем,

Чтобы в преданье войти героиней

В силу любви дать уверовать всем.

Бури хлестали дождями и градом,

Ночь леденила, жгло солнышко их,

И охранял их улегшийся рядом/Барс,

как детенышей малых своих.

100. В память о бедной сестре чудо-башню

/Братья построили, ходит молва

Башня цела над расселиной страшной

Непси в народных преданьях жива.

101. А вот Мариам Исаева рассказала эту легенду по-иному. Что, мол, отважный Гамар по любви увозит солнцеликую Петимат. Но, исполняя адат, братья догоняют и стреляют беглецов.

102.103 Убита стрелой Петимат. От горя в ясеней превратились семь братьев, а Гамар стал печальной скалой.

104. В память о судьбе несчастной/Каждый год цветы цветут Алой краской, кровью красной./Их петматами зовут.

105. Камнем стал Гамар могучий/Нет огромнее скалы, Лик его скрывают тучи,/На вершине спят орлы.

106. Тело девушки прекрасной /Вдоль ущелья обвилось, Став ручьем прозрачным, ясным,/С водорослями волос.

Ясенями встали братья/Около скалы крутой, Протянув ветвей объяття/Над прозрачною рекой.

107. Цой-Педе в Малхисте (город мертвых в стране солнцепоклонников)

108. Утром моросит дождь, и идти осклизлой тропой или по мокрым осыпям у ревущей воды не очень приятно, но мы не ропчем. Ведь паломникам суждены испытания, они лишь укрепляют дух, повышают цену подвига.

109. Нам сегодня предстоит дойти до места олицетворения истинной чеченской веры - культа солнца и культа мертвых, которых чеченцы держались всегда - до прихода русских и Шамиля.

110. И вот мы видим впереди священную гору Цой-Педе с башнями у макушки, на деле это высокий мыс между Чанты-Аргуном и его притоком Межи-Хи, занятый склепами великих умерших.

111. Вся котловина вокруг Цой-Педе была усеяна аулами. Они запустели только в катастрофе 44 года.

112. А раньше это было сильное горское общество и звали эту страну - Малхистой, страной солнца. Мы же видели ее не только пустынной, но и дождливой, туманной.

113. Как будто выслали в поход из-за соседних хребтов с юга облака грузинские Хевсуретия и Тушетия - ведь до них рукой подать,

114. и мы даже решали: а не окончить ли наш поход переходом в хевсурскую крепость Шатили? Но потом хмарь прервалась, перебороло ее чеченское солнышко.

115. Цой-Педе - не просто кладбище, сборище склепов. Это бессмертная часть малхов, предков чеченцев, символ громадной мощи, оно само, как солнце - в центре страны Малхисты. Это таинственное солнце, сердце,

116. душа чеченцев. Собрание, синтез мавзолеев родоначальников, старшин, отцов-основателей, заветами которых следовали в жизни малхистские

117. роды. Можно согласиться с учеными, что социальный опыт передается в обычаях и материальной культуре, но и в символах мавзолеев. Для жителей Малхисты, они заменяли абстракции наших книг - каждой со своей деталью. Да, вместо Библии у них были мавзолеи, склепы. Непонятные нам, так что судить можно лишь по рассказам и делам чеченцев, по стихам и интуиции их поэтов.

118 М.Мамакаев "Старик и смерть":

Пусти меня, теперь навек ты мой,

-Смерть к старику седому постучалась..

Старик ответил: Погоди, постой,

Не раз ты на пути моем встречалась.

119.Костлявая стучится в двери вночь.

Так знай же, раз ко мне явилась в гости.

Я отдал родине и сердце, и любовь,

Тебе же оставляю только кости.

120. Каждый склеп был наглухо замурован, кроме отверстия для приношения даров и пищи предку в его загробном странствовании. Скелет или даже мумия умершего лежал на каменной скамье в безопасности. Но это были только бранные кости. Главное же - душа предков в корабле-склепе бороздила иные, астральные миры, заботясь о счастье потомков.

121. Астральные миры, в которых действуют души предков, можно понимать, как нынешние телепаты, на манер иного материального измерения, а можно - просто духовно, как память и обычаи народа. Значит, приходя

122. к этим мавзолеям, чеченцы приходили на свидание с заветами, со своими собственными глубинами. Укрепляли дух в безмерной смелости и бесстрашии перед смертью.

123. Душа чеченского народа предстает здесь душой язычника, несмотря на принятый внешне ислам и еще более внешне - марксизм. Кавказские народы восточнее подпадали больше под влияние мусульман Ирана, западнее - под влияние христианства, а чеченцы оставались

124. сами собой. Как выясняет современная наука, духовный мир язычника очень сложен и в своих символах даже созвучен иной раз современному объективированному человеку. Взять хотя бы его поклонение Солнцу-Природе. Или фаллические культы, отголоски которых живы в этих горах до сих пор, смыкаясь сегодня с фрейдизмом.

125. Уже в Ингушетии, чуть в стороне от нашего пути, в святилище Кок стоит этот фаллический столб, символ детородной мощи, у которого чеченки вымаливают рождение храбрых сыновей. Распространены и символы другого пола богини плодородия Тушоли...

126. Ну, чем вам здесь не индуизм с его таинственной половой парой в святилищах. И чем не греческое небо-Уран, оплодотворяющее Землю-Гею семенем дождя и теплом Солнца.

127. И чем чеченские склепы не суровые спартанцы с их культом мужества, выносливости и бесстрашия?! Пожалуй, нет у нас в стране другого народа,

128. столь близко стоящего нравами к золотому веку первобытного родового строя, легендарному, героическому времени, устои которого всегда будут манить людей, как идеал.

129. И может, именно чеченцы пронесут героические идеалы человечества даже через наш технический век и спасут людей

от страха перед индивидуальной смертью, а значит, от вырождения.

130. Отныне опыт чеченского народа наложил свою руку не только на этот камень, но и на наши ответы о цели личного существования.

131. М.Мамакаев "Смерть"

Холодна ты, смерть, даже смерть храбреца,

Но я был властелином твоим до конца.

132. Из народной чеченской песни.

Смерть, говорят, та страшная черта,

Где жизни обрывается страница,

Небытия немая пустота,

В которой предстоит нам раствориться.

Но знаю я: опасней смерти страх

Что, дрогнувшей душой овладевая,

Гнездо в ее свивает тайниках, / Все омрачая, все уничтожая.

133. И тот, кто подчинить себя дает

Игре трусливого воображенья,

Как жалкий червь, лишь для того живет,

Чтоб стать бесславною добычей тленья.

134. Страшна ли смерть? Пусть всюду по земле

Она слепую странницею рыщет,

И в светлый полдень, и в кромешной мгле

/ Костлявою рукою жертвы ищет.

Есть сила жизни, пред которой и она,

Смирившись, отступает поневоле.

135. То сила жизни, юная весна,

Покрытое пушком зеленым поле.

И мысли человеческой полет,

И мощь труда, что, вечно торжествуя,

От дедов правнукам передает / И силу их, и душу их живую.

135. Пусть смерть большую жатву собрала,

Но жизни всемогущество измерьте:

Живет народ, живут его дела –

137. И в этом наше, верю я, бессмертье"...

138. Переход в Ингушетию.

139. Весь следующий день мы шли верхней дорогой вдоль снежников

140. Кавказа на запад, к главной реке ингушей Ассе,

141. встречая в отдалении отары овец и выпасы коров.

142. Вчера, выбираясь из долины Аргуна к перевалу в Ингушетию, разговорились с чабаном Костой в виду овец, пасущихся на солнечном склоне. Он приглашал нас заночевать в своем балагане перед перевалом, но мы были настроены спешить, не тратить время... Но, пока взбирались по жаркому

143. склону, пока тянулись, подошли к балагану к вечеру, уставшие...

144. То-то удивился Коста, вернувшись поздним вечером. Достал сыр, мясо, муку... ну, и все как полагается. Коста - не чеченец, он из Грузии, тоскует по семье, болеет.

145. Мягкая, добрая улыбка, симпатичное лицо - понятный нам человек...

146. Другое дело - чеченцы. Их мы видели только издали и не решались нарушать их гордое одиночество своими праздными расспросами.

147. Подходили и общались больше с чеченскими башнями, этими разрушающимися рыцарскими, точнее - родовыми замками, которые защищали, или в свой черед завоевывали самые мужественные в мире мужчины ради самых героических женщин.

148. Из народных песен:

Камни и горы, в горах я одна./Камни и горы, я слову верна.

Люди, скажите орлу моему./Сердце отдам я ему одному.

149. В горы дорога крута и трудна

Пусть, ради Бога, придет - я одна.

Страшно в горах мне, здесь камни и лед

Пусть он придет и меня заберет.

150. Камни и лед на дороге сюда,

Камни тверды - я, что камень, тверда.

Может быть, милого в этом аду

Мне дожидаться, но жду я и жду...

151. Однако, если кража не происходит, то приходят сваты,
расхваливающие жениха:

Он храбр, как храбрый волк среди волков,

Как самый суровый медведь, он суров...

Недаром случилось ему родиться

Ночью, когда щенилась волчица.

Недаром, к небу очи воздев,/Имя ему старики давали

В тот день, когда появился лев,/Ревом своим оглашая дали.

152. Но вот по горам едет и сам джигит-богатырь:

Тончайшие носить шелка/И с трусом спать - что толку?

Ты лучше сокола ласкай,/С ним жизнь и в шалаше сладка.

С ним - ситец лучше шелка!

153. "Ручей, текущий с гор - пусть будет золотом,

А гравий в том ручье - пусть будет серебром,

154. А горы, что над ним - пусть будут медными,

А на горах трава - пусть будет шелковой,

155. А шелком ласковым пусть позабудется

Маржан красивая, Маржан прекрасная...

156. Но в суровые частые моменты военных невзгод
женщины выбирали и по-иному. Вот как в "Илли (сказание)
защитников аула"

Вы слышите: плач над селеньем стоит,/Люди плачут на
свежих могилах,

И плачут малые дети навзрыд, /Ища матерей своих милых.

157. И женщины в этот нерадостный час /В наши угрюмые
лица

Глядят и тех выбирают из нас,/Кем могут потом гордиться.

158. Вот от таких людей и рождаются чеченцы:

Мы родились той ночью,/Когда щенилась волчица,

А имя нам дали утром,/Под барса рев заревой.

А выросли мы на камне,/Где ветер в сердце стучится,

Где снег нависает смертью /Над бедной головой.

159. И мы никогда не сдадимся,/Накинем ветер, как бурку,

Постелью возьмем мы камни,/Подушками - корни сосны,

Проклятье князьям и рабам их,/Собакам лохматым и бурым.

Их кровью заставим мочиться,/Когда доживем до весны.

160. А наши любимые скажут: "Мы ждали с набега так долго...

Я ждала - и вот я целую, / Я ждала, не смела устать,
Я даже тогда целовала б, / Когда бы уста, как у волка,
В крови его были б враждебной, / Но я целовала б в уста.

161. Я дам ему рог с аракой, / Айрану и турьего мяса,
Я косы отрежу, чтоб косы / Пошли на его тетиву,
Сама наточу ему шашку, / Когда он уснет, утомясь.
А если он ранен и стонет, / И кровью он моет траву -
Спою ему песню и песней / Заставлю рану закрыться,

162. Напомнив о том, что весь род его / Вольный и боевой,
О том, что родился он ночью, / Когда щенилась волчица,
Что имя сыскали утром, / Под барса рев заревой...

163. Даже самая главная у человека - мать - без колебаний
посылает в бой:

На прощанье мать говорила: "Я во чреве тебя носила,
Сберегала и, видит Бог, / Родила я тебя, растила,
Молоком я тебя кормила...

Пусть мое молоко грудное, / Обратится кровью свиною,
Опоганит всю жизнь твою, / Коль забудешь ты все, что свято,
Если бросишь друга и брата, / Если струсил в смертном бою.
Для меня, вдовы несчастливой, / Лучше мертвый сын, чем
трусливый.

164. Вот каков этот народ, какова философия и практика его
жизни - набег и бой!... Ему бы еще овладеть современными
умениями и техникой, сохранив свое родовое бесстрашие -
цены не было бы этому народу. Всем был бы пример.

165. Пусть у отца и матери сын не родится,

Если он чести и мужества не сохранит.

Пусть у отца и матери сын не родится,

Если достоин не будет тех, кто его породит.

Если родится такой, пусть недолго живет.

Если родится, так пусть до полудня умрет.

Да! Пусть трус не рождается, а в результате рождается
множество храбрых.

166. Понятно, конечно, что чеченское бесстрашие имеет и минусы, оборачивается и жестокостью. Недаром так навязчиво у них звучит самоотождествление с волчьими повадками и сутью. Иной раз становится и страшно, вспоминаются и Древний Рим (вспоенным волчицей)

167. и спартанцы-волки, разбойные викинги и даже их фашистские последователи, среди них, по слухам, чеченец, ставший майором СС...

168. И все же, и все же,... И греки, и римляне, и викинги дали миру демократию, право, свободу... И будущий мир без их и чеченского опыта невозможен...

169. Если лезгины учат выживанию народа во что бы то ни стало, то чеченцы учат нас личной смерти ради общего, ради сохранения чести и права. Выживание, конечно, необходимо,

170. но и без сохранения человеческого качества мир смертельно заболевает и скоро умрет. И потому нам нужно учиться и у этого народа!

171. Таргимская котловина - родина ингушей.

172. Ну, вот мы и дошли, начали спуск в долину Ассы - главной реки ингушей. Ингуши - это те же чеченцы из родов галагаев, кистин и пр. Но они обитают - чуть западнее, ближе к Дарьялу и христианской Грузии, и потому гораздо раньше основной массы чеченцев стали уклоняться от языческого пути, выселяться на равнину и, в конце-концов, ощутили себя отдельным народом.

173. Асса оказалась очень чистой и красивой рекой, доступной переходу вброд. Но нам не повезло с фотосъемкой. Так и придется вам рассматривать боевые и жилые башни ингушских 174. аулов Таргим, Хамхи и храм Тхабы-Ерды через темный флер технической, вернее химической ошибки, пока мы будем размышлять об истории взаимоотношений чеченцев-ингушей с миром.

175. Асса - ближайшая к ущелью Терека река. За считанные часы отсюда легко было перемахнуть к главному торговому пути через Кавказ и добыть блага южных цивилизаций, обогатиться в сравнении с восточными чеченскими родами.

176. Но, с другой стороны, в Ассу было легче проникнуть и жизненным приемам, культуре византийского и грузинского христианства. Не только в искусстве каменной кладки, которое ингуши преобразовали в гениальное искусство постройки боевых башен ("воув") и жилых башен ("гала"), но и в вере в единого Бога.

177. Великолепным и, пожалуй, единственным свидетелем прежнего христианства ингушей и чеченцев стоит над Ассой каменный храм Тхаба-Ерды, что значит "храм лика Божьего". На нем высечены фигуры, не Бога, конечно, а святых. И даже находят остатки надписей грузинских строителей.

178. Построена церковь каким-то Давидом, наверное, царем, а церковным приходом здесь управлял епископ Георгий. И все это - блистательный XII век - век наибольшего расцвета и могущества христианской Грузии, эпоха Тамары и Руставели.

179. Время строительства храма в центре ингушской страны было, видимо, кульминацией христианизации северных горцев, добровольно принятой, язычески переработанной, но от того - не менее глубокой.

180. 100 лет назад храм был совершенно цел, хотя жители соседних аулов считали себя мусульманами. Однако храм Тхабы-Ерды они почитали наряду со своими родовыми святынями и даже как главную святыню, и потому ремонтировали и поддерживали его жизнь. Как говорят, христианство уже вошло в ингушскую кровь.

181. На пасху к опустевшему, без священника, храму приходили ингуши из всех соседних селений - Хамхи, Таргима, Гула, Ака. Каждый аул

182. располагался у своего притвора, у своей арки стены, и устраивали пир... Резали баранов и быков, варили пиво, произнося молитвы об урожае - обязательно снимая папахи и держа их под мышкой, как стояли много веков назад их предки в грузинском храме,

183. давно уже ставшем их храмом. А, значит, в их наследство вошли отраженным светом традиции Византии, Рима, Греции.

184. Путеводитель 69-года говорит о Тхабы-Ерды как о руинах.

Но вот мы видим, что в этой обезлюденной, пустынной стране храм восстановлен... Конечно, с помощью ученых, но, думаем - ингушскими руками и их чистым желанием охранения своих родовых истоков на реке Ассе, в сказочной стране детства.

185. Адиз Кусаев:

Как нужна ты,/Как нежна ты,/Как прекрасна,
Ливнем вымытая/Горная страна,

186. Где поет волна/Моей любимой Ассы,
Где стоит лемов/Высокая стена.

187. Скалы стали/Высоки, непроходимы,
Да шиповников/Багряные кусты,
Но пленительно/Изогнуты над нами/Дивных
радуг/Многоцветные мосты.

188. Уходил я,/ Приезжал я,/Расставался./Только знал я:
И в разлуке, и вдали
Эти радуги твои, родная Асса,/Всюду к людям,/Как мосты,
меня вели.

189. Недолго главенствовали на Ассе грузинские и византийские епископы. Монгольское нашествие сильно ослабило Грузию, а потом

190. пришел ислам. Начиная с Ивана Грозного, у кавказских отрогов стали селиться вольные казаки. Самое старое, еще от 18 века, из сохранившихся в народе сказаний, говорит, как великий Ахмад Автуринский едва не вступил в борьбу со станичным казаком, но, "подумав малость", они - "стали кунаками". В этом первом, свободном контакте скорее казаки перенимали обычаи и становились почти горцами...

191. Но вот Российская империя вынудила Турцию отступить от Кавказа, овладела степями, переселила на Кубань и Терек украинцев и донцов, и приступила к подчинению горцев, не подозревавших до того, что они кому-то мешают и находятся с кем-то в войне. А предлогом для войны была масса. Ведь горцы всегда набегами добывали себе скот и девушек.

192. С 1817 года генерал Ермолов стал вести политику выселения горцев "на плоскость", соблазняя их плодородной землей под русским покровительством. Но если чеченцы подчинились этому только после десятилетий кровавой борьбы за родные горы, то ингуши, хранившие приязнь к христианству, гораздо легче поддались русской пропаганде, выселились к Назрани на Сунже, а в великой кавказской войне были "мирными" горцами, т.е. русскими подданными, хоть и беспокойными в управлении...

193. Интересно, как русские власти справились с привычкой к набегам у ингушей, живших в окружении казачьих станиц. Об этом сообщает Брокгауз: "Воровство и грабеж проезжих по дорогам составляет племенную профессию ингушей, вследствие чего к ним то, главным образом, и применяются особые правила... Ингушские селения, к которым ведет след украденного из русских селений скота или другого имущества, обязаны удовлетворить потерпевшего... Ежегодно ингушские селения за это платят 4500-5000 рублей.

194. В горах осталась только треть ингушей, но и они стали верной опорой русского трона, своеобразными швейцарцами-наемниками. Интересно, что в знаменитой "дикой дивизии" - последней надежде монархистского мятежа Корнилова в 1917 году было очень много ингушей,

195. а когда в 1920 году на Ассе появился Серго Орджоникидзе, как представитель Москвы, ингуши из "дикой дивизии" требовали с него недополученное жалованье, как с царя Серго"...

196. Потом же и в веках они стали красными партизанами; пламенными революционерами...

197. ...Ночевали мы, чуть поднявшись над Ассой, перед склонами священной горы Цей-лам, где действовали, может, герои сказания об Альбике и ее брате Жамарзе:

Люди добрые, подходите./В мою сторону слух обратите
И послушаете речь мою./Так считается и считалось,
Что кому воевать случалось./Тот искусен в грозном бою.

198. С места восхода солнца До места захода солнца

Белый царь-государь чуть свет/
Офицеров, князей благородных,
Трону верных, себе угодных,/На великий скликал совет...
Долго ели они и пили,/О делах своих говорили.

Уморились и есть, и пить./И явился к ним царь московский,
И вскочили они молодцовски,/Государю отдали честь,

199.И поведал им царь великий,/Мол, тоскует он по Альбике,
Хочет встретить ее поскорей./Что увидит у ней обнаженным,
То закроет златом червонным,/Не жалея казны своей.

200.Радо воинство отличиться./И рассвет не успел опуститься
На предгорья и воды реки,/Как аул, где жила Альбика,
Окружили ратью великой,/В три ряда засверкали штыки...

201."С государевой ратью великой,

Мы за вашей пришли Альбикой

Белый царь нас отправил в путь,/Ибо он - правитель законный

Хочет златом покрыть червонным /Руки, плечи ее и грудь.

Вон штыков - как колосьев в поле

/Так что лучше по доброй воле

Вы отдайте, и мы увезем, /Помолившись Господу Богу,

Вашу девицу-недотрогу,/А не то весь аул сожжем".

202. Альбику увозят в царевой карете, но ее догоняет брат Жамарза, один бьется со всем войском, устает от рубки, но с помощью подоспевшего друга, известного еще Пушкину и Лермонтову удальца Бей-булата, они разогнали царское войско, освободили Альбику и даже отбили карету.

203.Так друзья неразлучные эти/В той рессорной царской карете

Прикатили средь бела дня,/Вверх из ружей они палили,

Малых, старых - всех всполошили./Поллюбила их мать Чечня,

Всюду стали их люди славить/И к тому, что сказал, прибавить

Я что-либо смогу навряд./Пусть любимые вас уважат,

Этой песни конец доскажут,/Или иною повеселят.

204. Эгикал и Эрзи.Солнечное утро приветствовало нас в начале подъема от Ассы к Армху в виду склепов и башен Эгикала.

205. Путеводитель называет Эгикал и более западный Эрзи, уже на притоке Терека - заповедниками архитектуры.

206. От бронзовой поры в Эгикале масса грубых, полуподземных склепов. Они почти разрушены, но находятся в прямой родственной связи с более поздними ингушскими склепами, что позволяет ингушам говорить о своей исконности, всегдашности на этой земле.

207. Каменные могилы эпохи бронзы превратились в умение строить мавзолеи-склепы со сланцевыми крышами или даже со сферическими

208. сводами. От таких построек недалеко и до строительства сиелингов, т.е. языческих храмов ингушского народа.

209. А боевые башни - это вершина строительного мастерства, в котором сплелись извечное умение ингушей обращаться с местным камнем и приемы грузинских строителей христианских храмов.

210. Они особенно выразительны в "орлином" селении Эрзи, куда мы пришли пополудни... Но скуден наш язык и лучше вспомнить ингушское сказание "Илли о том, как строили башню".

211. Трижды землю поили молоком, трижды срывали грунт, И только когда земля отказалась пить, положили первые камни; Восемь огромных глыб, образующих углы воуов, И был каждый камень равен быку, а весом - восьми быкам.

212. Их привезли с вершины горы, взявши из-под голубого льда.

Каждый камень везли двенадцать быков, ломая копыта от напряжения.

Каждый камень тесали 12 дней 4 камнетеса,

И стальные тесла крошились у нас, будто сделанные из липы,

20 тесел каждый каменотес сломал о ребра камней,

И камни стали ровны, как стекло, и приняли нужный вид!

213. Тогда четыре, как горы, седых старика, осмотрели и ощупали их,

И каждый сказал: "Теперь хороши, ни порока, ни трещины нет!"

И каждый сказал: "Воув будет крепка, как наши горы крепки,
И будет стоять во веки веков, как мир в веки веков стоит!"...

214. И каждый сказал: "Мы землю здесь поили густым
молоком,

И камни эти, чтобы были крепки, напоим горячей кровью,-
Пусть свяжет кровь четыре угла, как род наш кровью связан,
И этой связи не сокрушат ни смерть, ни вечное время!"

215. Тогда самый старый из стариков, рода старейший отец,
Взяв острый, как слово мудрого, нож, перерезал баранье
горло,

И барана с перерезанным горлом подвел к каждому угловому
камню.

216. И кровь закипела из-под ножа, словно горный поток
бурля,

И каждый камень был обагрён горячей, как солнце, кровью...

217. Пока в котле варился баран, была замешана известь,
И белой известью было скреплено скрепленное красной
кровью

После этого начался пир, на луг расстелив кошму,
Кошму, сделанную Петимат и ее шестью дочерьми
130 джигитов сели вокруг,

130 юношей встали вокруг, 130 джигитам служа.

И небо раскинуло над кошмой свой голубой шатер.

218. На самом почетном месте посажен Янд - славный
строитель воув,

И первый наполненный пивом стакан поставлен был перед
ним,

И если он ставил стакан, то все ставили, как один!

Пока он ел, готовясь к труду, ели и пили все,

А когда он насытился и сказал: "Баркал хозяину!" -

То все перестали есть и все хозяина поблагодарили.

219. Пивом стаканы полны, как жизнь борьбою полна, и
счастьем,

Как небо летнее солнцем полно, так и молодость полна песней

И песня течет, полным-полна мудростью и весельем...

Еще последним ее дыханием дышал притихший зеленый Джерарх,
И дечинг-пондара живое сердце трепетало под пальцами музыканта,

220. Когда восемь помощников Янда, встав, стали готовить известь.

Известь кипела, пенясь, шипя, словно змея, и густела,
И становилась вязкой, как темнота ночных ущелий.

221. Лишь только песня потухла, Янд взялся за работу:
Он взял два камня и, смазав их известью, ударил один о другой,

И сразу два камня стали одним под сильной рукой!
"Известь готова, - сказал Янд, - пора приниматься за дело!"
И все вокруг него запенилось и зашипело!

222. Крутился ворот, от натуги скрипя:
струною дечинг-пондара напрягался канат.
Скрученный из восьми ремней, вырезанных из кожи буйвола;
Камни, становясь, будто пух легки, шли наверх, послушные неуклонно
И поворачивались в руках Янда нужной ему с стороны.

223. Из разных мест ущелья привезены обломки различных глыб,
Скрепленные известью, становились они неделимым целым.
Камни ложились, один за другим, вздымался за рядом ряд,
И казалось, что известь и камни между собой, как бы советуясь, говорят.

224. Так Янд работал, кипел и пел, яростью труда лют,
И казалось, что камни под его рукой, гордые собой, поют.

225. Работа кипела, и Янд горел в работе, не считая дней,
И в небо вонзилась своей вершиной струйной песня камней.

225. Первый ярус закончен, сюда никогда не заглянет день,
Здесь пленники, кандалами звеня, будут гадать о судьбе!

226. Ярус второй - уже свод сведен и очажная цепь висит,
Здесь будет дни свои коротать семья в случае войны!

227. Выше поднялся Янд, и снова принялся за работу!
Четвертый ярус - здесь сторожа, сменяясь, у бойниц встанут,

И все четыре сторона света будут, как на ладони.

Так, камни ложились за рядом ряд, ярус за ярусом росла воув.

И вот на триста шестидесятый день закончил Янд пятый ярус!

228. Четыре балкона с четырех стен выступали вперед,

И с каждого пуля-молния без промаха в сердце бьет!

И снова Янд поднимается, и выше уже нельзя,-

229. Здесь будет крыша, словно свет, строчным конусом сведена,

Ложатся уступами ряды камней, постоянно сужаясь кверху,

И тонкие плиты сланца их перекрывают сверху.

И вот опять ряды камней и плит, и снова камни и плиты,

А Янд все ближе, ближе к солнцу, ближе с каждой минутой.

230. В четыре дня двадцать рядов камней и 12 сланцевых плит Под неутомимой его рукой, красиво перемежаясь, легли.

231. И вот 365-й день, проснувшись, открыл глаза, -

И сразу же хлынула дню в глаза просторная синева, -

Вместе с рассветом проснулся Янд, легко заскрипел ворот, -

Янд поднялся на башню, и у его ног расположились горы.

232. В последний раз напрягался канат, бесконечный, как человечья память

В последний раз ворот скрипел и пел, поднимая последний камень.

233. Закончена песня труда и камней - выше уже нельзя:

Над самой головой легкие облака плывут, скользя,

Садится солнце и, пересекая Джерарх, воув бросает тень.

Так стал последним, замковым камнем триста шестьдесят пятый день!

234. Но вернемся в утренний великолепный и пустынный Эгикал, к палатке в зарослях алычи, кизила, жимолости и попробуем осмыслить увиденное, обобщить услышанное

235. Типичная ингушская воув-боевая башня, а рядом развалины жилой башни-гала, остатки от хозяйственных пристрооек, плодовые деревья - остатки сада и огорода - в таких родовых гнездах выживали ингуши и чеченцы в непрерывных стычках и войнах. Главным образом, в местных войнах между соседями - из-за угона скота и убийств.

236. Кровная месть - месть за кражу женщин и за убийство - было главным средством самосудного права, восстановления на этой земле справедливости - без государственных судов и писаных законов - а по обычаю. Жестокий обычай, но именно он заставлял чеченцев и ингушей крайне бережно относиться к жизни и чести сородичей. Если же случалось несчастье и обида, род шел войной на род обидчика, а спрятаться

237. они могли только в башне. Правда, возможны были и смягчения. Можно было откупиться от осады, выйти из башни для работ, но при одном условии: убийца не должен покидать своею усадьбы, ибо вне ее кровники обязаны будут преследовать его и убить. Так смерть заменялась пожизненным заключением, но не прощением, адат был суров и неумолим.

238. Без всяких натяжек можно утверждать, что мы видим перед собой типичный рыцарский замок. Не феодальный (крепостных крестьян поблизости не было), а именно рыцарский, развивающийся из родовых башен, где люди ставили честь выше жизни. Честь, конечно, понимаемую очень

239. Специфично. В кодекс ее ценностей входили, например, грабеж и угон скота, захват пленников - но ведь и ранние европейские рыцари этим не брезговали, если не просто жили разбоем. И, тем не менее, рыцарская честь стала в Европе одним из важных составляющих личностного сознания Нового времени.

240. В более поздние времена горцы строили больше галы, собираясь в аулы-города. В Англии родовые замки тоже уступили место городам. Но остались традиции, остались люди, англичане и ингуши...

241. Поднимаясь от Эгикала к водоразделу на Армхи, мы заметили

242. за собой всадников, удивились - ведь за весь прошлый день в этой богатейшей долине ни с кем не встретились. Лишь видели в отдалении проносящийся по старым дорогам мотоцикл, какой-то джигит приволок его по кочам с Военно-

Грузинской дороги, чтобы вволю погарцевать по историческим местам.

243. Но вот нас догнали молодые парни. На просьбу Лили помочь вежливо взвалили на лошадей рюкзаки и неспеша покрутили вверх дорожным серпантином. Мы же, обрадованные и облегченные, ринулись вверх напрямки.

244. Наверху парни сворачивали в поисках отбившихся коров. Мы расстались, сфотографировав их на память. Вот они - молодые ингуши - наследники рыцарей-грабителей. Хоть и работают пастухами, но одеты щегольски, выглядят, как заправские денди, аристократы. Да, как безнадежно устарел отзыв Брокгауза о небрежности одежды горных ингушей. Сейчас с одеждой все в порядке, а вот как с честью? - И, кажется, нам хочется верить - что все же неплохо, не хуже, чем у англичан.

245. Джерарх - дорога на Запад.

246. Снова мы шли на запад верхней дорогой, держа по левую руку заснеженный Кавказ. А впереди все близилась высшая точка центрального Кавказа - белая шапка Казбека - уже там, за Терекком, почти за границей.

247. Там Осетия, еще дальше живут черкесы, воспринявшие чеченское бесстрашие, через мамелюков передавшие его и арабскому Востоку, и рыцарской Европе. Там был конец нашего славного маршрута по Чечне и Ингушетии, нашей первой попытке ее понять.

248. Арби Мамакаев: Что знаем мы о старине, /О том, как жили наши деды!

Какие мудрые заветы, /Они оставили Чечне?

Их научила мать-природа /Быть тверже неприступных гор.

Всего милее им природа /Всего страшнее им - позор...

249. Магомед - Саид Плиев:

Я в холодных мечетях не дрог, /Обхожусь без Корана в дому.

Мой народ, мой единственный бог, /Я молюсь лишь тебе одному.

Коли слово мое обожжет /Ложью сердце твое, мой народ,

Я - не горец. Я - пыль и вода, /Я не жил на земле никогда!

250. Зайндин Муталибов: Чечня мала. Она лежит на картах,
Как родинка на теле у земли.
Ее геройством прославляли нарты/И покорить монголы не
могли!
Край солнечных долин и песен нежных,/Где не всегда в реке
отыщешь брод,
Здесь - от подножья гор до шапок снежных/Живет мой гордый
маленький народ

251. Но вот после очередного поворота раскрывается
современный поселок. Это Хули, от которого ведет уже
автомобильная дорога до Военно-Грузинского шоссе. Здесь
мы уже не ожидаем увидеть

252. старинные поселки. Все они, наверное, разобраны на
нужды нового строительства. Чистенькие домики, в подворьях
автомобили, запасные

253. мотоциклы - современная замена коней. Разговариваем
с детьми и приветливыми женщинами современного городского
облика. Едва приходим в себя от такого неожиданного
перехода - от безлюдья среди гор и башен - к общению с
пригородными людьми.

254. Ведь раз сюда ходят машины, то поселок выполняет не
только с/х роль, но и роль дач для Орджоникидзе. Потом мы
скатываемся у самой Армхи в довольно узкое ущелье и

255. после обеденного перекуса и отдыха идем вниз, ожидая
встречи с курортом Армхи, от которого ходит автобус.

256-258. А в 8 км от курорта мы доходим и до поселка
Джерарх на край ущелья Терека. От боевых времен, когда
Джерарх был мощной крепостью, запиравшей и оборонявшей
страну вайнахов от южных карателей и северных
завоевателей, осталась лишь одна боевая башня

259. под защитой закона. А так странно видеть эту воув,
обжитую белыми домами, и радостно, что уцелеет, но дольше
грустно от прощания.

260. Попутный, наконец-то, грузовик спускает нас в мрачное
ущелье Дарьяла. Лихорадочные съемки еще одного

сторожевого поста дают смазанный кадр, и я с досадой закрываю

261. объектив. Насовсем. Потому что уже вечер, потому что ночью мы уже окажемся в Грузии, потому что в благодарной памяти

262. останутся лучшие кадры из нашего путешествия по прекрасной Чечне, жить на которой, конечно, впору только сильным людям.

263-264.

265. Взамен эпилога.

266. Арсанукаев

267. Между мной и тьмой вселенской/

Чистое лицо родных небес...

268. Голубая глубина бездонна./Голубая глубина светла.

И у глубины свои законы/В небе нет заборов и границ.

В небе нет хребтов и нет ущелий.../Глубина мечты и ясность целей Видится мне во владеньях птиц...

269. С детства поманившие меня/ Голубое, чистое виденье,
Голубая даль/и восхождение/солнечного голубого дня.

270. Цвет мне полюбился голубой,/Цвет мне приоткрылся голубой,

Цвет свободы,/цвет,/для которого сравнения нет.

271,272 Конец

Сценарий диафильма «Ленинград», в 4-х частях, 1976 г.

Преамбула. Поездку в Ленинград, как и в Крым, мы долгое время откладывали на "потом", на лучшие времена, когда можно будет осмотреть его основательно - с фотоаппаратом и последующим диафильмом. Но судьба в лице институтского начальства все сама определила - меня направили в командировку на 10 дней в Ленинград в июле, и мы решились: Лиля высвободила на своей работе свободные дни (она работала тогда на полставки), с огромными тревожностями упростили родных и знакомых посидеть эти дни с нашими малышами и, взяв с собой Темку (все равно от него мало проку на даче, а очень просится), отправились на близкое знакомство с северной русской столицей и, воплощенной в зданиях, русской историей двух последних и самых интересных для нас столетий.

День на обратную дорогу, четыре на выполнение заданий по командировке: в остатке 5 полных дней + обрывки из остальных дней на знакомство с великим городом, с его музеями и знаменитыми пригородами - Петергофом, Ораниенбаумом (даже в Кронштадт заплыли), Царским селом, Павловском, Гатчиной... Белые ночи, разводные мосты, - домой приходили без ног, засыпали в блаженной усталости...

У нас были выписки из книги маркиза де Кюстина о Петербурге столетней с лишним давности, архитектурные и прочие путеводители приютивших нас ленинградцев, стихи о Ленинграде и, конечно, крохи от всего запаса русской культуры, связанной с Петербургом, и собственные вопросы, вопросы...

Недостатка в материалах и проблемах для фильма не было. Отснятые кадры разместились в четыре диафильмовские части, вытянутые по хронологии: 1) от Петра до Екатерины; 2) от Павла до Николая; 3) от Александра II до 1917 года; 4) Советский период. Это очень длинный фильм, тем не менее,

его смотрят, как правило, целиком, неотрывно - тема ведет и не дает гаснуть интересу...

Редко кто соглашается с содержанием этих фильмов полностью. Иные не приемлют целиком и категорически. Даже с Лилей нам пришлось долго спорить и идти на компромиссы, прежде чем основные цитаты из неприятного ей де-Кюстина все же вошли в текст. Мнения самые разноречивые - от простого "Какой же этот де-Кюстин - дурак, смотрел, и ничего не увидел..." до обвинения, что я просто облил Запад грязью и ненавистью...

Правда, наиболее резкие оценки относились больше всего к 1 части, а потом смягчались, сменяясь почти полным принятием и согласием с последней, 4-й частью, где мы с Лилей вместе и согласно поем славу Ленинграду, бывшей столице, дорогой каждому русскому. 4-ая часть как бы мирила нас со зрителями, оставляя в надеждах (а может, иллюзиях?) на общее согласие.

Подспудно же это надежда на согласие двух главных течений в современном диссидентстве: православного славянофильства (почвенничества) и либерально-социалистического западничества, Солженицына и Сахарова. Подспудно это надежда на отказ от насильственного копирования, и одновременно - на развитие наших собственных демократических и свободных начал.

«Ленинград. ч.1. Петра творенье»

1-2. Три человека, по-разному подготовленные к Ленинграду, разное от него ждущие, Витя, Тема и

3.я, приехали в бывшую русскую столицу, в большой город на Неве.

4. У меня была уже одна встреча в промозглые зимние каникулы во многокочном университетском общежитии, с музейной роскошью, жадно заглатываемой мною, 19-ти летней. Архитектуру, историю мое сердце тогда не вмещало.

5. За вторую половину жизни я осознала невозможность объять необъятное, а еще, что главное - не поглощение сотворенного, а самовыражение, и нашла с Витиной помощью свой участок творчества - диафильмы. И потому эту поездку я рассматривала, как творческую диакомандировку.

6-7, 8. Но почему так не заинтересованно скользят глаза по Ленинградским чудесам, почему не зачаровывают ни дали, ни выси, ни роскошная вязь? Неужели пресытилась увиденным за 10 лет активного смотрения?

9. Не сразу поняла. Вот главная причина - Де Кюстин, очернивший Петербург. Если б это был простой хулитель, а то ведь умница, так много в России понял. Как же не хочется принимать его правду, как она жалит. Но никуда теперь не денешься.

10. И лишь преодолев ее, я смогу полюбить Ленинград, русский город, чего я так сильно хочу. Хочу вернуться к пушкинскому чувству.

Люблю тебя Петра творенье,
/Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение, /Береговой ее гранит.

11. Твоих оград узор чугунный, Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,

Когда я в комнате моей /Пищу, читаю без лампы,

12. И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла /Адмиралтейская игла.
И не пуская тьму ночную /На золотые небеса,
Одна заря сменить другую /Спешит, дав ночи полчаса.

13. Де Кюстин прибыл в Россию через 6 лет после написания этих строк. Известный публицист, монархист по убеждениям, он надеялся увидеть в России идеальную монархию, очищенную от европейского торгашества.

14. Мы подплывали к Кронштадту такой же вечерней порой, что и де Кюстин, и потому могли говорить его словами: "Дикий, пустынный пейзаж, без красок, без границ. Море, берег, небо - все слилось. Это зеркало, но тусклое, матовое, как будто лишенное фольги и ничего не отражающее".

15. Для нас же Кронштадт - легендарный город, первая и главная морская база и, конечно, весь засекреченный - с чугунными набережными и громадным собором. Здесь гнездо морской романтики, очищенной для непосвященных от тяжелого труда, отсюда шли революционные балтийцы в бескозырках, наследники бравых русских матросов еще с петровских времен.

16. Но послушаем Кюстина: "Матросы русской таможни казались людьми особой, чуждой нам расы. Жалкие, истощенные, в грязных отрепьях, они позорили свою родину. При виде их измученных лиц и при мысли, что в непрерывной каторжной работе весь смысл их назначения, их жизни, я невольно спрашиваю себя, чем же так жестоко провинился человек перед господом богом, что 60 миллионов ему подобных обречены на жизнь в России".

17. Сейчас такое можно увидеть лишь в концлагере. Правда, следующая его встреча - с таможенниками - вполне типична и для нашего времени. "Каждый из чиновников выполнял свою работу с таким педантизмом, ригоризмом и надменностью, которая имеет лишь одну цель - придать известную важность даже самому малому человеку. Уважение ко мне! Я - часть великой государственной машины!"

18. У нас не было пропусков в Кронштадт, и потому мы не получили ни от него, ни от его жителей никаких впечатлений. Прождали на причале перед вахтой час и уплыли в Ленинград на ракете, сверяя действительность с кюстиновскими впечатлениями.

19. "Напрасно Петр говорил, что хотел только дать России выход в море, я думаю, скорее болезненное самолюбие царя, уязвленное независимостью московских бояр, создали этот город, в котором очень тяжело жить, у которого Нева оспаривает каждую пядь земли, из которого все стремятся бежать к югу, хоть на один шаг". Ну, с этим согласиться не могу!

20. Быть петербуржцем раньше и ленинградцем сейчас престижно. Каждый из ленинградцев, как мне кажется, в

глубине считает себя интеллигентней других россов, а если кто в трамвае шумит, так тот не ленинградец. Да так считали и 200 лет назад.

21. Приятный брег! Любезная страна!

Где свой Нева поток стремится к пучине.

О прежде дебрь, се коль населена!

Мы град в тебе, престольный, видим ныне.

22. Немало зрю в округе я доброт,

Реки твоей струи легки и чисты,

Студен воздух, но здрав его есть род

Очищены почти все блата мшисты.

23. Прекрасный град, что Петр наш основал

И на красе построил толь полезно,

Уж древним всем он ныне равен стал

И обитать в нем всякому любезно.

24. Не больше лет как токмо с 50 –

/Отнеле ж все хвалу от удивленной

Ему души со славою гласят,

И честь притом достойну во вселенной

25. Что ж бы тогда, как пройдет уж 100 лет

Но вам узреть потомки в граде сем

Из всех тех стран слетающихся густо

Смотрящих все, дивящихся о вам

Гласящих: сей рай стал, где было пусто.

26. Кюстину не пришлось разглядывать эти многоэтажные коробки, как нам. Он видел лишь, как постепенно вырисовываются позолоченные купола церквей, памятники, здания правительственных учреждений, музеи, казармы, дворцы и соборы.

27. "При взгляде с Невы набережные Петербурга величественны и красивы. Но стоит только ступить на землю и убедиться, что набережные эти вымощены плохим неровным булыжником.

28. Впрочем, здесь все любят показное, все, что блестит: золоченые шпили, которые тонки, как громоотводы, портики, фундаменты которых почти исчезают под водой, площади,

украшенные колоннами, которые теряются среди окружающих их пустынных пространств...

29. Вместо подражания антическим храмам они должны были создавать здания со смелыми очертаниями, с вертикальными линиями, чтобы преобразовать туман и нарушить однообразие влажных сыроватых степей, окружающих Петербург".

30. С сильным раздражением слушаю я эти тирады. А как мешали они мне любоваться классическими зданиями Петербурга. Да, подражание. Да, по-другому не умели, не хватало фантазии. Европейцам по образованию или происхождению, откуда нашим зодчим было взять другие образцы, как ни из Европы. А ее "здания со смелыми очертаниями" большей частью разместились в архивах. Ну, не гении строили Петербург, а просто талантливые архитекторы. Так за что же попрекать? Почему не искать достоинств?

31. Ведь те же требуемые вертикальные линии всюду тянули шпигели колоколен, Адмиралтейства. А колонны разве сами по себе не вертикальные линии? И потом, колоннада - это ж красиво. А какие колоннады в Таврическом дворце расставил Старов? У Державина дух захватывало от перспектив, ими создаваемых.

32. Прошло 140 лет, а мы все еще сердимся на де Кюстина, все еще не можем слышать искренне, без утайки сказанные слова иностранца. И как же нам трудно понять, что восхищающее нас богатство и стройность самодержавного порядка для европейцев - страшны и отвратительны, что в своем отзыве де Кюстин обвиняет не русских зодчих, а деспотический режим, вынуждавший к подражаниям и мертвящей дисциплине.

33. А я хочу, чтоб мне не мешали полюбить город. Ищу и нахожу поддержку у нашего современника Давида Самойлова. Весь город в плавных разворотах /И лишь подчеркивает даль В проспектах, арках и воротах /Классическая вертикаль.

34. И все дворцы, ограды, зданья /И эти львы и этот конь Видны как бы для любованья /Поставленные на ладонь.

35. И плавно прилегают воды /К седым гранитам городским - Большие замыслы природы /К великим замыслам людским.

36. Земля эта принадлежала шведам-варягам, еще с давних времен, когда они владели Киевской Русью, а потом продолжала считаться русской, пока Иван Грозный не потерял ее в Ливонской войне. Наверное, шведы и сами отдали бы России устье Невы в обмен на прочный союз, но Петру нужен был не союз, а покорность, не мир, а война. И тогда на месте небольшого шведского укрепления встала Петропавловская крепость, начал строиться флот для наступления на Европу.

37. К флоту и армии сводились все главные реформы Петра. Через это окно-город потекли царю европейское оружие, технология, специалисты, наука и искусство - весь тот материал, из которого русские деспоты, который век, пытаются свить веревку, чтобы повесить своих западных благодетелей.

38. Здесь, в своем детище, Петр использует "на полную катушку" нанятых иностранцев и обучает своих подданных. Обучает палкой, под страхом кнута и смерти. Отняв все остатки независимости, чтобы догнать Запад, он отнял у русских последние остатки свободы и независимости, превратил их в крепостных холопов.

39. Со дня своего основания Петрова крепость стала тюрьмой для оппозиции, обратила ружья против собственного народа. Такова истинная роль великого Преобразователя России, но понять ее могут только оппозиционеры, а они от века редки в России.

40. Могучий муж! Желал ты блага, /Ты мысль великую питал,
В тебе и сила, и отвага, /И дух высокий обитал.

41. Но оскорбляя зло в отчизне, /Ты всю отчизну оскорбил
Гоня пороки русской жизни, /Ты жизнь безжалостно давил,
На благородный труд, стремленье /Не вызывал народ ты свой,
В его не верил убежденья /И весь закрыл его собой.

42. Настало время зла и горя, /И с чужестранною толпой
Твой град, пирующий у моря, /Стал Руси тяжкою бедой.
Так будет время, Русь - воспрянет! Рассеет долголетний сон
И на неправду грозно грянет.
В неправде подвиг твой свершен!

43. Народа дух распустит крылья /Изменников обьет страх
Гнездо и памятник насилья -/Твой град рассыплется во прах!
...И жизнь свободный примет ход.

44. В городе сохранились два первых петровских дома:
деревянный домик и летний дворец. Город начинался с
деревянных построек. Это вызывало сильное раздражение
Петра. Чтоб его уменьшить, приказал царь на наружных
стенах рисовать кирпичи.

45. А Летний дворец сооружал в камне Доменико Трезини, а
отшлифовывал этот "камушек" известный берлинский
архитектор Шлютер.

46. Судьба отвела ему на работу в России лишь один год. Он
умер, и поэтому Летний сад не получил Шлютеровского
великолепного грота и не дотянулся до Версальского, хотя
баснословное количество скульптур, прибывших из Европы,
разместили в нем устроители. Но стоит ли жалеть о
несостоявшемся Версале?! Летний сад с тех пор как, его
сделали, стал любимым местом прогулок.

47. И не ограда, не музей, /Не статуи белых сонм бесстрастный,
Но смысл и горечь жизни всей /К тебе притягивают властно.

48. В этих зданиях видят свидетельство необычайной
скромности гениального преобразователя и труженика. Царь -
и так просто жил. Так скромно. Почти отец родной.

Да что соотечественники? После осмотра Летнего дворца де
Кюстин записал: "Сами строители не испытывали потребности
в роскоши и довольствовались ролью провозвестников
цивилизации. Тогда в России все приносилось в жертву
будущему. Вера живущих во славу своих потомков заключает
в себе нечто благородное и своеобразное. Это чувство
бескорыстное, поэтическое и стоит выше обычного уважения
людей и нации к своим предкам".

49. Даже умница маркиз поддался обаянию петровского
оптимизма, не догадываясь, сколько гордыни в этом желании -
властвовать над будущими поколениями.

Как всякий европеец, Кюстин не ценил богатство европейских традиций, не догадывался, что уважение к независимым от нас предкам благородней, чем желания командовать потомками.

50. Петергоф. П. Вяземский

51 Я вижу град Петров, чудесный величавый,
По манию Петра воздвигшийся из блат
Наследный памятник его могучей славы,
Потомками его украшенный стократ.

52. Искусство Греции и Рима чудеса.

Зрят с дивом под собой полночны небеса.

Чертоги кесарей, сады Семирамиды,
Волшебны острова Делоса и Киприды!

53. Чья смелая рука совокупила вас?

Чей повелительный, назло природе глас,

Содвинул и повлек из дикия пустыни

Громады вечных скал...

54. Да, громады вечных скал, весь добываемый в России камень шел в Петербург, все каменщики - до одного, во всей России, сюда, и плотники тоже. Столица росла, но строившая ее Россия - вымирала. За годы правления Петра численность населения не только не увеличилась, а упала на 20%. Миллионами смертей был оплачен блеск и победы Петрова царствования.

55. И ради прихоти единой /Перенесенная сюда,
Рванулась вверх из пасти лвиной /Победоносная вода!

56. Герои скинули хитоны, /Богини сбросили наряд,
На сушу вылезли тритоны /И в трубы звонкие трубят.

57. Возня, толканье, плеск в канале! /Хвосты, колени и зады!
Щедрейшая из вакханалий /Растрата блещущей воды.

58. Сначала на армию и флот, а потом на множество картин и статуй нужно было много денег, и потому любимыми помощниками у Петра были придумщики новых налогов. Никогда еще и нигде не знали люди такой вакханалии налогов: на платье, на бороды, на старые обычаи, на душу. В неволю вгоняли не только палкой, но и рублем.

59. Два раза в год Петергофские ворота раскрывались для народного праздничного гуляния. На таком празднике и побывал 140 лет назад маркиз де Кюстин:

60. "Петергофский праздник - нет ничего прекраснее для глаз и ничего печальнее для ума, чем это псевдонародное единение придворных и крестьян. Когда император раскрывает двери перед привилегированными крестьянами и избранными горожанами, он этим не говорит купцу или батраку: "Ты такой же человек, как и я", но говорит дворянину "ты такой же раб, как и они, а я Ваш бог, равно властвую над всеми вами".

61. Мне кажется, прежде чем искать популярности в народе, следовало бы создать самый народ. Множество людей свободно гуляет ныне в Петергофе, но что их привлекает сюда?

62-63. Как хорошо детворе у фонтанов-игрушек: грибка-сюрприза и многих других. Их радость как бы оправдывает труды и жизни загубленных предков.

64. Симпатичны люди, задумчиво гуляющие по еще более задумчивым и прекрасным аллеям. И любующиеся изваяниями, напоминающими то античную грацию,

65. то римское величие.

66-67. Прекрасны фонтаны Петергофа, хотя и заплачено за них... Но ведь, в конце концов, вся жизнь строится на прошлых поколениях. Вот только какой ценой...

68. Как совместить в себе и бескорыстную любовь к Петергофской красоте, и горькую память о жертвах, детский восторг и взрослую трезвость, а знание истории с сиюминутной радостью?

69-70,71. Петергоф стал музеем, народным достоянием, но, в основном, люди толпятся здесь с одним, едва скрываемым желанием - причаститься великой, пусть даже бывшей власти.

72. Созерцание пышных апартаментов наполняет душу почитанием власти, и прошлой, и нынешней.

73. В итоге экскурсии в резиденцию царей дают значительный политико-воспитательный навар, ибо нет власти "аще не от бога".

74. Но когда же мы заговорим словами Кюстина: "Я часто повторяю себе, здесь надо заново создать народ... Русские - нация немых, страна напоминает мне замок спящей красавицы, все блестит, везде золото и великолепие, не хватает только свободы, т.е. жизни.

75. Надо вернуть народу его первоначальный свободный характер, дабы сделать достойным истиной цивилизации. Чтобы народ мог достигнуть всего, на что способен, он должен не копировать иностранцев, а развивать свой национальный, одному ему присущий дух".

76. Памятник Петру в Петергофе невелик, не нарушает общего паркового стиля. Скромный герой затерялся среди "чертогов Кесарей, садов Семирамиды".

77. Летят алмазные фонтаны /С веселым шумом к облакам,
Под ними блещут истуканы /И мнится живы; Фидий сам

78. Потомок Феба и Паллады /Любуясь ими, наконец,
Свой очарованный резец /Из рук бы выронил с досады.

79. Дробясь о мраморны преграды

80. Жемчужной огненной дугой/. Валятся, плещут водопады...

81. Прекрасен Петергоф, французский оранжерейный цветок на русском болоте, очаровательный и зловещий

82. гибрид Азии и Европы, самый яркий представитель старой дворянской культуры, выращивший всех нас европейцами по запросам, азиатами по крови и судьбе.

83. Прекрасный и проклятый Петергоф!

84. А в самом Петербурге точной копией центральной части Петергофского дворца поднялись палаты Кикина "адмиралтейств-советника" Петрова.

85. Любопытно, что возведены они были далеко от Невы, и далеко от планируемого центра города.

86. А центру надлежало быть на Васильевском острове, который должно было рассечь каналами совсем как в Амстердаме, да владелец острова - Меньшиков помешал.

87. Это его дворец. Он вел себя как раб и второе лицо в государстве. Талантливый и бессовестный, щедрый и вороватый, высокомерный светлейший князь и первый

нижайший холоп (хозяину доставляло особое удовольствие самолично бить его палкой), он стал нормальным человеком только после смерти хозяина, когда, подобно Хрущеву, пытался отменить Петрову несвободу,

88. но был смят конкурентами и дни свои окончил в Сибирской ссылке.

89. Недалеко от дворца Меншикова - кунсткамера, куда Хозяин свозил со всего света уродцев и диковины - первый русский музей. Здесь работали выписанные из Европы академики и художники - очередной заморский цветок на варварской почве.

90. А рядом здание Двенадцати коллегий: дом правительства, Совет министров, Госплан, а на деле это просто канцелярия, или, по Кюстину, фасад.

91. "У русских есть лишь название всего, но ничего нет в действительности. Россия - страна фасадов. Прочтите этикетки - у них есть цивилизация, общество, литература, театр, науки, а на самом деле у них нет даже врачей..."

92. Россия - империя каталогов. Но берегитесь заглянуть дальше глав. Сколько городов и дорог существует лишь в проекте. Да и вся нация есть ни что иное, как афиша, расклеенная по Европе. Единственно, чем заняты все мыслящие русские - это планы и проекты, которые в данный момент при дворе возникают". Но Кюстин не знал, что в русской истории все же бывала оппозиция.

93. Пантелеймоновская церковь. Пышный Аннин кринолин и камзол Бирона напоминают ее завершения. Церковь - свидетельница времен Анны Иоанновны и конституционной попытки верховников.

94. Недолго прожила первая русская конституция, опираясь на разум немногих верховников. С гвардией, которой либеральные аристократы были ненавистнее привычного рабства, Анна порвала свои конституционные обещания, а либеральную крамолу принялась выжигать с корнем. Самсониевский собор на Выборгской стороне не только по времени, но и по существу о том напоминает.

95. В углу его двора поставлен потомками памятник замученным руководителям оппозиции.

96. 10 лет страну гнуло "немецкое иго", бироновщина. Ведь выданная Петром за немецкого герцога племянница стала там почти немкой, и после возвращения на русский фатерланд окружила себя остзейскими советниками.

97. Началось с мечты Петра завоевать Европу сначала силой, а потом династическими браками, а кончилось тем, что к престолу в России приходили раз за разом немцы или их воспитанники.

98. Этот дом на Петроградской стороне называют Бироновым дворцом, хотя история упоминает лишь о пеньковых складах. Дореволюционные справочники считают его фантастическим сооружением: оно, мол, испорчено, но после ремонта могло бы сойти даже за Дворец искусств.

99. Правление Бирона по-новому ставит перед нами петрову загадку. Мы знаем, деспот Петр - варвар по рождению.

100. Но вот начинается правление прирожденных немцев. Отчего ж им не пойти по европейскому, либеральному руслу? Нет. Бирон и Анна казнят русских либералов и правят хуже матерых ханов. В чем же дело? Форму правления определяют сами подданные. И кто бы ни пришел в Россию, запуганными и подбострастными людьми он сможет править только силой, или сам погибнет.

101. Екатерина Великая осталась в памяти, как матушка-царица. Она была умна и популярна, и либеральна, и народолюбива, даже по европейским меркам.

102. Однако без кнута и у нее не обходилось. Все ее труды и реформы свелись к очередным, теперь Суворовским победам на юге; и, как ни странно, к окончательному закреплению крестьян.

103. Она казнила меньше иных самодержцев, но тайная канцелярия продолжала работать, она заменяла каторгу ссылкой, ссылку - отставкой, а вот граф Панин, например, очередной конституционный прожектер, умер своей смертью

и похоронен в Александровской лавре. Русская оппозиция продолжала жить и в Екатерининских вольнодумцах.

104. Блестящий век Екатерины и ее предшественницы Елизаветы особенно сказался на облике Петербурга. Из-за частой смены архитекторов (уезжали, умирали),

105. например, Александро-Невскую лавру строило 15 архитекторов, в городе не выработалось какого-либо стиля.

106. И лишь Растрелли - этот человек, обладавший исключительным даром острой выдумки, созвучной эпохе барокко, наложил на него свою печать.

107. 30 лет самозабвенно строил Растрелли Петербург и

108. его окрестности. Он насытил город звонкими,

109-110. емкими, изощренными архитектурными формами, и как бы исчерпал барокко до дна.

111. В последующие времена классицизма Растрелли стал для заказчиков варваром. Но екатерининский архитектор Кваренги,

112-113. проходя мимо собора Смольного монастыря, каждый раз снимал шляпу, говоря: "Вот это церковь".

114. Его приемники были строже и, возможно, образованней. В классических рамках они чувствовали себя естественней. Их творения придали городу торжественный вид.

115. "Великолепный город, созданный Петром Великим, украшенный Екатериной II и вытянутый по ранжиру прошлыми монархами на кочковатом болоте, окружен неразберихой лачуг и хибарок, пустырями, заваленными

116. всевозможными отбросами омерзительного мусора, накопившегося за 100 лет жизни беспорядочного и грязного от природы населения. Калмыцкая орда, расположившаяся у подножья античных храмов".

117. Вот что бросается в глаза при первом взгляде на Петербург. Екатерининским повелением возникли в пригородных усадьбах Царского села, Павловска, Ораниенбаума многие прекрасные здания.

118. Ораниенбаум – Ломоносов Ораниенбаум был выстроен в 3 км от Петергофа светлейшим князем. Вот это и есть бывший

дворец Меншикова, соперничавший с царским великолепием. Деньги у "минхерца" водились. Из одного источника шли. Только Петр грабил народ прямо и открыто по давнему московскому праву,

119. а Алексашка тайком от царя, и сразу же в дело свое - в личное строительство. После его ссылки Ораниенбаум стал очередной резиденцией царской фамилии.

125. "В Ораниенбауманском парке, большом и тенистом, я посетил несколько павильонов, в которых Екатерина принимала своих возлюбленных. Некоторые из них великолепные, иные очень безвкусны. В общем, их архитектура лишена стиля, хотя они достаточно хороши для своего назначения".

126. Маркиз выражался очень учтиво. Народная память расцвела альковные подвиги Екатерины самыми невероятными подробностями. Что ж поделаешь? Екатерина жаждала славы, но грязь - изнанка всякой славы.

127. Павильон "Катальной горки". Только сюда нас и пустили на исходе дня. Мы с удовольствием скользили музейными тапами по разноцветному полу из мрамора

128. и яшмы. Наслаждались изысканными лепными узорами, вившимися по голубому фону, рассматривали китайские изделия и инкрустированную мебель.

129. Как же здесь было шумно-весело, когда собирались для катания нарядные дамы и господа. Широко распахивалась дверь, возбужденная публика рассаживалась по саням и те, то взлетая, то падая, несли визжащих дам и прямосидящих кавалеров далеко-далеко. Ну, совсем как где-нибудь в Сибири. Этакий симбиоз деревенских нравов и французских туалетов.

130. Потом знать окончательно офранцузилась, горку перестали поддерживать, а высокий павильон стал служить только для чинного любования морем в перерывах между светскими беседами.

131. Роскошь интерьера создавала и поддерживала здесь атмосферу высокого искусства, вдыхая которую хозяева этих

покоев чувствовали себя сверххудожественными людьми, олимпийцами.

132. А вокруг в черных избах, худых лаптях и драной одежде влачила жизнь Россия. Уж 1000 лет, как вышла она из леса, но жить стала хуже и голодней - хоть обратно в лес. Ведь весь прибыток народного труда шел не на рост народного богатства,

133.а на питание вот этой оранжерейной дворянской культуры. И чем больше та приближалась к идеалу благородной античной простоты, чем больше дикого леса подстригалось под английский парк, тем сильнее закрепощался простолюдин, тем глубже и крепче были позиции рабства в стране. Для народа именно к этому и сводились главные итоги блестящего правления Екатерины, женщины, стоявшей на интеллектуальном уровне европейских знаменитостей.

134. Поистине, проклята роль Запада в России. Вначале онемеченный Петр, в своем стремлении догнать Запад, разорил и ограбил страну, потом немецкая принцесса в своем усилии перестроить хотя бы придворный мир по европейским философским образцам, дожимала умирающую народную свободу. Тот народ, отсутствию которого удивлялся де Кюстин. Но ведь был же он. Народ, был! Да извели его европейцы Петр с Катериной, обратили в рабство, и обратили за свою власть и европейский блеск.

135. Поистине, проклята роль Запада в нашей стране. К чему бы ни прикоснулись его щедрые руки, все обращается в свою противоположность: прогресс - в отсталость, вольнодумство - в рабство, искусство - в притворное лицемерие, полнокровная жизнь - в безлюдную пустыню. Но почему, почему так?

136. Главной достопримечательностью Ораниенбаума является Китайский дворец, выстроенный, как и Кательная горка, архитектором Ринальди. За сдержанно декорированными внешними стенами полыхает фантастическая "китайская" роспись декораторов братьев Бароцци.

137. Итальянцы были знакомы с искусством Китая не больше, чем русские строители с диковинными зверями, что замерли на Владимирских храмах, зато ничто не
138. стесняло их фантазии. Интересно, что и в других дворцах много китайских комнат и мотивов. Откуда этот интерес? Европейские умы, негодуя против собственных несовершенств, искали постоянно совершенства на стороне, то на островах Утопии, то в
139. далеких странах. Сам великий Вольтер отдал дань китайской идеализации.
140. В Царском селе мы видели "китайскую деревню".
141. Со времен последней войны ее не восстанавливали. Но работы идут, и, может, окончатся еще до коммунизма.
142. Мы с интересом смотрим на эти крыши и мудрые иероглифы, на это великодержавное обезьяничанье.
143. И думаем, так ли уж далеки мы от Китая. В обеих империях резкая полярность, а силовые линии насыщены ненавистью и страхом. И неустойчиво это равновесие, взрывается бунтами за справедливость.
144. В екатерининское время уральский казак Пугачев, принявший имя Петра III, русского царя, обещал даровать вольность не дворянам, а крестьянам, и поднимал их против бар и жены-изменницы. Первые успехи восстания были поразительны. Если б не европейская выучка и оружие екатерининских войск, или если б оружие было у восставших, как в 1917 году, то судьба династии была б решена. Народная революция победила бы.
145. Однако и в таком, урезанном виде, пугачевская революция показала, чего можно ожидать снизу: казни, террор, новый, еще более ужасный деспотизм. "Не приведи бог испытать русский бунт, бессмысленный и беспощадный" записал первый историк пугачевщины А.С.Пушкин. Пугачевщина была раздавлена, но причины ее не устранены, а, значит, нужно ждать очередного взрыва, если не успеет народиться и повзрослеть новый гражданственный народ. А для этого не надо ничего - только время, только не изымать

ростки правительственными арестами и народными расправами, только не мешать!

146. Великая Екатерина в наших глазах сливается с самой Европой, которая старается выгнать своего соседа из азиатской ямы, но, кроме вреда и гадости, из этого ничего выйти не может. Провалившиеся законы, разогнанные собрания представителей, цензура над печатью, окончательное порабощение крестьянства - таковы итоги преобразований петровского столетия, прошедшего чудовищным катком по свободе и жизни русских людей.

147. Александр Пушкин 1833 Отныне сама мысль о противостоянии Петру и его наследникам стала выглядеть для малых людей безумием, и первым это почувствовал Пушкин.

148. Евгений вздрогнул... Он узнал

И львов, и площадь, и того,

Кто неподвижно возвышался /Во мраке медною главой,

Того, чьей волей роковой /Пред морем город основался...

Ужасен он в окрестной мгле! /Какая дума на челе!

Какая сила в нем сокрыта! / О мощный властелин судьбы!

Не так ли ты над самой бездной, /На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

149. Вскипела кровь. / Он мрачен стал

Пред горделивым истуканом /И, зубы стиснув, пальцы сжав,

Как обуянный силой черной, /"Добро, строитель

чудотворный! - /Шепнул он, злобно задрожав,-

Ужо тебе!" И вдруг стремглав /Бежать пустился. Показалось

150. Ему, что грозного царя, /Мгновенно гневом возгоря,

Лицо тихонько обращалось. /И он по площади пустой

Бежит и слышит за собой /Как будто грома грохотанье -

Тяжело-звонкое скаканье /По потрясенной мостовой.

И во всю ночь, безумец бедный, //Куда стопы не обращал,

За ним повсюду Всадник медный /С тяжелым топотом скакал.

151. Мы видели памятник в реставрационной клетке. Очень забавляло это, и мы злословили, что в такой решетке лучше бы было иметь Хозяина живым, чем медным.

152. Может, не пришлось бы тогда Евгениям сходить с ума на этих львах, не пришлось бы всю жизнь бегать от топота копыт.

153. Но есть еще одна точка зрения; высказанная историком Яновым: "За героем Пушкинского Евгения всю ночь скакал не разгневанный истукан, а его собственный необоримый страх, холопская половина его собственной души, воспитанная баскаками Батья, опричниками Грозного, гвардейцами Петра. Вот что преследовало его по потрясенной мостовой великого Парадиза и будет преследовать, покуда не посмеет он взглянуть окрест себя трезвым взглядом, срывающим с этого Черного всадника его медную тогу "Преобразователя".

«Ленинград, ч.2. Полярная звезда»

1-2. За 100 лет в устье Невы поднялся город, приводивший в изумление иностранных туристов. Отдает ему дань и маркиз де Кюстин. "Представьте себе: огромное количество церковных куполов, синие или ярко

3. зеленые крыши двориков, площади, украшенные бронзовыми статуями императоров и героев русской истории.

4. Прибавьте сюда водную гладь широчайшей реки. И вы поймете, почему Петербург является все-таки бесконечно живописным городом."

5. Понятно изумление иностранцев. Для них город на болоте, выросший вопреки желаниям людей - экзотика, почти чудо, созданное Питером, Элизой и Катариной. И только невзрачность и рвань простолоудья, их бедных жилищ вызывали недоумение.

6. А хозяева этих дворцов нищеты не замечали, как не замечают грязь на дороге.

7. Однако и тогда были в Петербурге живые люди, способные слышать правду со стороны, способные чувствовать ее, как Герцен: "Книга Кюстина действует на меня как пытка, как камень, привешенный к груди. Я не смотрю на его промахи, основа - верна. И это страшное общество, и эта страна Россия.

И тягостно оттого, что чувствуешь страшную правду, и досадно, что чужой дотронулся до большого места". С такой же болью и я читала эту книгу.

8. Кюстин не увидел живых людей в холодном и бесчеловечном Петербурге. Но мы-то знаем, что они уже были. И удивляемся, как же они рождались на этой бесплодной почве.

9. На это один ответ: "Такова жизнь!" Не своей волей переселились сюда русские люди, но они обжили землю, похоронили родителей, и за 100 лет стали Петербуржцами.

10. Медленно, но неуклонно город оживал, как прорастает мрачный камень свободными цветами. И как ни старалась царская власть восстановить порядок, выпальвая сорняки периодическими казнями, ссылками, жизнь-стихия неистребима.

11. Вся история Петербурга - это история борьбы самодержавной красоты с нерегулярностью и свободой людей.

12. Екатерина была великой, и потому не боялась дать свободу, но только своим дворянам.

13. А те воспользовались ею, прежде всего, для того, чтобы окончательно поработить мужиков, и за их счет настроить европейских дворцов и усадеб. Такова цена свободы, идущей сверху: вместе с великолепием частной инициативы екатерининских орлов развязалась свора их азиатских инстинктов.

14. Так хороша свобода или плоха?

15. Почти неразрешимый вопрос в русской истории, окаменевшей в петербургских зданиях.

16. Михайловский, или Инженерный замок, был выстроен архитектором Бренной как резиденция-убежище Павла I, главная память о его коротком царствовании и убийстве. До смерти матери Павел жил в пригородных усадьбах, сначала в Павловске, а потом в Гатчине, на природе, под присмотром педагогов, выписанных Екатериной.

17. Но результат от этого воспитания получился обратным.

18. И это понятно. Ведь от матери Павел получал не столько ласку, сколько подозрительность и попреки. Екатерина боялась, что сын отымет власть, разгонит любовников и уничтожит славу. А от отца он получил лишь скорбную память царя и мужеубийства, грозящего и ему. Ну, как не изломаться от ожидаемого громадного могущества после смерти матери, и ежечасного страха перед ней и ее кровожадными орлами.

19. Возмужание принесло Павлу не власть, лишь полудобровольное заточение - выжидание в Гатчине, лишь ненависть к наглой свободе матушкиных фаворитов, смешанная вместе с романтическим сочувствием к угнетаемому ими народу, подданным, лишь гнев: "Уже погодите, наглые рабы, отольются вам мои и народные слезы".

20. Так в тиши гатчинских прудов готовился очередной всплеск самодержавной революции. Вверх-вниз, поосвободить людей - зажать. В этих колебаниях билась и бьется наша жизнь.

21. Историк Янов: "Грядет новый Петр, пусть имя ему будет Павел - и целые полки зашагают в Сибирь, и 20000 человек всего за 4 года будут изгнаны, рассеяны, уничтожены, и прежний аппарат перестанет существовать. В этом смысле Павел, и впрямь, окажется революционером, как и его прадед.

22. Подражая великому Фридриху, он будет вставать в 3 часа утра - и странное впечатление будет производить ночной Петербург со свечами в окнах административных зданий и трепещущими чиновниками, а вдруг вызовет - зачем вызовет? Не в Сибирь ли прямо из кабинета? Не в каземат ли?

23. А если не вызовет ночью, значит, рано утром пожалуйте на плац-парад. Там выслушиваются все доносы, там решение судеб... Неверный шаг, минута невнимания, или даже без малейшей причины малейшее подозрение, промелькнувшее в уме государя, человек погиб... Всегда стоят наготове кибитки, тут же забирают людей в крепость или ссылку.

24. И вспоминала потом екатерининский президент академии Дашкова: "Ссылки и аресты пощадили едва ли несколько

семей. Муж, отец, дед видели в жене, в сыне, в наследнике доносчика, из-за которого он мог погибнуть в тюрьме; ужас испытывался всеми".

25. А заканчивает Янов свою книгу так: "Никому нет спасения от произвола в стране произвола. Ибо у каждой палки два конца. Ибо никому не дано избежать кары в опричном строе, когда воскресает Грозный. А он в такой стране всегда воскресает. И для того пишу я свою книгу, чтоб понимали все, чтоб не забывали, чтоб высекли на стенах домов провидческий вопль Курбского: "Час отмщения близ есть".

26. С Павлом России повезло. Убили его через 4 года в 1801 г. вот в этом мрачном замке-крепости с ее каменными рыцарями-стражами, потайными переходами, убежищами и прочей романтикой. Решительные действия убийц тирана избавили страну от множества бед, дали власть либеральному внуку Екатерины, и все же...

27. Молчит неверный часовой,

Опущен молча мост подъемный,

Врата отверсты в тьме ночной /Рукой предательской наемной.

О стыд: О ужас наших дней! /Как звери, вторглись янычары!

Падут бесславные удары./Погиб увенчанный злодей.

28. И днесь, учитесь, о цари. /Ни наказание, ни награда

Ни кров темниц, ни алтари /Не верные для вас огады.

29. Склонитесь первые главой /Под сень надежную закона

И станут вечной стражей трона /Народов вольность и покой.

30. Но через 40 лет Кюстин свидетельствовал не о памяти, а о забвении. "Теперь русские люди проходят мимо старого Михайловского дворца, не смея на него взглянуть. В школах и вообще повсюду запрещено разговаривать о смерти Павла. Я удивляюсь лишь тому, что до сих пор не снесли этот дворец с его мрачными воспоминаниями".

31. Но для туриста большая удача видеть исторические здания, которые своей старинной внешностью так резко выделены

32. на общем фоне города, в котором деспотизм все подстриг под одну гребенку, все уравнил и заново создал, стирая каждый день самые следы прошлого".

33. Дней Александровых прекрасное начало Павел был антиподом матери, Александр - его самого, и, значит, он стал прямым продолжателем Екатерины.

34. Да и по-человечески все очень понятно: бабка любит внука, прочит ему престол через голову сына и воспитывает близ себя в Царском селе. Швейцарец-педагог прививает ему республиканские убеждения.

35. Александр не жаждал царской власти, республиканцу нечего с ней было делать. Власть пришла к нему сама, волей победивших заговорщиков. Став русским императором, Александр очаровал всех петербуржцев ласковостью, учтивостью, надеждами на реформы и конституционным проектом комиссии Сперанского.

36. И, встречаясь с гуляющим по улицам города или аллеям Царского села императором, Екатерининские орлы и либералы утирали втихую слезы умиления, благословляя внука матушки-царицы.

37. Однако став полноправным хозяином этих апартаментов и всей страны, обкатываясь в государственных делах, молодой вольнодумец стал терять преобразовательский пыл. Все оказалось куда как сложно.

38. Гораздо проще было одевать столицу в европейские фасады. Прекрасные, строгие здания с серьезными и изысканными пропорциями получили жизнь в эти годы.

39. Уверенно стало на свое место захаровское адмиралтейство, сильное и мужественное здание с легким, растворяющимся в небе верхом.

40-41. На стрелке Васильевского острова выросла роскошная Тоомоновская биржа, биржа в Греческом храме.

42. Александрово время окончательно утвердило классический вид столицы, соперничавшей со столицами мира. И если нас этот храм торговли восхищает, то какой он

должно было вызывать восторг 150 лет назад на фоне грязных складов, купеческих контор и суетливой торговли.

43. Прошло сто лет, и юный град

Полночных стран краса и диво

Из тьмы лесов, из топи блат /Вознесся пышно, горделиво.

44. По оживленным берегам /Громады стройные теснятся

Дворцов и башен, корабли /Голпой со всех концов земли

К богатым пристаням стремятся.

45. В гранит оделася Нева /Мосты повисли над водами

46. Темнозелеными садами /Ее покрылись острова

47. И перед младшею столицей /Померкла старая Москва

Как перед новою царицей /Порфиноносная вдова.

48. За 10 первых лет Александровского царствования бывший

строгановский крепостной Воронихин выстроил Казанский

собор с колоннадой. Про него не скажешь "божья свечка".

Торжественным гимном античности, гуманизму звучит он.

49. Недаром стал местом студенческих демонстраций.

50. После того, как сюда поместили реликвии 1812 г.,

Казанский собор стал памятником Отечественной войны.

51. Вспомним, что этой войне предшествовали провалы

имперских армий в европейских битвах с Наполеоном. И вот

при минимуме самодержавного руководства и естественном

ходе событий, которому Кутузов только не мешал, выявился

невиданный народный энтузиазм.

52. Прекрасные условия для разрешения всех внутренних

проблем страны таят такие моменты национального единения

и братства! Сроднившись за годы боевой жизни с солдатами-

мужиками, дворянство могло одобрить отмену крепостного

права, а победоносная армия могла защитить

конституционные реформы. Все было в руках и воле монарха-

республиканца.

53. Однако ничего такого не произошло. Проект отмены

рабства погиб в зачаточном состоянии, конституционная

комиссия Сперанского была закрыта. Из мечтаний и надежд

ничего не вышло.

54. Зато Александр начинает строить свой памятник: На месте Петровской деревянной Исаакиевской церкви - собор. Но не успеваешь, хотя и вкладываешь в него почти все деньги, предназначенные для церковного строительства по стране.

55-56. В Исаакии лучше всего воплощены суть и облик самодержавия: концентрация усилий на какой-либо одной, часто бесполезной задаче. И еще - наша слепота. Мы видим громадный, роскошный собор, и не думаем, что здесь схоронены десятки и сотни не построенных, и более лучших зданий и храмов, силы страны за 40 лет - и всего-навсего один Исаакий!

57. Сегодня здесь море экскурсантов, охающих на умопомрачительную роскошь собора, построенного по принципу всех азиатских деспотов: "Кто хочет убедиться в моей силе и щедрости, пусть смотрит на мои постройки". И что ж? Мы ахаем и преклоняемся.

58. Так что же случилось? Почему народные победы 1812 года не обратились в победу народа? Почему все валится. Даже при прекрасном, западном, прогрессивном и либеральном Александре? Наш ответ парадоксален: "Чем лучше самодержец, чем сильнее жаждет он счастья для народа, и чем больше своей власти для этого употребляет, тем будет хуже нам, много хуже".

59. И не нашлось еще ни разу, и не найдется самодержца, который бы понял, что самое лучшее, что он может сделать - это аккуратно уничтожить абсолютность своей власти, по собственному почину.

60. Но кому передавать власть? Вспомним, когда в этом здании 60 лет назад заседал первый съезд Советов и обсуждал, кто может реально принять власть от павшего царя, - в притихшем зале раздался лишь один голос: "Есть такая партия". Это был Ленин, а за ним стал Сталин, затмивший многих самодержцев. И так всегда: не Екатерина, так Пугачев, не Александр, так Пестель. Разве это выход? Где же другие люди, которые могут взять власть от имени и по праву народа и его свободы? Где достойная демократическая оппозиция?

61. Такие люди в России были, но их было мало. Это Радищеву принадлежит горькое: "Встал я, оглянулся окрест, душа моя страданием народа уязвлена стала". При Александре выросло целое поколение образованных дворян, видевших Европу и не способных смотреть равнодушно на страдания крепостных и солдат.

62. Потом их назвали декабристами. Откуда же они взялись в стране рабов и фаворитов?

63. Однокашники выросли в Царском селе, в привилегированном Лицее, построенном для них архитектором Стасовым. Здесь, немного раньше, растила Александра Екатерина.

64. А там, в безмолвии огромные чертоги,
На своды опершись, несутся к облакам,
Не здесь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы русской Храм?

65. Не се ль Элиниум полнощный
Прекрасный царскосельский сад,
Где, льва сразив, почил орел России мощный
На лоне мира и отрад?

66. Увы, промчались те времена златые
Когда под скипетром великия жены
Венчалась славою счастливая Россия,
Цветя под кровом тишины.

67-68, 69. В те дни, когда в садах лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея, /А Цицерона не читал,

70. В те дни в таинственных домах
Весной при кликах лебединых

Близ вод, сиявших в тишине, /Являться муза стала мне.

71. Моя студенческая келья /Вдруг озарилась: муза в ней
Открыла пир молодых затей. /Воспела детские веселья

72. И славу нашей старины /И сердца трепетные сны.

73-74, 75. Об этой пушкинской деве Анна Ахматова писала:

И ослепительно стройна, /Поджав незябнущие ноги,
На камне северном она /Сидит и смотрит на дороги.

76-78, 79. Здесь был создан особый, идеальный мир. Усилия незаурядных педагогов, поощрявших детскую инициативу, творили в этом аквариуме прекрасных будущих людей, сотни Александров.

80. У лицейстов больше было возможностей испытать сладость товарищества, юношеской дружбы и радость собственного творчества. И на них не давил с измательства груз будущей громадной власти.

81. Помните?

Друзья, прекрасен наш союз!

Он как душа неразделим и вечен -

Неколебим, свободен и беспечен,

Страстался он под сенью дружных муз.

Куда бы нас ни бросила судьбина /И счастье куда б ни повело,

Все те же мы: нам целый мир чужбина,

/Отечество нам Царское село.

82. Конечно, выпускники лицея готовились к высокой государственной службе, и многие достигали высот, но у части их судьба была другая, декабристская.

83. Любви, надежды, тихой славы /Недолго нежил нас обман

Исчезли юные забавы /Как сон, как утренний туман

84. Но в нас горят еще желанья, /Под гнетом власти роковой

Нетерпеливою душой /Отчизны внемлем призыванье

Мы ждем с томленьем упования /Минуты вольности святой...

85. Конечно, не только из лицея вышли декабристы. Других воспитывали западные гувернеры. Третьи с малолетства отправлялись на учебу за границу, и лишь, возвращаясь, узнавали, что в России - рабство.

86. И вот молодежь покидает лицей и родные усадьбы.

87. Из оранжерей их высаживают на лютый холод русского деспотизма. Что же с ними будет? Замерзнут, или смягчат климат родины?

88. Первый "Союз благоденствия" организовался в стране в 1816 году, но быстро распался из-за вопроса - куда идти? Обращения к царю не помогли. Заставить силой, в духе привычных дворцовых переворотов - мешало идеальное

воспитание и отвращение к насилию. Оставался новый для России путь либералов-постепенцев. В стране родилась мирная дворянская оппозиция, содействующая прогрессу родины, кто борьбой со взяточничеством, кто обучением солдат, а кто просто филантропией.

89. Но был в дворянской оппозиции неискоренимый порок. Мечтая улучшить жизнь народа, они сами привычно жили в роскоши, полученной от труда их крепостных рабов, службы на царя, и не могли жить иначе. Прямо-таки заколдованный круг.

90. Лишь немногие из лицеистов разрывали этот круг и строили свою жизнь на самостоятельном труде. Среди них - Пушкин, ставший из помещика профессиональным литератором.

91. Интересно, что Пушкин шел как бы впереди декабристов. Когда они были еще постепеновцами, он уже позволял себе радикальные разговоры о пользе революционного террора и был репрессирован даже Александром. Когда же они с отчаяния перешли к мысли о революционном восстании, Пушкин пришел к позиции личного дела.

92. 1825 год. Умирает бездетный Александр. Вместо среднего Константина, на престол восходит младший брат Николай. А декабристы выводят на Сенатскую площадь свои войска на открытое выступление. Пора мучительных колебаний кончилась. Это началось. Но что это - революция или дворцовый переворот? Не революция - ибо не было здесь народной инициативы, и не переворот - ибо вместо эффективного царевбийства здесь был лишь демонстративный отказ от присяги и пассивное ожидание переговоров.

93. Конечно, многие из декабристов и сами не осознали цель своего выхода на площадь, и не мудро. Свершить в сознании и поведении рывок от заговора к диссидентству, к гражданскому протесту - не легко. Прошлое тянуло к заговору, будущее - к ненасильственному и конструктивному протесту. И хотя они вышли с оружием в руках, хотя был

выстрел Каховского, все же они сделали этот рывок, устроили первую массовую ненасильственную демонстрацию граждан.

94. И, вместе с тем, это была первая расстрелянная демонстрация. Царь Николай картечью срезал родившиеся едва цветы русской гражданственности на каменистой Петербургской почве.

95. С той поры в Петропавловской крепости не переводились политзаключенные.

96. Сырые, темные подвалы - свидетели потрясающих драм первого поколения русских диссидентов. Очень многие из них раскаивались в выступлении, по их мнению, военном, и, не запираясь и не выгораживая других, с искренностью и болью излагали царю и следствию свои мысли и проекты о реформах в родной России, которые затем на долгие годы стали предметом изучения николаевских комиссий - но бесплодно.

97. 1826 г. 5 декабристов повешено, остальные отправлены в долготлетнюю ссылку. Этим позорным пятном начал свое тридцатилетнее правление Николай. Однако не надо забывать, что вместе с декабристами-диссидентами были разгромлены и декабристы-заговорщики, типа Пестеля, чья победа могла бы привести Россию к еще большим несчастьям. Провидение страну хранило, удержав тогдашних оппозиционеров от насилия. И потому мы их славим.

98. Но еще большая честь и слава тем, кто сумел удержаться от обреченного декабря и продолжать в холодном Петербурге жизнь не рабскую, а свободную, творческую.

99. А. Григорьев.

Да, я люблю его, громадный, гордый град,
Но не за то, за что другие.

И не граниты вековые / я в нем люблю, о нет!

100. Скорбя душой, / Я прозираю в нем иное -
Его страдания под ледяной корою / Его страдание больное.

101. И пусть его река к стопам его несет

И роскоши и неги дани,

На них отпечатлен тяжелый след забот,

Людского пота и страданий.

102. И пусть горят светло огни его палат,
Пусть слышны в них веселья звуки,-
Обман, один обман! Они не заглушат
Безумно страшных стонов звуки.
Страдание одно привык я подмечать,
В окне ль с богатою гардиной,

103. Иль в темном уголку - везде его печать!

Страданье - уровень единый!

104-107, 108. Перед нынешним Ленсоветом и бывшим Мариинским дворцом стоит памятник Николаю I, вошедшему в русское оппозиционное предание как Николай Палкин. Получая объедки от царскосельского воспитания, Николай лучше был знаком с изнанкой русской жизни, и потому стал родоначальником последней формации русских царей - трезвых, рассудительных, понимающих шаткость своего неимоверного могущества. И страшно боящихся его потерять.

109. Кривая общественного развития России после казни декабристов снова поползла вниз. Цензура, запрет на свободный выезд, военизация вузов, ссылки, одиночки, каторга. Чего стоят расправы только над известными писателями: Лермонтовым, Герценом, Шевченко, Полежаевым, Достоевским!

110. Конечно, Николай не был насильником по природе. Нет, он давил из долга хозяина, из желания навести сначала в стране "порядок", а потом реформировать ее как надо. Нечего и говорить, что на таком пути его ждало полное бесплодие.

111. Будучи рачительным хозяином, Николай не увлекался грандиозными стройками, как его бабка и брат, и даже изменил их традиции. И, вместо очередного памятника основателю, лишь закончил Исаакиевский собор и воздвиг столп в честь брата.

112. Гранит суровый, величавый, /Обломок довременных скал,
Как знак побед, как вестник славы

Ты перед царским домом стал.

Ты выше, чем колонна Рима /Поставил знаменье креста.

113. Несокрушима, недвижима /Твоя тяжелая пята.
И через кровлю низких зданий, /Все озирая пред собой,
114. Ты видишь в сумрачном тумане
Двух древних сфинксов над Невой.
Глаза в глаза вперив, безмолвно, /Исполнены святой тоски,
Они как будто слышат волны /Иной, торжественной реки.
115. Для них, детей тысячелетий,
Лишь сон виденье этих мест,
И эта твердь, и стены эти,
116.И твой, взнесенный к небу крест.
117. Видя в Петербурге только афишу русского самодержавия,
де Кюстин и этих сфинксов принял за копию, чем дал
прекрасный повод николаевским борзописцам закричать на
всю Европу: "Какие копии? Сфинксы самые настоящие из
Египта, от пирамид. Маркиз - лжец. И все, что он написал -
ложь. А мы - лучшие в мире".
118. Казенщина, бюрократизм -николаевский порядок виден и
сегодня в облике столицы.
119. Строго ограниченный список фасадов зданий, почти
исключительно желто-белая их окраска, полосатые
шлагбаумы, служащие в форме делала не только из столицы,
но и из всей России, по определению Щедрина, город Глупов,
с верховцем Угрюм-Бургеевым во главе.
120. Заметил я, что желтый этот цвет
/Особенно льстит сердцу патриота.
Обмазать вохрой дом или лазарет /Неодолимо русскому охота;
Начальство также в этом с давних лет
Благонамеренное видит что-то,
121.И вохрятся в губерниях сплеча
Палаты, храм, острог и каланча.
А вот Кюстин: "Утренние часы в Петербурге пустынные. Это
время выполнения всякого рода поручений господ и
начальников. Никто, казалось, не шел по своей воле, и вид
этого подневольного уличного движения навеивал грустные
впечатления.

122. Все было тихо и размеренно, как в казарме или в лагере. Это шедевр дисциплины. Здесь можно двигаться, можно дышать не иначе, как с царского разрешения или приказа.

123. Содрогаешься от мысли, что столь огромное число рук и ног имеет одну голову". И сейчас, в XX веке, я не вижу, чем утопия Орвелла, отнесенная к 1984 году, мрачнее русских реалий, увиденных у нас французским путешественником уже 140 лет назад, удивительно другое: мы-то живем между этими датами, да еще и радуемся.

124. Кюстин оставил нам замечательный портрет Николая и его политических воззрений.

125. "Да, в России еще существует деспотизм, потому что он составляет основу управления, но он вполне согласуется с духом народа. Я еще понимаю республику, но представительного образа правления постигнуть не могу. Я скорее отступил бы до самого Китая, чем согласился бы на такой образ правления. Покупать голоса, подкупать совесть, завлекать одних, чтобы обманывать других - я с презрением отверг все эти средства, слава Богу, навсегда покончил с этой отвратительной политической машиной в Польше и никогда не соглашусь управлять народом при помощи хитрости и интриг".

126. И вот человек наших взглядов, маркиз де Кюстин отмечает: "Я чувствовал себя подавленным, ослепленным от благородства взглядов, откровенной и прямой речи".

127. Но деспотически благородные речи Николая не могут ослепить надолго. Тем более Кюстина. Он видит, что за верностью подданных, за надменностью монарха таится страх, что все непрочно в этом роскошном каменном мире.

128. И закончил он анализ неопровержимым прогнозом революцией через 50 лет.

129. По большому счету, Кюстин прав! Вот только жаль, не увидел он ростки жизни на нашей земле, уж очень слабы они были. И до, и при Кюстине город жил незаметно для иностранца, незаметно для властей, этих внутренних иностранцев, город оживал, населялся обычными людьми с их

обычными, независимыми от начальства горестями и радостями.

130. Вспомним, что здесь вырос и работал годами Пушкин.
Город пышный, город бедный, /Дух неволи, строгий вид,
Свод небес зелено-синий, /Скука, холод, и гранит.

131. Его дом на Мойке - самый посещаемый музей в Ленинграде.

132. Нам не удалось в него попасть, только заглянули во дворик.

133. На Черной же речке, месте дуэли Пушкина с Дантесом, мы долго и грустно выжидали ухода этих диковатых школьников, чтобы хоть немного сосредоточиться.

134. Кустарник. Сосны. Старая деревня.

Здесь все не так, как много лет назад.
А видевшие многое деревья /Угрюмо и подавлено молчат.

135. Дитя своего времени, Пушкин испытал все противоречия эпохи.

136. Он был декабристом и верноподданным Николая, сторонником конституции и законности и прославителем Петра Великого, тружеником-литератором и безоглядным барином-картежником, оставившим семье громадные долги.

137. В одном и том же 27 году он пишет и декабристам в Сибирь.

Оковы тяжкие падут, /Темницы рухнут и свобода
Вас примет радостно у входа /И братья меч вам отдадут.

138. И царю:

В надежде славы и добра /Гляжу вперед я без боязни.
Начало славных дней Петра /Мрачили мятежи и казни.

Самодержавною рукой /Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной, /Он знал ее предназначенье

139. То академик, то герой, /То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой /На троне вечный был работник.

Семейным сходством будь же горд,

Во всем будь пращуру подобен:

Как он неутомим и тверд /И памятью, как он, незлобен.

140. Как легко уличить Пушкина в непоследовательности, как просто упрекнуть в измене и идейном предательстве. Но все эти упреки будут бессмысленны, ибо Пушкин неоднократно изменял и взгляды, и принципы, и привычки. Но зато он ни разу не изменил своему отечеству. А это оказывается самое главное, самое важное.

141. Да, он считал себя обязанным учить тирана, глядящего на страну, лишь как на укрощаемого коня. Известно, что Клодтовские скульптуры на Аничкином мосту были любимыми изваяниями императора. Две из них он далее подарил царственным родственникам в Европе. Но кому Пушкин помогал на деле: коню-России или царю-укротителю? Жизнь показала, что не укротителю, а нам. В укрощении народа царю помогали лишь Бенкендорф и прочие с ним.

142. Друзья Пушкина пытались вырвать узду из рук укротителя и выпустить на волю дикую страну, себе и ей на гибель.

143. Пушкин же и другие, верные себе люди, работали над настоящим выходом, чтоб укрощаемый конь перестал быть зверем, чтобы в России жили не варвары, не рабы, а люди, граждане, тогда и с укротителем пойдут иные разговоры. А до той поры, держи, удерживай, но и не дави, не тормози его преобразование.

144. Первый наследник Николая попытался было ослабить мертвую узду, пойти с народом рядом, но испугался, снова уперся, и был сметен. А два последующих самодержца только и делали, что безнадежно, безрассудно упирались. И тем страшнее был взрыв конского освобождения.

145. А что теперь? Россия снова готова к движению вперед, и снова ее держат под уздцы и тормозят изо всех сил, снова диссиденты становятся политзаключенными. И снова барды тоскуют: «О, доколе, доколе, и не здесь, а везде /Будут Клодтовы кони подчиняться узде».

146. И снова мучает вопрос: что впереди - снятие узды или очеловечивание? Обращение к Западу или игнорирование его

как погубителя? Надеяться лишь на себя, или на нового Петра?

«Ленинград, ч.3. Народная воля»

1. Василий Курочкин 1862

2. "Письмо японца об России" .

Знай, что под суровым петербургским солнцем
В русском очень много общего с японцем.

3. Потому что, видишь, милый друг Фукута,
Строить государство начал очень круто
Кумбо Петр Великий, славный в целом мире.

4. Обучать народ свой он велел голландцам
Всяким европейским фокусам и танцам,
Как ногами шаркать, лить из меди пушки,
Из науки пули и из глины кружки,

5. Чтобы в оных кружках, Азии на диво,
Пить под страхом казни в ассамблеях пиво,
Бороды всем выбрил. Не приспело время,
Брить как у японцев, маковку и темя,

6. Так лились в Россию волны просвещенья
Сиясь переспорить волны наводненья,
Ибо поглощенный думами о флоте
Кумбо им построил город на болоте.
В этом-то болоте, в Петербурге то есть,
Я насчет России сочиняю повесть.

7. Минуло столетье. Там, где были топи,
Выросли громады западных утопий.
Здесь для виду носят, как в Европе, фраки,
А живут как наши деды в Нагасаки.

Барства и холопства там видны остатки:
Там все сохранилось в дивном беспорядке,
8. Европейски-модном, азиатски-диком
Как при Кумбо Первом, при Петре Великом!

9. Этот стих написан в самый расцвет весны Александра II,
когда освобожденная Россия в лице Герцена и русской

молодежи была готова к сотрудничеству с правительством, ради свободы Родины, когда прозвучавшие строки писались не противником царя, а его союзниками в борьбе с рабством и азиатчиной.

10. Всем известны заслуги Александра Николаевна - лучшего из наших царей. И одна из них - он не тратил

11. народных денег на монументальные сооружения. Деловые, скромно украшенные здания встали в то время. Вот бывший военный арсенал, а ныне музей.

12. Сегодня здесь собраны образцы оружия за 100 с лишним лет. Внушительный прогресс в технике убийства, и одновременно напоминание о том, что Александр был инициатором военной реформы.

13. После крымского поражения армию, конечно, надо было совершенствовать. Но уж очень это привычное и легкое дело для русских царей: заимствовать у Европы новую технику и принципы, а потом иметь

14. возможность обратить их против своего народа. Освободитель крестьян и реформатор армии - в этом двойственность заслуг Александра II. Наверное, не надо искать причин действий царя-освободителя в особенности его воспитания, как это было с его дядей здесь, в царскосельских парках.

15. Его сформировало противостояние плохому примеру отца. В этом, по-видимому, простая разгадка глобальных изменений русской политики.

16. И все же надо учесть, что воспитателями Александра были уже не европейские гувернеры, с их идеальными, и потому экстремистскими образцами, а русские мыслящие люди. Царскосельские дворцы стали наполняться русским духом. Вот что говорил в 1833 году царевичу его наставник, поэт Жуковский.

17. "Только то, что справедливо теперь, то несомненно. Ибо кто отвечает за будущее? Это уже область провидения... Только оставаясь в границах человечества со светлым

понятием о справедливости, можем мы действовать благотворно, т.е. нравственно.

18. Напротив, вступая в дело Провидения и надеясь силою в одну минуту произвести то, что оно медленно созидает временем, мы губим и гибнем. Что же, должны мы себя осудить на безделие и неподвижно предаться во власть времени?

19. Нет... Идти шаг за шагом за временем, вслушиваться в его голос и исполнять то, что оно требует. Отставать от него столь же бедственно, как и перегонять его. Не толкай горы с места, но и не стой под ней, когда она падает, в обоих случаях неминуемо погибнешь, но работой беспрестанно, неумолимо, наряду со временем.

20. Отделяя от живого то, что уже умерло, от того, в чем уже теснится зародыш жизни и, храня то, что зрело и полно жизни, ты произведешь новое и уничтожишь старое, бесплодное или вредное. Словом, живи и давай жить, а паче всего блюди Божию правду".

21. В первые годы своего царствования Александр Николаевич как будто следовал этому замечательному совету: неторопливо, но неуклонно готовил реформу деревни, а потом и всей страны, вместе с женой, вместе с наставником, со всеми мыслящими людьми, со всей Россией.

22. Как всякое великое дело, освободительная реформа 1861 года, кроме поддержки громадного большинства народа, вызвала и недовольство: справа за радикальность от обиженных крепостников, а слева - за половинчатость, от новой революционно настроенной интеллигенции из разночинцев. Чернышевский с группой "Молодая Россия" сочинял прокламации к крестьянам с призывом к топору, расправе, революции. Говорят, что и крепостники зашевелились.

23. Во всяком случае, в Польше они были в первых рядах национального восстания 1863 года. Их подавили, только раздав крестьянам земли взбунтовавшихся панов.

24. В 62-ом году в Петербурге полыхали пожары. Молва упорно обвиняла в них "нигилистов". Царь поддался панике.

25. Чернышевский был арестован, посажен в Петропавловскую крепость, а потом сослан навечно в Сибирь. Цензура ужесточена, конституционные реформы приостановлены. Русский вариант революции Мейдзи прервался. Россия соскользнула вновь на извечные круги проклятой радикальной круговерти.

26. В ответ на репрессии царя последовали революционные выстрелы. С удивлением спрашивает Александр Каракозов: "Почему ты в меня стрелял?" Он явно не понимал происходящего с ним и с Россией, не понимал исторической неизбежности этого экстремизма. Не понимал, что если сами русские цари только за 150 лет

27. европейской выучки смогли прийти к мысли о необходимой постепенности, то вновь родившимся разночинным гражданам нужно дать для этого переосмысления хотя бы несколько десятилетий.

28. Александр увидел в Каракозове и его товарищах - вырожденков. И уничтожил их. В начавшемся противоборстве с нигилистами на задний план стало отходить продолжение задуманных реформ. Они стали казаться не спасением, а, напротив - источником всех бед.

29. В запутавшемся воображении царя-освободителя вставляли картины недавней французской революции, судьба французского короля, начавшего с вынужденного созыва генеральных штатов, а кончившего гильотиной и гибелью династии. А ведь в этом-то вся разница: когда вынужден бессильно катить под откос, чем когда по своей воле и инициативе. Александр ничего уже не отличал, обуреваемый все больше мыслью: оставить все, вернуться к прочности отца.

30. За нарастанием репрессий следовало нарастание революционного террора, а вслед - очередная репрессия - отмена суда присяжных и наполнение казематов Петропавловки новой, чистой и горячей молодежью.

31. Замшелых стен седая вязь, /И как пройти не поклонясь
Петровой каменной невесте /Стоишь на смерть, Петру верна,
32. И вечно горькой крови нашей
К твоим губам поднесена /Неупиваемая чаша.
В войне царя с народолюбцами вина царя нам понятна. Ну, а
другая сторона безвинна? Чиста, молода, горяча. И кто осудит
погибших?
33. Но вспомним: У их предшественников - декабристов -
было оружие и давняя традиция переворотов и цареубийств.
Но дворяне оказались демократичней разночинцев и отвергли
кровавый путь.
34. Охота за царем-освободителем шла почти 4 года. Давно
забыто время, когда царь мог прогуливаться свободно по
петербургским улицам. Теперь его ежедневные маршруты
меняются, визиты откладываются, но и террористы
увеличивают размах своей охоты.
35. Степан Халтурин подкладывает бомбу под столовую в
Зимнем дворце. Но снова Бог хранит царя. За охотой на
несчастливого императора с придыханием следит почти вся
разночинная Россия. Террористов было немного, но много
было им сочувствующих.
36. Обезумевший от страха царь-освободитель и
обезземевший от взнудывания и ярости конь-Россия - таков
трагический конец лучшего русского царствования! Как будто
кровь была необходима России для излечения от обуревавших
ее бесов. И она была пролита 1 марта 1881 года. На этом
месте, где воздвигли потомки храм Воскресенья на
Александровой крови.
37. На последнем издыхании от провалов в борьбе с
жандармами, лишь руками недавно привлеченных и ничего не
понимающих мальчишек "Народная воля" все-таки достигла
своей цели.
38. Драгоценной была эта кровь. Она заставила многих
прервать гибельный путь вниз, к народном расправе, заставила
отшатнуться с негодованием от недавних героев-террористов
к Пушкинскому "О ужас, янычары". На этой трагедии

разночинная Россия излечивалась от революционной горячки, возвращалась к положительному труду, науке, искусству, возрождению национальных традиций, повседневным малым делам, т.е. к формуле Жуковского.

39. Сам храм, ошеломляюще нарядный, выполненный по древнерусским образцам, в сплошном ковре резьбы и изразцов с мозаичными яркими, безукоризненного рисунка панно снаружи и внутри - но нет сил им любоваться, настолько здесь густа история. Он воспринимается нами лишь как жертвенное искупление вины живых.

40. А второй искупительной жертвой были сами убийцы. Глядя на храм, мы скорбим и о них, замечательных, в общем, людях, но так трагично пошедших по ложному пути.

41. И сколько надо церквей на крови

Чтобы понять, отбросить прочь Химеры,
Что смертоносна вера без любви,
Как не спасает и любовь без веры.

42. И это дало свои революционные плоды, перевесив в XX веке трагический опыт предшествующих лет.

43. Гатчина

44. Взойдя на престол и покарвав убийц отца, Александр III бросил смертоносную столицу и поселился на 40 км южнее, в укрепленной Гатчине.

45. Только здесь он чувствовал себя в безопасности.

46. Сегодня в Гатчинском парке внимание привлекают лишь два здания: Приорский замок, выстроенный Павлом I в дар последнему приору Мальтийского рыцарского ордена, принадлежностью к которому Павел очень гордился, и царский дворец.

47. Насколько поэтичен этот замок из сухой глины на берегу когда-то большого озера,

48. настолько безрадостно смотреть на эту тяжеловесную постройку, которую и дворцом-то не хочется называть. Крепость - вот более точное название. Все для того - и дозорные башни, и предмостные укрепления, водные рвы и специально охраняемый мост.

49. Сейчас здесь с удобством расположилась какая-то секретная организация.

50. Рядом с дворцом Александра III выстроен целый городок административных и хозяйственных учреждений тяжелого государственного стиля, символизирующий для нас дух последних лет царизма.

51. Зато заброшенная же царем-беглецом столица преображалась, зарастая чертополохом доходных домов. Александр II дал простор частной инициативе, а у его сына не было ни сил, ни времени, чтобы загнать частников в их прежнее небытие, выполоть эти наглые сорняки-цветочки.

52. Освобождение коснулось и женщин. Говорят, по уровню развитости женщин и их свободе можно безошибочно судить о развитии всего народа. Московская Русь характеризуется Домостроем, Петербургская Россия -

53. Александровским институтом для мещанок да институтом благородных девиц, возникших на базе Смольного монастыря.

54. Закономерности освобождения везде одинаковы. Образованным женщинам оказалось мало доли матери и хозяйки. Любовь к отсталой и несчастной стране требовала от них личной деятельности, а порой подвига. Зарубежные студентки, медсестры, артистки, учительницы, нигилистки, революционерки, общественные деятельницы.

55. Пожалуй, женщины - это последняя категория освободившихся подданных в русской империи. Сперва дворяне, потом крестьяне, теперь женщина - и вот вся страна стала свободной - нет, пока лишь экономически.

56. Может, женщины тогдашней России, мечтающие о свободе слова и печати, не ценили это право, т.е. право на личное, частное дело, дело своей жизни. Свободно вести исследования и преподавание, писать свои книги, налаживать собственную работу, строить собственный и по своему вкусу дом - этим правом на расчищенной от крепостничества почве русские воспользовались в полной мере в эпоху двух последних, слабых и недалеких императоров.

57. Конечно, все это отразилось на архитектуре. Государственному покровительству, по-видимому, обязаны громоздкие здания в псевдорусских, псевдомосковских традициях, под старину, когда так крепка была царская власть.
58. Но гораздо чаще появляются в те времена совсем иные, модернистские здания, самых разных стилей или совсем без стилей. Бессистемность, отсутствие архитектурной дисциплины, безвкусица новых "доходных домов" стали притчей во языцех в кругах художественной интеллигенции.
59. Вот как печалится дореволюционный путеводитель по Петербургу. "Петербург уже не тот... Почти нет тех обширных цельных ансамблей, и совершенно нет того единства зданий, улиц и всех атрибутов: уличных вывесок, фонарей, мостов, что были прежде.
60. Получается конгломерат сооружений, который скорей напоминает живописный базар" провинциальной архитектурной красоты, нежели столичную, гордую, чуть холодную, но царственно величавую выдержанность...
61. Эпоха буржуазного и демократического модернизма на деле чужда Петербургу, лишь восстановление прежних архитектурных канонов может увеличить красоту нашего города".
62. Активно выступала против новой архитектуры группа "Мир искусств". В 1907 г. Александр Бенуа писал: "Он если красив, то именно в целом, большими ансамблями.
63. Если сравнивать виды Петербурга с некоторыми видами Парижа, то невольно явится на ум сравнение строгого римского сенатора с восхитительной греческой вакханкой. Но ведь и в римском сенаторе не меньше обаяния, чем в вакханке, иначе бы римский сенатор не покорил весь мир и ту же самую вакханку.
64. В Петербурге есть именно тот дух формально совершенной жизни, несносной для общего российского разгильдяйства, но, бесспорно, не лишенный обаяния. Это какой-то каменный колосс, чудовищный и пленительный в одно и то же время...

65. Но вокруг этого Рима и Вавилона растет какая-то подозрительная трава с веселенькими цветочками, воздвигаются какие-то огромные дома с приятными роскошными фасадами, открывающие залитые светом магазины, наполненные мишурной дрянью, отделанные всякой дешевкой, омерзительными лепными украшениями - происходит что-то нелепое, даже неприличное.

66. За очень немногим случаем этот город уродуется, т.к. только то, что в нем старого, то и хорошо. Петербург времен Екатерины и Александра был красив и благороден, а что теперь, в нем строят только нелепо, безобразно и пошло". Какой же путь предлагает дореволюционный путеводитель для спасения? - А вот какой.

67. "Нужно, чтобы дома были ровные, мостовые однообразные... необходимо принуждение к планомерной застройке. Если нельзя подчинить право строить диктатуре (хотя отчего нельзя - ведь было же так в эпоху Николая I), то хотя бы установить контроль.

68. Современный Петербург все более становится шаблонным, европейским. Лишь общая дружная работа по застройке, лишь диктатура художественной власти в распределении мест построек и привлечение лучших сил - спасут столицу".

69. Прошло-то всего полвека полусвободной, полоевропейской жизни, а в среде художественной интеллигенции уже началась реакция на это буржуазное развитие. Они закрыли глаза на истинный облик

70. старого Петербурга, увековеченный французским туристом: азиатские хибары на приступе у античных дворцов. Старый Петербург стал ассоциироваться лишь с главными ансамблями. Тоска по прошлому величию выдвигала требование художественной диктатуры.

71. Но, когда она пришла с революцией, эта диктатура, ее провозвестники почему-то оказались в эмиграции у разбитого корыта. Но это уже совсем иная тема.

72. Буржуазное развитие вызвало реакцию не только в архитектуре. В литературе усилились декадентские течения и,

особенно, символизм, связанный с поисками новых религий, с восточной мистикой. Возникла нужда даже в постройке буддийского храма. И вот мы стоим перед ним, и много раз удивляемся и добротности постройки, и непривычной композиции, и

73. красивым узором отделки, и символам, из которых нам доступен только круг счастья, а главное, тому,

74. что нужна была эта вера людям, живущим в начале нашего века.

75. А мечети мы радовались, как старой знакомой. И высоченные минареты, и портал в сталактитах, и голубой купол - все было, как у ее сестер на родине. Казалось, она терпит здешний холод, чтобы люди глядели на ее купол, светлели и учились веротерпимости.

76. П. Лукницкий

Над куполом не голубое небо,
Палящий зной не целовал мечеть,
Нет уголка, усталый путник где бы,
Прохладе рад, стал о Медине петь.
Нет... Над болотом, скованным цепями
Тяжеловесных каменных громад,
Стоит одна, опутана снегами,
Пронизывающими Ленинград.
Чтоб тяжелей еще была разлука
Над ней свинец опущенных небес
И не услышать ей, гортанным звуком
Пророненное: "Дрига-аттес"...

77-78. Павловск

79. Уставшие от наглости народившихся купцов, ростовщиков, казнокрадов, видов доходных домов, от жестокости и грязи первоначального накопления капитала, интеллигентные дети шестидесятников стремились

80. в дедовские усадьбы, к идеалам классической простоты, к вишневым садам, еще не срубленным хамским топором. В таких усадьбах, пусть не столь великолепных, как Павловское, и зарождались новые направления искусства.

81. Вот как об этом не без преувеличения писала Анна Павловна Философова: "Русское декаденство родилось у нас, в Богдановском. "Мир искусства" был создан здесь моим сыном и племянником Сережей Дягелевым. Для меня, женщины 60-х годов, их разговоры звучали так дико, что я с трудом сдерживала свое негодование. Они надо мной смеялись".

82. Однако, гуляя по старым аллеям и обдумывая необходимость эстетической диктатуры, пусть ради искусства, дети шестидесятников забывали и не хотели знать, как создавалась и каким рабством держалась восхищавшая их красота.

83. Есть и сейчас в Богдановском немой, но красноречивый свидетель расточительности былых владельцев. Зеленой кудрявой стеной обступает великолепный старинный сад небольшой Богдановский дом.

84. "Я мой рай земной, мой Богдановский сад, ни на что не променяю" - говорил старый Философов. Для него это был не просто парк. Это была ожившая, принявшая зеленую, вечно изменчивую форму, мечта об изящном.

85. Прелестные, задумчивые, точно из Тургеневской повести взятые пруды. Так поэтично склоняют над ними свои гибкие ветви плакучие ивы и березы. В этих уголках вода и деревья, по молчаливому сговору, окутывают... одним общим очарованием северной вкрадчивой природы, но если прислушаться к их голосам, они расскажут жуткие повести издевательства, насилия и надругательства человека над человеком.

86. Все женихи и невесты, подвластные Дмитрию Николаевичу, перед свадьбой обязаны были вырыть определенное количество земли, углубить и расширить пруды. Когда гости приезжали, хозяин Богдановского водил их

87. по причудливым тенистым дорожкам среди павильонов и беседок, показывая им павлинов, черепах, лебедей, и чувствовал себя не диким барином, а насадителем изящного в глухом медвежьем углу. 1000 человек 10 лет засаживали и разрабатывали 20 десятин сада Философовых.

88. Одна половина сада была устроена еще в первую половину XVIII века в Версальском стиле. Прямые широкие аллеи, причудливо стриженные липы, ели на фоне высоких шпалер из деревьев. За садом текла речка из темной торфяной воды. За нею начинался лес. Превратил этот лес в парк английского типа, сообразно вкусу времени. Речка и болотистая долина были превращены в колоссальный пруд, напоминающий озеро. В пруду выросли острова.

89. Живописные мостики были переброшены через протоки и каналы. Общий план нового сада принадлежал французу Дебосу. От острова отплывала лодка с нарядными крепостными девушками.

90. Они обязаны были очищать зеркальную поверхность воды от вытянувшихся со дна болотных листьев.

91. В своих поездках Дмитрий Николаевич, как и всюду, был окружен обычным крепостным гаремом. Даже за границу он возил его с собой, поражая иностранцев такой необычной свитой, красавиц Василис и Параш. Зато после освобождения Василисы и Парашиволью натешились над бариним. Раскачают на простынях да бух об пол. Только приезд сына оградил старика от дальнейших расправ.

92. Так он и шел сквозь жизнь, полный желаний и капризов, творивший свою волю в маленьком кружке, в центре которого стоял беззаботный, но любопытный, не глупый и ленивый вольтеррианец, требовавший безграничной покорности и от собственных рабов, и от собственных сыновей, эстет и любитель искусств,

93. не в меру тесно сливавший любовь к красоте с любовью к красивому женскому, чаще всего крепостному, телу, а на деле тиран людей, прелюбодей, гнусный развратник, необузданно желающий удовлетворить каждый свой каприз, каждую блажь.

94. Высокое звание дворянина и эстетические интересы - вот тот идейный, если хотите, моральный пьедестал. Стоя на нем, владелец богдановской вотчины равнодушно и презрительно

топтал своими барскими каблуками покорную, задавленную, замученную толпу крестьян.

95. Под зелеными сводами аллеи Богдановского парка в своеобразной символической игре сменялись поколения,

96. с их думами и мечтами. На смену эстету и деспоту Д.Н. Философову пришла хозяйкой шестидесятница Анна Павловна - радостная, мудрая женщина, для которой деятельность на пользу ближнего была самой подлинной потребностью, которая суеверно боялась эстетизма, а сама была полна красоты. Не успело истощиться ее влияние на жизнь, как в том же самом Богдановском

97. народилось новое духовное течение, водрузившее над старым дворянским гнездом спущенное знамя искусства, красоты, как самодовлеющей ценности. Иные были на нем письма, другим цветами и огнями горело оно, но были в нем отсветы переживаний старого владельца.

98. И это напугало Анну Павловну. Ее вдруг окружили противники, тоже стремительные и патетичные, но отдававшие свой пафос не людям, не пользе, а искусству, потому что оно самоцельно и свободно.

99. Почему же так несчастна Россия, что сама память в ней ядовита? Но ведь не вспоминать предков, забыть прошлое, значит, впадать в петровский экстремизм, конструировать жизнь на пустом месте, вспоминать же предков и следовать их вкусам, значит восстанавливать все ту же гнусность рабства и азиатчины?

100. Каков же выход из этого дремучего тупика?

101. Начался XX век, в стране и ее столице нарастал кризис.

102. На авансцену выступал новый слой граждан,

103-104. разбуженных к сознательной жизни.

105. В январе 1905 года на Дворцовую площадь вышли с демонстрацией-петицией питерские рабочие. 80 лет назад диссиденты-дворяне получили от Николая Романова пушки и картечь.

106. Теперь диссиденты-рабочие получили от второго Николая Романова еще более подлые пули. Но век был уже

другой. Если первый Николай легко выкосил первую зеленую поросль, то второй Николай за это поплатился едва ли не победоносной революцией.

107. И только вырванный у царя манифест на созыв первого русского свободного парламента продлил самодержавие до 17 года. Делегаты собрались в Таврическом дворце.

106. Построенный самобытным нашим архитектором Иваном Старовым, сдержанный внешне и великолепный по архитектурному замыслу и украшению внутри,

109. этот дворец был излюбленным образцом для русских дворянских усадеб. Теперь здесь ВПШ. Но был период, длившийся целых 12 лет, когда здесь заседал русский парламента. Уникальное, единственное, небывалое в России время. Вон куда мы поднимались в своем развитии, говорит нам это здание. Но это нам, потомкам.

110. А современникам этот экзотический плод казался горьким, урезанным и оплеванным, развратным и бессильным. Первый русский парламента, и как же его поливали и не уважали - от моралистов до большевиков. Царь год за годом, шаг за шагом все больше отнимает права и сферу действия разрешенной им Думы, стремясь свести власть Таврического дворца к нулю. И, втянув страну в мировую войну, добился своего. Буржуазная демократия в стране была сметена красно- и черносотенной реакцией вооруженного общинного крестьянства.

111. Пришло время исполнения Кюстиновских пророчеств. "В стране нет независимых купцов и ремесленников. Да и откуда взяться здесь среднему классу, который составляет основную силу общества и без которого народ превращается в стадо, охраняемое хорошо выдрессированными овчарками? В истории России никто, кроме государя, не выполняет своего долга, своего прямого назначения - ни дворянство, ни духовенство. Подъяремный народ всегда достоин своего ярма. Не пройдет 50 лет, как либо цивилизованный (европейский) мир снова подпадет под иго варваров, либо в России вспыхнет революция, гораздо более страшная, чем та, последствия

которой Европа чувствует до сих пор". Совсем немного ошибся Кюстин в сроках.

112. Петербургский период русской истории окончился вместе с падением Государственной Думы и ее преемников, сначала Учредительного собрания, а затем и многопартийных Советов.

113. А это дворец Юсуповых. Говорят, именно здесь был убит Григорий Распутин, мужик-проповедник, в лице которого изуверская Россия подчинила себе высшую власть.

Никогда еще эта связь-опора самодержца и дикого крестьянства не выпирала так нагло и откровенно из европейской одежды, как в эти последние годы.

114. Великосветские недоумки попытались решить всю проблему традиционным русским способом - убийством. Из этой двери они выволокли Распутина на лед Мойки и утопили в проруби.

115. Но чего ж они добились? Ведь Распутин был лишь малой язвой гигантского гнойника. Сроки истекли, и он прорвался.

116. Короткой была Петербургская цивилизация - всего 2 столетия. Укрепление рабства принес свободный

117. европейский ветер в прорубленное Петром окно. В последние 60 лет полусвободного развития в русской интеллигенции крепло отрицательное отношение к этой роли Запада и ее воплощению - Петру!

118. Рождающиеся русские граждане начали отождествлять себя с противниками Петра, с раздавленной всадником змеей. Но кратким был момент этой острой догадки: Она мелькнула и сменилась вновь бредовым отношением к буржуазным годам, страстным ожиданием нового Петра. Круг замкнулся.

119. Яков Полонский "Белая ночь" 1862

Скажи, куда идти за счастьем, за отрадой,

Скажи на что ты зол, товарищ бедный мой?

Вот - темный монумент вознесся над гранитом...

Иль мысль стесненная твоя

Спасенья ищет в жале ядовитом, /Как эта бедная змея

Под медным всадником, прижатая копытом

Его несущего коня?

120 Иннокентий Анненский "Петербург" 1910

Сочинил ли нас царский указ?

Потопить ли нас шведы забыли?

Вместо сказки в прошедшем у нас

Только камни, да страшные были.

121. Только камни нам дал чародей,

Да Неву буро-желтого цвета,

Да пустыни немых площадей,

Где казнили людей до рассвета.

А что было у нас на земле,

Чем вознесся орел наш двуглавый...

122. В темных лаврах гигант на скале,

Завтра станет ребячьей забавой.

Уж на что он был грозен и смел

Да скакун его бешеный выдал

Царь змеи раздавить не сумел /И прижатой стала наш идол.

122а. Ни кремлей, ни чудес, ни святынь,

Ни миражей, ни слез, ни улыбки...

Только камни из мерзлых пустынь

Да сознание проклятой ошибки.

«Ленинград, ч.4. Бывшая столица»

1. М.Фроман

2. Под бунтарскую эгидой /Металлической Невы

Веет северной обидой /От гранита и травы.

3. Старой школьную тетрадку /Всадник стынет в полумгле

Схоластической загадкой /Дремлет ангел на игле

4. Но сквозь дым болот проржавленный

Здесь, презрением горда,

Расцветала, словно яблоня, /Золотая ерунда.

5. Тень высокого двурушника - /Эшафоты декабря

Озаряла песня Пушкина, /Как столетняя заря.

6. Золотые заклинания /Вызывали на игру
Сквозь полярные сиянья /Африканскую жару.
7. Здесь по-волжски гулко окая, /В ярославских сапогах
Муза жалости жестокая /Прогремела на торцах,
8. И, в предсмертном сновидении /Проигравшийся игрок,
Здесь пророчил воскресение /Голосом охрипшим Блок
9. Город мой! Ты в чистом пламени /На глазах моих сгорал
И в своей купели каменной /Новым именем восстал
10. Внук мой дальний и счастливый, /Знаю я, благословит
Этот ветер у залива /Небо, травы и гранит.
11. И в нехитрой песне новой /Он повторит, как в бреду
Нашей нежности суровой /Золотую ерунду.
- 12-15, 16. 8 дней лета 1976 года мы гуляли по Ленинграду и его окрестностям, увеличивая собой туристскую часть города. Мы впитывали его многообразную красоту и с полным пониманием относились к законной гордости коренных ленинградцев за свою трудную Родину.
17. Отодвинулись в наших душах слова маркиза де Кюстина о казарменном, машинообразном, гибельном городе.
18. Что-то изменилось в самом духе города! Из блестящей и бюрократической столицы он вдруг стал памятником, до боли дорогим каждому русскому человеку, стал отчизной, святыней. Потеряв звание столицы, он приобрел любовь страны.
19. Тяжелейшая судьба его последних 60-ти лет, гибель его надежд и многочисленные смерти, только усиливает у нас это чувство. Два столетия город аккумулировал в себе лучшие духовные силы нации. Десять поколений умерло в нем. И каких поколений! И сколько испытаний им пришлось перенести - за всю страну!
20. В этой земле захоронены предки, которым мы поклоняемся, которые создали наши души, и потому не относиться к Ленинграду, как к святыне, для русского почти невозможно.
21. На Пискаревском кладбище похоронено 650 тысяч горожан. Чудовищный кладбищенский рекорд. И можно

понять немцев, отказывающихся признать свою вину за него и возлагающих ее на своих противников. Можно понять эти оправдания, но не принять.

22. Проливная пора в зените. /Дачный лес /Почернел и гол.

23. Стынет памятник./На граните - /Горевые слова Берггольц.

24. По аллеям листва бегом...

Память в камне, печаль в металле,

Машет вечным крылом огонь...

25. Ленинградец душой и родом, /Болен я 41-м годом.

Пискаревка во мне живет. /Здесь лежит половина города

И не узнает, что дождь идет.

26. Наверно, немцы могли бы взять город, но они предпочли блокаду, чтобы ненужное им население заботилось о себе само. Наверное, Сталин мог бы быстрее снять эту блокаду, но он предпочел решать иные задачи, чем заботиться о вымирающей старой столице. И она вымерла.

27. Что не доделали 20-ые, 30-ые годы, доделала гигантская война.

В.Вольгман-Спасская "По воду"

Я в горы саночки толкаю, /Еще немного - и конец.

Вода, в дороге замерзая, /Тяжелой стала, как свинец.

28. И смерть сама сидит на козлах,

Упряжкой страшною горда,

Как хорошо, что ты замерзла, /Святая невская вода.

Когда я поскользнусь под горкой /На той тропинке ледяной,

Ты не прольешься из ведерка, /Я привезу тебя домой.

29. На обычном кладбище тебя окружают умершие в разное время от разных причин, от смерти естественной, как жизнь, навевается чувство святой грусти и даже утверждение новой жизни.

30. А здесь бесчисленные, безымянные могилы-рвы под траурную музыку заставляют не забывать о чудовищном смысле этих насыпей, почувствовать весь непредставимый смысл этого ужаса. Тут просто трудно удержаться от слез.

31. И от ярости за первопричины - бредовые амбиции о мировом господстве двух самодержавных мерзавцев. И от страха перед своей сегодняшней ответственностью.

32. Л. Хаустов 1970г.

Я влюблен в Ленинградское братство навек.

Как поднялся тогда над собой человек!

Было истинным все: /И в атаку бросок,

И последний на всех разделенный кусок,

33. Я люблю этот город. Недаром ко мне

Он все чаще и чаще приходит во сне...

34. Однако Ленинграду принадлежит не только рекорд по военным жертвам. Гражданские внутренние войны его коснулись с не меньшей силой.

35. После отъезда Ленина, в Смольном остались его ближайшие соратники - Каменев и Зиновьев. Они же стали потом главными конкурентами Сталина, что привело в будущем к разгрому ленинградской оппозиции и первым жертвам.

36. А потом здесь было таинственное убийство Кирова.

37. Волны террора 34г. сменились в Ленинграде почти поголовным выселением старой дворянской интеллигенции в 35 году. Недорезанные в революцию буржуи и дворяне были выселены на гибель в Сибирь и Азию. Гражданская жизнь, цветущая здесь почти 30 лет, вырывалась с корнем. Правда, фактически убитые в 35 году спят не в Ленинградской земле, а по всей стране.

38. А потом за 36-ым годом пришел и поголовный 37-ой. Калинин не Ежов, и вроде бы здесь не причем. Просто он был официальной главой людоедской тогда государственной машины, со всем соглашался, подписывал и юридически освящал весь этот ужас! И, несомненно, его памятник заслуживает той же участи, что и памятники Сталину. Нам для памяти.

39. Достаточно и ныне действующей тюрьмы "Кресты", куда приходят и сейчас женщины с передачами и откуда и сейчас несутся голоса перекликающихся заключенных.

40. А.Ахматова "Реквием" 1935-1957 гг.

Нет, и не под чуждым небосводом

И не под защитой чуждых крыл,-

Я была тогда с моим народом

Там, где мой народ, к несчастью, был.

41. Это было, когда улыбался

Только мертвый, спокойствию рад.

И ненужным привеском казался

Возле тюрем своих Ленинград.

42. И, когда обезумев от муки, /Шли уже осужденных полки,

И короткую песню разлуки /Паровозные пели гудки.

Звезды смерти стояли над ними /И безвинная корчилась Русь

Под кровавыми сапогами /И под шинами черных марушь.

43. Легкие летят недели /Что случилось, не пойму

Как тебе, сынок, в тюрьму /Ночи белые глядели.

Как они опять глядят /Ястребиным жарким оком,

О твоём кресте высоком /И о смерти говорят.

Семнадцать месяцев кричу, /Зову тебя домой,

44. Кидалась в ноги палачу, /Ты сын и ужас мой.

Все перепуталось навек /И мне не разобрать

Теперь, кто зверь, кто человек, /И долго ль казни ждать.

45. И только пышные цветы, /И звон кадилыйный, и следы

Куда-то в никуда. /И прямо мне в глаза глядит

И скорой гибелью грозит /Огромная звезда.

46. Узнала я как опадают лица,

Как из-под век выглядывает страх ,

Как клинописи жесткие страницы

Страдание выводят на щеках,

Как локоны из пепельных и черных

Серебряными делаются вдруг.

Улыбка вянет на губах покорных,

А в сухоньком смешке дрожит испуг.

46. И я молюсь не о себе одной,

А обо всех, кто там стоял со мной

И в лютый холод, и в июльский зной,

Под красною ослепшею стеной.

47. Опять поминальный приблизился час.

Я вижу, я слышу, я чувствую вас:

И ту, что едва до конца довели,

И ту, что родимой не топчет земли,

И ту, что красивой тряхнув головой,

Сказала: "Сюда прихожу, как домой".

Хотелось бы всех поименно назвать,

Да отняли список, да негде узнать,

Для них соткала я широкий покров

Из бедных, у них же подслушанных слов.

О них вспоминаю всегда и везде,

О них не забуду и в новой беде.

48. И если зажмут мой измученный рот,

Которым кричит стомиллионный народ,

Пусть так же они вспоминают меня

В канун моего погребального дня

А если когда-нибудь в этой стране

Воздвигнуть задумают памятник мне

Согласье на это даю торжество,

Но только с условием - не ставить его

49. Ни около моря, где я родилась:

Последняя с морем порвана связь,

Ни в Царском саду, у заветного пня,

Где тень безутешная ищет меня,

50. А здесь, где стояла я триста часов

И где для меня не открыли засов

Затем, что я в смерти блаженной боюсь

Забуть громохание черных марусь,

Забуть, как постылая хлопала дверь,

И выла старуха, как раненый зверь

51. И пусть с неподвижной и с бронзовых век

Как слезы струится подтаявший снег,

И голубь тюремный путь гулит вдали,

И тихо идут по Неве корабли.

52. В Ленинграде нет памятников жертвам красного террора и гражданской войны, зато здесь, на Марсовом поле, чтут память победителей-революционеров.

53. Это про них гласит надпись наркома Луначарского: "К сонму великих, к толпам коммунаров нынче примкнули сыны Петербурга".

54. Даже если не захочешь, то при съемке Марсова поля в кадр попадет или Инженерный замок - памятник расправы с царем 18-го века, или храм Воскресенья на крови - память о революционном царубийстве в 19-ом веке.

55. Хочешь, не хочешь, а Ленинград окружает Марсово поле и перетолковывает высокопарные слова на его каменных блоках болью от бессмысленного взаимоуничтожения, и какого-то гигантского жертвоприношения.

56. М.Волошин

Раздутая войною до отказа, /Россия расседается, и год
Солдатчина гуляет на просторе...

И где-то на Урале, средь лесов,
Расстреливают царскую семью
В сумятице поспешных отступлений,
Царевич на руках царя, одна из женщин
Мечется, подушкой прикрываясь,
Царица выпрямилась у стены.

/Потом их жгут и зарывают пепел...

Все кончено, Петровский замкнут круг.

57. Здесь в Ленинграде отчетливо видна неправота тех, кто все беды последних десятилетий сводит к легендарному выстрелу легендарной "Авроры", кто видит эти десятилетия лишь в черном цвете по контрасту с белым дореволюционным периодом, тех, кто снова разрывает связь времен, и этим готовит почву для новых радикальных потрясений.

58. Город, ставший музеем, всей своей судьбой с часа рождения свидетельствует о неразрывности русского деспотизма и революционаризма.

59. В России революция была

Исконнейшим из прав самодержавия,
Как ныне в свой черед утверждено
Самодержавье правом революции.

60. С Марсова поля видна также и Петропавловская крепость, краугольный камень города, это его душа и стены. Шпиль Петропавловской крепости давно стал символом Петербурга-Ленинграда, и вновь заслуженно. Шпиль венчает усыпальницу царей Петропавловского собора, стены - заключают в себе сырые казематы их революционных антиподов.

61. "Мы, люди Запада, революционеры и монархи, равно видим в русском государственном преступнике невинную жертву деспотизма. Русские же считают его низким злодеем... Безупречная верность и абсолютная честность не могут спасти от заключения в подземном склепе. Невольно содрогаешься, когда думаешь о русских людях, погибающих в подземельях, и встречаешь других русских, прогуливающих над их могилами".

62. Зайдем внутрь собора и, не обращая внимания на пышность внутреннего убранства, пройдем к надгробию

63. царя-освободителя. Мир твоему праху, Александр Николаевич! Ты был лучшим из всех здесь захороненных. Пусть робко, но ты первый и единственный, кто не преобразовывал, а освобождал Россию. И кто знает, когда появится твой истинный продолжатель, перед которым мне захочется обнажить голову.

64. Казематы Петропавловской крепости! Сегодня они устарели и стали музеем (для населения и, кто знает, может сегодняшних тюремщиков) - веками в них перемалывалась отчаянная смелость и ум молодой России.

65. Дождемся ли мы, когда не только Петропавловская тюрьма, но и тюрьмы всей страны перестанут быть могилой для духовного протеста и политического инакомыслия.

66. Оглянемся еще раз на Петропавловскую крепость. Она была поставлена первой при сооружении окна в свободную Европу, и стала главной тюрьмой России. Вот прекрасное олицетворение трагической роли европейской свободы в

русской судьбе. Дано ли будет когда преодолеть заклятье этого пагубного соседства?

67. Великий Петр был первый большевик

Замысливший Россию перебросить,

Склонениям и нравам вопреки

За сотни лет к ее грядущим далям.

Он, как и мы, не знал иных путей

Опричь указа, казни и застенка

К осуществленью правды на земле.

68. Дворянство было первым РКП(б)

Опричниною, гвардией, жандармом

И парником для ранних овощей.

Поэтому так непомерна Русь

И в своеволье, и в самодержавье

69. И в мире нет истории страшней, безумней,

Чем история России.

70. Александро-Невская Лавра - ровесница городу. Она

строилась почти все XVIII столетие и выросла в громадный,

государственного вида ансамбль. К сожалению, ни

хозяйственные и жилые постройки, ни весь ансамбль не

расположили меня к себе.

71. Но странное чувство вины не покидает меня, как будто я

незаслуженно обделила своей любовью и все постройки, и

этот купол, что высится над ними и венчает Троицкий собор.

72. А вот в некрополях у надгробий великих предков было

очень волнительно.

73. Нельзя встретиться с Ломоносовым, но зато можно

постоять у надгробья и ощутить реальность его бытия. Раз

умер, значит и вправду жил.

74. Жил и страдал от людских бед и боли Федор Михайлович

Достоевский.

75. Жил и мучился мелодиями Петр Ильич Чайковский.

76. Жил и насыщал мир своим красочным видением Борис

Михайлович Кустодиев.

77. И много, много других.

78. После посещения Александрo-Невской лавры и ее некрополей странное чувство тревожит тебя при встречах
79. с памятниками на ленинградских улицах: как будто они продолжение самой Лавры
80. - как будто весь Ленинград - это большой некрополь, и не только в статуях, но еще больше в своих домах и улицах.
81. С.Маршак 1946г.
Все то, чего коснется человек, /Приобретает нечто человечесье.
82. Вот этот дом, нам послуживший век,
Почти умеет пользоваться речью.
83. Мосты и переулки говорят.
Беседуют между собой балконы.
И у платформы, выстроившись в ряд
Так много сердцу говорят вагоны.
84. Давно стихами говорит Нева.
Страницей Гоголя ложится Невский
- 85.Весь Летний сад - Онегина глава,
86. О Блоке вспоминают острова
87. И по Разъезжей бродит Достоевский
88. А там еще живет Петровский век
В углу между Фонтанкой и Невою
89. Все то, чего коснется человек, /Озарено его душой живою.
90-95, 96. В этот короткий приезд наше внимание было занято,
главным образом, дворцовым Петербургом, и лишь изредка,
почти украдкой, мы заглядываем в Петербург
97. многоэтажных домов,
98. каменных дворов-мешков, пробуждающих в памяти образы героев русской литературы от Достоевского до Чернышевского. Вот здесь жили эти люди, о которых мы столь много читали и поступками которых поражались.
99. Привет тебе! Под этой старой крышей
Жил труженик с высокою душой,
Любви к добру и веры в человека
В нем до конца не гас огонь святой.
100. Читая нам создания поэтов,

Воспламенил он юные сердца.

И мы клялись идти к высокой цели

Не изменять клялись им до конца.

101. Уж нет его, давно он спит в могиле!

Но кто из тех, в чью грудь он заронил

Зерно благих возвышенных стремлений,

Кто памяти о нем не сохранил?

102. И дальше я иду по улице пустынной

Иду... но все же кажется, что вот

За мной знакомый голос раздается

И в старый дом опять меня зовет.

103-107 ,108-109. Иногда жалеют, что Петербург переименован в Ленинград. Нам же не понятны эти сожаления.

110. 17-й год закрыл петербургское окно в Европу, повернул город лицом к России, и от этого Петербург и Россия выиграли. Нечего глядеть на Запад и пускать в бездельи восторженные слюни. Надо просто жить в своем доме и улучшать его.

111. "Ленинградские церкви"

112-116, 117. И.Бродский "Остановка в пустыне" 1966

118. Теперь так мало греков в Ленинграде,

Что мы сломали Греческую церковь,

119. Дабы построить на свободном месте

Концертный зал. В такой архитектуре

Есть что-то безнадежное. А впрочем,

Концертный зал на тыщу с лишним мест

Не так уж безнадежен, это храм,

И храм искусства. Кто же виноват,

Что мастерство вокальное дает

Сбор больший, чем знаменья веры.

120. Жаль только, что теперь издалека

Мы будем видеть не нормальный купол,

А безобразно плоскую черту,

Но что до безобразия пропорций,

То человек зависит не от них,

А чаще от пропорций безобразья.

121. Прекрасно помню, как ее ломали.

Была весна, и я как раз тогда

Ходил в одно татарское семейство

Неподалеку жившее. Смотрел в окно и видел церковь.

122. В церковный садик въехал экскаватор

С подвешенной к стреле огромной гирей,

И стены стали тихо поддаваться.

Смешно не поддаваться, если ты

Стена, а пред тобою разрушитель.

К тому же экскаватор мог считать

Ее предметом неодушевленным,

И до известной степени подобным

Себе. А в неодушевленном мире

Не принято давать друг другу сдачи.

123. Потом туда стекались самосвалы,

Бульдозеры, и как-то в поздний час

Сидел я на развалинах абсиды,

В провалах алтаря зияла ночь,

И я сквозь эти двери в алтаре

Смотрел на убежавшие трамваи,

124. На вереницу тусклых фонарей/
то, что вообще не встретишь в церкви,

Теперь я видел через призму церкви.

Когда-нибудь, когда не станет нас,

точнее - после нас, на нашем месте

Возникнет тоже что-нибудь,

Чему любой, кто знал нас, ужаснется.

Но знавших нас не будет слишком много.

125. Сегодня ночью я смотрю в окно

И думаю о том, куда зашли мы?

И от чего мы больше далеки: /От православья или эллинизма?

126. К чему близки мы? Что там впереди?..